Денис Киршалович Чачхалиа

КНИГА ПРОЗЫ

БАЛЛАДА О СМОКОВНИЦЕ

В тот день Махаз упал со смоковницы. Наш немолодой сосед с по-детски неистребимой страстью любил сладчайшие плоды этого восточного дерева. Казалось, из сладости инжира он извлекал воспоминания о давних чарах любви, о каком-то дивном сладострастии.

Махаз был неграмотным и Библию знал лишь из рассказов своей жены. К библейским сказаниям у него было свое отношение. Например, что Адам и Ева прикрывались именно фиговыми листами, Махаз считал вполне закономерным, как и то, что первородный грех мог быть связан лишь со смоковницей. Если бы Махаз знал картины великих мастеров Возрождения, изобразивших сцену искушения запретным плодом, он легко уличил бы их в неправдоподобности. На этих полотнах Ева вкушает яблоко. Но кого можно соблазнить яблоком? Трудно поверить, что первая женщина могла польститься на яблоко!.. Плод, которым злодей искушал Еву, мог быть только смоковницей, только инжиром.

Сами посудите, зачем было Адаму и Еве прикрываться фиговым листом, если грех был совершен под яблоней? А раз вы прикрылись фиговым листом, значит, и грех был совершен вами под фиговым деревом, под смоковницей. Вот почему мужские доспехи Адама и очаровательное лоно Евы были укрыты листами смоковницы. Сам вкус этих плодов столь обольстителен, что сравним лишь со сладостью любовного томления.

Получается любопытная вещь. Сначала был познан грех. Затем познание греха вызвало стыд. То есть плод

дерева возбудил грех, а лист этого же дерева участвовал в раскаянии, которое и сейчас чувствуют многие люди, после того как совершат грех. Вот насколько сильной оказалась преемственность человеческих ощущений.

Словом, Махаз упал со смоковницы, а это не только в нашем селе Алра, но и по всей Абхазии считается последним делом. Пристрастность к инжиру расценивается как свидетельство постыдной слабости. А Махаз очень любил инжир с самого малолетства.

Кстати, любовь детей к инжиру непредосудима. Но Махаз пронес эту неистовую любовь сквозь молодость и зрелость. А там уже – чем меньше ему приходилось потреблять любовной сладости, тем яростней становилась его страсть к сочным и до липкости сладким плодам инжира.

Представители местного дворянства, которых мы успели застать живыми, умели воздерживаться от плодов смоковницы, высокомерно считая это делом плебса. Но и наше гордое абхазское крестьянство умело порой показать настоящие образцы воздержания. Однако удавалось это не всем. И те, кому это было не под силу, давали волю своей слабости лишь втайне от других.

В Абхазии растут как летние, так и поздние сорта инжира. Потому начало лета Махаз называл про себя любовно и ласково – Маленький Инжирчик, а осень – Большой Инжирчик.

Плоды ранних сортов более крупные и более светлые, хотя и не столь сладкие. Созревая, их мордашки растрескиваются, теряя девственную цельность, и расплываются в багровой улыбке любовного прилива.

Но вот наступает долгожданная для Махаза пора Большого Инжира. Осенние сорта успевают неторопливо набрать больше сахара, чем летние скороспелки. Плоды

позднего инжира не столь крупны и гораздо темней. А вот турецкий инжир, так тот и вовсе виснет меж шершавых листьев сизыми каплями фанатичного мусульманского распутства. Своеобразный Бахчисарайский фонтан искушений.

Снимать шкуру с турецкого инжира – хлопотное дело. И все-таки Махаз своими уже по-старчески негнущимися пальцами раздевал плоды донага, поедал их со стоном – и в постыдной для старика ненасыщаемости поднимался на все более высокие ветви. И вот уже там, на самой верхушке дерева, как на своеобразном гребне обжорства, он не просто сумел насытиться, а как бы вошел в состояние наркотического блаженства. Потеряв равновесие, он сорвался со смоковницы и даже сбил своими ребрами несколько не очень больших веток этого рыхлого и легко обламывающегося дерева.

В одно время в окрестных лесах скрывались два брата-абрека. Они убили человека, оскорбившего честь их семьи. Но, пристрелив обидчика, не вышли из леса, как это обычно делают абреки. И вовсе не потому, что могли ждать ответного террора от родственников убитого. Это почти не волновало их отчаянные головы. Просто они решили поубивать всех, кто когда-либо оскорблял их близких родственников в пределах пяти поколений, то есть со времен русско-турецкой войны. Они решили раз и навсегда выяснить отношения со всеми обидчиками, чтобы больше не возвращаться к этим делам.

Кроме того, оставив иных обидчиков рода нетронутыми, они были бы несправедливы к уже убитым обидчикам. Получается, что одним можно оскорблять, а другим – нет. Или – за близкого родственника отомстил, а за чуть более дальнего, которого твой дед любил сильнее, чем брата, – не отомстил. Значит, пускай он лежит в сы-

рой земле не отомщенный? Как будто не осталось у них в роду достойных потомков…

И вот сидят крестьяне нашего села Алра в табачном сарае, устланном душистым папоротником, и нижут табак. И на вопрос одного крестьянина, где сейчас находятся братья-абреки, Лагустан иронично замечает: «Где им еще быть, сидят, видимо, под инжиром Назира!»

Хромоногий ехидина и горлопан позволил себе этой фразой слишком многое. Прежде всего, он предавал гласности, что братья-абреки часто укрываются в доме моего деда Назира. Этим самым он выдавал и местонахождение абреков, и личность их укрывателя.

Кроме того, получалось, будто хозяин дома не предоставил своей крыши гостям, тем более абрекам, укрыть которых считается долгом любого джигита.

В довершение всего упоминание смоковницы в устах ехидины Лагустана намекало на то, что братья-абреки вели голодный образ жизни и были вынуждены прибегать к сомнительным услугам этого порочного дерева, что в равной степени оскорбляло и отчаянных мстителей, и хлебосольство их укрывателя.

Слова Лагустана дошли до лесных братьев, вооруженных по последнему слову военной техники тех лет. Дело в том, что, подготавливая массы к будущей вооруженной борьбе, Серго Орджоникидзе выгрузил на наш берег много оружия и боеприпасов. Поскольку большевиков у нас тогда было мало, а оружия оказалось очень много, то местные абреки ходили, обвешанные бомбами-македонками, как елочными игрушками.

Говорят даже, будто жена одного абрека – впоследствии революционера, – пикируя на грядки плантации табачную рассаду, делала лунки в земле не обычной клюковатой палкой, а дулом сверкающего револьвера образца 1905 года.

Хромоногий Лагустан шел к себе домой, выстругивая жене веретено из сухой ветки кизилового дерева. Правая его нога была короче и, подобно всем людям, у которых правая, опорная нога, короче левой, он шел, создавая впечатление особой уверенности, четко, как посох, вбивая в землю свою короткую ногу.

Однако уверенность походки хромого Лагустана – это все-таки обман зрения. Зато неожиданное появление на лагустановском пути оскорбленных братьев-разбойников – это уже зловещий знак судьбы. Они подъехали к очумевшему Лагустану с правой и с левой сторон, как бы до гробовой тесноты сузив ему пространство.

– Значит, по-твоему, мы пасемся под инжиром Назира? – спросил один из братьев, очевидно старший, ибо во всех ситуациях разговор должен начинать старший. В таком деле – тем более.

Хотя братья и не были близнецами, различить их было трудно, причем не только Лагустану. Большое количество оружия – пулеметные ленты, газыри, бомбы, кинжалы, винтовки – отбивало всякую охоту разбираться в таких мелочах, как черты лица. У Лагустана выпали из рук и веретено, и ножичек.

– Иди вперед! – скомандовали Лагустану, и он, при каждом разе рискуя упасть в сторону короткой ноги, зашкандыбал к усадьбе Назира.

Через полчаса Назир привел к инжиру еще двух крестьян, в присутствии которых в табачном сарае Лагустан сказал роковые слова.

Смоковница, о которой шла речь, стояла в низине под усадьбой Назира на заболоченной опушке леса. Здесь в большой луже буйволы принимали свои грязевые ванны.

Это дерево росло далеко от усадьбы Назира, но поскольку у нас прилегающие угодья также считаются при-

надлежностью близлежащей усадьбы, то и оно по праву называлось Смоковницей Назира и даже дало название этому местечку. Так что, если кто из крестьян спрашивал у другого, к примеру, не видел ли тот его буйволицу, сосед мог ответить, что видел ее в луже у Смоковницы Назира.

– Залезай на смоковницу, – скомандовал старший абрек, и у одного из крестьян мелькнула мысль, что Лагустана хотят убить в воздухе, вроде как птицу на лету. Другому, более пессимистически настроенному свидетелю показалось, что предстоит иезуитский вид казни, когда подстреленный на смоковнице Лагустан если не умрет от пули абрека, то наверняка помрет от удара о землю.

– Сорви шесть листьев, да покрупнее! – услышал Лагустан команду обвешанного бомбами абрека.

– Хорошо-хорошо… – безумной скороговоркой шептал Лагустан и срывал шершавые листья инжира. Но сосчитать сейчас до шести он был не в состоянии. Между тем число шесть было сакральным для абреков. Но шло это не от какого-либо суеверия или религиозного предрассудка. Предрассудков у абреков не бывает. Им некогда лукавить. Просто завезенные в наши края револьверы были шестизарядными. И мозги абреков повторяли емкость револьверного барабана.

– Лезь в болото, – было скомандовано Лагустану, когда он сполз со смоковницы с небольшой стопкой темно-зеленых листьев.

Лагустан, сильнее обычного прихрамывая, как бы делая последние шаги по твердой земле, по пояс вошел в болотную жижу, совершенно не смутив лагерное спокойствие буйволов. Эти мощные животные лежали с привычно задранными над поверхностью болота иссиня-черными мордами и с неведомой нам буддийской тщательностью и размеренностью жевали свою бесконечную жвачку.

Казалось, именно сейчас произойдет самое ужасное: абреки разрядят в Лагустана свои револьверы и он, упав в болото, захлебнется теплой жижей. Однако даже очень оскорбленный абрек не посмеет убить калеку, хотя это не исключало другие виды расправы. А вообще, предугадать, что собираются делать абреки, тоже дело не из легких.

– Давай, жуй листья, – приказал старший абрек, и Лагустан, словно только и ждал разрешения, начал есть листья инжира.

Шершавые листья инжира столь грубы и несочны, что есть их почти невозможно. Для этого нужно иметь буйволиные челюсти. Сами животные продолжали жевать свою жвачку, словно подсказывая Лагустану, как это надо делать. А Лагустан, сворачивая в трубку и плохо прожевав, проглатывал жесткие, как наждачная бумага, фиговые листья, раздирал себе глотку. К концу самоубийственной трапезы у Лагустана невыносимо болели желваки, и он не мог двигать челюстями…

Этот рассказ еще в детстве я слышал от Шугяна, троюродного брата моего деда Назира. Именно с тех пор мне и запомнилось, что смоковница – это то дерево, плоды которого любят все взрослые, но готовы убить любого, кто посмеет уличить их в этой любви.

Так вот, старик Махаз сверзился со смоковницы и потерял сознание. Но, казалось, края его губ, воспаленные жгучей сладостью инжира, еще хранят воспоминание о прерванном прелюбодеянии. Через некоторое время сознание стало возвращаться к Махазу, и первое, что он увидел, – это расплывчатый образ любимого дерева, что было хотя и призрачным, но убедительным признаком реальной жизни.

«Я вижу смоковницу, значит, я существую!» – мог бы сказать Махаз, если бы был философом. Выразить он не мог, но чувствовать – чувствовал.

Увидев над собой темно-зеленый шатер любимой смоковницы, Махаз застонал. То ли от того, что ощущал боль сломанных ребер, то ли осознал, что перед ним стоит смоковница, его тайная любовница, на которую он, возможно, никогда уже не залезет… А она склонялась над ним, еще полная жизненных сил, дразнила капельками инжира, как любимая наложница дразнит обессилевшего султана родинками, разбросанными на прелестном теле в каком-то космическом и невычислимом хаосе.

Первой услышала стон Махаза его жена Нюра, кубанская казачка, которую он привез с фронта. Наши войска тогда отвоевали у немцев Тамань. В яростном сражении, отбивая очередной кубанский хуторок, Махаз в освободительном азарте овладел Нюрой в ее родной хате. И Нюра не оказала сопротивления. Напротив – с большим ответным чувством приняла рядового Махаза Палба.

Подразделение вскоре было переброшено на южный берег Крыма, и, казалось, Нюра и Махаз навсегда потеряли друг друга. Пути жизни, а тем более пути войны, полны утрат… но Тамань без Махаза стала Нюре невыносимой пустыней. Влюбленная женщина обладает чутьем тоскующей медведицы. И Нюра нашла Махаза, почти не сбиваясь с пути.

Здесь, в напуганной войной татарской деревеньке, они нашли по-библейски пустынный сад, где Нюра впервые попробовала и по достоинству оценила вкус инжира. Она залезла на смоковницу и бросала оттуда своему освободителю плоды. И тем, что озорно кидала в него инжир, и тем, что как-то очень зазывно смеялась, и тем, что все выше и выше поднималась по смоковнице, – она дразнила Махаза. Солдат скоро сообразил, что ему надо взять эту «высоту». Он с быстротой рыси оказался на дереве, и смех ее захлебнулся в солдатском поцелуе.

Не переставая обнимать и целовать возлюбленную, Махаз стаскивал ее все ниже и ниже, пока не прислонил к одному из сильных и разлапистых ответвлений. В любовной увлеченности они даже не могли или не хотели понять, почему становилось все светлее и светлее, откуда это ощущение медленного и захватывающего падения. Лишь когда обломившаяся ветвь инжира вместе с ними глухо коснулась земли, Махаз и Нюра поняли, что произошло. Но любви они не прервали, напротив – ощущение земли придало им ярости.

Продолжая лежать среди листвы обломившейся смоковницы, Нюра, склонившись над солдатом, кормила его инжиром из своих уст. Они вместе раскусывали плод и ели его, не отрывая губ, сливаясь устами и сладкой мякотью раздавленного инжира.

– Отвернись, дай мне поправиться, – сказала Нюра, прикрываясь веткой инжира, и Махаз заметил на ее розовом бедре подробные отпечатки фиговых листьев.

Вот и вернулся Махаз в наше предгорное село Алра вместе с Нюрой. Никаких орденов и медалей Махаз с фронта не привез. Дрался он, как все, но не был убит. Хотя, как многие, был ранен. Судьба хранила его в боях от смерти, а в конце подарила ему Нюру. Это было лучше всех наград. Эти две награды – Жизнь и Нюра – слились в одну большую награду.

– Махаз, неужели ты не мог на войне хоть попросить у кого-нибудь орден? – потешались досужие односельчане. – Другие их десятками привезли, на груди не умещаются!

– После нашего главного сражения, – не уставал объяснять Махаз, – командир объявил оставшимся в живых благодарность. Затем он крикнул: «Рядовой Махаз Палба!», я вышел из строя. Он подводит ко мне Нюру, которая уже плакала у него, и говорит: «Это твоя медаль за отвагу. Носи ее на здоровье, солдат!»

Махаз действительно так и называл Нюру – Награда. Дело в том, что по нашим обычаям звать жену по имени считается непристойным. Жену зовут другим именем, либо говорят о ней в третьем лице, не упоминая имени вовсе. Вот и Махаз звал свою жену Нюру – Наградой. И долгое время односельчане, не знавшие русского языка, думали, что это какое-то русское имя. Причем оно им казалось красивым и содержательным, что, в общем, было не так уж далеко от истины.

– О бара (эй ты), Награда! – кричал он с пашни, – принеси мне кислого молока, или я умру от жажды!

Она несла ему разбавленное кислое молоко в кувшине и улыбалась, уверенная, что Махаз не только жаждой томится. Знала, что не отпустит ее просто так. Потом, так же улыбаясь, она возвращалась с пашни, отряхивая платье, заново повязывая на голове сбившуюся косынку.

Лузгая семечки подсолнуха на открытой веранде каштанового абхазского дома, Нюра вдруг услышала стоны со стороны кукурузника и кинулась туда, стараясь сообразить по дороге, что там могло случиться. Увидев распластанного под смоковницей мужа, она поняла, что он стал жертвой своего инжирового безумства. Она и бранила его, и тащила сквозь кукурузные стебли к дому.

Детей у Махаза и Нюры не было. Нюра оказалась бесплодной. Но Махаз любил ее и бросать не собирался, хотя советчиков женится на другой было достаточно. Много лет спустя Махаз выпросил у одного своего многодетного родственника сына не воспитание. Таким образом, Сафер стал единственной надеждой Махаза на то, что в этой усадьбе не заглохнет жизнь и огонь в очаге будет поддерживаться.

Внешне все выглядело вроде хорошо: парень жил у них, учился, помогал по хозяйству. Но душой все-таки тянулся

в свою семью, в свой отдаленный от школы и дороги, но многолюдный родительский дом.

Едва придя в сознание и почувствовав, что может говорить, Махаз подозвал вернувшегося из школы Сафера и поручил ему:

– Скажи Награде, пусть говорит людям, что я с коня упал. Она русская, может что-нибудь не то сказать.

Нюра не раз предупреждала Махаза, что в его возрасте куда безопасней сидеть на веранде и есть семечки, чем лазить на смоковницу. Казачка никак не могла взять в толк, что абхазец, даже не в очень здравом уме, лузгать семечки не станет.

Махаз первое время пытался запретить ей есть семечки, тем более на веранде, где ее могли увидеть проходящие мимо ворот соседи.

– Ты не на завалинке сидишь у хаты, а на аба́рце[1] абхазского дома! – стыдил ее Махаз. При этом он в очередной раз напоминал ей, что этот каштановый дом строил его дед Хазарат, надеясь, что хотя бы уважение к далекому предку своего мужа остановит ее.

– Убьешься же, дурень старый, – говорила она с немыслимой для наших мест непочтительностью к мужу. И Махаз великодушно прощал ей этот грубоватый кубанский стиль и удалялся в сторону смоковницы.

– Тетя Награда, – кричали то и дело у ее ворот соседские дети, – угостите, пожалуйста, семечками!

Нюра очень любила семечки, которые целыми мешками присылали ей из Кубани. Она научилась лузгать семечки всех окрестных детей, и они постоянно попрошайничали у ее ворот.

Уже несколько дней он лежал в постели и ему не становилось лучше. Слухам о том, что он якобы упал с коня, почти никто не верил, хотя и делали вид, что верят. У Махаза и правда был конь, но он давно на нем не ездил.

[1] Аба́рца (*абх.*) – веранда

Этого полуодичавшего мустанга было почти невозможно поймать. Между тем смоковница-обольстительница смущенно стояла на хорошо обозреваемом склоне позади каштанового дома и как бы сама признавалась, что это она погубила престарелого сластолюбца своими чарами.

Он умирал в муках на исходе Большого Инжирчика. Поговаривали, что у Махаза серьезно поврежден позвоночник. Родственникам, заполнившим дом умирающего, каждый день казался последним для больного.

В полночь, когда уже почти не было посторонних, прибывшая к умирающему брату старшая сестра Махаза послала соседского парня к смоковнице. Расторопный парень с коптилкой в руке вернулся вскоре с полной миской сизого инжира. Миску с плодами поставили у изголовья больного.

Сестра Махаза, за свою жизнь проводившая на тот свет не одного покойника, имела в этом деле незавидный опыт и делала все четко и уверенно. Это спасительно облегчало растерянное бездействие менее опытных родственников.

Она раздавила своими уже по-старчески узловатыми пальцами плод смоковницы и сладкой мякотью смазала Махазу губы. Ей дали вымыть руки над медным тазом. Очевидцы утверждали, что, как только Махазу смазали губы инжиром, он слизнул эту сладость и даже улыбнулся. Затем, по ее же знаку, ей передали белье, в которое должны были облачить Махаза после его никак не наступавшей смерти.

Сестра Махаза взяла в руки белье и стала у ног умирающего.

– Махаз, – обратилась она к нему, совершенно уверенная, что он ее услышит и повинуется. – Послушай, Махаз… тебе пора в дорогу. Видишь, я приготовила одежду. Тебя ждут там отец и мать. Не заставляй их ждать себя.

Скажи им, что у нас все хорошо и что я тоже скоро к вам приду…

Несколько женщин не выдержали и всхлипнули. Вдруг умирающий широко открыл глаза, вроде окинул последним взглядом этот мир. При этом Махаз сделал попытку поднять голову, содрогнулся несколько раз и остался с открытыми глазами. Тяжело и шумно вздымавшаяся грудь Махаза вдруг застыла во вздыбленном положении, замерла и потихоньку, бесшумно стала испускать дух.

– Свечку, – шепнула сестра Махаза.

Нюра протянула ей свечку, горевшую на столике у изголовья.

– Выйди отсюда, – скомандовала сестра Махаза своей невестке, и Нюра, завывая, вышла на веранду, где к ней присоединилась еще пара едва сдерживаемых женских завываний.

Сестра Махаза при помощи двух соседей прибрала брата. Сложила руки на груди и вложила в них горящую свечу. Мужчины держали ноги отходящего. Все смотрели на медленно опускавшуюся грудь Махаза, выдыхавшую последние остатки жизни. И вдруг из безвольно открытого рта покойника, как бы не желая того, вышла бледно-голубая газовая струйка и, едва поднявшись над остывшими губами, улетучилась. Все обомлели и единым шепотом, как «аминь», произнесли – «душа»!

Проститься с Махазом собралось немало народу. Как это обычно бывает в наших краях, даже самый отдаленный односельчанин хоть один раз обязательно придет проститься с покойником.

Нюре, как жене покойного, не полагалось при людях ни плакать, ни причитать. Однако Нюра никак не умела и не желала приноровиться к нашим порядкам. Ее за это вроде и не осуждали, хотя считали, что человек, не соблюдающий наших обычаев, как бы сам себя уродует.

Овдовевшая казачка вовсю голосила, порой даже перекрывая горестные причитания сестры Махаза и других близких родственниц.

– Что ты наделал! Что ты наделал! – по-русски повторял голос Нюры на фоне высокопрофессиональной панихидной мессы местных плакальщиц, и это выглядело как краткое славянское резюме сложных абхазских причитаний.

– Что ты наделал! Что ты наделал! – до отупения повторяла бедная Нюра, как бы не давая угаснуть основному мотиву горя – мотиву непоправимости.

Шугян, стоящий в глубине многолюдного двора, невольно улыбнулся и встал к компании людей, с которыми поддерживал разговор, как бы вполоборота. Это должно было выражать его неловкость из-за неуместной улыбки. Невольно улыбнувшись, но затем отвернувшись, он как бы подчеркивал, что его улыбка не имеет никакого отношения к разговору и вообще к присутствующим, а так просто – небольшое недоразумение, с которым он сам сейчас же справится и не нужно на это обращать внимания.

И те, что стояли с Шугяном, действительно сделали вид, словно ничего не заметили.

А улыбнулся Шугян вот почему. Он просто вспомнил рассказ бедного Махаза о том, как они брали Тамань и как при первой их встрече Нюра в сладостном опьянении непрестанно шептала: «Что ты наделал! Что ты наделал!» Эти слова содержали в себе не столько упрек, сколько благодарность, скрытую в форме упрека.

Сейчас Нюра произносила те же слова. Но теперь это было спотыканием ее безысходной и отчаявшейся мысли, которая билась, как воробей о стекло, не умея вылететь на простор здравого смысла.

Прощание с покойником вступало в завершающую стадию, и это слегка всколыхнуло весь народ, большими

и малыми скоплениями стоявший в предусмотрительно широком абхазском дворе. Начавшееся движение прервало мысль Шугяна, и он вместе со всеми стал медленно приближаться к середине двора, куда был вынесен стол. Затем на этот стол был установлен гроб с покойником. Близкие прощались с Махазом, говорили ему добрые, сердечные слова.

Соседский мальчик держал перед собой портрет покойника, на котором Махаз был запечатлен верхом на коне. Это увеличенное изображение Махаза, помимо своего траурно-ритуального назначения, должно было наверно подтверждать, что Махаз все-таки упал не со смоковницы, а с коня.

Махаз красиво смотрелся на этой фотографии, и хотелось, чтоб оставили в покое эту смоковницу и всем присутствующим народом утвердили версию о джигитской гибели Махаза.

Его похоронили в его же усадьбе. По нашим понятиям умерший член семьи, похороненный в пределах усадьбы, вроде и не умер, вроде находится рядом и всегда, почти наравне с живущими, может пользоваться всем, чем пользовался при жизни.

Со временем в усадьбе может накопиться такое количество могил, что сам дом в перенаселенной могилами усадьбе становится похож на маленькую контору большого кладбищенского хозяйства.

Могила Махаза на родном кладбище была самой близкой к воротам, выходила к проулку и была видна прохожим. В изголовье стояла фотография Махаза, сидящего на коне и улыбающегося. На самом холмике лежало три плода инжира. Очевидно, их положила предусмотрительная сестра покойника. Ведь бесполезно отучать брата после смерти от того, от чего не могли отучить при жизни.

Словом, фотография Махаза на коне и плоды инжира показывали возможность сосуществования двух версий о гибели хозяина усадьбы.

Похоронив мужа, Нюра стала понимать, что смысл ее пребывания в наших краях исчерпан. Приемный сын еще сильнее тянулся к своим родителям, хотя старался не подавать вида.

– Не томись, Сафер, – сказала она ему после сороковин. – Ступай к своим. Видать, не судьба этому дому быть при хозяине. А я дождусь годовщины и тоже уеду к своим. Мужа я оплакала, но меня оплакивать здесь будет некому.

Нюра понимала, что Сафер не может уйти, оставив ее одну в доме. А ее отъезд на Кубань и Сафера освободит, и родственникам даст возможность распорядиться хозяйством по своему усмотрению.

– Только прошу тебя, Сафер, – сказала она ему напоследок, – не дай усадьбе одичать. Может, еще вернешься в этот дом, когда женишься. Ведь тебе надо будет когда-нибудь отделиться от родителей. Там и без тебя много народу. А здесь, что ни говори, и хозяйство налаженное, и дом для тебя не чужой.

Сафер не ожидал такого откровения, такой милосердной мудрости, хотя добродушной Нюра была всегда. Они поплакали на прощание, и Сафер ушел к своим. Время от времени наведываясь к Нюре, он охотно, по-хозяйски выполнял мужские работы. Она же – с грустной улыбкой, с щемящей тоской несостоявшейся матери смотрела, как ее воспитанник благодарно отрабатывал ей за ее труды, а главное – за освобождение.

Зимовать в пустом доме было особенно тяжело. Но Нюра вынесла одинокую зиму, как никогда холодную, дождалась весны и в последний раз принялась за огородные дела. В этой старой абхазской усадьбе у Нюры был свой

украинский уголок. Она и входила в него, напевая украинские песни. Некоторые из этих песен окрестная детвора уже давно знала и пела, лузгая кубанские семечки.

Нюра входила в свой украинский огородик, как в божницу. Все здесь радовало глаз, тешило душу. Круглолицые подсолнухи, как аллегорические символы кубанского солнца, покачивались в ее огороде среди изобилия малиновых кустов, брусники и других диковинных для абхазского села ягод.

Взрослые односельчане видели в огороде Нюры лишь экзотику, лишенную практической пользы, ибо ничего из ее огорода не входило в консервативный рацион местных жителей. Зато детвора с ее демократической восприимчивостью очень скоро поняла толк в этих сказочных и драгоценно светящихся ягодах. На огород тети Награды они смотрели как на неистребимую сокровищницу и изредка совершали несмелые и не очень разорительные налеты на эту украинскую автономию в просторной усадьбе Махаза.

Все в селе знали, что Нюра уезжает после годовщины смерти Махаза, и было понятно, что не на второй же день. И вдруг, проезжая мимо могилы Махаза, вернее, уже почти проехав ее, Шугян спохватился. Ему показалось, что на могиле есть какие-то изменения. Он развернул свою упрямую лошадь и подъехал к самой изгороди. На столике у изголовья могилы покоился самшитовый венок с вплетенными в него цветами из украинского огорода Нюры. Застекленный портрет Махаза стоял теперь внутри самого венка, на шелковой ленточке которого было написано «Дорогому другу от Награды».

Шугяна чуть не прошибло слезой. Стало жаль, что Нюра уехала. Она была доброй и умной. В прощальной надписи на венке она не назвала мужа по имени и даже

вместо своего имени поставила супружеский псевдоним – Награда. Это была ее последняя дань нашим несложным обычаям.

Вскоре все село облетела весть, что Нюра уехала. Она исчезла. Не попрощалась. И это было понятно всем… Здесь стыдятся говорить о своих чувствах. Здесь ценят сами чувства… И Нюра была свой человек.

С тех пор детвора нашего поселка уже не лузгала семечек, зато вечерами, бывало, сквозь сумерки, сгущающиеся над абхазским селом, вдруг затянет какой-нибудь детский голос непонятную, но близкую песню. Словно тоскливое воспоминание о Нюре, гнездышко которой оказалось здесь недолговечным.

Там, где нет материнства, там все непрочно.

Боже, и до чего же прочувствованно поет эта девочка:

Ридна маты моя
Ты ночей не доспала…

И тут вторым голосом вплетается ласково голос мальчика, словно обнимает сестрицу:

И водыла мэнэ
У поля край села…

Это были голоса детей, которых судьба так и не послала Нюре.

КЕРОСИНЩИК СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Школьники знали Евгения Александровича как доброго учителя, терпимого, даже ласкового. При этом он был требовательным и пунктуальным. Его неповоротливость не мешала, а, казалось, даже способствовала тому, чтоб он прибывал к месту в срок. Он умел приходить точно не только по времени, но и по ситуации, почти безошибочно, как актер, находящийся далеко за пределами родного театра, инстинктивно все равно чувствует время своего выхода на сцену.

Но школьники ничего или почти ничего не знали о силе слова Евгения Александровича. К беззащитным детям он приходил безоружным.

Учитель Шугя́н рос сиротой, с детства познал нужду и тяжелый труд, в одно время даже был отдан в пастухи к зажиточному соседу. Для абхаза он был слишком смугл лицом, для негра – был бледноват. И все-таки некоторые черты африканской расы в нем отчетливо проступали.

Так вот, бывали случаи, когда любители поехидничать отваживались посмеяться даже над Шугяном. Зная, что поставить его на то место, на которое им хотелось бы, не так просто, они старались ударить его словами – неожиданно и наверняка. Обычно такие выпады плотно напыжовывались обидными намеками. Чаще всего они были связаны либо с сиротским детством Шугяна, либо с чрезмерно темным для наших краев цветом лица.

В тот день Шугян после школьных занятий отправился на своей гнедой лошади в магазин, находящийся в юго-восточной части нашего большого села. Он заехал в та-

мошний сельмаг, наполнил свою своеобразную канистру керосином и отправился в обратный путь по проселку.

Своеобразность его канистры состояла в том, что это был обычный баллон огнетушителя, по длинному и красному тулову которого было белыми буквами написано – «Огнетушитель». От обычного огнетушителя он ничем внешне не отличался, хотя весь нехитрый огнетушительный механизм был из него выпотрошен и нутро его уже давно заполняла жидкость иного, вернее, противоположного свойства.

Именно сегодня этому огнетушителю предстояло стать зловещим символом испепеления, циничность которого заключалась в том, что горючая жидкость скрывалась в миролюбивом по своему назначению баллоне.

Словом, заправив керосином свой огнетушитель и подвесив его к задней луке горского седла, учитель Шугян забрался на свою лошадь и отправился домой. Выехав на ровный участок проселка, он еще издали заметил группу мужчин, стоящих у ворот Разымбея. Нетрудно было понять, что хозяин прощается со своими гостями. Их пьяные голоса Шугян слышал, еще подъезжая к сельмагу.

Разымбей и его братья жили в низине под склоном холма, и их небольшие крестьянские усадьбы были предусмотрительно выведены на проселочную дорогу.

Разымбей внешне резко отличался от своих братьев-заморышей неожиданно благородной внешностью и кичился этим. Как-то, руководя застольем в одном крестьянском доме, Шугяну пришлось огреть обнаглевшего Разымбея горячим словом, и тот искал случая, чтобы ему отомстить.

И вот сейчас, приближаясь к воротам Разымбея, Шугян услышал неприятные голоса пьяной компании, стоявшей на пути. Перед каждым новым приступом смеха выдерживалась какая-то пауза, которая, как понимал

Шугян, заполнялась подстрекательским шепотком хозяина, отпускавшего очередную шутку. Пьяные гости угодливо гоготали, словно частично оплачивая хозяину съеденное и выпитое в его доме.

Особенно неприятно было Шугяну то, что в этом смехе легко улавливался сговор и смех был явно связан с его приближением. Эту связь пьяная братия вроде и не скрывала. Более того, – разгулявшиеся гости Разымбея как бы уже издали приглашали и самого Шугяна принять участие в этом веселье. Выражением своих лиц они будто отчасти оправдывались, дескать – ты только послушай, как это остроумно! Да ты и сам ухохочешься!

К тому моменту, когда Шугян уже подъехал достаточно близко, чтоб поздороваться, Разымбей с уверенностью солиста, которого после небольшого вступления непременно поддержит весь хор, обратился к учителю. Он не сомневался, что Шугян будет посрамлен.

– Шугян, – опередил Разымбей собравшегося поздороваться учителя, – нам казалось, что гроза или град надвигаются, так помрачнело небо, а это, оказывается, ты едешь из сельмага.

Компания вновь залилась смехом, даже не давая Разымбею толком закончить свою фразу. Гости делали вид, будто хотели бы сдержать свой смех, но не могут.

Вид у учителя был смиренный, и пьяный Разымбей решил, что Шугян повержен его шуткой.

– Слушай, Разымбей, – начал Шугян; в голосе учителя не было обиды, он умел держать ее глубоко и не подпускать к голосу, – ты, наверное, намекаешь на то, что я смуглый?

На этот раз гости, да и хозяин, расхохотались более откровенно, вроде добившись капитуляции от самого Шугяна, только он, значительно громче, чем начал, продолжил:

– Я действительно темнокожий… но таким был и мой отец Александр!

В этом месте Шугян выдержал паузу, тихонько тронул коня и завершал фразу, уже как бы отплывая от пьяной, но трезвевшей в недобром предчувствии компании.

– Но если бы моя мать путалась в молодости с князьями да дворянами, – слышен был голос Шугяна, словно с небес, – наверно, я тоже кичился бы своей смазливой внешностью!

После этих слов гоготавшие гости Разымбея почувствовали, что вокруг них много неуютного пространства, звенящего своей пустотой, и им захотелось разойтись по домам, да побыстрей.

А Разымбей кричал. Ему казалось, что он кричит очень громко. Но ярость, в которую он был повержен словами Шугяна, отняла разом все его силы, и вместо вопля из его гортани вырывалось шипенье.

– Керосинщик! Керосинщик! – кричал он, но это было слышно лишь ему самому да его отчужденным гостям.

А Шугян, узнаваемый односельчанами по красному огнетушителю, поднимался по склону холма в сторону предгорья.

И слово его было разящим, как копье Георгия Победоносца.

ХОЛМ ТЕСМАПРА

Его появление на вершине громадного холма Тесмапра почему-то всегда воспринималось как неожиданность, хотя повторялось это из дня в день. Холм Тесмапра, через который пролегал путь учителя Шугяна, или, как его звали школьники, Евгения Александровича, – находился между нагорной и равнинной частью села. Холм был не просто громаден – он был величествен. А еще он был рубежом, чем объяснялась его особая почитаемость. Именно он разделял село на равнинную и предгорную части.

Особым почетом пользовался в селе и Евгений Александрович. Дети благоговели перед ним. Односельчане и уважали Шугяна, и побаивались: слово Шугяна было разящим, как копье Святого Георгия.

Вот так и повелось: в народе он был представлен как бы в трех лицах. Первое – это Шугян, его абхазское имя, второе – Евгений, имя, данное ему при крещении, записанное в церковной книге; и Серапион – так называли его женщины, мужьям которых он был однофамильцем или близким родственником.

Словом, едва Шугян на своей гнедой лошади появлялся на почти идеально ровной плоскости холма Тесмапра, как родители спешно будили детей. Первыми его обычно замечали мужчины, занимавшиеся к этому времени чем-нибудь в своих усадьбах. Заметив учителя на вершине Тесмапры, они кричали своим женам, хлопочущим на кухнях у очагов: «Шугян едет! Поднимай детей!» Женщины, оставив дела на кухне, поднимались в дом. Открыв

двери в комнату, они тревожно, громким шепотом предупреждали детей: «Серапион едет, быстренько вставайте!»

В это время обычно старший из детей, на ком лежала ответственность за быстроту сбора, тормошил младших братьев и сестренок, поторапливал их: «Евгений Александрович уже спускается с Тесмапры!»

И так каждое школьное утро: едва появляется Шугян на своей гнедой лошади на холме Тесмапра, как почти по всему селу прокатывается его имя.

«Шугян!» – восклицают мужчины.

«Серапион!» – вторят своим мужьям жены.

«Евгений Александрович!» – подхватывают детские голоса вслед за мамами.

Может показаться, словно какой-то волшебный дирижер, дождавшись, когда на холме Тесмапра появится учитель, подает знак готовности, сначала мужским голосом произнося имя Шугяна, но одними губами…

Резкий и одновременно пластичный взмах дирижерских рук – и нижний мужской ряд поет врастяжку: «Шу-у-гян!»

Затем дирижер поднимает голову чуть выше, к женскому ряду. Одну ладонь он переворачивает и подталкивающим полудвижением перевернутой ладони показывает, что этот голос должен быть несколько выше по отношению к предыдущей партии. И опять губы дирижера безмолвно-громко дают среднему ряду настройку. Знакомый магический взмах руки – и женский ряд поет не короткое «Шугян», а более протяжное: «Се-ра-пи-он!»

И Наконец вскинув голову к верхнему детскому ряду, дирижер поднимает руку с повернутой ладонью как можно выше над своей головой, и по его волевой и одновременно деликатной команде, в какой-то трогательной

и беззащитной мессе дети поют имя своего духовного родителя: «Ев-ге-ний А-лек-санд-ро-вич!..»

И вот теперь, вскинув свою уверенную в успехе голову, вполоборота повернутую к капелле, всем своим видом предвосхищая грядущий апофеоз, дирижер встряхивает своими на мгновение затаившимися руками, и все три регистра хора сливаются в едином гимне, где на нижние голоса, поющие

«Шу-гян…»

наслаиваются средние, поющие –

«Се-ра-пи-он…»

и на всем этом фоне верхние детские голоса выводят сокровенное –

«Ев-ге-ний А-лек-санд-ро-вич!»

Сейчас в капеллах нижние голоса почему-то выстраиваются в верхний ряд, тем самым нарушая естественность того, что нижние должны быть внизу, а верхние – наверху…

Появление Шугяна на холме Тесмапра было одинаково – хотя и с небольшим расхождением во времени – заметно как для равнинных жителей села, так и для нагорных. Нагорные жители видели, как он утром поднимается на Тесмапру, долинные – как он спускается.

Шугян появлялся на вершине холма Тесмапра ровно за час до начала занятий. Ни у кого в селе, кроме самого Шугяна, часов не было. Потому сельская детвора поднималась с появлением директора школы на холме Тесмапра. Правда, еще до Шугяна часы были у священника сельской церкви. Однако вихрь революционных обновлений унес и самого священника, и его часы.

Кстати, старики и сейчас говорят, что одновременно исчез и колокол с колокольни, и с купола бы сорван крест. Тогда в церковной ограде с почетом похоронили срывавшего крест и сорвавшегося с церковной крыши кре-

стьянина. Слишком подобострастно выслуживаясь перед представителями новой власти, он забыл о мере вообще и о мерах предосторожности в частности, за что и поплатился. Его бесплатно похоронили в церковной ограде. До революции он за это заплатил бы кругленькую сумму. Но новая власть учла, что крестьянин погиб в борьбе со старым за утверждение нового – и решила похоронить его здесь же, как еще одно доказательство того, какой ценной досталась нам эта новая жизнь.

Родственники героя сопротивлялись: покойнику была уже вырыта могила на фамильном кладбище. Но ведь новая власть потому и победила, что умела повести за собой людей, убедить, а если нужно – и внушить им что-то. Словом, не стали родственники испытывать терпение новой власти, тем более что ходили слухи, будто терпение у нее небезграничное. На что отчасти указывала и судьба несговорчивого священника.

О том, где находится могила священника, никто не знал и не спрашивал, хотя это интересовало каждого. Вместе с тем эта неизвестность начинала и пугать, хотя народ в нашем селе не из пугливых. Смерть сорвавшегося с крыши односельчанина они приняли как само собой разумеющееся. Они видели, что он делал и что из этого получилось. Вон крест, вырванный из купола, валяется. А вот и бугорок, под которым лежит герой. И действие, и расплата – налицо. То, что видишь глазами, легко осознаёшь. Но суеверных сельчан пугал новый вид смерти, после которого не оставалось могилы. Есть могила – спокойно. Нет могилы – тревожно.

В селе бывали свои беды, в которых и разобраться было непросто. Но появление Шугяна на холме Тесмапра говорило о том, что есть где-то незыблемый порядок, и учитель Шугян был наместником этого порядка на земле. Четкий школьный распорядок придавал деревенской жизни некоторую стройность, особенно целительную в период духовного разброда.

Шугян медленно, длинными зигзагами спускался по солнечной покатости холма, придерживая одной рукой младшую дочурку, сидевшую перед ним на холке лошади. Другая дочь сидела сзади, почти на крупе, обнимая ручонками широкую спину родителя. Третья дочь была уже старшеклассницей и шла пешком в стороне от них, порой отставая, порой настигая верховых.

Школа располагалась в не очень большом, но все-таки двухэтажном каштановом особняке бывшей сельской управы. Выйдя на веранду верхнего этажа и оглядывая зеленый школьный двор, который уже заполнялся резвящейся ребятней, Евгений Александрович затряс в руке колокол. Школьники хлынули в классы, и особняк затрещал всеми своими сухими каштановыми досками, стараясь вместить в себя еще не остывший азарт разбегавшихся ребят. Особенно страдали лестница и веранда – их скрежет был невыносим.

Дом из каштана – знак былой состоятельности. Такой особняк простоит века. Каштан – крепкое и благородное дерево. Дом из каштана всегда сух и звонок, как только что выпеченный глиняный кувшин. Но если каштановый дом однажды основательно растрясти, то эта расшатанность становится неизлечимой. Благородная древесина начинает скрипеть всеми суставами, не терпит ни малейшего прикосновения, как старый и брюзжащий дворянин, лежащий в постели и стонущий, своей нетерпимостью к боли словно еще раз подчеркивая истинность своего благородного происхождения. Вольный джигит никогда не позволит себе застонать.

Манча бежал в школу что есть духу. По дороге оторвалась лямка от его матерчатой сумки.

Он вбежал в школьный двор, сделал несколько шагов по лестнице, и именно в это время, громко поздоровавшись, Евгений Александрович начал урок.

Простояв на лестнице несколько тревожных минут, Манча стал соображать, что делать дальше. Продолжать путь было нельзя, но и назад дороги не было. Эти проклятые каштановые ступени до истеричности не выносили никакого прикосновения. Манче пришлось присесть тут же, на ступеньку, причем сделал он это с чрезвычайной осторожностью, чтобы скрипучая древесина не выдала его Евгению Александровичу.

Через некоторое время, уже свыкшись с судьбой, Манча сидел на ступеньке и смотрел в сторону моря, подперев подбородок руками. Он никогда не видел моря вблизи, лишь вот так – смотрел с тоской на эту далекую голубую полосу неизведанности. А Манча, если чего в жизни не выносил, так это неизведанности. Он все любил потрогать, проверить, испытать.

Манча даже не заметил, как прошел урок. Каштановая школа вдруг заскрипела, заохала, и Евгений Александрович, выйдя на веранду, заметил Манчу, не успевшего скрыться с его глаз.

– Поди-ка сюда, ба́ба, – сказал учитель, и по его интонации и еще по тому, что он назвал его «баба», что означает «малыш», Манча легко угадал доброе расположение Евгения Александровича. Однако это расположение не снимало ощущения вины за опоздание, и Манча, преодолевая стыд, поднимался к учителю навстречу шумно спускавшимся по лестнице однокашникам. Сейчас он никого, кроме учителя, не видел, и скрипа каштановых досок тоже не слышал.

Даже самые отчаянные ребята почему-то немели перед Евгением Александровичем, хотя он не был жесток с ними, а часто бывал даже по-отечески ласков. Манча остановился перед учителем на том расстоянии, на котором обычно останавливаются все дети перед старшими, когда их подзывают. Если бы Бог подозвал к себе Адама, тот также остановился бы на этом расстоянии. Это расстояние было определенно уже тогда. Или именно тогда. Но Адам преступил завет Родителя и лишился возможности стоять перед Отцом на том расстоянии, на котором стоял сейчас Манча перед Евгением Александровичем.

– Что случилось, ба́ба? – спросил Евгений Александрович.

Манча уставился в пол и молчал.

– Подойди ко мне.

Сделав еще пару шагов, Манча стал рядом с учителем. Евгений Александрович погладил его по голове своей крупной рукой:

– Что, духу не хватило пройти эту скрипучую лестницу?

Манча кивнул головой, подтверждая догадку учителя.

– Ступай в класс, – сказал ласково Евгений Александрович, и Манча, расслабленный теплотой учительской доброты, но смущенный ее незаслуженностью, пошел в класс.

Была поздняя абхазская осень. Уже убраны кукурузные поля, початки засыпаны в амбары, но снопы кукурузных стеблей еще досушиваются в полях и не заскирдованы.

Манча давно вернулся из школы и сейчас уже сидит на мощной ветви гигантского грецкого ореха. Дерево это, хотя и растет в их дворе, но одной своей частью, именно той, где сидит Манча, высоко склоняется над главной сельской дорогой.

Манча греется на солнце пхынчку́на. Это что-то вроде русского бабьего лета. Природа в последний раз дает лю-

дям насладиться солнечным теплом перед сырой и слякотной абхазской зимой, дает возможность внести в дом оставшиеся неубранными плоды крестьянского труда. В такие дни солнце бывает особенно сладким, и сполна прочувствовать это успевают беззаботные дети и старики, греющие свои кости на верандах или просто во дворе, и те, кто чувствует в осеннем солнце какую-то особую прощальность.

Манча уже набил орехами оба кармана, немало натолкал их за пазуху и, прильнув щекой к мощному ответвлению, подставив солнцу свое конопатое лицо, блаженствовал. Синяя полоса далекого моря сливалась с небом, и он не старался разглядеть грань между двумя этими синевами. Сейчас его не тянуло на подвиги. Он был разморен пьянящим теплом осеннего солнца и предвкушением, что зажарит у очага початки молодой кукурузы и будет есть ее, печеную и душистую, с грецкими орехами и поздним рубиновым виноградом. Это были лакомства богов, и Манче время от времени кое-что перепадало с этого стола.

Внизу, под Манчей, похрюкивала свинья, с какой-то особой свинской настойчивостью ждавшая, когда сорвется очередной орешек с неосторожно потревоженной ветки. Но Манча уже заполнил свои «закрома» и грелся на солнце. Ждать свинье было нечего.

Но свинья все равно неунывающе похрюкивала под деревом и рыскала вокруг, словно вот-вот должна была набрести на орешек. Разомлевшего Манчу это вовсе не занимало, а мерное похрюкивание свинюшки еще больше усиливало ощущение благоденствия, придавая ему какой-то пасхальный оттенок.

Глаза у Манчи то приоткрывались, то снова закрывались, как у засыпающего, но еще не заснувшего котенка.

Именно в это время он вдруг стал осознавать, что в хрусталиках его глаз дрожит изображение приближающегося всадника, и стал тяжело и неохотно выходить из своего блаженного состояния, расставаться с которым было трудно, но необходимо, ибо то, что видели его глаза, не могло его не волновать.

По главной сельской дороге ехал на своей гнедой лошади Евгений Александрович. Только такой неторопливый ездок мог подъехать так незаметно и неслышно. Манча был застигнут врасплох. А ведь происходило это хотя и не так давно, но все-таки еще в те добрые времена, когда не только перед самим учителем, но даже перед именем его ученик трепетал.

Заметив учителя и понимая, что спускаться с дерева уже поздно, что так Евгений Александрович, пожалуй, наверняка обнаружит его, – Манча решил оставаться на дереве. От смешанного чувства стыда и страха он сбился в затаивший дыханье комок и ждал, когда эта неторопливая лошадь пронесет под ним своего седока.

Манча, да и не только он, – все ученики знали, что Евгений Александрович и его лошадь – самые медлительные живые существа во всем селении Алра. Но насколько убийственна эта медлительность, он почувствовал, причем во всей полноте, именно сейчас. Ему казалось, что Евгений Александрович не едет, а проползает под ореховым деревом на своей рыжей лошади, да еще с дымящейся папиросой во рту.

Лет двадцать спустя Манча увидит цветной фильм, в котором будет применен эффект замедленной съемки. На фоне красного макового поля медленно, как облако по небу, будет плыть красивая белая лошадь. И Манча не сразу поймет, откуда это неприятное ощущение от замедленных кадров. Он расскажет об этом своей жене Панаиле, и та, с присущей гречанкам сообразительностью, напомнит мужу историю, известную ей с его же слов.

Да, да, она права – именно тогда, сидя на ореховом дереве, он ощутил истязающую замедленность живого движения, использованную затем находчивыми кинооператорами.

Словом, когда лошадь учителя уже почти прошла под могучим ореховым ответвлением, на котором томился Манча, из переполненного кармана мальчика выкатился орешек и плюхнулся на землю рядом с лошадью, едва не задев самого Евгения Александровича. Свинья, находившаяся хотя и в стороне от лошади, но все-таки в поле ее лошадиной видимости, одновременно, казалось, с глухим щелчком грецкого ореха о землю – хрюкнула и рванулась навстречу своей долгожданной добыче. От столь неожиданного броска свиньи лошадь в страхе метнулась в сторону. В резком рывке она как бы вырвалась из-под седока, и грузное тело Евгения Александровича, совершив сальто, шмякнулось на землю, на том освобожденном месте, где мгновение назад была хрустевшая дробившейся в ее челюстях ореховой скорлупой свинья. Лошадь учителя, остановившись невдалеке, недоуменно и все еще испуганно глядела на свинью посреди дороги, на хозяина, сидящего на земле рядом со свиньей.

Евгений Александрович поднялся прежде, чем полностью пришел в себя. Ведь достаточно самой малости сознания, чтоб понять, что задерживаться в таком положении на главной сельской дороге не очень удобно. Учитель тяжело поднялся с земли, что-то буркнул в сердцах и пошел кругами к своей лошади мимо хрюкнувшей и отпрянувшей от него свиньи. Он взгромоздился в седло и поехал, упираясь руками в холку лошади и стараясь полностью вернуть себе сознание.

Разбитый затяжным зрелищем Манча не спрыгнул во двор, как он это обычно делал, а сполз по стволу ореха.

Ему было и жаль доброго учителя, и досадно, что сам он оказался невольным тому свидетелем и даже в некотором роде соучастником. Ведь не выкатись из его штанин орешек, не ломанулась бы в ноги лошади свинья, не отпрянула бы лошадь – и не упал бы учитель. Манча впервые увидел, как равнодушные вещи, вдруг оказавшись рядом во вселенском хаосе, вдруг мгновенно сговариваются, приходят во взаимодействие, и срабатывает цепная реакция несчастного случая. Обдумывая ночами это происшествие, Манча легко вычленил основные звенья в той роковой последовательности, в которой оказалось возможным падение с лошади столь незыблемого, казалось, седока. Он (то есть Манча) – орешек – свинья – лошадь – падение учителя.

Единственным существом, которое знало, что орешек упадет (не важно – из кармана Манчи или с ветки), и жаждало этого, была свинья. Все прочее ее не интересовало и не существовало для нее. Обо всем этом Манча долго думал и прояснил себе случившееся во всех деталях. Самым непонятным, что оставалось для Манчи во всем этом происшествии был смысл фразы, которую произнес Евгений Александрович, поднимаясь с земли и продвигаясь к сбросившей его лошади. Не вникая в обрывок услышанной фразы, Манча поначалу предположил, что это была брань в адрес лошади, что в общем было вполне логично. Но затем, неоднократно возвращаясь мысленно к этому эпизоду, как бы всматриваясь и вслушиваясь в финальный фрагмент, Манча с трудом восстановил обрывок этой фразы в виде двух отдельных слов – «Баашба» и «глаз». «Баашба» – это фамилия Манчи. Но мальчик не мог понять, каким образом в той фразе были связаны эти два слова и как учитель связал свое негодование с этими словами.

МАЭСТРО

Курс лекций по теории кинодраматургии вел в нашем творческом вузе знаменитый режиссер, создатель лучших отечественных фильмов о вожде пролетариата и революции. Профессор института кинематографии каждый год в течение семестра читал лекции в нашем литературном вузе, просвещая будущих писателей в области самого передового, по его убеждению, вида искусства.

Как знаменитый специалист, приглашенный из знаменитого вуза, причем пусть и из родственной, но все-таки другой области искусства, он вел себя в литературном институте подчеркнуто независимо, если не сказать нагловато. Возможно, это было своеобразной самозащитой кинодеятеля в стане писателей. Но одна моя знакомая, сославшись на свои личные наблюдения, уверяла меня, что это их профессиональная черта, на которую просто не нужно обращать внимания.

Поскольку никакого особого пособия для лекций по киноискусству в литературном вузе не было, профессор полностью полагался на свой преподавательский опыт и строил занятия в виде захватывающих рассказов о лучших лентах мирового кинематографа.

Особенно маэстро удавались драки. Пересказывая затяжные, причем нередко групповые побоища из гангстерской сокровищницы Голливуда, он сдирал с себя пиджак, швырял его в сторону и, шлепнув по груди подтяжками, буквально бросался в драку, то изображая бьющего, то перевоплощаясь в того, кого бьют. Причем все это исполнялось со всеми звуковыми и шумовыми эффектами,

которые он прекрасно имитировал своими натренированными голосовыми связками. Это были и крики отчаянья, и вопли садистского безумства, и стоны истязаемого. Исполнялось все это так динамично и ярко, что создавалось полное или почти полное ощущение подлинности.

Затем, года два спустя, на советские экраны был выпущен один из американских фильмов, пересказанных нам профессором. Я не знал даже названия этого фильма и, ничего не подозревая и не предвкушая, сидел себе в почти пустом зале Аквинского кинотеатра, ожидая начала сеанса.

Едва в зале выключили свет, как по экрану на негромком музыкальном фоне поползли первые титры на английском языке с именами и фамилиями создателей фильма. Сам фильм еще не начался, но я сразу понял, что это именно тот американский фильм о демобилизованном парне, который пересказывал нам маэстро. Хулиганы избивают этого парня на глазах у пассажиров ночного метро и ранят его насмерть ножом. Демобилизованный солдат, собрав последние силы, убивает одного из хулиганов ударами своей переломанной и замурованной в гипс руки.

То, что я уже знал об этой истории, было не менее ярким, и в том смысле я ничего нового от просмотра не получил. Но я весь изволновался, пока шел фильм. Это были приступы азарта, связанные с почти ежеминутным узнаванием того, что запечатлелось в моей памяти от рассказов маэстро, и того, что происходило на экране. Эти совпадения действовали как детонатор, и я то и дело взрывался.

Почти при каждом ярком эпизоде я вскакивал, выражая восторг, что актер сыграл точно так, как показывал нам профессор. Единственное, чего здесь не было, да и не

могло быть, это шлепка профессорских подтяжек, перед тем как он кидался в очередной раунд. Этот шлепок, очевидно, должен был напомнить щелчок деревянной хлопушки перед съемкой очередного дубля.

Слушать рассказы маэстро было одно удовольствие. На лекциях по киноискусству аудитория наша переполнялась. Такая посещаемость была почти неправдоподобной. Свое стремление к личной свободе будущие писатели наиболее ярко выражали в виде свободного посещения лекций в любимом колледже.

Записывать лекции кинорежиссера было немыслимо. Для этого нужно было просто вооружиться киносъемочным аппаратом. И вообще, конспектирование лекций вовсе не предписывалось демократическими традициями нашего творческого вуза.

Незадолго до зачета по своему предмету маэстро раздал нам книжечки различных киносценариев, чтоб мы ознакомились с ними и написали дома нечто подобное, но на свободную тему. Студентам такое задание понравилось. Весь курс был увлечен работой. Кое-кто из практичных студентов даже узнавал, сколько платят у нас в стране за одобренный и принятый киностудией сценарий, наивно надеясь разбогатеть за счет будущей творческой удачи.

Словом, никаких оснований для того, чтоб волноваться, да еще по зачету, да еще по непрофильному, нелитературному предмету, вроде не было. Лекции выслушаны, написаны учебные киносценарии.

И вдруг в коридоре литературного института появляется гроссмейстер киноискусства в неожиданно взвинченном состоянии, чреватом для молодой писательской поросли неведомыми, но наверняка бедственными последствиями. Мы втекли в аудиторию тревожно-послушным стадом, уже

подозревая, что окружающие нас стены – это не миролюбивая окружность родного загона, а роковая замкнутость двора мясокомбината.

Таким раздраженным мы маэстро никогда не видели. Как нам показалось, профессора задел кто-то из наших институтских писательских знаменитостей, и он решил уничтожить писательский род, что называется, на самом корню и насладиться в процессе этого своеобразного антиписательского апартеида.

Нас все-таки не покидала слабая надежда, что к маэстро вернется благоразумие, и он, отстранив нелепую раздраженность, предложит нам выложить на стол зачетные книжки и станет, как говорится, «автоматом» ставить нам зачеты и великодушно желать нам успехов.

Но чуда не произошло. Ожидаемые «автоматы» превратились в бельгийские автоматы зарубежных детективов, и профессор киноискусства на истерически высокой ноте крикнул аудитории: «Кто смелый – выходи!»

Один за другим подходили к столу профессора несколько наиболее уверенных в себе наших студентов, интеллект которых не вызывал у нас никаких сомнений. У каждого он требовал конспекты, которых не было ни у них, ни у других студентов, в ужасе наблюдавших за своими лидерами.

После того как студент-лидер отвечал, что у него нет конспектов, профессор тут же задавал ему вопросы по теории и истории киноискусства. Вопросы эти были такой сложности, что наши лидеры либо ничего не могли ответить, либо отвечали так слабо и неуверенно, что представали перед нами беспомощными и униженными. Он поставил-таки им зачеты, но в усмешке, с которой он это делал, можно было прочесть: «Что от вас, от писателей, требовать, темный вы народ».

Четыре человека. Это все, что смог выставить наш курс. Остальное ополчение можно было вводить в бой лишь тогда, когда наступает авангард. Но авангард был почти посрамлен, и потому ополчение сейчас было готово сдать свои позиции и бежать без оглядки. И хотя четыре наших представителя все-таки были на том заветном берегу и стояли там еле живые, мы знали, что подвиг этих «челюскинцев» никому больше не по силам.

Профессор взял стул, пересек свободную часть аудитории и подсел к окну, предварительно кинув свой пиджак на спинку стула. По-актерски изящным отработанным движением он положил свои ноги на подоконник.

– Ну, кто еще? – спросил он у аудитории, к которой сидел сейчас спиной.

Аудитория молчала, как заминированная.

Профессор с издевательским для нас наслаждением дышал холодной свежестью, затекавшей в аудиторию через форточку, словно показывая, что с этими литературными сосунками он и воздухом одним дышать не желает.

– Что ж, – сказал маэстро, – придется вызывать по списку…

И тут я понял, что пробил мой час. Нет, моя фамилия не в начале, напротив – в самом конце алфавитного списка. Но в том-то и дело. Мне придется наблюдать всю эту живодерню до самого ее финала. Никто даже не увидит, как я погибну. Но это не главное – мне душеприказчика не надо. Просто где взять такое терпение, чтоб все это вынести?

– Можно я? – вырвалось вдруг у меня. Я сам не ожидал от себя этого. Я даже оглянулся в надежде, что увижу того, кто это сказал. Но, прочитав ужас в глазах сокурсников, понял, что именно я выкрикнул эти роковые слова и мне держать за них ответ.

Эрудицией я не отличался, а если что и знал, то это никакого отношения к кино не имело.

Решительными, как мне показалось, шагами я пересек замершую аудиторию и сел перед столом, за которым должен был сидеть, но не сидел, маэстро. Вся моя внешняя решительность была как бы изнанкой моей полной внутренней потерянности. Я не ведал того, что творю, потому и не переживал, что перепутаю последовательность своих действий.

Профессор даже не повернул головы и продолжал сидеть спиной к аудитории. Однако по звуку моих шагов определив, что я сел за стол, маэстро крикнул:

– Зачетку, писатель!

Мне пришлось встать и пройти к профессору, который рассматривал свои топмановские туфли на фоне заиндевевшего оконного стекла. Я подошел к спине знаменитого кинорежиссера и протянул ему через плечо зачетную книжку.

Вручив профессору свою зачетку, я с еще большей напускной уверенностью зашагал к своему месту.

Едва я сел за стол, как вдруг маэстро воскликнул: «О-о!» Это он прочитал мою фамилию в зачетке и обрадовался, как обжора, увидевший в меню любимое блюдо. Маэстро с таким выражением произнес свое «о-о!», словно давно желал встречи именно со мной, но не ожидал, что это произойдет так скоро и так ко времени.

Я не мог разделить восторг маэстро и молчал. Молчала и аудитория. Она была похожа на народ, согнанный смотреть жестокую и поучительную казнь.

Моя фамилия созвучна с некоторыми грузинскими фамилиями, и, конечно, прочитав мою фамилию в зачетке, маэстро решил, что я грузин. Продолжая смотреть во двор, с интонацией некоторой снисходительности профессор сказал мне:

– Расскажите мне о вашем грузинском кино.

Говорить о том, что это не «наше» кино, а «их» кино, как и доказывать, что у нас, абхазов, нет своего кино, но мы сами пока еще есть и потому тоже хотели бы иметь свое кино, – все это сейчас не годилось. Я интуитивно не поддавался на провокации и молчал. Сами посудите, что может ответить абхазец, которому предложили рассказать о его грузинском кино.

Мое молчание было понято профессором как обычное студенческое желание услышать более конкретный вопрос.

– Расскажите о Шенгелая, – прозвучало требовательное предложение экзаменатора.

А я вообще не желал говорить с профессорской спиной, хотя и не знал, что скажу ему, если он повернется ко мне лицом. Я стал припоминать, что еще в раннем детстве видел один грузинский фильм, в котором играла красивая актриса Ариадна Шенгелая. Затем мне стало казаться, что среди грузинских кинематографистов есть еще один или даже двое Шенгелая, но открывать свои столь ничтожные познания я не собирался.

Профессор наконец обернулся и раздраженно спросил:

– Вы что, глухой?

Вот тут и началось светопреставление. Медленно поднимаясь с места и одновременно громко отодвигая стул своими выпрямляющимися ногами, неуместно вознеся над собой руки, я добродушно объявил:

– Дарагой, я у жьизни кино не видел!

Знаменитый кинорежиссер, за свою жизнь повидавший таких артистов, таких пройдох – и от кино и просто так с улицы, – глядел остекленевшими глазами контуженного человека. Я, конечно, очень боялся, что, придя в сознание, он легко поймает меня на любой едва заметной фальши.

Профессор тряхнул головой, будто стараясь стряхнуть с себя остатки беспамятства, снял ноги с подоконника, взял стул и сел за стол, глядя мне в глаза.

Основоположник отечественного кинематографа, прошедший с ним славный путь от самого зарождения до всемирного триумфа, совершенно уверенный в том, что его страна – это бушующий океан киноискусства, захлестнувший все от Балтики до Курильских островов, от Северного моря до берегов Колхиды, вдруг на склоне лет, не где-нибудь – в столичном вузе (!) – встречает молодого человека, никогда не видевшего кино!

Маэстро тревожно присматривался ко мне: то ли прикидывал, как и при каком роковом стечении обстоятельств могло случиться, что кинообслуживание страны обошло этого кавказца, то ли анализировал натуральность обнаруженного «экземпляра».

– Вы откуда? – спросил профессор.

Я вновь стал неторопливо подниматься, с грохотом отодвигая стул ногами. Словно распахивая перед дорогим гостем ворота своего заоблачного края, сопровождая свои слова широким приглашающим жестом, я сказал:

– Из Верхни Сванети, дарагой!

Аудитория зарыдала со смеху. Веселье это было странным и напоминало пир во время чумы. Каждый здесь оплакивал свою судьбу, отдавая последние силы неврастеническому припадку смеха. Но ни маэстро, ни я не слышали этого смеха. Наверно, точно так и гроссмейстеры, склонившиеся над доской в решающем поединке за обладание шахматной короной, не видят и не слышат окружающего мира.

Даже если маэстро слышал бы смех, он мог его понять совсем иначе. Еще бы не смеяться! Ведь перед ним стоит хомо сапиенс, никогда не видевший кино. Таким образом, смеющаяся аудитория не выдавала меня, а наоборот – по-

могала профессору утвердиться в подлинности моей дикости.

Вообще, равнинные люди почему-то полагают, что чем выше над уровнем моря живет народ, тем очевидней его дикость. Горцы считают наоборот, что низкое место жительства обуславливает низменность, бездуховность обитателей равнины. Даже в нашем абхазском селе, половина которого находится в долине, а другая половина взбирается на предгорья, эта географическая междуусобица вспыхивает порой даже в кабинетах правления колхоза.

Разумеется, когда я говорил профессору, что происхожу из Верхней Сванетии, я интуитивно рассчитывал на эту примитивную схему, получившую особое распространение во времена покорения Кавказа. Мифическая дикость горских народов оправдывала героев великой державы в их жестокой и самой бездарной войне. Эта схема не поблекла и в наши дни, иначе не было бы смысла ею пользоваться.

Конечно, сказав «Сванетия», я мог вовсе не говорить верхняя. Ведь и Нижняя Сванетия даже для Валдайской возвышенности – достаточно Верхняя. И все-таки слово «верхняя» являлось в этой ситуации той блесной, которую берет рыбак, идя на щуку (такая хищница и такая дуреха!)

– И что, вы никогда не видели кино? – спросил профессор в какой-то слабой и потому непонятной надежде.

– Нэ-эт, – говорю я ему, снова пуская в ход грохот стула и поднимаясь над столом. – Овца видел… пастбищ – видел… кино – не видел!..

У профессора быстро захлопали веки. Было заметно, что он силится что-то предпринять. А мне уже не то чтоб боязно, я вроде привыкаю к этому, казалось, невыносимо

тревожному состоянию. Получалось, что теперь я ему задал задачу, а он ищет на нее спасительный ответ.

Краем глаза я вдруг заметил, как мой друг и земляк Сергей льет на парту слезы смеха, крупные, как виноградины. Мне стало тепло от того, что увидел земляка. Это все-таки поддержка, это опора. Хорошо, когда в такую минуту рядом с тобой оказывается земляк. Ведь, даже случись несчастье, он знает, что делать, к кому обратиться, кому сообщить. И главное между земляками – это земля, кладбищенская или пахотная, все одно – ваше общее с ним отечество.

Я вижу его слезы, но не слышу его смеха. Ведь мы с профессором взаимооглушены. Он меня оглушил страхом быть униженным. А я его оглушил тем, что никогда не видел кино. Вот и сидим друг против друга, как потерпевшие автоаварию, и смотрим друг на друга, все еще пребывая в глубоком шоке.

– Скажите, милый, что такое сценарий? – спросил меня профессор с почти заискивающей ласковостью, словно просил меня, чтоб я на минуту забыл о своей Сванетии и спустился к нему с заоблачной вершины Ушбы. Я понял, что моя блесна сработала и щука стремительно стала сматывать с барабана моего спиннинга первые метры лески. Никому такого легкого вопроса профессор не задавал и не задал бы.

Что такое сценарий, я примерно представлял. Но как это выразить в словах?! Я задумался. В поисках наиболее правильного ответа я, видимо, так глубоко ушел в себя, что маэстро прочитал на моем лице муки пещерного человека, решившего вникнуть в основы кибернетики.

– Не надо! Не надо! – вскрикнул маэстро, словно предупреждая губительное перенапряжение моего примитивного мозга и как бы извиняясь за столь непосильное задание. – Скажите, милый, что такое пьеса?

Маэстро упростил вопрос, обнаруживая и педагогическую гибкость, и доброжелательное отношение к представителю заоблачной советской провинции.

Только сейчас я в ужасе представил себе, что мог выдать себе с головой, прилично ответив на вопрос о сценарии. Я сразу учел эту едва не случившуюся оплошность и решил сохранить головокружительную высоту необразованности в предстоящем ответе о пьесе. Ведь мой край в основном состоит из ландшафта высшей категории сложности для альпинистов.

– Пьеса, – начал я и заскрежетал своими мозгами, – это.., панимаещ.., драма, дарагой.., это каме...– Я хотел сказать «комедия», но профессор прервал меня.

– Правильно! – восторженно воскликнул он и впервые за время нашего странного диалога посмотрел на аудиторию, словно приглашая ее разделить радость его педагогического успеха. «Мать честная, ну наконец... вы ведь сами видели, чего я добился от него. Я, правда, подводил его к ответу, но ведь и он работал, вы сами видели!..»

Маэстро на некоторое время задержал на своем лице гримасу удовлетворения. Так дрессировщик, показав публике номер с медведем, разрешает ей восторгаться его мастерством и с деланным великодушием вкладывает в пасть дикому зверю заработанный кусок сахара.

Профессор тут же раскрыл мою бордовую зачетку и торопливо расписался в ней, словно понимая, что здесь медлить нельзя. Едва ли он сам мог объяснить, почему он так торопился. Просто есть необъяснимое ощущение важности таких исторических моментов, когда промедление может сорвать какое-то важное дело.

Профессор держал мою зачетку в вытянутой руке, словно собирался читать заключительные строки стихов о советском паспорте. Выдержав полную невыразимого смысла паузу, маэстро по-отечески напутственно сказал:

– Молодой человек, запомните, пожалуйста, на всю жизнь, что сценарий... это – пьеса для кино.

Теперь я понял, почему профессор заменил вопрос о сценарии, на который я, по его разумению, наверняка не ответил бы, вопросом о пьесе. Уяснившему, что такое пьеса, уже легче объяснить, что такое сценарий. Маэстро чувствовал, что это один из лучших эпизодов его педагогической эпопеи.

«Сценарий – это пьеса для кино!» – громадным и немеркнущим кумачовым транспорантом то и дело возникает перед моими глазами по сей день. Но он меня не раздражает, подобно многим глупым лозунгам, о которые спотыкаются мои глаза, когда я прохожу по райским бульварам родной Аквы.

Аудитория бушевала, но мы с профессором все еще сидели в звуконепроницаемом аквариуме нашего диалога. Я смотрел на свою зачетку и, томясь ожиданием, едва сдерживал себя, чтоб не выхватить ее из рук разомлевшего профессора.

Затем, видимо, представив, как нелегко придется жить человеку, настолько оторванному от цивилизации, он сокрушенно, понимая мою обреченность, сказал:

– Да, мне очень жаль, что вам так тяжело с языком.

Естественно, он имел в виду мой русский язык.

– Да, дарагой, – тут же поднялся я со своего места. – По-свански гаварю.., – сказал я с действительно диким акцентом, но с таким достоинством, словно прочитал лучший афоризм из «Витязя в тигровой шкуре».

Уже некоторое время я чувствовал, что во мне начинается стремительное брожение микробов смеха и меня с каждым мгновением все нестерпимее распирает, как бочку с молодым бродящим вином. Я готов взорваться, уже трещат заклепки на моих ободках, а профессор не торопится. Смакует свой удачно прошедший эксперимент.

Наконец он усталой рукой протягивает мне зачетку, я беру ее, не стараясь даже улыбнуться, потому что до боли зажал свой язык зубами, чтоб эта боль не дала мне лопнуть от смеха. Тут я вспомнил, как в детстве, чтоб дедушка не слышал, что мы погнали коз к реке, а не туда, куда нам было предписано, мы с соседскими ребятами затыкали их колокольцы папоротником и бесшумно спускались к крутым берегам Аа́лдзги.

Я постарался не бежать, а дойти до двери, что у меня вроде получилось. Но, едва оказавшись за дверью, я кинулся в конец коридора – ведь я не дышал и мне нужно было вдохнуть хоть глоточек воздуха. И вот, уже на лестничной клетке, захлопнув за собой двери в коридор, я бросился на перила и, едва не переваливаясь в проем лестничной клетки, дал волю своему смеху. Разжималась пружина напряжения.

Выплакавшись, я вышел в вечернюю зимнюю Москву и пошел по Тверскому бульвару. Со мной рядом шел задумчиво-ласковый и густой снег. Мне была приятна белизна его утомленности, она была созвучна мне, словно мы негромко в два голоса пели в блаженной согласованности старинную абазинскую песню. Я вдруг проникся нежностью к профессору, мне хотелось вернуться в институт и сказать ему: «Маэстро, вы замечательный режиссер!»

В общежитии я прилег на свою кровать и с глубокой тоской по покою решил расслабиться. Не хотелось думать ни о чем. Я засыпал или уже спал, когда вдруг услышал все нарастающий топот многочисленных ног в коридоре нашего этажа. Прежде чем я успел сообразить, что это за грохот, дверь в мою комнату распахнулась и в нее с гиканьем вломились мои счастливые сокурсники. Перебивая друг друга, они говорили мне о чем-то, тискали меня, хлопали по плечу, затем стали подкидывать к потолку,

еще более усложняя процесс моего возвращения к действительности.

Оказывается, как только я вышел из аудитории, маэстро без всякого опроса поставил всем студентам зачеты. Студенты были счастливы – чудо все-таки свершилось. И действительно, о каком опросе теперь могла идти речь, когда профессор киноискусства поставил зачет человеку, никогда не видевшему кино.

Однако на этом не окончились приключения самого маэстро. Сжалившись над студентами и поставив им зачет, он в сопровождении старосты курса, который нес ему чемоданчик с киносценариями, спустился в учебную часть. Войдя в просторное помещение учебной части, маэстро демонстративно скомкал ведомость, которую держал в руке, и швырнул ее на диван, стоящий рядом со столом заведующей.

– Каких студентов вы принимаете! – завопил маэстро, словно разоблачая приемную комиссию литературного вуза в ее преступной деятельности.

Акустика просторного помещения учебной части еще некоторое время сохраняла вопль знаменитого кинорежиссера.

Заведующая наблюдала за профессором сквозь рассеивающийся папиросный дым, который постоянно окружал эту бывшую партизанку, и не могла понять, что с ним происходит. Прорвав блокаду дымовой завесы резким движением руки, с готовностью отвечать и за себя, и за институт, а если понадобится – и за весь Союз писателей, она спросила его:

– Ну и каких?

– По-русски лыка не вяжут, кино в жизни не видели, да где ж вы таких берете?!

До заведующей дошел-таки этот вопль профессорского отчаянья, и она призадумалась.

– А кто у нас есть такой? – спросила она и посмотрела на свою помощницу. Та в ответ пожала плечами.

– Из Верхней Сванетии, – пояснил профессор с какой-то разоблачающей интонацией в голосе, – ну, как его… – он силился вспомнить мою фамилию.

– Из Сванетии у нас никого нет, – заявила заведующая, как человек, головой отвечающий за дела своей канцелярии. Ей утвердительно кивнула и помощница, на которую было возложено ведение личных дел студентов.

Профессору пришлось поднять брошенную им ведомость и разглаживать ее на столе у заведующей, что самой заведующей не нравилось, и это было видно по выражению ее отстраненного от маэстро лица. Она еще яростней задымила, чтоб табачная завеса между ней и обозленным профессором была более непроглядной. Едва профессор ткнул пальцем в мою фамилию и воспроизвел ее в едва узнаваемом виде, с заведующей случилась истерика. Она поперхнулась дымом, швырнула на пол так и не докуренную папиросу, встала из-за стола и буквально упала на диван. Она и плакала, и смеялась, и задыхалась – одновременно. И молодая помощница тоже хихикала, вроде соблюдая субординацию и не доходя до той кондиции, до которой позволено доходить заведующим. А знаменитый режиссер стоял посреди просторного помещения учебной части и вроде не понимал, почему он здесь находится и к чему этот странный смех.

Услышав от профессора легенду о студенте, не видевшем кино и не знающем русского языка, заведующая сначала вроде была готова частично принять профессорские претензии. У нас на курсе действительно был один восточно-кавказский литератор, который решительно не владел русским языком и был живой притчей. Но он учился на отделении драматургии и, разумеется, бывал в театрах и в кинотеатрах своей республики. Обсуждали

его пьесы в подстрочных переводах. Потому, когда профессор воспроизвел мою фамилию, хотя и в исковерканном виде, заведующей стало понятно, что маэстро жестоко обманут.

– А… собственно говоря, чего вам так весело? – спросил профессор недоуменно.

– Понимаете, – начала заведующая, утирая слезы, – отец этого студента, известный в стране драматург, учился в свое время у нас на Высших литературных курсах. Мы хорошо знаем эту семью, и в том, что этот студент видел кино, не может быть никаких сомнений. А что касается русского языка, то парень этот вообще пишет на русском и свои стихи, и свои рецензии. У него уже есть публикации. Кроме того, он абхаз, из Абхазии, и у них нет проблем с русским языком. Проблемы у них со своим, с абхазским языком, – завершила она свое объяснение, уже почти отдышавшись и запаливая новую папиросу.

Это невинное объяснение заведующей прозвучало для маэстро как вселенский набат, возвестивший миру о начале его конца.

Маэстро стремительными шагами вышел из помещения учебной части, однако двор Литературного института он покидал довольно медленно, словно ему, как лирическому герою замечательного русского романса, уже некуда было спешить. Его сопровождал староста нашего курса, несший чемоданчик с киносценариями. Маэстро то и дело вдруг останавливался, почему-то под самыми лампионами Тверского бульвара, и как в шоке повторял одно и то же: «Вот это абхаз… обманул». Вместо слова «обманул» маэстро пользовался глаголом хотя и не цензурным, зато художественно более выразительным за счет своей натуральности и зримости.

ДАРЬЯ

Вот уж несколько лет, как парализовало ее мужа, и Дарья стала главной кормилицей большой семьи. Старшие дети – окрепшие подростки – уже занимались как могли крестьянским трудом. А те, что были поменьше, промышляли садовым и огородным разбоем, добывая себе несытое, но спасительное пропитание.

Это пузатое воинство было для окрестных усадеб страшнее коз. Они не давали яблоку ни дозреть, ни упасть.

Вот и в этом году Дарья родила в очередной раз, и опять наше приречное селенье с замираньем гадало, понесет она снова или нет. Ее плодовитость казалась неправдоподобной, тем более что ничем не выдающийся муж Дарьи был практически прикован к постели и не выходил за порог дома. Лишь изредка дети выводили его и усаживали на скамью, прислонив спиной к многолетнему ясеню, что рос во дворе.

Хотя Безыр был намного старше Дарьи, если бы не паралич, он еще не один год мог бы управляться с хозяйством, приобщая к делу детей. Но и будучи здоровым, Безыр не отличался усердьем, как, впрочем, и ничем другим.

Не в пример своей жизнелюбивой жене, он был молчалив и необщителен.

А Дарья исправно беременела и рожала краснощеких детишек, все больше и больше повергая односельчан в суеверное смятение.

Никто точно не знал, сколько у нее детей. А если кто и знал, все равно сомневался: урон, наносимый садам, казался чрезмерным и несопоставимым. Но возможно, на Дарьных детей списывались проделки и других налетчиков – соблазн этого промысла велик для всех детей. Возможно, и крестьяне преувеличивали нанесенный им ущерб, чтобы получить в виде сочувствия близких хотя бы некоторую моральную компенсацию.

Односельчане были вынуждены терпеть этот разбой потому, что и он, этот разбой, был, в свою очередь, также вынужденным. Все понимали, что женщине с больным мужем и дюжиной детей было нелегко прокормиться.

Дарьины дети кукурузных полей не трогали, в амбары не лезли. А фрукты есть фрукты. Это все-таки не хлеб. Хотя именно хлебом соседи делились с Дарьей добровольно. Привезет кто-нибудь из крестьян мешок кукурузного зерна, оставит его во дворе у ворот, а на следующий день возьмет пустой мешок с частокола, не заходя во двор, чтоб не обязывать ничем хозяйку и не унижать приношениями ее больного, но ведь не слепого мужа.

Чаще всего Дарья не видела, кто приносил ей зерно. Но кто-нибудь из детей все равно докладывал ей о том. В таких случаях Дарья наказывала, чтоб сады этих людей они не обрывали хотя бы некоторое время. Словом, окрестные хозяйства невольно оказались данниками этой пузатой орды, которая рано или поздно совершала карательные набеги, напоминая о себе не только близлежащим усадьбам, но и далеким «провинциям».

Однажды, свернув на своей гнедой лошади с проселочной дороги, Шугян настиг на тропинке одного из дарьиных сынков. Питка нес с мельницы непомерный мешок муки. Услышав сзади конский топот, он обернулся. Узнав учителя, Питка сбросил на землю свой мешок и, сняв шапчонку, застыл в ожидании.

Шугян улыбнулся краснощекому пацану и, едва поздоровавшись, спросил:

– Мама твоя родила?

– Да, – ответил смущенный мальчишка.

– Ну дает! – вырвалось у Шугяна, хотя, казалось, давно следовало привыкнуть к тому, что Дарья раз в году обязательно рожает.

– Не давайте ей передышки! – добавил Шугян. Мальчик от стыда стал пунцовый и готов был провалиться сквозь землю. А земля держала мальчонку на высоком солнечном пригорке и любовалась своим крепышом.

– Давай сюда муку! – сказал Шугян дарьиному сыну, и тот с мальчишеской безропотностью поднял с земли свою ношу. Учитель поставил мешок на холку коню. – Теперь залазь! – скомандовал он и вытащил ногу из стремени, чтоб Питке было возможно подняться к нему.

Отказаться от предложения учителя у Питки не хватило духу, и он влез на коня, примостившись за широкой спиной директора школы.

Шугян, кроме своих дочек, никого из детей к себе не подсаживал. Но тут был особый случай, когда учитель хотел смягчить жестокость своей шутки.

Мальчик пригрелся на крупе шугяновской лошади, неловкость потеряла остроту, и он уже озирался по сторонам, желая быть замеченным. Ведь никто из сельской детворы не мог похвастать, что прокатился с Евгением Александровичем на его лошади. А Питка видит, как с веранды ближнего дома смотрят двое мальчишек. Один из них – его одноклассник. И последний толкает товарища плечом – смотри, Питка едет с Евгением Александровичем!

Питка так хотел, чтоб его увидели сверстники, а теперь, когда это случилось, вдруг застыдился своего сбывшегося желания и стал смотреть по другую сторону учительской спины.

Едва они подъехали к воротам, Питка спрыгнул с крупа лошади – и бегом домой. Голос Шугяна настиг его на середине двора:

– А мешок кому оставил?

Мальчик опомнился, побежал назад, и Шугян, свесившись с коня, отдал мешок через ворота растерявшемуся Питке.

– Неси ведро для керосина! – крикнул Шугян вдогон. В это время с конца двора сюда направилась Дарья. Заметив Шугяна, она подобрала выбившиеся волосы и туже повязала косынку на голове.

– Поздравляю с новорожденным, – сказал Шугян подошедшей хозяйке. Дарья зарделась, как молодка, и отвела взгляд в сторону .

Прибежал Питка с ведром. Шугян отстегнул свой огнетушитель и отвернул крышку.

– Сможешь сам?

– Смогу! – ответил Питка, ободренный присутствием матери. Дарья пригласила Шугяна в дом, хотя и была уверена, что он откажется. Пользуясь тем, что Питка сливал керосин в ведро, а Дарья стояла, отведя в сторону взгляд, Шугян внимательно всматривался, стараясь угадать в ее очертаньях приметы особой плодовитости. А Дарья вся состояла из этих примет. Ее даже в потемках легко можно было узнать по яростному абрису бедер и уютной покатости плеч. Она стояла перед Шугяном, как воплощение плодородия и изобилия.

– Деметра! – воскликнул Шугян. Но ни Питка, ни его мать не поняли значения этого слова. Такие слова в селе Алра знал только учитель.

– Спасибо большое, – сказала Дарья, когда Питка возвратил учителю огнетушитель. Шугян попрощался, развернул лошадь и в какой-то тоскливой нерешитель-

ности отъехал от ворот, поправляя на ходу опустошенный и притороченный к седлу баллон огнетушителя.

Дети приносили вязанки ореховых прутьев из лесу, и Безыр, сидя у очага, показывал им, как плести корзины. Это был его способ выжить и быть полезным. Потому Безыр старался как можно больше работать своей непарализованной рукой.

В этих корзинах Дарья носила на базар зелень, овощи. Заодно продавала и саму корзину. На вырученные деньги покупала хлеб, сигареты мужу, детишкам что-нибудь из самого необходимого, и бегом домой. В это время ее девочки как могли управлялись с домом и присматривали за самыми маленькими. Дарья буквально вбегала в ворота, еще издали по внешним, ничего не говорящим для постороннего глаза приметам стараясь угадать, не случилось ли чего за ее отсутствие.

Особо тяжким трудом для Дарьи было доение коров. Все остальное дети умели, но подоить коров, а тем более буйволицу, их ручонкам еще не доставало сил.

Усадьба Дарьи находилась в низине, у самой реки. На противоположном берегу лежала пустынная долина соседнего села. И если бы не частые хождения на базар, когда приходилось выходить на главный проселок, Дарью мало бы кто знал и видел. А те немногие, кому приходилось побывать в ее доме или во дворе, ничего особенного, кроме многодетности и бедности, тут не находили. Они уходили огорченные, не заметив здесь ничего, что могло бы сделать женщину такой жизнелюбивой, какой была Дарья.

Не дознавшись причин дарьиного жизнелюбия, женщины села Алра не успокоились. Тайна оставалась неразгаданной и потому не умирала. Все-таки откуда у Дарьи берутся дети? Безыр-то совсем немощный.

Одна из крестьянок, муж которой также был намного старше нее, недвусмысленно намекая на собственный опыт, заявила, что вроде освобожденный от тяжелого сельского труда крестьянин так быстро накапливает в себе силы, что начинает домогаться любви с юношеской настойчивостью.

На посиделках у постели умиравшей долгожительницы другая крестьянка допустила, что если престарелый мужчина целыми днями сидит у очага, причем сидит очень близко к открытому огню, как Безыр, – вполне вероятно, что, перегревшись таким образом, он может иной раз пригодиться жене.

Умиравшая старуха – Маглóния, о которой за разговором о Дарье забыли женщины, но которую на мгновенье вернул к жизни этот спор, заерзала в постели. Обреченная кашлянула пару раз, как бы предупреждая, что временно возвращается к жизни.

– От паралича может одеревенеть любая конечность! – сказала Маглония голосом прорицательницы. Это были последние слова, заменившие старухе исповедь. К утру она умерла.

Разговор о Дарье и ее прикованном к постели муже был продолжен женщинами уже в панихидные вечера у смертного одра той же Маглонии, намекнувшей перед смертью, что именно конечность, застигнутая ударом в состоянии возбуждения, могла стать пожизненным достоинством парализованного мужчины.

Версия об одеревеневшей конечности, хотя и дразнила женское воображение, все-таки не годилась как объяснение особого жизнелюбия и плодовитости Дарьи.

Между тем Дарья уже донашивала четырнадцатого ребенка. Еще с вечера она поняла, что ей скоро рожать. Сильно тянуло поясницу. И вот утром, едва додоила первую корову, как почувствовала приступ схваток. Забежа-

ла в дом, поставила подойник на пол, крикнула детям, чтоб молоко вскипятили и ведро воды подогрели. А сама бегом в коровник, что стоял в конце усадьбы.

Здесь Дарья и разродилась. Она лежала на стеблях сухой кукурузы. Недоенная корова с особой лаской лизала обессиленную руку разродившейся хозяйки, понимая ее муки и одновременно желая, чтоб Дарья скорей пришла в себя и подоила ее. Услышав негромкий, грудной плач ребенка, коровы в хлеву замычали. Они ведь только и знали, что кормились, чтоб рожать, и рожали, чтоб потом кормить.

Еще не высох на лбу ее пот, как Дарья собралась с силами, обрезала серпом пуповину и завязала младенцу пупок, как узелок на память о родстве. Завернув ребенка в косынку, толкнула ногой дверь хлева. Со двора дохнул свежий воздух, и ее закачало. Одной рукой прижимая к груди ребенка, другой ухватилась за дверной косяк и удержалась. Переведя дыханье, пошла под сень высоких акаций, где стояло несколько пустых колод от былой пасеки. Подняла крышку колоды, выдула оттуда сор, положила младенца и, прикрыв его крышкой, поднялась домой.

Дарья вернулась в сарай с ведром теплой воды и чистыми тряпками. Выгнала из хлева коров, принесла сюда младенца, детское место которого уже дожевывала подоенная корова. Дарья обмыла ребенка, запеленала кое-как, обмылась сама и вернулась с новорожденным в дом. Дети были смущены таинством появления нового человека и не смотрели в сторону матери.

Жизнелюбивой Дарья была по своей природе. Она боролась за жизнь, за свою неистребимую к ней любовь. И женщины нашего села, хотя еще не дознались истинной причины, все же были правы в главной своей догадке. Только мужчина может сделать женщину настолько

счастливой, что она будет рожать детей, трудиться, переносить тяготы и оставаться загадкой для благополучных и угрюмых. Пожилой и парализованный Безыр так и не был признан источником особого душевного подъема Дарьи.

…А случилось это неожиданно, как и все, что случается не по нашей воле.

В самый разгар полевых работ у сельского кузнеца умерла мать. А это означало, что до сороковин он и близко не подойдет к наковальне и горну. По всем кузнечным делам крестьяне были вынуждены ездить в район. Иные ждали, когда пройдут сороковины, а кто ближе жил к соседним селам, обращались к тамошним кузнецам.

Выше по реке от усадьбы Дарьи был переброшен висячий мост. Он связывал соседние колхозы. Жители приречной части села Алра выходили отсюда к шоссейной дороге, когда нужно было поехать в город. Если это были не самые роды, по этой же дороге ездила на рынок и Дарья.

На противоположном берегу, достаточно далеко от моста находилась кузница соседнего села, куда Дарье и пришлось тогда обратиться. Там в дверях стояло двое юношей в ожидании, когда кузнец примется за их мотыги.

– Что тебе? – спросил кузнец Дарью, едва отошел от горна. Она вытащила из сумки новую лопату, купленную на рынке, и протянула ее кузнецу.

– Мотыгу?

– Да, конечно.

– Эй вы! – крикнул он ребятам. – Можете идти к реке и купать коней! Я отпущу эту женщину вперед!

– Спасибо, – сказала Дарья, испытывая неловкость за то, что ей, женщине, пришлось идти в кузницу.

– А гнездо для мотыги есть?

– Есть… сейчас, – спохватилась Дарья и достала из сумки ржавую мотыгу.

Кузнец тут же расклепал старую тяпку, выбросил в свалку сточившееся лезвие, а навершие отложил в сторону. Подкачав меха, он раскалил в горниле лопату и срезал ее нижнюю часть для нового лезвия.

Дарья смотрела, как молча и сосредоточенно работал кузнец. Она без опаски разглядывала его со стороны. Присутствие женщины наполняло движения кузнеца особым смыслом, отчего привычная работа выполнялась как священодействие или была священодействием.

В полумраке кузницы лицо и атлетические руки Кастэя отливали горячей и живой медью. Он раздувал огонь в горне, удерживая клещами кусок багровеющего железа, и был богоподобен в своем необременительном величии.

Из всех огней, с которыми соприкасается человек, огонь кузницы – главный огонь. Потому кузнец не бывает легкомысленным. В нем есть что-то от жреца и огнепоклонника…

Уже готовую мотыгу Кастэй раскалил по линии заточенного края, остудил ее в корыте с ржавой водой. И вот теперь, вытирая передником остывшую и мокрую мотыгу, он посмотрел на околдованную Дарью, и она, опомнившись, запоздало отвела взгляд.

Выйдя из оцепенения, она положила деньги на верстак и, поблагодарив кузнеца, заторопилась домой. Кастэй ничего не ответил и на деньги не посмотрел, лишь вышел из кузницы на свежий воздух, посмотрел вслед уходящей женщине, стряхнул рукой свой оттопырившийся фартук и пошел к наковальне.

В стороне от дарьиной усадьбы протекал безымянный ручей. Перед тем как влиться в реку, он образовывал заводь. Здесь, в тенистом овражке ручья, под невысоким речным обрывом Дарья полоскала свою постирушку, выбивала ее на камнях. На нагретых солнцем прибрежных валунах вещи быстро высыхали.

Шум реки и однообразная работа быстро уводили Дарью в звенящий мир забытья, где ничто не радует, но и ничто не огорчает.

Кто-то позвал ее. Дарья подняла голову. Никого. Послышалось… Она опять ушла в работу. Но зов повторился и ей показалось, что кричали ей не из дому, а сзади, с противоположного, пустынного берега, где никто не жил и не проходил. Обернувшись, она заметила на том берегу человека. Он стоял с жердью в руках. Дарья узнала кузнеца, обрадовалась и даже махнула рукой. «Что же я делаю, дура!» Зачем-то вытерла руки о подол. А подол у нее был задран, заткнут в двух местах за пояс и оголял ноги до ослепительных, никогда не видавших солнца бедер. Но она не стала опускать платье, просто отвернулась, чтоб не смотреть на постороннего мужчину, и принялась стирать, стараясь сбить чувственный прилив.

Как он здесь оказался? Дарья и не помнит, когда в последний раз видела человека на том берегу. Там и дороги нет поблизости. Может, корова затерялась и он ищет ее?… Нет… В руках у него жердь… Может, дрова собирает, выброшенные рекой? Для прибрежных жителей это привычное занятие. Дарья сама подбирает здесь обломки деревьев, выброшенных паводками. Но ведь на том берегу нет поблизости крестьянских усадеб. В такую даль он за дровами не пошел бы. Дарью снова захватил звенящий мир забытья, но этот звон уже не был умиротворяющим, напротив, он наполнялся наплывающей тревогой, от которой бессмысленно было бежать. Дарья уже сама трепетала и звенела и в шуме реки своим звериным женским чутьем слышала, как мужчина переходит реку и неуклонно приближается к ней. Она не желала и не могла противиться тому, что должно было свершиться. В суеверной покорности Дарья упала коленями в песок и положила голову на валун, как на плаху страсти, выронив из рук не-

отжатое белье. Она ощутила в себе горячую плоть и почти спасительную прохладу его мокрых одежд. Ей хотелось рыдать от счастья…

Она лежала на берегу, истерзанная и блаженная. Ни вставать, ни пошевелить пальцем ей не хотелось. Лучики солнца с детской веселостью преломлялись на ее влажных от слез и почти прикрытых ресницах, которые процеживали ослепительный свет полдневного солнца, что проламывался в овражек, затененный девственно трепещущими от приречного ветра акациями. И она видела сквозь радужную влажность ресниц, как он удалялся и выходил на свой пустынный и опаленный берег… на противоположную сторону от буйного урочища, в котором терялась усадьба Дарьи.

С коптилкой в руке глубокой ночью Дарья опускалась под речной обрыв и садилась на валун, подстелив под себя старую бурку мужа. Она слышала, как на противоположном берегу он входил в ночную реку, как стремительная вода булькала, завихряясь вокруг ног Кастэя. Она слышала даже его дыханье, как если бы река вовсе не шумела. А река шумела так, что не каждое ухо могло услышать крик с противоположного берега. Через некоторое время она начинала угадывать его очертанья. Пар, что исходил от его разгоряченного тела, был гуще речного тумана. Теперь ей была видна его неизменная жердь, на рогатину которой была узлом завязана его одежда.

Подобно богу воды Хаиту, Кастэй выходил из мрака и воды на огонек трепещущей коптилки, зажатой ногами любимой женщины. Сама Дарья была высвечена из пещерной темноты тесного овражка.

От кузнеца Кастэя она родила семерых – ровно столько сколько от мужа. Но в любви к Кастэю так и не остыла, может, оттого, что не была связана с ним узами брака и не могла повелевать. А возможно, и не оттого…

Каждый раз, приходя к ней среди ночи, он переходил вброд стремительную горную реку. И это возводило его в глазах Дарьи в особое достоинство. Женщины умеют ценить, когда ради них не считаются со стихией или опасной преградой. А Кастэй каждый раз добывал Дарью, как добычу, и пользовался ей, как добычей.

В одну из лунных ночей Кастэй появился у реки на лошади. Приехал без седла, охлюпкой. Дарье было хорошо видно, как он, нагой, переезжал к ней на серебряной от лунного света лошади, держа в кулаке свою одежду, и весь светился. Как фосфором горел.

Дарья скинула одежду и встретила его еще в воде, не дождавшись, когда он выйдет на ее берег. Она прильнула лицом к его мокрой ноге, как к стремени полководца, и гладила сильные икры Кастэя. И целовала – все выше и выше, и так до самой холки лошади.

Он бросил на берег одежду, взял ее, потянувшуюся к нему всем телом, одной рукой, бережно усадил впереди лицом к себе и в который раз ощутил упругость ее добрейшего тела. И Дарья почувствовала, как он неуклонно входит в нее немыслимой теплотой исполняющегося желанья, всем существом и с замиранием вслушиваясь в это вхождение, в какое-то мгновение приводящее ее на грань беспамятства и безрассудства.

Они не заметили, как лошадь под ними медленно пошла, затем поскакала, все быстрей и быстрей. Рывки любви и порывы мчащейся лошади согласованно нарастали и перешли в пульсирующий ритм свободного галопа. Волосы опрокинутой Дарьи и грива заржавшей на всем скаку кобылицы обтекали всадника, как видимые струи ветра.

Замедляя бег, лошадь взбежала на холм, а там перешла на шаг, и обессиленные наездники блаженно соскользнули с ее лунной спины на серебряный луг. Было приятно

лежать разгоряченными, распластавшись на прохладной росистой траве.

Когда наездники и их лошадь остыли, они вернулись на прежнее место и втроем купались в ночной реке…

Ни до, ни после этой ночи Кастэй не приезжал к Дарье на лошади, тем более что кобыла вскоре стала пузатой. Позже Дарья видела эту лошадь с тонконогим, как серна, и застенчивым стригунком. Она смотрела на эту лошадь, как на память о лунной ночи, а жеребенок казался устремленным в будущее отросточком той памяти.

Он по-прежнему выходил ночами на ее берег – задымленный, как мифический овен, покрывающий стада. Шел на мерцающий огонек, освещавший ноги Дарьи. И было непонятно, что светило ему больше – огонек коптилки или ослепительной белизны ноги женщины. Просто тусклый огонек фитилька, отраженный ногами Дарьи, был усилен и лишь потому становился светом. Ее лицо, обращенное в темноту, казалось всевидящим.

Каждый раз ей казалось, что это все, что такое не может повториться, и дается оно лишь напоследок, как сладчайший паек за грядущую беду. Но судьба хранила их, оберегала и, казалось, даже потворствовала им.

Кастэй вышел из грохочущего мрака ночной реки на берег. Она погасила светильник и расстелила бурку, в которую была запахнута и которую вот уже сколько лет прятала в коровнике. И возвращалась в дом за полночь, с неизменной дрожью в коленях. Но любовная утомленность давала ее короткому сну особую глубину, а к утру – бодрость и то жизнелюбие, которое повергало женскую половину села в недоумение.

Вдали, в горах Ходжала, посверкивала молния. Это означало, что дожди проходили стороной, по высокогорью, хотя они особенно нужны были здесь, в долине, где их заждались посевы.

– Тебе пора, – сказала ему Дарья. – Иначе вода в реке прибудет.

Кастэй взял свою жердь с одеждой в рогатине и пошел к реке, прижимая к себе Дарью. Вода в реке уже прибывала. Ее привычный шум переходил в недоброе урчанье.

– Может, переждешь ночь? – заволновалась Дарья.

– Нет. Утром она будет не меньше. Я успею, пока река вовсе не разлилась, – успокоил ее Кастэй и, оставив на берегу, уверенно вошел в воду.

Дарья до боли в глазах всматривалась в темноту, силясь не терять его в шумном мраке, и вдруг закричала. Он обернулся, не понимая, что с ней случилось. И тут его что-то ударило, сбило с ног, подмяло под себя и понесло. Он попал под самый вал паводка, который клокочущей, вздыбленной стеной несся в долины. Громадная ольха, выросшая где-то в верховьях в непредусмотрительной близости к реке, была смыта ливнем. Задранным в чудовищной обнаженности корневищем дерево надвигалось на него и накрыло вынырнувшего было Кастэя.

К полудню следующего дня окрестные селенья облетела весть о гибели кузнеца. Утопленника выбросило к островку у соседнего села. Мертвец был без одежд, и люди не знали, как объяснить это странное обстоятельство. Не могли понять и того, как он оказался в реке среди ночи и попал под паводок. Иные полагали, что Кастэя убили, а затем бросили в реку. Но у него не было врагов, его любили, да и просто не могли без кузнеца. В любом селе такой человек незаменим.

Лишь один Шугян заподозрил, что это связано с Дарьей, к которой он сам тайно питал любовь. Последнее обстоятельство лишало его возможности разглашать свою догадку, и он ревниво носил ее в себе.

Еще рано утром Шугян глядел в долину разлившейся Аалдзги с высоты утеса Абга́рра и заметил, как на противоположном берегу, прямо напротив усадьбы Дарьи

металась вдоль реки с жеребенком и ржала обезумевшая кобылица Кастэя.

Позже, услышав о гибели кузнеца, он предположил, что кобылица металась именно в том месте, где река унесла хозяина. Как только паводок сошел полностью, Шугян переехал на противоположный пустынный берег и осмотрел его. Никаких следов насилия или убийства здесь он не заметил. Зато вновь обратил внимание на то, что прямо напротив этого места на той стороне – тенистая усадьба Дарьи. Тут Шугян вспомнил, что среди ночи ему слышались женские крики. А ведь никто еще не знал о гибели кузнеца. В ту ночь, когда погиб Кастэй, никто не умер ни в селе Алра, ни в заречном селе. Значит, женщина вопила по Кастэю. Это была женщина Кастэя, и погиб он у нее на глазах. И лошадь, бежавшая вдоль реки, принадлежала утопленнику.

Местность, где обнаружили труп кузнеца, стала называться Брод Кастэя. Хотя его действительный брод был намного выше по теченью реки и оставался безымянным. Это был путь к Дарье, и он принадлежал только ему.

КУМИР

Когда наша семья еще жила в предгорном городке Ткуарча́л, к нам нередко заходил Владимир Мучин. Я не знал, да и не старался вникать в то, где он работает, тем более что работу он менял, оказывается, довольно часто. Мне было двенадцать лет, и у меня были свои заботы. И все-таки мне запомнились отдельные эпизоды его увлеченного творчества, которое вдруг прерывалось полосой запоя, потерей работы, уходом на другое место, в какую-то совершенно иную область, не похожую на прежнюю.

Полюбился мне Владимир Мучин еще в ту пору, когда он вел в городском Доме пионеров кружки авиамоделирования и радиотехники. По радиотехнике работа с подростками начиналась с того, что он учил ребят делать простейшие радиопередатчики. Он сразу понял, что человеку, и особенно нетерпеливому подростку, надо давать работу, результаты которой он будет видеть время от времени.

Ребятам нравилось собирать передатчики. А Владимир Яковлевич ненавязчиво приобщал их к паяльному ремеслу, учил понимать назначение радиодеталей, разбираться в схемах. Порой ему приходилось объяснять некоторые вопросы математики или физики. Здесь, под руководством Владимира Яковлевича, ребятами усваивались казавшиеся непостижимыми трудности науки.

Как правило, у подопечных Владимира Яковлевича вскоре и дела в школе поправлялись, особенно по точным дисциплинам. А вскоре он просто прослыл кумиром городской детворы. Лучшие его воспитанники выходили

в эфир, переговаривались друг с другом, проигрывали любимые песни своих любимых одноклассниц.

Когда кружковцы Мучина со своими авиамоделями выходили на площадь перед Домом культуры энергетиков, то поглазеть на это сбегалась не только вся детвора поселка – сюда приходило и немало взрослых людей.

Заправленный душистым горючим очередной самолетик, после того как его заведут ударами пальцев по пропеллеру, всхлипнув, несколько раз чихнув и поурчав, поднимал вдруг неудержимый стрекот, и детвора замирала. «Ассистент» помогал самолету разбежаться, а счастливый «конструктор» стоял с натянутым поводком в центре круга и вел свою модель по кругу. И вот пронзительно стрекочущий самолетик кружит в воздухе, удерживаемый своим создателем на поводке, и, кажется, ликующе кричит пацанам: «Смотрите, я лечу!»

Школа, в которой преподавал мой отец и работала в библиотеке мать, находилась прямо напротив Дома пионеров. В этой же школе учились мой старший брат и сестра. Заслышав о Владимире Яковлевиче как об исцелителе особо трудных подростков, отец пошел однажды к нему с надеждой, что кумир городской пацанвы сумеет вовлечь в работу кружка и моего старшего брата. А братан мой отличался неизбывной подвижностью и слыл дерзким налетчиком на огороды, подвалы и чердаки. Он вполне заслуженно считался трудным учеником, и Владимиру Яковлевичу предстоял непростой эксперимент, который в случае успеха предполагалось закрепить. Опыт первое время вроде удавался, но окончился провалом, как заканчивались и все последующие попытки наставить моего брата на верный путь. Он легко сворачивал с магистрального шоссе здравого смысла и упрямо продирался по бездорожью в страну шалопайства.

Владимир Яковлевич захаживал к нам и после того, как провалилось воспитательное предприятие. Кстати, он, которого только кружковцы звали по имени и отчеству, а весь город – просто Володей, – сам часто и надолго сворачивал со столбовой дороги обычной жизни и плутал в дебрях беспросветного запоя.

После очередного запоя его попросили из Дома пионеров, и он остался на улице. Я не помню, где он жил. Думаю, его кровом было рабочее место, когда оно у него бывало. И, лишаясь работы, он лишался и простого человеческого пристанища.

Однажды Владимир Яковлевич пришел грязный, со свалявшимися волосами. Он признался моему отцу, что ночевал на чердаке, застенчиво попросил поесть и выпить. Вино отчасти сняло ту неловкость, которую он испытывал перед отцом. Владимир Яковлевич стал улыбчив, весел и уверен в себе.

– Я знаю, ты пишешь стихи, – обратился он к моему отцу. – Хочешь, я тебе их переведу на русский?

К этому времени у отца уже вышло два сборника стихов на родном языке, но на русском он не публиковался. Он даже как-то не думал об этом. Предложение Владимира Яковлевича заинтересовало отца, и они стали сотрудничать. Так появились первые переводы отцовских стихов в нашей горняцкой газете. Некоторые стихи удавалось опубликовать в Акве, в большой республиканской газете.

Владимир Яковлевич и сам писал стихи, но об этом я узнал намного позже. К тому времени наша семья уже переехала в столицу нашей маленькой республики. Здесь, проучившись пару лет в одной из престижных школ города, я и моя сестра были определены в интернат. Наша семья переживала большие трудности – Отца перестали публиковать.

Каково было мое удивление, когда в интернате я вдруг увидел Владимира Яковлевича. Он облегчил нам трудность привыкания к новой школе, новым людям, скрасил первые мрачные представления об «инкубаторе» – так называли интернат насмешливые жители этой Аквинской окраины.

Как вскоре выяснилось, здесь, в интернате, Владимир Яковлевич подвизался на новом поприще – он был кочегаром школьной котельной. На него также была возложена вся сантехника и канализация учебного и спального корпусов, столовой и учительских домиков, которые сбились в небольшой поселочек в дальнем углу интернатской территории.

Чуть ли не все первое полугодие нашего пребывания в интернате Владимир Яковлевич вел вполне приличный образ жизни. Он был прекрасным истопником, и в сырую абхазскую осень нам было тепло и уютно.

Банные дни Владимир Яковлевич превратил в праздники. Он разделил интернатскую душевую перегородками из листового железа на множество ячеек. Дырочки в самодельных распылителях сверлил сам, и потому они пускали струйки замысловатыми букетами. Для тех, кто не хотел принимать душ в ячейках или оказывался лишним, он устроил в стороне отдельный душ, распылитель которого был похож на огромный подсолнух, низко уронивший свою отяжелевшую голову.

В раздевалке Владимир Яковлевич повесил кинаповский динамик и проигрывал нам из котельной эстрадные песни, которые он подбирал в зависимости то того, какой класс купался, и ставил пластинку, по его соображениям, соответствующую этому возрасту.

Иногда он принимал и индивидуальные заказы. Через дыру в стене можно было докричаться в котельную,

в которой постоянно гудели форсунки, и попросить поставить любимую песню. В одно время такой общей избранницей была шубутная песенка «Лоли-поп», которую мы часто заказывали и под которую, намылившись так, что на лицах оставались лишь совиные глаза, отплясывали чарльстон на скользком кафельном полу.

Но вот наступила наша южная, пронизывающая до костей, сырая зима. Сама погода не только предполагала, но откровенно провоцировала Владимира Яковлевича на выпивку. Чувствовалось, что он уже лихо крутит штурвал судьбы. В начале запоя ему еще были видны скалы, и он проносил между ними свое нетрезвое судно. Но сумерки запоя сгустились, и Владимир Яковлевич уже не замечал даже береговые сигналы, которые подавало ему школьное руководство. Он уже не управлял своим судном – он остервенело крутил кормило, испытывая судьбу, пока не врезался. Да еще как врезался…

Случилось это утром, до подъема. Вся гора Баалоу, на которой располагался интернат, содрогнулась от взрыва. Вылетели стекла во всех зданиях интернатского корпуса и близлежащих частных домах.

Наша директриса Гурандухт Константиновна со свойственной ей княжеской нерасторопностью запахнула свою античную фигуру в шубу и вышла из кабинета, в котором обычно ночевала после ночных дежурств в спальном корпусе. Она была всегда столь грандиозна и торжественна, что при виде ее возникало ощущение, будто с минуты на минуту должен начаться какой-то большой праздник.

Гурандухт Константиновна своей неторопливой и мягкой походкой первой прибыла на место взрыва. Перед ней курились развалины школьной кочегарки. Труба смешно походила на переломавшуюся папиросу. От-

носительно уцелела западная часть здания, и кочегарка предстала перед Гурандухт Константиновной, как дизайнерский макет, показывающий помещение в разрезе, наиболее полно представляя всю примитивность архитектурной композиции здания и убогость его интерьера.

Тревожно оглядывая дымящиеся руины, Гурандухт Константиновна заметила наконец и самого Владимира Яковлевича. Она облегченно вздохнула – авария обошлась без человеческих жертв. Кочегар спал себе на топчане, съежившись в уютный комочек и отвернувшись к уцелевшей стене, словно ему самому было противно смотреть на эти развалины. Он пребывал в таком нечеловеческом опьянении, что, казалось, там, на той глубине, уже не страшны никакие взрывы, возможно – даже ядерные. Полная, ничем непроницаемая изоляция. Батискаф на дне Тихого океана.

Гурандухт Константиновна ткнула его напильником и, убедившись, что он жив, швырнула инструмент на слесарный верстак и пошла в школу – поднимать разрушенное взрывом хозяйство.

Удивительный человек была Гурандухт Константиновна. Кто ее любил – любили по-настоящему и преданно, но и кто недолюбливал – тоже до неприличности. Таким был старший смотритель интерната – Борис Бахович. Он с почти невероятной быстротой доносил на нее во все известные ему инстанции, и Гурандухт Константиновна знала об этом. Тем более никто не мог понять, почему, совершенно точно зная, что Борис Бахович постоянно копает ей яму, она не предпринимает ничего, чтоб избавиться от него. Люди как бы не понимали, не учитывали самое присутствие благородства в природе человека. А если даже и предполагали, наверняка думали: о каком благородстве может идти речь, когда тебя

ставят под удар! Такая нетерпимость осталась в нас, наверно, от нашей бескомпромиссной классовой борьбы. Хотя истинное благородство в том и состоит, что оно отворачивается, когда видит, как человек унижает себя. Такой была Гурандухт Константиновна. Главная заповедь ее благородства гласит – делать людям добро. Чего бы оно не стоило. Этой заповеди, разумеется, следовали не все дворяне, но в Гурандухт Константиновне доброта жила как божественный рефлекс. Добрые дела давались ей так легко, что она того не замечала, потому и не требовала взаимности. Особый вид щедрости.

Немало пришлось похлопотать Владимиру Яковлевичу, чтоб обеспечить школе в это зимнее время нормальную жизнь. И все-таки на пару дней пришлось прервать занятия. Срочно вставлялись стекла в рамы, в классы были поставлены электрообогреватели, которые директриса собирала чуть ли не со всего города; добыли новый котел для кочегарки взамен взорвавшегося.

Комиссия, прибывшая по очередной жалобе анонимщика, изучала причины аварии. В жалобе было написано, что кочегар лежит в больнице изувеченный. Вопреки этому утверждению, Владимир Яковлевич предстал перед комиссией целехонький и даже выбритый по такому случаю и кое-как причесанный.

Кстати, ни комиссия, ни сам Владимир Яковлевич не могли понять, отчего так сильно разворотило котельную. Владимир Яковлевич объяснял, что кочегарку разворотил не столько котел, сколько взорвавшийся газовый баллон, который он держал для кухонных нужд. Но сам газовый баллон обнаружить не удавалось, что придавало инциденту особую таинственность и диверсионность. Автор анонимного письма видел во всем случившемся результат нашей не доведенной до конца классовой

борьбы, имея в виду княжеское происхождение Гурандухт Константиновны.

Хотя комиссия так и не обнаружила вины директора школы в том, что пьяный кочегар взорвал котельную, материал для очередного выговора Гурандухт Константиновне был-таки подготовлен. Комиссия не могла не учесть интересы таинственного жалобщика, который мог бы пожаловаться и на результаты работы комиссии.

Гурандухт Константиновна умела держать себе независимо и переносить эти и прочие выговоры достойно, чем еще больше распаляла своих недоброжелателей. И вот Наконец когда поулеглись страсти вокруг взрыва в школьной котельной, состоялась-таки долгожданная встреча Гурандухт Константиновны с Владимиром Яковлевичем, но не в кабинете и даже не в коридоре школы, а, как говорится, в полевых условиях, где-то между учебным и спальным корпусами.

Гурандухт Константиновна в накинутой на покатые плечи шубе, грациозно, внимательно глядя под ноги, возвращалась в учебный корпус из столовой. Канализационный люк, в котором копался Владимир Яковлевич, оказался на ее пути. Заметив надвигающуюся фигуру директрисы, он готов был спрятаться в этой яме и накрыть себя чугунной крышкой канализационного люка. Владимир Яковлевич наверняка так и поступил бы, если б не было поздно. Он увидел ее близоруко сощуренные глаза и понял, что уже попал в ее видоискатель и взят на прицел. Положив тяжелый газовый ключ на крышку люка, он покорно опустил голову. При этом он все-таки сохранял некоторое достоинство. Часто терпя нужду, попадая в самые неожиданные переплеты, Владимир Яковлевич мог сделать извиняющийся вид, но никогда не унижался, даже когда просил.

Подойдя к люку, из которого была видна лишь голова Владимира Яковлевича, Гурандухт Константиновна остановила на нем свой прищуренный взгляд, который в минуты ее особого негодования оказывал на людей гипнотическое действие.

– Послушайте, Владимир Яковлевич, – начала она, – вы не могли бы высунуться из ямы чуть-чуть побольше?

Владимир Яковлевич, обманутый неожиданно миролюбивым голосом директрисы, высунулся из люка по грудь.

– Хватит, – сказала Гурандухт Константиновна и оценивающим взглядом осмотрев засаленный бюст кочегара, продолжила: – Если бы вы в свое время взорвали вражеский склад боеприпасов, а не интернатскую котельную, вам на родине могли бы поставить приличный бюст. У вас вполне бравый вид… Кстати, откуда вы родом?

– Я чистокровный русский…

– Надеюсь, не из Рюриковичей. Пьешь ведь, как последний мужик.

Владимиру Яковлевичу, казалось, наскучило терпеть натиск директрисы и вообще, обидно стало за «мужика».

– А кем бы вы были, если бы мы, мужики, не совершили революцию? – крикнул Владимир Яковлевич как бы за всю мужицкую братию вслед уже уходившей Гурандухт Константиновне.

– Я была бы княжной, Володя, – мечтательно, с какой-то тоской несбыточности ответила директриса. – А ты… напиваться и взрывать котельную можно было бы и без революции.

Владимир Яковлевич так и остался стоять в канализационном люке, глядя на удаляющуюся Гурандухт Константиновну, затем взял газовый ключ и с головой ушел в работу.

Ничто человека так не утешает, как труд.

ГУДАУТСКИЕ ПОСТУЛАТЫ

Заведомо благородный поступок гудаутцы распознают сразу – умысел и добродетель, по их понятиям, несовместимы. А тот, кто их соединяет, совершает злодейство или готовится к этому злодейству. Потому людям, подчеркивающим свое дружелюбие, гудаутцы заведомо не доверяют.

Коварство человека, домогающегося дружбы, непредсказуемо. Так считают гудаутцы, и этот постулат помогает им сохранять чистоту человеческих отношений – кем бы ты ни прикидывался, как бы ни маскировался, тебе не миновать застолья, и именно здесь ты будешь окончательно изучен. Ты выпьешь несколько стаканов божественной изабеллы, подобно пациенту, который перед рентгеноскопией пьет кефир с углем, чтоб лучше просматривалось его нутро. Остальное – дело комиссии. Это сидящие с тобой гудаутцы, которым отныне ничего о тебе рассказывать не нужно, ибо они уже знают все.

Есть в Гудауте райком, исполком, милиция – казалось бы, вот тебе и руководство… Но не будем упрощать. Гудаутцы не любят банальностей, но и не кичатся своей оригинальностью. Именитые гудаутцы, заслужившие себе доброе имя не служебным положением, а содержанием своей жизни, – это незримый сенат, решающий вопросы чести Гудауты, его неосознанная гордость и слава.

Все коренные гудаутцы имеют клички. Если же у тебя нет клички, значит, ты залетный, курортник или укореняющийся «парашютист».

У американских индейцев прозвища отражают наиболее яркую черту характера, внешности или физиологических свойств человека. Если индейца зовут Ястребиный Глаз, значит, это зоркий или дальновидный человек.

В Гудауте не всегда бывает, чтобы кличка давалась так прямолинейно. Порой несоответствие клички характеру ее носителя создает иронию, а без иронии гудаутцы не были бы гудаутцами.

Одного гудаутца еще с юных лет звали Ширка. По самой кличке понятно, что ее хозяин – наркоман, который колется наркотиками, или ширяется. Сам наркотик называется «ширка». Вот и все, на этот раз нехитрое, происхождение клички.

В те времена кололись многие ребята, но Ширка был «избранник судьбы», «фанатик кайфа».

Жизнь помотала его по своим темным, хотя в некоторых местах и ослепительно солнечным лабиринтам. В конце, изможденного лагерной жизнью, она привела его в отцовский особняк, и Ширка воспринял родительский кров как «великое и ничем не заменимое благо».

Уже никто не помнит, как и в какой день он бросил «ширяться». Все ушло в прошлое. Но кличка осталась, как невинный талисман, напоминавший о безумном кайфе молодости.

В другом городе человек с такой биографией пропал бы, как «махаджир в пустыне». Но в Гудауте хорошему парню не дадут пропасть. Сам начальник милиции выхлопотал ему место заведующего складом стройматериалов. Словом, работает Ширка. Сын уже в школу ходит, жена в детсаде воспитательницей.

Гудаутские женщины рады успехам «рядового парня».

«Какой у Ширки золотой мальчик растет!» – говорят одни. Иные, не давая остыть восторгу, открывают вид на другую, не менее замечательную сторону его семьи:

«А жена у Ширки какая! В какой чистоте она содержит двор! А как соблюдает наши обычаи! Даже может поздороваться по-абхазски. Ей-богу, лучше русскую невестку иметь».

По разморенному летней жарой курортному городку, как тревожная зыбка по глади залива, пронесся слушок, что районное руководство созывает «малину» и будет строго наказывать работников аппарата, имеющих клички. Хотя именитые гудаутцы не представляли, как будет выглядеть такая инквизиция, тем не менее сама возможность посягательства на местные традиции всколыхнула город.

Маврик подъехал к зданию райсовета на своем стареньком лимузине, который по причине своего иностранного происхождения давно раздражал районное руководство. С независимостью, достойной парламентера, он вышел из машины, оставляя одну ногу в салоне автомобиля, дал короткий сигнал и крикнул: «Магеллан?» Маврик специально назвал своего школьного товарища по кличке, как бы открыто протестуя против предполагаемой кампании.

– Ты, козолюб, – круто начал Маврик, едва Хасан высунулся из окна своего кабинета, – после работы приходи под липу. Разговор есть.

– Хорошо, – ответил Хасан, недовольный бесцеремонностью Маврика и догадываясь о характере предстоящего разговора.

В доисполкомовское время Хасан работал заведующим районным клубом. Однажды ему пришлось поехать на концерт в горняцкий город Щхара с коллективом гудаутской самодеятельности. А Хасан никогда прежде не бывал в Восточной Абхазии и был уверен, что этот край отечества уже давно ассимилирован и как бы исторически

потерян. Кроме того, поездка ансамбля проходила по разделу интернационального воспитания трудящихся, и такая направленность подтверждала убеждения Хасана.

Но каково было его удивление, когда вдруг обнаружилось, что жители высокогорного городка по части абхазского языка, как говорится, сто очков вперед дадут любому гудаутцу! Одновременно Хасан отметил, что щхарцы заметно уступают гудаутцам в знании русского, на котором, в силу курортного фактора, прибрежные гудаутцы говорят довольно бойко. Эти прирожденные совратители обворожат любую хоть сколько-нибудь чувствительную отдыхающую еще прежде, чем она успеет принять загар. С женщиной, перенесшей на курорте любовное потрясение, уже не случится солнечного удара, считают гудаутские ловеласы, придавая своей эротической деятельности некоторый санитарный, предупредительный характер.

Вернувшись в родную Гудауту, Хасан взахлеб рассказывал, что, оказывается, Абхазы живут даже сравнительно далеко от гудаутского района, описывал в подробностях, как после концерта их угощали в широком дворе одного знатного щхарца.

– И самое удивительное, – чуть не кричал в запале Хасан, – они поют те же песни, танцуют те же танцы и обычаи у них, как у нас, елки-палки! Я открытие, понимаете, сделал! Я открыл новую абхазскую землю!

Это были роковые слова. Роковые в том смысле, что с этой минуты Хасана уже никто не называл в городе по имени. Он получил пожизненную кличку – Магеллан.

Сограждане Хасана уже расходились, не дослушав заведующего клубом, ибо открытая им земля давно была известна деловым гудаутцам, которые не только окраины Абхазии, но и ущелья Кабарды знали вслепую. В устах расходившихся гудаутцев уже звучало овеянное славой

и ветрами неизведанных просторов имя – Магеллан, которое было подсказано радостным рассказом вернувшегося из поездки земляка.

Хасан и Маврик вместе учились в цандрыпшском интернате. Маврик был отпетым хулиганом, но при этом хорошо успевал, ибо был талантливым. Хасан, напротив, был бы безвылазным двоечником, если бы не угодливое повиновение учителям и бездарное прилежание.

Отличившись на службе в армии, а затем на комсомольской работе в гвоздильном цеху литейно-механического завода, Хасан поступил на исторический факультет Аквинского пединститута. К счастью, поступление Хасана в институт совпало с возвращением Маврика из заключения. В тот год трое одноклассников поступали в институт, и Маврик пришел болеть за них. Остальные школьные товарищи либо уже учились в институте, либо работали.

Хасан аккуратно переписал написанное Мавриком и умело переданное через абитуриентов сочинение «Первый бал Наташи Ростовой». Маврик почти с закрытыми глазами, на одном дыхании написал это сочинение. Он знал эту тему, как знает каждый заключенный статью и параграф Уголовного кодекса, на который при случае можно было бы перевести его дело и тем самым скостить ему срок, а то и вовсе отпустить на волю.

Теперь Магеллан – ответственный работник, ведает культурой в гудаутском районе. А Маврик – экскурсовод, а заодно и фотограф: знакомит приезжих с достопримечательностями и снимает их на фоне этих достопримечательностей.

Когда Магеллан подходил к липе, там уже было немало людей, желавших узнать, о чем мозгует руководство и кому вдруг помешали клички. Магеллану не хотелось сюда

идти,и не только потому, что его, ответственного работника позвали сюда ребята, ведущие неуставной образ жизни, – само это место под липой и кофейня считались вроде лагеря прокаженных. Ответственный работник, появившийся здесь, – это уже скомпрометированная фигура. Между тем некоторые бывшие завсегдатаи этой кофейни уже работали в аппарате райкома и теперь пренебрежительно смотрели на нее из окон высокого ведомства.

И Магеллану, конечно, не нравилось, когда кто-нибудь из бывших дружков вдруг окликал его не по имени, тем более ему не понравилось, что сегодня в рабочее время, причем когда и без того идет проработка партийцев по части кличек, вдруг Маврик под самым окном райсовета крикнул ему «Магеллан». Потому, хотя в райкоме ничего особенного и не предприняли относительно кличек, Магеллан все-таки решил сгустить краски, наивно полагая, что это как-нибудь повлияет на сограждан и они перестанут обзывать его.

– Слушай, Магеллан, – обратился к нему Сизый, даже и не думая называть Магеллана иначе, – а ты знаешь, что многие видные большевики носили клички? Я, может, и сам рад избавиться от кликухи, – продолжал он, пристраиваясь на корневище липы и стараясь при этом не пролить кофе из чашки, – но ты прикажи этим обормотам, если можешь. Хотя лучше не старайся. Такую кликуху прилепят – домой возвращаться не захочешь.

– Если большевиков называли по кличкам, в том была историческая необходимость, – нашелся вдруг Магеллан и даже сам удивился, что сумел складно ответить.

– А ты знаешь, кого из большевиков называли Иваном Ивановичем? – спросил его тут же Казначей.

Магеллан пожал плечами. Он не знал толком ни той истории партии, что была в учебниках, ни другой, что ходи-

ла из уст в уста в виде притч и грозила перерасти в огромный эпос.

– Народ стремится осознать свое прошлое. Не дожидаясь, когда рассекретят архивы, на пороге XXI века при поголовной грамотности и мощном книгоиздательском производстве люди стали создавать саги о партийцах. И эти предания гудаутцы знают не хуже, чем сказания о Нартах.

Магеллан все чаще и чаще отвечал на вопросы пожиманием плеч, и разговор под липой стал терять остроту. Но когда он рассказал, с чего началась кампания против кличек, разразился такой смех, что, казалось, содрогнулся весь приморский парк. Несколько человек тут же упали на корявые лапы исполинских корневищ. В приступе смеха они, как астматики, ловили ртами воздух и не могли его вдохнуть. Другие смехачи отползли на четвереньках к кустам олеандра. Кто-то взвыл голосом изголодавшегося шакаленка, повторяя последние слова Магеллана:

– «Ширка Сократович!» – Мамочка родна-аа-ая! – Его, казалось, поддержал нестройный, но отчаявшийся плач еще живых щенят, – Ширка Сократович!

Оказывается, не так давно к гудаутскому комиссару (так у нас до сих пор называют председателей исполкомов) пришел один ветеран, человек кляузный и больной. Дает комиссару заявление с просьбой выделить ему шифер для разных хозяйских нужд.

– Пожалуйста, – говорит комиссар, – оставьте свое заявление и ступайте домой. Позвоним в колхоз, чтоб прислали машину, и привезем шифер прямо к дому!

– Сказки детям рассказывают! А мне семьдесят лет, сосунок! – В этом месте ветерана стало трясти и он поднялся со стула. Поднялся и комиссар, чтоб не сидеть перед стоящим и трясущимся инвалидом.

– Я всю войну прошел! Я в танке горел под Будапештом!.. Сейчас же подпиши бумагу, я сам пойду на склад!

– Вы успокойтесь, отец, – стал увещевать комиссар, стараясь выиграть время и пригасить горячку ветерана. Но ветеран ждать не собирался, занес своей лихорадочной рукой костыль над комиссаром и безумно прохрипел: – Подпиши! Иначе убью, как собаку!..

Комиссар сел за стол, взял заявление ветерана, чтоб наложить резолюцию, и вдруг понял, что со страху забыл фамилию завсклада. «Ну как же так, – думает озадаченный комиссар, – фамилия ведь у этого Ширки довольно редкая. Ее не спутаешь, Бог с ней, с фамилией, можно ведь и без нее!» Но тут комиссар понял, что он и имени Ширки не знает. Во всем исполкоме не найти человека, который, хорошо зная самого Ширку, мог бы назвать его настоящее имя. Кретины! Только и знают, что дают друг другу кликухи! Бездельники!

– Подпиши, гадина! – надвигается инвалид, сглатывая слюну гнева и потрясая клюкой.

«Что ж это такое!» – отчаянно мечется мысль в голове комиссара. Он ведь прекрасно знал отца Ширки, ну а как же самого Ширку зовут? Обстановка не позволяла раздумывать, и комиссар учинил резолюцию: «Ширка Сократович! Выделить означенное количество шифера...». И подписался.

С этой бумагой ветеран пошел на склад, Ширки там не оказалось. Ветеран снова вернулся, но пришел уже не к комиссару, а к секретарю райкома, который и без того был не прочь отчитать комиссара.

Возмущенный отсутствием завсклада, ветеран бросил на письменный стол свое заявление и закричал:

– Секретарь! Наведите порядок в районе! Комиссар послал меня на склад, заведомо зная, что там никого нет!

Секретарь глянул на заявление, увидел резолюцию «Ширка Сократович!» и ахнул. С ветераном разобрались. А вопрос о комиссаре был вынесен на бюро райкома, где секретарь, в связи с этой историей, привел также другой возмутительный случай, когда в областной газете «Вечерняя Аква», по недосмотру выпускавших, было опубликовано объявление о смерти, за что главный редактор получил выговор с занесением в учетную карточку. В этом объявлении рядом с именем погибшего стояла, заключенная в скобки, воровская кличка, по которой покойного знали в уголовном мире всей страны.

Обличая такого рода попустительства, секретарь призывал усилить бдительность работников идеологического фронта и при этом часто посматривал в сторону комиссара. Кстати, самого секретаря некоторые ехидные сограждане называли «Персюком», намекая на давнее иранское происхождение его предков.

– Давайте называть вещи своими именами, – сказал в заключение секретарь, и все согласились с его призывом, хотя никто не понял, что он имел в виду.

Вот, собственно, все, что было. Вроде ничего и не было. Но Ширка с того дня стал уже Ширкой Сократовичем. Скрещенные в резолюции гудаутского комиссара кличка и отчество прекрасно привились, как черенок культурной сливы на алычовой дичке. Одновременно и комиссар, удачно проведший такое скрещение, получил прозвище «Мичурин».

Мы с Витесом прервали свой разговор о причудах гудаутцев и подъехали к открытой веранде ресторана «Псырцха». Кофе – не наше пристрастие, но мы получаем удовольствие от сознания того, что отдаем дань местной традиции. И анакопийцы не будут на нас в обиде, мы не проехали мимо их святыни.

Выполнение древнего обряда дает человеку возможность ощутить себя в глубине веков, во времени, что предшествовало твоему появлению на свет, и понять не только историческую предопределенность, но и неизбежность себя. Ты без страха смотришь назад, в глубину прошедших веков, ибо легко различаешь в их отгоревшем сумраке начатки своей жизни.

В горах Абхазии до сих пор сохранились древние капища – особенно на перевалах и в местах, считавшихся обиталищем богов. Охотник, пастух, джигит, кто ты ни будь – наш заступник или завоеватель – обязательно бросал на каменный алтарь что-нибудь металлическое. И никто не смел взять отсюда ничего – ни золотую монету, ни серебряный газырь, ни железные наконечники стрел.

На окраине Гудауты мы подъехали к железным воротам. Лимузин Маврика стоял у открытой калитки. А это такая редкость – застать Маврика дома среди бела дня. Честно говоря, мы думали, что нам придется колесить по городу, выискивая его по разным местам, где работают или проводят время его товарищи.

– Заваливайте! – крикнул он нам с балкона и, немного постояв, стал спускаться по лестнице, словно вспомнив, что гостей все-таки следует проводить в дом, а не зазывать издалека.

– Что вы как чужие? – вроде упрекал нас Маврик, хотя на самом деле оправдывался за легковесность своего балконного приглашения.

Мы объяснили Маврику, что нам нужно купить пятьсот литров вина для свадьбы моего брата, и он легко согласился возглавить экспедицию. За столом, которого мы не смогли миновать и вынуждены были выпить пару стаканов вина и закусить, лицо Маврика приняло выражение полководца, уже делавшего прикидки к будущему

походу. Казалось он восстанавливал в памяти карту дислокации винных залежей гудаутского района.

В отличие от меня и Витеса, Маврик выпил не один, а четыре стакана ахардана. Пьяным от такого количества вина из душистой изабеллы не будешь, хотя и после нее безопасней ходить пешком. Но мы даже не старались убеждать в этом Маврика. Оставив нашу машину перед его воротами, мы сели в лимузин Маврика и поехали покупать вино.

Если едет по трассе автомобиль, к примеру, с московскими номерами, и водитель пристегнут ремнем – все нормально. Гудаутская инспекция его не остановит, понимая, что автомобилист выполняет предписания. Но стоит им заметить машину с абхазскими номерами и пристегнутым водителем, его тут же остановят. Если он не остановится, для задержания сделают все. В Гудауте, где не любят ездить привязанными, пристегнутый водитель – явный нарушитель. Это или угонщик, или какой-либо другой преступник.

Москвичи не могут без ремня, хотя им он тоже ненавистен. Просто они не хотят платить штраф, Маврик же считает, что, если ты любишь ездить без ремня, езжай непристегнутый. Остановят – плати штраф, за свободу надо платить, лишь тогда она чего-нибудь стоит.

Гудаутской автоинспекции нравятся водители, умеющие ездить быстро и красиво. Гудаутец на трассе – это Экзюпери в небе.

Маврик вошел в тему, и мы с Витесом не мешаем его творчеству. Как легко выпархивает из себя мысль, оперенная словом! А ведь она могла долго ворочаться в душе, как осколок, и причинять муку – муку невысказанности. И Маврик продолжает свой разговор о любви к скорости.

Можно лететь в самолете, но если при этом ты сам не летишь, скорость самолета ничем тебе не поможет.

Самолет тебя просто везет. Полет – это состояние души. И если ты это ощущаешь – вы летите вместе. Поэтическая метафора – это обожествленная аксиома.

Пьяный гудаутец в высшей степени корректен за рулем. Кажется, между автоинспекцией и местными кутилами есть джентльменская договоренность. Выпил – езжай тихо. И меня не подводи, и домой возвращайся невредимым.

Нередко бывает, что к посту ГАИ подъезжает пьяный гудаутец и просит инспектора: «Братишка, отвези домой! Могу не вписаться». Автоинспектор садится за руль, везет Механика домой. А товарищ автоинспектора едет впереди на «канарейке» с мигалкой.

Гудаутцы убеждены – нет законов, исключающих чувство человеческого братства. Если тюремщик чувствует, что заключенный ему брат, а заключенный по-братски сочувствует тому, что тюремщик – тоже невольник, но невольник службы, – тогда уста Родителя украшены улыбкой удовлетворения.

Казалось, невозможно было абхаза разлучить с конем. И все-таки время сделало свое. И случайный конь на лугу отечества вдруг обрадует, всколыхнет твою память и тут же повергнет в скорбь, ибо случайный скакун не может заслонить сознания того, что истреблены наши табуны, и это невосстановимо. Зато сам дух джигитства оказался более живучим – он оказался неистребим в душе гудаутцев. Потому здешние автомобилисты не могут удержаться от скоростной езды. Это своеобразная компенсация утраченного навеки наездничества и память об ушедших от нас лошадях. Вот почему так легко понимают здесь друг друга инспектор и водитель – их объединяет любовь к лошадям.

Ничто так не сближает людей, как общая утрата, если в тебе жива память. И лихая езда гудаутских автомобилистов – это тоска по джигитству, песня раненого сердца.

Найти человека, который мог бы продать вино в Ачандаре, оказалось непросто. Абхазы до сих пор стыдятся продавать продукты земледелия и сторонятся торговли.

Маврика вдруг осенила мысль – это было понятно и по выражению его лица, и по двум оттопыренным и победно воздетым над головой пальцам. Так Маврик обычно объявляет о народившейся идее. А если к гудаутцу пришла идея, он уже действует.

Маврик развернул машину, проехал немного в обратном направлении, затем съехал с асфальта на грунтовую дорогу, ведущую в ольховую рощу. Уже обновившие свою кору деревья были опьянены весенним сокоброжением и стояли в непринужденной беспорядочности, как разгоряченные полевой работой молодки.

– Адзлага́ра! Адзлагара! – ликующе воскликнул Маврик, и мы поняли, что едем вдоль речушки к сельской мельнице.

Расчет Маврика был прост – к сельской мельнице крестьяне приносят не только мешки кукурузы, но и новости. И пока из-под жерновов сыпется потихоньку мука, они, не торопясь, успевают поговорить о житье-бытье. И мельник, таким образом, становится главным держателем сельских новостей. Здесь можно узнать обо всем, в том числе и о вине.

Маврик остановил машину, не переезжая речушки.

– Вперед! – воскликнул он победно, вернувшись с мельницы, и мы поехали в центр села.

Кузнец занимался обычной для весеннего времени работой – наклепывал новый лемех на плуг. И все-таки в его работе не было обыденности. Не рабочий, деловито

орудующий автогеном или сварочным аппаратом, а вот такой сельский кузнец, раздувающий огонь старыми мехами, хранит Огонь Богов.

Маврик вел переговоры с кузнецом. Мы, конечно, не участвовали в этом сложном и деликатном разговоре. Для абхазского крестьянина вопрос купли-продажи – это крестные муки. И науке нашей не по уму это явление. Хотя философское осмысление его необходимо, и чем быстрей, тем лучше, поскольку предпринимательство в нашем отечестве распространяется быстрей, чем того ожидали местные старожилы.

Пришло в упадок ораторское искусство наших мафусаилов. Маврик считает, что они онемели перед лицом нравственного разрушения и расправы с природой. Враги жгли и разрушали наши храмы, и тогда люди ушли из осквернённых руин, но сохранили свет своей веры, спрятали ее внутрь себя. Но нынешнее разрушение еще страшней, чем разрушение культовых зданий. Разрушается храм уже внутри человека, и остановить этот распад гораздо сложней, чем реставрировать храм или подновить иконы.

– На Абхазию наслали курортный тайфун! – негодует Маврик и развивает дальше эту тему, пугая кузнеца непонятной ему бедой.

Вскоре мы уже дегустировали различные разливы красного ароматного ахардана в винном сарае кузнеца в окружении различного объема бочек. Я был рад, что выбор Маврика совпал с моим не очень уверенным мнением. Маврик поднял на свет стакан изабеллы из этой бочки и, восхищенный чистотой и сочностью разлива, воскликнул: «Рубин!» И это было последнее слово.

Кузнец пригласил нас в дом, но мы решили продлить дегустацию на месте, закусывая свежим сыром с души-

стой аджикой. Мы договорились в ближайшие дни заехать и забрать бочку с вином, и уходили со двора, осматривая исполинские ольховые деревья, увитые мощными лианами виноградной лозы – эти громадные символы непреходящей любви.

Выехав на главную сельскую дорогу, Маврик предупредил, что мы проедем в сторону святилища, но почему-то не ответил, куда именно и зачем, и потерял при этом веселость. Мы, заметив в нем неожиданную перемену, не стали допытываться о ее причине.

Съехав с серпантина, машина стала подниматься по крупному известковому щебню прорубленной по склону горы дороги. То там, то тут валялись белые глыбы рваного камня, выбитого аммоналом из тела горы.

Здесь недалеко находится древнее святилище. Прежде это была церквушка, построенная на заре христианства во имя Успения Святой Богородицы. Церковь давно разрушилась, но местные люди по-прежнему почитали ее, приходили к руинам, где давно уже не было священника, жгли свечи на камнях, на стволе величественной липы, выросшей из горнего места и укрывавшей верных прихожан под своей благословенной сенью от жары и дождя.

– Храм – это не строение, где находится священник, а место, где стоит истинно верующий! – говорит Маврик, и я поражаюсь нешуточности его рассуждений.

Узнав о намерении леспромхоза пробить в этих святых местах дорогу для вывоза леса, почтенные старцы села пришли к баракам дорожников и попросили не осквернять святыни. Они предложили пробивать дорогу выше, хотя и в таком случае святыню содрогали бы взрывы и на нее осыпались бы осколки известняка. Однако воинствующая бригада взрывников не приняла компромисса и, кажется, с еще большим остервенением принялась за взрывные работы.

Долгие дни древнее селение будоражили взрывы, и ачандарцы в унизительном бессилии наблюдали, как по зеленой щеке святой горы полз белый, как беспамятство, известковый шрам, неуклонно приближаясь к самому глазу святилища. Ни руководство села, ни совет старейшин не смогли договориться о спасении святыни. Тех, кто требовал прекратить живодерство и святотатство, обвинили в псевдопатриотизме и неумении масштабно мыслить. Один из членов правления даже выкрикнул в адрес противников строительства дороги: «Стрелять надо этих троцкистов!». И собрание всколыхнулось, устрашенное давним и незабываемым призывом. Люди отступили и изо дня в день терпели насилие взрывников, истязавших святую гору. Святыне пришлось самой защитить себя и напомнить о себе.

В течение нескольких дней взрывникам никак не удавалось подорвать скалу, стоящую на пути к святыне. Эта сторона горы оказалась из особо прочной породы. Затем, осознав бесполезность своих усилий, дорожники решили прорубить дорогу намного выше. Но для этого пришлось начать работы, сильно отступив назад по уже развороченному склону. И вот от середины исходного края горы вскоре пополз новый шрам, на этот раз переполосовав все лицо святой горы по диагонали, и бригада взрывников, воодушевленная успешными работами, вышла наконец на гребень горы и уверенно прорубалась дальше, к девственным рощам гудаутских предгорий.

Для скорого завершения работ бригада дорожников была укреплена еще одним, кстати единственным, работающим трактором села. Он должен был разравнивать дорогу, делая ее пригодной для проезда большегрузых лесовозов, за что леспромхоз обещал подарить селу пилораму.

Местный парень, включившийся в бригаду, в сумерках возвращаясь в село на своем тракторе, задел ковшом ослабившуюся и прогнувшуюся к земле линию электропередач и был убит током. Они учились с Мавриком в одном классе.

Парень был не виноват. Он не взрывал, а лишь разравнивал дорогу после взрывников. Но взрывники были чужаками для святыни, с них спрос другой. И святыня сделала больно тем, кого тысячу лет берегла от напастей и бед. Так считал Маврик, и в этом была своя правда. Нет, не своя, правда не бывает своей или чужой, просто – правда.

Маврик запалил сигарету, когда мы подошли к большой известковой глыбе, положил сигарету на камень и от нее заструился кудрявый, неуместно игривый и жизнелюбивый дымок, окуривая душу покойника.

Не прошло и сорока дней после этого случая, как наше приморье облетела долгожданная, хотя и припозднившаяся весть. Вышло верховное постановление, которое запрещало промышленную рубку в лесах Абхазии. И дорожники, как французы из спаленной Москвы, вышли из леса по развороченным ими же урочищам. Прошли под шпицрутенами укоряющих взглядов ачандарцев, снова уверовавших в силу святыни и долго смотревших вслед бригаде дорожников, которая колонной военнопленных уходила в сторону моря.

СУЛТАН ЧУЖБИНЫ

I. Колокола не могли умолкнуть

Фазаны, затаившись в зарослях, подпускают человека очень близко, на десяток шагов. Затем неожиданно взлетают, причем почти навстречу охотнику, и попасть в них очень сложно. Но Иосиф, хотя был еще подростком, хорошо знал повадки этих птиц и потому бывал удачлив на охоте.

Он осторожно ступал среди негустого подлеска, как перед ним вспорхнул фазан и с шумом пронесся над головой. Стрела тут же поразила его в крыло, и фазан отчаянно затрепыхался в траве, пытаясь взлететь, пока Иосиф не подбежал и не поймал птицу. Самец был сизого отлива и с саблевидным белым хвостом.

Свистнул несколько раз, прислушался. Из лесной чащи вразнобой ответило несколько свистков. Связав фазану крылья, Иосиф продел свой лук через плечо, поправил на поясе сбившийся колчан и пошел к поляне, куда вскоре вышли и его товарищи. Ребята с восхищением и завистью разглядывали добычу друга.

Солнце уже клонило к закату и пора было домой. Но мальчики, взволнованные удачей Иосифа, решили состязаться в стрельбе, чтобы истратить оставшуюся силу. Они прикрепили ветку с шишкой к щербатому стволу старой сосны и стали поочередно стрелять в нее, насмехаясь над неудачей друг друга, криками и гиканьем стараясь сбить с толку очередного стрелка.

В это время неожиданно раздался конский храп. Мальчики разом обернулись и обомлели: перед ними непонятно откуда появился всадник.

– Эй, парень! – крикнул он. – Это ты подстрелил фазана?

Иосиф недоуменно посмотрел сначала на оцепеневших друзей, затем на незнакомца.

– Да, я.

– Подойди-ка сюда и покажи свою добычу, – сказал он так, словно был хозяином леса.

Иосиф подошел к всаднику и хотел было протянуть фазана, как услышал позади себя в лесу хруст сухих веток и обернулся: из рощи медленно выехали еще несколько верховых и стали полукругом по краю поляны. В этот момент первый всадник, свесившись с коня, перехватил ему шею согнутой в локте рукой, резким движением забросил на коня и помчался сквозь лес, так и не разжимая руки. Уже теряя сознание, Иосиф услышал далекие крики своих товарищей, но эти крики тут же угасли вместе с конским топотом и светом.

Иосиф очнулся и приоткрыл глаза, не понимая, что произошло и где он. Голова была тяжелой, в ушах звенело, шею было трудно повернуть, а руки оказались связаны за спиной. Баркас, в котором он лежал, прислоненный к борту, покачивался от сновавших здесь возбужденных пиратов. Какие-то люди торопливо спускались к реке по крутому и сыпучему берегу. Они тащили троих связанных между собой подростков. Иосиф издалека узнал своих товарищей и понял, что вели их те же самые разбойники, что выследили их в лесу. Отсюда были видны их лошади, привязанные к дереву у речного обрыва, освещенного закатным солнцем.

Пленников скоро затолкали в лодку. Наконец Иосиф заметил и своего похитителя, который выпрыгнул из

баркаса, оглянулся своей рассеченной шрамом ухмылкой и побежал вслед за товарищами вверх по склону, осыпая башмаками песчаник приречного обрыва.

Перепуганных пленников пересадили в носовую часть баркаса. Двое пиратов с задубевшими, загоревшими лицами и высоко закатанными штанами оттолкнули судно от берега, затем ловко запрыгнулв него и расположились на корме, с тревожным любопытством осматривая связанных мальчиков.

Лодка вышла на быстрое теченье Бзыби, и ее скоро вынесло в море. Тут моряки налегли на весла и повели баркас по направлению к мысу, где стоял на рейде большой парусный корабль.

Берег неумолимо отдалялся, и Иосиф понял, что это последний шанс. Он уперся ногами в перекладину днища, резко оттолкнулся от нее, и, выгнув спину, выбросился за борт перед самыми веслами гребцов. Всплыв на поверхность, перевернулся на спину и поплыл к берегу, работая одними ногами.

Пираты оказались в замешательстве, и некоторое время баркас плыл по инерции в прежнем направлении. Затем судно развернулось и вскоре стало настигать пловца. Один из гребцов прижал Иосифа веслом к борту. Едва не захлебнувшегося от отчаянья, его легко вытащили из воды и бросили на прежнее место рядом с товарищами. Пираты вновь налегли на весла, быстро сокращая расстояние между баркасом и стоящим в грозном ожидании кораблем.

Несчастных мальчиков подняли на высокий борт судна по веревочному трапу, таща их за руки и подталкивая снизу. Здесь оказалось немало грустных мальчишек. Они сидели прямо на палубе торгового корабля спиной друг к другу, по несколько человек в каждой связке. В глазах

– отчаянье. Некоторые стали плакать при виде новых сверстников, другие держались отчужденно, по-мужски переживая свое горе.

К новым пленникам подошел мужчина в богатом тюрбане, очевидно, хозяин судна. Тут же появилось и много любопытствующих из команды.

– Хороший товар! – поощрительно отметил хозяин корабля, внимательно оглядывая мальчиков. – А ну-ка, встаньте!

Несколько услужливых матросов быстро помогли связанным мальчикам подняться.

– Хороши! – воскликнул купец.

– Все из знатных семей! – пояснил заискивающе главарь пиратов и осклабился.

– За знатность мы не платим! – надменно заметил купец.

– Эфенди[1], но ты посмотри, какой у них здоровый вид! И все по пять-шесть пядей[2] ростом. Как на подбор! – нахваливал товар работорговец. Он плохо говорил по-турецки, с характерным абхазским акцентом.

– Это другое дело. За вид, рост и за то, что они абаза[3], получишь положенное, – деловито заметил купец, достал из кафтана мешочек с монетами и кинул его в руки разбойнику.

– Там больше, чем полагается. Но это в залог будущего, запомни!

– Да воздаст тебе Аллах за щедрость! – ответил главарь пиратов.

– Натягивайте паруса! Поднимайте трап! – крикнул купец капитану, тем самым давая понять пиратам, что

[1] Эфенди – господин (*турецк.*).

[2] Пять-шесть пядей… – подростки такого роста считались в работорговле лучшим товаром.

[3] Абаза́ – турецкое название абхазов. Оно употреблялось во многих мусульманских странах.

им здесь нечего задерживаться. Разбойники поклонились отстранившемуся от них купцу, сделали несколько попятных шагов, затем повернулись и почти побежали к трапу.

От напрягшихся парусов заскрипели реи, и корабль поплыл вдоль соснового мыса Пицунды.

– Какая красивая страна! – воскликнул капитан, глядя за борт на живописную панораму осенней Абхазии, и, воровато оглянувшись на Иосифа и его товарищей, пробурчал: – Да простит и поможет нам Аллах!

– В этой стране и мальчики столь же красивы! – заметил довольный своей удачей купец. – Невольники из Черкесии и Абхазии высоко ценятся в Стамбуле и Мысре[1].

– О, это я знаю. Только на моем корабле сколько их было перевезено!..

На вершинах Ерцаху[2] уже белел ранний снег. Ниже угадывались выцветшие просторы альпийских лугов, затем – полосы пожелтевшего высокогорного леса. А чем ниже – тем зеленей и зеленей до самого изумрудного соснового мыса.

Вдруг Иосиф встрепенулся. Он услышал звон колоколов. Неужели? Глянул на товарищей и по их заслезившимся глазам понял, что не ослышался. И все-таки посмотрел на купца и капитана. Они были встревожены. Значит, правда. А колокола звонили и звонили, перерастая в тревожный набат, который, казалось, заполнил всю вселенную, не оставляя пространства для иных звуков и мыслей, как только мыслей о родине и Боге.

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед его посланник! – молитвенно произнес капитан, словно торопясь предупредить всевышний гнев и замолить грехи, но Иосиф не

[1] Мыср – Александрия. В устах иностранцев – Египет.

[2] Ерцаху – Кавказский хребет, прилегающий к Абхазии.

слышал его голоса и смотрел на далекий купол отцовского храма, увенчанный крестом и вознесенный над зеленью сосновой рощи.

На бирюзовой главе купола прощально горел золоченый крест, отражая закатное солнце, как огарок свечи на поминальном хлебце. И колокола, словно возвещая безутешное родительское горе, не могли умолкнуть.

Иосиф отвернулся от товарищей. Наконец и по его отрешенному лицу потекла к губам соленая и теплая струйка. Берег отдалялся и скоро вовсе исчез. Затем канули леса и предгорья. Вдали оставались лишь очертанья белейших снегов на вершинах под сизым сумраком тяжелеющего небосвода.

Сумерки сгустились над морем, и Иосифа стало знобить от мокрой одежды. Он прижался к товарищам и незаметно заснул. И приснилась ему мать – приснилась впервые, и он был рад, что вернулся домой. Она горстями бросала курам зерно. Любимое мамино занятие. Он подошел к ней и ткнулся головой в руку. Она отставила в сторону миску с пшеном, присела на ступеньки дома и, положив голову сына в подол, стала пальцами расчесывать ему светлые кудри, приговаривая: «Сынок мой, родимый, единственный…»

Ночью, укрывая ребят какими-то суконными тряпицами, один из матросов заметил, что Иосиф бредит. Он доложил капитану, и больного перенесли в трюм. Проснувшись, Иосиф не увидел рядом с собой товарищей. Кругом лежали мешки, тюки материи, а в углу, прижавшись друг к другу – множество притихших девочек. Были среди них и его сверстницы, были и постарше. Но все – красивые и печальные.

– Пить! Пить! – застонал Иосиф.

– Он абхазец! – зашептали сразу несколько девочек, понявших его язык.

– А что он говорит? – спросила кабардинка, которая была постарше и которую абхазские девочки кое-как понимали.

Кабардинка крикнула матросу и, указав на больного, жестами объяснила, что он просит пить. После нескольких жадных глотков Иосифу показалось, что ему стало лучше, и он снова ушел в свой горячечный сон.

Днем к больному пришел купец.

– Как мальчик? – спросил он у матроса.

– Горит! – ответил матрос.

– Присматривай за ним как можешь. Я за него дорого заплатил, но продать его должен гораздо дороже. Больного невольника у меня никто не купит. Ты все понял?

– Все будет сделано, эфенди, – сказал матрос.

– Приступай, – приказал купец, затем посмотрел на сбившихся в угол юных красавиц, похотливо улыбнулся и ушел.

Матрос действительно присматривал за больным мальчиком как мог; растирал его козьим жиром, обкладывал всего смоченными в разбавленном винном уксусе тряпицами, чтоб сбить жар – старался изо всех сил.

Во рту у Иосифа все пересохло, и он среди ночи застонал и попросил пить. Ему поднесли воды. Он выпил и поблагодарил. Ему ответил по-абхазски девичий голос. Иосиф подумал, что ему показалось, и он спросил:

– Кто ты?

– Меня зовут Маяна, а тебя, братец?

– Иосиф.

– А откуда ты?

– Я из Пицунды, из Бзыби.

– Это тоже Абхазия? Я о таких местах не слышала.

– Да, это Абхазия. А ты откуда?

– Из Анапы.

– Я слышал это название от заезжих купцов, но, кажется, это очень далеко от нас.

– Наверно. И говоришь ты не всегда понятно… Иосиф, а что с нами будет?

– Если бы я знал!

– Нас продадут, это точно, но что будет с нами потом?

Иосиф не знал, что ответить Маяне. Этот же вопрос мучил и его, едва к нему возвращалось сознанье.

– Ты не бросай меня, Иосиф, – попросила она вдруг после долгого молчанья.

– А как это сделать?

– Ты найди меня… у меня крупная родинка над правой бровью. Мама всегда меня целовала в это место. Это от нее мне передалось.

– Хорошо, – согласился Иосиф, желая утешить девочку.

– Куда бы меня ни привело, я везде буду говорить, что у меня есть брат и он меня ищет, – сказала она и расплакалась.

– Стамбул! Стамбул! – закричали моряки и замахали руками, высунувшись за борт корабля.

– Кому Стамбул, а кому – Константинополь, – буркнул старый моряк-грек и, выматерившись, пошел прочь.

В утренней дымке над полукружием просторной бухты вздымался Стамбул мощными башнями своих крепостей, дворцами, куполами мечетей и острыми пиками минаретов. На рейде стояло множество больших и малых судов. Корабль приближался к пристани пробуждавшегося знаменитого города.

Купец подозвал своего помощника и стал давать ему указания относительно того, как распорядиться товарами и невольниками.

– Мальчиков поведем на базар сегодня же, девочками займемся позже. Больного абазу оставьте на корабле. Пускай выздоравливает. В таком виде я его все равно продавать не буду, а через наделю, когда снарядимся в Каир, повезем его с собой. Военный правитель Египта – мой давний приятель. Сделаю ему подарок. Пускай за мальчиком внимательно следят в мое отсутствие. Он может выздороветь раньше, чем вы того ожидаете, и сбежать.

– Хорошо, эфенди, я сделаю все как можно лучше…

Так и разошлись дороги юных невольников. Товарищей своих Иосиф больше не видел. Девочек увели через день. Незадолго до того, как за ними пришли, Маяна склонилась над больным, и, показав пальцем на родинку над правой бровью, спросила:

– Не забудешь?

– Нет, не забуду.

– Поцелуй меня, мы можем не встретиться больше, – сказала она неожиданно и решительно, и Иосиф поцеловал ее в лоб.

– А теперь, братец, прощай, – сказала Маяна, нагнулась, поцеловала больного в плечо и пошла в свой угол.

Матрос, выхаживая Иосифа, продолжал свои бесконечные растирания, поил его горькими настойками и к концу недели больной впервые вышел на палубу. Корабль уже загружался мешками, тюками, глиняными кувшинами. На пристани было много народу. Иосиф никогда не видел больших городов, но Стамбул, о котором он много слышал, не радовал невольника, напротив – еще больше подавлял своей мощью и унижал.

Иосиф перешел к противоположному борту и долго смотрел в ту сторону, откуда его привезли. Он закрыл глаза, желая увидеть отечество, и оно не замедлило предстать перед ним. Он вновь услышал отчаянный перезвон колоколов и, не в силах перенести воспоминаний, поспешил открыть глаза.

Время тянулось долго. Дни казались бесконечными. Иосиф не понимал, почему его не увели вместе с това-

рищами. Долго выпытывал у матроса, куда они едут. Догадавшис, что беспокоит юного невольника, матрос показал рукой на запад и сказал: «Мысыр! Мысыр!»

Иосиф понял,Наконец что его везут в Египет, хотя не представлял, как это далеко и насколько изнурительна такая поездка для человека, непривыкшего к морским странствиям. В тоске и одиночестве ему предстояло проехать полмира на корабле, в котором не с кем было обмолвиться словом, где он никому не был нужен, кроме матроса, который и после выздоровления продолжал опекать пленника – же из привязанности.

Плавание было долгим. Иосиф стал привыкать к жизни на корабле и окончательно выздоровел. Лишь тоска его не покидала. За бортом проплывали выжженные и выветренные утесы, крутые берега неведомых земель и островов, к некоторым из которых они приставали, пока наконец по истечении трех месяцев не прибыли в Египет.

Каир показался Иосифу похожим на Стамбул. Только Стамбул стоит на море, а Каир – в глубине страны. Но в нем такие же дома, крепостные стены и мечети.

По прибытии в Каир матрос-опекун переодел Иосифа в одежды, которые передал купец. Уже спустившись с корабля, Иосиф оглянулся и заметил, что благодетель смотрел ему вслед. Он помахал рукой. Моряк махнул в ответ и тут же отвернулся.

На пристани прислуга купца усадила Иосифа на осла. Купец ехал впереди, на муле. Сопровождало их двое пеших слуг. По узким улицам города и широким площадям они подъехали к огромному крепостному сооружению, в воротах которого их остановили стражники. Купец распорядился, чтобы доложили о его приезде, и спустя некоторое время они с Иосифом прошли в ворота.

Внутри помещения их повсюду сопровождали вооруженные охранники, пока не раскрылись последние

двери. В глубине просторного и вытянутого зала восседал среди ковров и подушек военный правитель Египта – шейк-эль-белет Ибрагим Катхода Каздоглу.

Купец жестом показал Иосифу, чтоб тот оставался у дверей, а сам торопливо направился к хозяину дворца. Шейк-эль-белет сделал движение встающего навстречу гостю человека, но тут же принял прежнее положение. Купец поцеловал руку правителя, приветствуя его и спрашивая о здоровье, на что тот отвечал любезно, но коротко.

– А это что за мальчик? – спросил Ибрагим-бей.

– Да вознаградит тебя Аллах за доброту, которую ты проявляешь ко мне и моим делам… Этот мальчик – мой скромный подарок и залог будущих моих благодарений.

– Откуда он родом?

– Из Абазы.

– Из Великой Абхазии или Северной?

– Из Великой, мой господин, из самого ее сердца – из Бзыби.

– Хороший мальчик. Пускай подойдет поближе.

Слуги подвели Иосифа, который как вошел, так и не поднимал головы.

– Он из знатной фамилии, мой господин.

– Знатность мамлюка – это успех его сабли. Мамлюк сам создает себе имя и положение.

– Да благословит тебя Аллах на долгое правление, твои слова достойны похвалы пророка.

– Апсуа? – спросил Ибрагим-бей.

Иосиф кивнул головой, не поднимая ее.

– Мшыбзия! – добавил Ибрагим-бей.

Иосиф ответил по-абхазски на приветствие правителя.

– Среди моих мамлюков есть немало абхазов. Ему будет нетрудно привыкнуть.

II. Джендали́

Пушечный выстрел с горы Мукаттам возвестил жителям Каира о восходе солнца. К этому времени Али уже был в конюшне и возился со своим любимым скакуном Домбей. В утро перед джигитовкой Али бывал деловит и нетороплив. Он подолгу ласкал и холил коня, мыл его, чесал, пока ретивый и вечно напряженный Домбей полностью не расслаблялся. Это помогало и хозяину, и скакуну сберечь силы до состязаний. Али также не спеша начищал стремена, серебряные бляшки на сбруе, приводил в порядок седло, войлочные чепраки.

В долине Нила собралось множество жителей Каира, Старого Каира и Булака. Под богато убранными навесами расположились каирский паша Рагип Махомед и шейх-эль-белет Ибрагим-бей. Они сидели в окружении свиты, слуг и стражников. В стороне от них – главный соперник Ибрагима Катходы – Осман-бей, который в последнее время с особым тщанием муштровал своих мамлюков, чтобы выдвинуться этим из рядов прочих беев[1]. И действительно, конники его умели показать высокое мастерство, а в некоторых видах джигитовки превосходили мамлюков Ибрагим-бея.

Мамлюки гарцевали на плацу, готовясь к состязаниям, наезжали друг на друга, горячили коней, пока распорядитель не призвал их к началу соревнований.

Сначала кавалеристы поочередно рубили саблями на всем скаку воткнутые в поле на небольшом расстоянии друг от друга палки. Сразу несколько джигитов лихо справились с этим видом джигитовки. Среди отличившихся был мамлюк Осман-бея по имени Хасан, главный претендент на первенство.

[1] Бей – помещик, феодал. Египет был разделен на 24 области, которыми правили беи (эмиры), выдвинувшиеся из мамлюков.

Выступление Али не могло ничего добавить к мастерству, которое уже было показано публике. И вот Али выехал на своем пегом скакуне. Он разогнал коня и на стремительном скаку, рискуя промахнуться, стал срубать лишь самые верхушки палок, а последнюю не срезал, а расколол вдоль.

Осман-бей подозвал к себе помощника, чтоб тот доложил каирскому паше, будто джигит срубил не все прутья. Слух об этом пронесся по восторженной толпе, и ликованье стихло. Все ждали, подтвердится или нет победа Али. Распорядитель сам вынул палки и принес их в охапке под навес, где сидели паша и шейк-эль-белет. Ахмет-паша внимательно осмотрел концы палок – все они были со свежими сабельными срезами.

– Передайте их Осман-бею, – сказал паша, но эмир уже понял, что его предположения не подтвердились, и даже не посмотрел на принесенные ему прутья.

По тому, как волна шума проносилась по толпе, можно было наблюдать, как передавался результат проверки. Несколько человек из толпы восторженно крикнули: «Али! Абаза! Али! Абаза!»

Джигиты перешли к соревнованиям в стрельбе. На высокий, воткнутый в поле шест насадили небольшой войлочный мячик. Проносясь мимо шеста на предельной скорости, нужно было выстрелом из пистолета сбить мяч. Лучшими в этом виде оказались Исмаил, друг Али, и опять-таки Хасан – мамлюк Осман-бея. Они стреляли, проносясь близко от шеста. Другие хотя и поражали цель, но стреляли в нее несколько прежде, и это облегчало задачу.

Зрители с нетерпением ждали, когда выступит Али.

– Абаза! Абаза! – подзадоривали болельщики.

Али приготовился, но не торопился запустить коня, дразня нетерпеливых зрителей. Мамлюк разогнался и,

уже проехав шест, запрокинул голову и выстрелил. Войлочный мяч слетел с шеста под всеобщее ликование.

Паша обернулся к шейк-эль-белету и, едва скрывая потрясение, заметил:

– У тебя растет достойный мамлюк. Кажется, он умножит славу нашего султана!

– Да хранит его Аллах, все наши подвиги посвящены ему, – без особого воодушевления ответил Ибрагим-бей.

Между тем распорядитель подготавливал конников к новым состязаниям. На белый лист бумаги он положил меченную особой меткой серебряную монету, которую участники соревнования также на всем скаку должны были поднять с земли.

Несколько джигитов, выполняя это упражнение, не удержались в седлах и получили травмы. Другие смогли взять монету лишь со второй попытки и на не очень большой скорости. Хасан поднял ее на всем скаку, но со второй попытки.

Изящно и на большой скорости подхватил с земли монету Исмаил и, довольный успехом друга, Али похлопал его по плечу, когда тот вернулся с монетой.

Распорядитель едва успел положить монету на бумагу и отбежать, как Али, перевесившись с седла, подхватил ее, но в седло не вернулся, а пролез на скаку под брюхом коня, затем, не сбавляя хода, встал на седло задом наперед и спрыгнул на землю перед палатками правителей.

– Джендали́![1] – воскликнул восторженный наместник и захлопал в ладоши, то и дело одобрительно оборачиваясь в сторону шейк-эль-белета.

Это слово, произнесенное пашой, подхватили зрители и стали скандировать: «Али! Джендали! Али! Джендали!» Лишь Осман-бей старался не показывать, что рас-

[1] Джендали́ – шалун, баловень.

строен, хотя всем было видно, что он достаточно невесел.

Азарт зрителей был на пределе. Предстоял джеди́р – самый захватывающий и небезопасный вид состязаний, в котором конники метали друг в друга тяжелые пальмовые стебли. Тот, кого настигала пальмовая трость противника, выбывал из игры, а выигравший продолжал борьбу уже с новым противником. Потому наиболее метких метателей старались не вводить с самого начала, чтобы сохранить их до конца состязаний и дать возможность проявить себя другим, не столь ловким мамлюкам. Но Али не терпелось выйти на поле. Это было его любимое состязание. Он еще на родине участвовал в таких играх с товарищами на берегу Бзыби.

Ибрагим-бей, заметив, что Али изнемогает от нетерпения, дал согласие, и распорядитель ввел его в игру. Болельщики сочувствовали тем, кому выпадал жребий выступить противником Али. Часто он поражал их с первой же попытки, а сам и убегал вовремя и увертывался ловко от летящей трости.

Вскоре на поле появился и главный соперник. Хасан отличался мощным и точным метанием, причем умел так попасть в противника, что тот не удерживался в седле. Несколько мамлюков получили от него травмы, и Ибрагим-бей переживал, что такая же участь может постигнуть и его любимца. Ибрагим желал, чтоб Хасан побыстрей выбыл из игры. Но этого не случилось. Османит[1] продолжал борьбу и, если бы не его жестокость по отношению к противникам, заслужил бы настоящее восхищение публики.

Али, напротив, хотя и был дерзок, но всегда обаятелен, и симпатии публики часто оказывались на его стороне.

И вот зрители затаили дыхание. На поле остались Хасан и Али – два мамлюка двух противоборствующих эми-

[1] Османит – мамлюк Османа.

ров. Первым метал копье Хасан. Противники стали на расстоянии, определенном условиями состязаний. Али по сигналу распорядителя рванул коня с места и поскакал прочь, стремительно набирая скорость. Он привстал на стремена и мчался, оглядываясь на соперника, чтобы вовремя увернуться. Хасан, заметив, что расстояние между ними не сокращается, резко запустил свою трость, метясь в самую поясницу противника, так что, если даже соперник сильно пригнется, все равно будет сражен. Но одновременно с хасановым броском Али спрыгнул с коня на всем скаку, держась обеими руками за луку седла. Копье чесануло коня по гриве, а Али, отпрянув от земли, вновь вскочил в седло и осадил коня под шум и одобрительные крики зрителей.

– Это невероятно! – воскликнул паша. – Какая смекалка!

Ибрагим-бей ничего не отвечал, хотя ему приличествовало поддержать восторг наместника. Он нервничал и часто приглаживал свою седеющую бороду.

Ответный бросок Али оказался неудачным. Он попал Хасану в седло. Зрители досадовали и тут же смолкли, переживая, что второй бросок Хасана может решить судьбу поединка. Али вновь помчался прочь от своего преследователя. Хасан понял, что медлить нельзя, и метнул копье, но слишком высоко, и Али, пристав на стремена, перехватил его. Быстро остановившись, он развернул коня и помчался за противником, сокращая расстояние. Али настигал Хасана, который, обернувшись, ждал момента. Но ибрагимит почему-то не торопился.

Зрители уже негодовали, не понимая медлительности джигита, пока на краю поля лошадь Хасана не прыгнула через ров и Хасан не упал на землю. Али развернул скакуна у самого рва и, заметив, что Хасан благополучно поднялся с земли, поехал в сторону главной трибуны. Несколько парней выбежали из толпы, поймали лошадь Хасана и привели ее к упавшему коннику.

Осман-бей, увидев столь бесславный конец состязаний, покинув палатку вместе со своими приближенными, оглушенный ликованием многотысячной публики, которую в особый восторг привела очередная уловка ибрагимова мамлюка.

– Ты достойный джигит, Али, да умножит Аллах твои победы! – нахваливал Ахмет-паша мамлюка в присутствии его патрона. Али стоял перед ними, выражая покорность и почтение, но едва он отошел от трибуны, как подъехавший сюда взбешенный Хасан стеганул камчой лошадь Али так, что она, вырвав узду, чуть не налетела на людей.

Али мигом вскочил на коня и помчался за убегающим Хасаном. Встревоженный народ следил за тем, как Али настигал обидчика. Когда они почти поравнялись, Хасан наотмашь стеганул Али камчой, но тот вовремя закрыл лицо рукой. При повторном ударе Али изловчился, поймав за камчу и, резко дернув на себя, сбросил Хасана с седла. Он остановил коня, так и не выпуская из руки камчу соперника. Люди ахнули, заметив, что ибрагимит выхватил правой рукой саблю и занес ее над Хасаном. Но Али лишь перерубил плеть, оставив обидчика на земле с одним древком, а сам поскакал с обрезком камчи навстречу своим хушдашам[1].

Народ, хотя и был доволен поступком Али, но этот случай всем испортил настроение, ибо он уже выходил за пределы простого соперничества. С этим неприятным ощущением люди покидали долину Нила и шли со своими попутчиками по домам.

Ахмет-паша возвращался в цитадель, размышляя о том, что вражда Осман-бея и шейк-эль-белета стала носить

[1] Хушда́ши – мамлюки одного и того же хозяина.

открытый характер и что сегодняшнее соперничество их мамлюков говорило о нешуточности этой борьбы. Паша нисколько не сожалел, что Ибрагим-бей приобрел себе такого опасного врага. Эта вражда ослабляла позиции военного правителя и одновременно укрепляла власть паши. Враждуя с Осман-беем, шейк-эль-белет не станет лезть в дела наместника, как это он делал прежде и с бóльшим почтением будет относиться к ставленнику султана.

Мамлюки Ибрагима Каздоглу проводили своего патрона во дворец Эзбекие и возвращались по узкой улице Каира, как вдруг наткнулись на засаду османовых мамлюков.

– Вперед! – крикнул Али своим хушдашам, и ибрагимиты с обнаженными саблями кинулись на противника, который, как он и предполагал, бросился бежать, заманивая их в западню.

Али свернул со своим отрядом в ближний переулок, затем свернул еще раз по направлению умчавшихся. Проскакав таким образом несколько кварталов, он половину отряда с Исмаилом пустил по одной улице, а сам с оставшейся половиной поехал по параллельной.

Обнаружив, что преследователи, которых они хотели заманить к следующей засаде, вдруг исчезли, мамлюки Осман-бея во главе с Хасаном кинулись назад, чтоб не упустить противника. На одном из перекрестков из-за угла по ним открыла карабинный огонь группа Исмаила. Османиты кинулись назад, но теперь с перекрестка следующего квартала по ним стала стрелять группа Али. Хасан, понимая сложность своего положения, решил любой ценой прорвать блокаду и, проносясь сквозь перекресток, потерял убитыми нескольких товарищей.

Утром следующего дня каирский паша вызвал к себе Ибрагима Катходу и Осман-бея.

– Я очень опечален… Вчера после джигитовки ваши мамлюки устроили побоище на улицах города, подвергнув опасности жизнь мирных граждан. В перестрелке было убито четыре мамлюка, нанесен ущерб двум торговым лавкам.

Ахмет-паша сделал паузу, давая возможность беям сказать что-нибудь в свое оправдание.

– Самый большой урон понес я, мой господин, – сказал Осман-бей, заметив, что Ибрагим не собирается пока что-либо говорить. – Погибли мои мамлюки.

– Рано или поздно мамлюк должен погибнуть, но не так бесславно, а на поле сражения, защищая от врагов честь Османской империи… Мне доложили, что твои, Осман-бей, мамлюки первыми затеяли это столкновение.

– В таком случае, почему не погибло ни одного мамлюка достопочтенного шейк-эль-белета, если мои мамлюки начали первыми? – возразил паше Осман-бей.

– Оба вы полководцы, вам лучше знать премудрости мамлюкских сражений, – со скрытым ехидством заметил наместник.

– Не всегда побеждает тот, кто первым бросает джедир, – как бы отвлеченно заметил Ибрагим Катхода, недвусмысленно намекая на результат вчерашних мамлюкских состязаний.

Осман-бей вспыхнул одними глазами, но ничего не сказал.

– Султан высоко ценит старания шейк-эль-белета по укреплению его египетской провинции, – миротворчески продолжал Ахмет-паша. – И о тебе немало лестных отзывов, и письменно, и устно, я доносил и до Великого дивана, и до султана. Мне кажется, нет лучшего способа служить процветанию империи, чем объединить свои усилия, а не таить друг на друга обиду, – продолжал паша, повернувшись теперь в сторону Осман-бея. – Я в

свое время много приятного слышал о тебе от шейк-эль-белета и не предполагал никакой ссоры.

– Видит Аллах, что я к досточтимому шейк-эль-белету отношусь со взаимным уважением, – сказал Осман-бей, подчеркивая слово «взаимным». – И хочу верить, что дерзость его любимца не имеет ничего общего с отношением ко мне прославленного шейк-эль-белета.

– Рад, что мы поняли друг друга, и выражаю свои сожаления о гибели мамлюков. Об этом же говорил мне искренне и Ибрагим-бей. Шейк-эль-белет обязал своих мамлюков троекратно возместить торговцам нанесенный ущерб… Думаю, у нас будет время более подробно поговорить об этом, – сказал наместник Осману, давая понять, что заканчивает разговор с ним.

При этих словах Ибрагима Катходу передернуло, но он не стал портить миротворческой инициативы паши.

– Да умножит Аллах твою мудрость и воздаст султан должное своему верному наместнику! – попрощался Осман-бей и покинул диван[1] наместника в Каирской цитадели.

Довольный удавшимся разговором и как бы ощущая свое превосходство перед Ибрагимом, которого он никогда прежде не чувствовал, Ахмет-паша хлопнул в ладоши и повелел слуге принести кофе и трубки.

– Да, немало хлопот доставил твой любимец Осману.

– Но и его мамлюк никак не угомонится.

– Если ты отдашь мне Али, его оставят в покое и мстительный Хасан, и его патрон, – предложил Ахмет-паша, затягиваясь трубкой.

Застигнутый врасплох Ибрагим Катхода поставил на место уже поднятую было чашку кофе. Они встретились глазами.

[1] Диван – собрание, совет, а также помещение, где проводятся заседания.

– Не знаю, есть ли у меня что-либо, что я пожалел бы тебе подарить. Нет, нет у меня такого. И мамлюк, каким бы он ни был, не стоит твоего слова… Но Али мне сын.

– Как?! Ты его усыновил?!

Ибрагим утвердительно кивнул головой.

– Очень жаль, – с нескрываемой досадой и печалью сказал паша, но затем вдруг кинул подозрительный взгляд на Ибрагим-бея, который уже успел нагнуться за чашкой кофе, чтоб отвести глаза.

III. Караван уходит в Мекку

Глашатаи громкими и радостными голосами возвещали жителям Каира об отправке каравана паломников в Мекку. Люди с утра занимали места на каменных скамьях перед домами, в лавках знакомых торговцев, чтоб посмотреть торжественную процессию.

Хасан стоял перед своим патроном Осман-беем, получая от него деньги и тайное поручение.

– Ты должен поскакать к стоянкам бедуинов, расположенным по пути каравана, и найти человека, который непременно убьет эмира.

– Кого назначили предводителем священного каравана?

– А ты не догадываешься?

– Ибрагима Катходу?

– Именно. Патрона твоего недруга.

– Мне можно уходить?

Осман кивнул головой. Вскоре после ухода Хасана он в сопровождении отряда мамлюков ехал к цитадели.

Солнце поднималось над священной горой Мукаттам, и на улицах города было много взволнованного предстоящим праздником народа. На площадях Румайла и Ка-

рамайдан люди толпились вокруг клоунов и фокусников. Двое комедиантов, облаченных в игрушечные доспехи, изображали сражающихся. Мальчики с расщепленными на концах пальмовыми палками требовали у прохожих подаянья. Мамлюки Осман-бея с окриками наезжали на зазевавшихся прохожих, расчищая дорогу своему господину.

Во дворце Эзбекие шли последние приготовления для выезда к цитадели каирского паши.

– Ты еще не сопровождал караван в качестве помощника эмира[1], но, думаю, эта должность окажется тебе по плечу, – говорил шейк-эль-белет своему фавориту.

– Для меня эта честь неожиданна. Постараюсь оправдать доверие.

– Я уверен в этом, сын мой, но будь осторожен. Путь в Мекку столь же почетен, сколь и опасен. Редко случается, чтоб караван прибыл в Мекку и возвратился без происшествий. Ты сам это знаешь.

Али внимательно слушал наставления своего патрона, который был сегодня одет особенно празднично.

– Ступай и жди меня внизу, – сказал Ибрагим Катхода и стал смотреть на струи воды, спадавшие с мраморной чаши фонтана. Он будто прощался с дворцом. Дорога в Мекку и назад занимала от двух с половиной до трех месяцев, если она не становилась последней дорогой.

Ибрагим удивлялся своему печальному состоянию. «Устал, что ли?» – думал он про себя и вспомнил о родине, наверно,оттого, что душе его захотелось покоя. «Боже, за это время я ведь мог на корабле поехать в родную Гурию[2], обнять родных и вернуться! Раньше меня не пускали мои хозяева, теперь не отпускает мое положение, которого я так добивался…»

[1] Эмир – предводитель; имеется в виду начальник каравана, эмир-аль-хадж.
[2] Гурия – юго- западная область Грузии.

Исмаил и подъехавший к нему Зульфикар дожидались своего хушдаша у выхода из дворца. Едва Али подошел к ним, как Исмаил сообщил ему:

– У Зульфикара интересная новость.

Али вопросительно глянул на Зульфикара, уже ухватившись рукой за луку кавказского седла, чтоб вскочить на коня, и поставил ногу в стремя.

– Хасан со своими хушдашами часа полтора тому назад проехал мимо Черкесского подворья[1] к восточным воротам. Я помчался следом и узнал у стражников, что османиты выехали за городские ворота и поскакали в восточном направлении.

– Что-то замышляют, – с тревогой заметил Али и вскочил в седло. – Они поехали к бедуинам! – заключил он неожиданно для самого себя.

– Я тоже так предположил. Но зачем? Разве бедуинов надо уговаривать, чтоб они напали на караван? Кочевники грабят паломников и без уговоров.

– Но ведь если они убьют нашего патрона, то по возвращению из Мекки, будь уверен, во дворце Эзбекие будет уже восседать Осман-бей!

– Ну и мерзавец! – воскликнул Зульфикар и рассмеялся.

– А ты не смейся, – заметил ему ужаснувшийся от алиевой догадки Исмаил. – Осман-бей коварней голодной лисы.

– Али, как же нам быть?

– Тебе надо взять людей и дождаться возвращения Хасана… О Аллах, как я мог раньше не обратить внимания, что ни Осман, ни его мамлюки не участвуют в сопровождении каравана?

– Этого наверняка не захотел наш патрон, – заметил Исмаил.

[1] Черкесское подворье – торговый двор неподалеку от Каирской цитадели.

– И все-таки… Словом, Зульфикар, как узнаешь, что Хасан вернулся, скачи к бедуинам и предупреди их, будто эмир каравана неожиданно изменил маршрут и после привала на Озере Паломников они пойдут по Долине Грифов.

– Об этом знает Ибрагим-бей?

– Пока нет.

– Хорошо, я отделюсь от вас, едва мы выедем из городских ворот.

Ибрагим Катхода выехал из ворот дворца. Впереди на своем пегом коне ехал Али, за ним – Исмаил с телохранителями эмира. Начальник эскорта Керим Абаза расчищал дорогу шейк-эль-белету. Сзади, потрясая подковами каменные мостовые Каира, ехали многочисленные гвардейцы Ибрагима Катходы. Путь их лежал в противоположный конец города – в резиденцию каирского паши.

На площади перед цитаделью уже толпилось много народу, среди которых были паломники, и не только со всех областей Египта, но из Марокко, Туниса, Ливии, а также провожающий люд.

Многочисленный отряд дервишского ордена упал на мостовую, распластавшись на земле вниз лицом. Дюжина дервишей пошла по спинам единоверцев. Они били в маленькие барабаны и восклицали «Аллах!» Лошадь шейха, ведомая под узды двумя дервишами, ступала по спинам фанатиков, которые, попираемые конскими копытами, бормотали в экстазе: «Аллах! Аллах!». Послушники вскакивали, едва лошадь прошагает по их спине, и присоединялись к процессии, которая несла знамена, расписанные главным изречением Корана.

Тесня толпу, эскорт Ибрагима Катходы въехал в ворота крепости. До начала шествия оставалось немного, и взволнованный народ томился в нетерпеливом ожидании праздничной церемонии.

Наконец из крепости вышел кортеж главных должностных лиц, сопровождаемый отрядами эскорта большого каравана, и направился в сторону площади Карамайдан. Всадники на верблюдах били в большие медные литавры. В обитом красной тканью ящике провезли сокровища, затем поклажу эмира паломников и его паланкин. Следом ехали придворные паши в златотканых парчовых кафтанах и несколько групп дервишей со знаменами.

Двое дервишей на глазах у публики пожирали живых змей, что приводило детей в особое изумление. Но смотреть на фанатиков с проткнутыми сквозь обе щеки спицами было неприятно даже взрослым. Затем шел верблюд со священным паланкином-махмалем, расписанным кораническими изречениями. Махмаль содержал в себе два экземпляра Корана, переписанные специально для отправки в Мекку.

Люди кидались к священному паланкину, чтобы дотронуться до него рукой. Те, кому это удавалось, с великой радостью целовали свои руки.

Женщины, наблюдавшие за процессией сквозь зарешеченные окна гаремов[1], спускали с балконов свои шали и покрывала, чтоб коснуться ими махмаля. Сопровождавшие махмаль мамлюки были в богатых одеждах и при парадном оружии.

С площадей Румайла и Карамайдан уже сформированный в основном караван проходил к северным воротам Каира и покидал взволнованный город, который палил из пушек, прощаясь с богомольцами.

Через два дня караван прибыл к Озеру Паломников. Здесь уже были разбиты палатки пилигримов, прибыв-

[1] Гарем – женская часть мусульманского дома.

ших заранее из Магри́ба[1], чтобы присоединиться к основному каравану и следовать в священный город.

Над пустыней сгущалась ночь. Перед палатками знатных паломников зажигались светильники. Много причудливых фонарей висело вокруг шатра эмира каравана.

– Ты чем-то взволнован? – спросил Ибрагим-бей своего кашифа[2].

– Я отправил Зульфакира к бедуинам, а его все нет.

– Он опытный мамлюк. Не думаю, чтоб с ним что-нибудь случилось… Мы отправляемся в путь завтра перед закатом. Он еще подоспеет. Хотя кто знает, бедуины народ жестокий и коварный… Ты закончил свои приготовления?

– Да. Подложный паланкин и пустая сокровищница готовы. Моему каравану лучше выступить прежде основного, поскольку наш путь длинней.

– Будь предусмотрительным, сын. Не омрачай моей старости…

Али и Исмаил то и дело вглядывались в горизонт. По тропам и бездорожью стекались к озеру припозднившиеся богомольцы, но Зульфикара с его отрядом так и не было видно.

На рассвете следующего дня экспедиция Али-кашифа отделилась от основного каравана и пошла по песчаной пустыне. Перед тем как подъехать к скалам в Долине Грифов, был собран и установлен на верблюде подложный махмаль, сняты покрывала с красного ящика пустой сокровищницы. За ней шли мулы, которые волочили большую повозку с непонятной поклажей.

К этому времени здесь, в глубине ущелья, уже стояла в засаде большая бедуинская банда.

[1] Магриб – страны Северо-западной Африки.
[2] Каши́ф – управляющий, помощник.

– Если караван не пройдет этим путем, – грозился подъехавший к связанным мамлюкам предводитель шайки Раджаб, – наши копья будут украшены вашими головами.

– А если караван все-таки проедет здесь, ты нам заплатишь за услугу? – спросил Зульфикар, у которого руки были туго связаны за спиной.

– Я получил от ваших друзей деньги за голову эмира каравана не для того, чтоб отдавать их другим! – кинул в ответ мамлюку предводитель разбойников. – Хотя, если сокровищницу еще не успели ограбить по дороге, можете рассчитывать на некоторую долю.

В это время прискакал дозорный и сообщил, что караван уже вошел в долину.

– Тебя не заметили? – недоверчиво спросил Раджаб, отстранив лицо от пыли, поднятой всадником.

– Они не могли меня видеть, я наблюдал из-за скал. Махмаль и сокровищница – в центре каравана.

Раджаб одобрительно посмотрел в сторону связанных мамлюков и приказал вернуть им оружие.

– Ваша доля будет зависеть от ваших стараний во время налета, понял? – сказал главарь, вплотную подъехав к Зульфикару.

– Я и мои товарищи готовы это заслужить, мой господин, – четко ответил ему Зульфикар, заткнув возвращенные пистолеты за пояс и закидывая за спину широкоствольный карабин.

Со стороны высоких выветренных скал низко пролетело несколько грифов. Тяжело взмахивая крыльями, они полетели в низину.

– Что этим птицам здесь нужно? – раздраженно процедил Раджаб и настороженно посмотрел в сторону высоких скал, откуда они летели, а затем – вслед удаляющейся стае.

– Наверно, шакалы спугнули, – заметил один из бедуинов, ковыряя копьем песок и угодливо улыбаясь своими уродливыми зубами.

Несколько дозорных залегли за камнями и наблюдали за дорогой в долине, остальные отъехали от пологого, тысячелетиями выветренного обрыва. Когда-то, может, во времена фараонов, этот утес стоял над рекой, теперь уже давно пересохшей и забытой. Пустынный утренний ветерок доносил до разбойников перезвон верблюжьих колокольцев и наполнял их тревогой предстоящего налета. Напряжение передавалось коням бедуинов, и те начинали бить землю копытами.

Раджаб разбил банду на несколько групп. Они стали в разных проходах и ждали команды. Мамлюков Раджаб предусмотрительно взял в свою группу.

– Под нами уже проходит начало каравана, – тревожным шепотом доложил прибежавший дозорный.

Главарь подъехал к скале. Другим дал знак остановиться за десяток шагов. Он спрыгнул с коня, прижимался спиной к скале и сам наблюдал за дорогой. Через некоторое время Раджаб отпрянул от скалы и, пригнувшись, с разбегу взлетел на коня. Легкий свист оповестил другие группы о начале налета, и кони понесли всадников вниз по склону, наполняя ущелье тревожно нарастающим топотом, который уже перекрывал мирный перезвон караванных колокольцев.

Едва заметив разбойников, хлынувших в долину сразу из нескольких горных расщелин, эскорт каравана открыл по ним карабинный огонь. Раздались первые ответные выстрелы надвигающихся кочевников.

Паломники упали на землю и стали в панике бормотать имя Аллаха, прося всевышнего о спасении. Завопили женщины. Люди бросали свои узелки. Кто ехал верхом на осле или муле, спрыгивали и бежали прочь. Мамлюки,

охранявшие священный паланкин и сокровищницу, обратились в бегство, отняв у паломников надежду на защиту.

Воодушевленные тем, что сокровищница брошена на произвол, бандиты подскочили к красному сундуку и стали ломать его крышку. В это время из распахнувшегося подложного махмаля неожиданно раздались выстрелы и поразили нескольких разбойников. Одновременно с этим громыхнули карабины из повозки, в которой сидели укрывшиеся здесь мамлюки. По бедуинам открыли огонь Зульфикар и его товарищи. Стреляли также многие переодетые в простых паломников янычары[1].

Отряды бандитов дрогнули и побежали. На них налетел Али со своим отрядом. Разбойникам уже нечем было отстреливаться, и они мчались что есть духу. А мамлюки убивали под ними коней и оставляли разбойников при одних копьях. Тех, кто оказывал сопротивление, убивали на месте, других – брали в плен.

Али видел, как раненный в бедро Раджаб с сильно поредевшим отрядом уже приближался к каменистой теснине. Преследовать бедуинов среди скал, которые они знали вслепую, было рискованно, и мамлюки прекратили погоню.

Пленные кочевники были связаны. Их повели впереди каравана, который торопился покинуть Долину Грифов. Солнце, поднявшееся уже достаточно высоко, беспощадно палило. Но уцелевшие паломники были готовы продолжать путь по раскаленной пустыне весь день, лишь бы уйти от расправы мстительных бедуинов.

Али-кашиф был рад, что не потерял товарищей. Он то и дело смотрел в сторону Тантавия и Зульфикара, которые ехали сейчас позади него. Али объезжал караван.

[1] Янычар – солдат-пехотинец регулярной армии.

Благодарные богомольцы говорили ему вслед лучшие слова и просили Аллаха благословить их ангела-хранителя – Али-Сина[1].

Огромный огненный шар солнца уже всплывал над пустыней, когда Али с высоты песчаной возвышенности заметил палатки основного каравана в оазисе Джарра. Паломники с великим восторгом встретили своих товарищей. Плакали женщины, рассказывая о налете кочевников, то и дело повторяя при этом имя своего спасителя – Али-Сина, и показывая в сторону мамлюка на пегом коне, который подъезжал сейчас с хушдашами к шатру эмира-аль-хаджа.

Ибрагим-бей был доволен счастливым возвращением своих мамлюков. Он выслушал донесение кашифа об удачно проведенной операции и сожалел лишь о том, что главарю разбойников удалось бежать.

– Он не оставит нас в покое! – сказал Ибрагим-бей.

Али ничего не ответил на это, ибо сам прекрасно понимал, что Раджаб будет мстить.

– Хасан передал Раджабу плату за убийство эмира каравана, – сказал Али после паузы.

– Не думал, что его соперничество перерастет в такую вражду. – Ибрагим-бей покачал головой и продолжил: – Значит, Осман-бей твердо решил стать на мое место. Для этого нужно либо убить меня, либо сослать.

Затем эмир вдруг воспрянул духом и заметил:

– Эта страна видела столько кровавых переворотов… ничего удивительного. Главное – достичь Мекки и благополучно вернуться под стены Каира.

– Кажется, этот заговор благословил сам Ахмет-паша, – высказал свое подозрение Али.

– Не думаю, чтоб властолюбивый Осман-бей устраивал бы его более, чем я. Но и мешать нашей вражде ему незачем.

[1] Син – ангел.

Али не стал переубеждать своего патрона в коварстве Ахмет-паши, хотя был уверен, что наместник султана отправлял шейк-эль-белета в длительную и опасную поездку не зря. И конечно же, Ахмет-паша знал, да и надеялся, что Осман-бей не упустит случая, чтоб рассчитаться со своим соперником.

– Я рад, сын мой, что ты удачно отразил нападение кочевников. Но путь наш еще долог, и кто знает, сколько неожиданностей ждет нас впереди… Ты знаешь, что паломники нарекли тебя «хранителем»? Везде только и слышно «Али-Син»…

– Да, знаю, – ответил Али и улыбнулся. – Я не буду против, если они назовут меня наследником пророка, когда караван благополучно въедет в ворота Великого Каира.

– Твоя уверенность и радует, и пугает. Хотя мамлюк иначе не станет полководцем. Да будет милостив к тебе тот, кто не умирает.

Али попросил у эмира разрешения удалиться. Он вышел из шатра шейк-эль-белета и поехал осматривать караван.

Изнуренные дальним переходом паломники разбивали палатки и торопились отдохнуть перед полуденной молитвой, чтобы к заходу солнца снова двинуться в путь до следующего оазиса.

Жители редких селений, встречавшихся на пути, выносили пилигримам кто пищу, кто одежду. Были и денежные подношения. Взамен фелла́хи[1] просили помолиться за них у гроба Магомеда. Они боголюбиво прикасались рукой к махмалю и желали странникам доброго пути.

Преодолев огромные расстояния по бесплодной пустыне, караван вышел наконец к берегу Красного моря и пошел вдоль берега. Вскоре пилигримы скинули свои

[1] Феллах – крестьянин, землепашец.

пыльные одежды, облачились в белые покрывала из миткаля и продолжали свой путь уже по святой земле счастливой Аравии.

Али легко узнал окрестные горы, окружающие Мекку, на склоны которых карабкались, тесня друг друга, жилища святого города. Караван из Каира, привезший новую ки́сву[1] для святыни Каабы, был встречен с великим восторгом. Многочисленные толпы людей вышли навстречу каравану и сопровождали его. Процессия вошла в большую мечеть города и медленно обошла Каабу.

В заключение торжественной церемонии шериф Мекки снял старое покрывало с Каабы, которая тут же была покрыта новой кисвой, также расписанной высказываниями из Корана. Шериф разрубил прежнюю кисву на части и раздал ее самым знатным участникам ритуального шествия.

– Откуда эти связанные люди в священном центре мирозданья! – удивился шериф Мекки, увидев пленных бедуинов.

– Эти разбойники напали на караван, но мы взяли их в плен и привели к святыне, – объяснил шерифу эмир каравана Ибрагим Каздоглу.

– Падайте перед храмом господним и просите, чтоб Аллах избавил вас от шайтана[2] и возвысил ваши души. Клянитесь перед Кораном, что будете охранять караван до его прибытия в Каир и навсегда оставите свой позорный промысел.

Пленные бедуины бросились на землю, прося у Всевышнего пощады и целуя ноги шерифа.

По завершению всех ритуалов счастливые паломники, утомленные длительными и трудными переходами, буквально валились с ног.

[1] Кисва (или буркуа) – священное покрывало.
[2] Шайтан – бес, дьявол.

Для жителей Мекки дать приют пилигриму – святой долг. Но город не мог вместить такого числа богомольцев. Вокруг городской стены теснились многочисленные палаточные лагеря паломников, прибывших со всех мусульманских стран Европы, Азии и Африки. Многие спали прямо на улицах. Их сон был безмятежен, и у лежавших вповалку паломников, даже при таких неудобствах, лица были блаженными.

Наполнив какие были под рукой сосуды водой из святого мекканского источника Земзе́м, обрызгав себя или вымочив в нем одежды, горстями набрав земли в окрестностях Мекки, каирский караван удалялся вслед западавшему в Красное море солнцу. Затем пилигримы свернули к северу и двинулись вдоль Суэцкого залива в сторону Акабы[1] на виду у тускнеющих гор Хиджа́за[2].

Эмир каравана сидел в своем богато убранном паланкине, покачиваясь в такт размеренной верблюжьей поступи, и легко угадывал в густеющем сумраке силуэт своего питомца.

«Али-Син!» – произнес Ибрагим Катхода про себя и углубился в размышления, обдумывая будущие каирские дела.

Вскоре караван снова свернул в горы Хиджаза, посетил Медину, где паломники поклонились гробнице Магомеда, совершили необходимые ритуалы и с чувством исполненного святого долга уже торопились домой.

Особенно трудной для пилигримов оказалась последняя неделя пути, когда они пошли по знойной аравийской пустыне, по каменистым руслам древних пересохших рек. Несколько дней кряду дул невыносимо горячий сирокко. Среди путников были больные и немощные. Они

[1] Акаба – порт и крепость на северо-восточном берегу Красного моря.
[2] Хиджаз – область на Аравийском полуострове вдоль восточного берега Красного моря. Здесь расположены святые города мусульман – Мекка и Медина.

не выдержали трудностей. Умерших закапывали в песок у дороги и догоняли караван.

– Что там за люди впереди? – спросил Али у Керима Абазы вскоре после того, как караван выехал из очередного оазиса. – Возьми-ка отряд охраны и узнай, нет ли опасности, а я остановлю караван и догоню вас.

Быстро управившись с необходимыми на случай нападения приготовлениями, Али и Зульфикар помчались вперед, увлекая за собой еще один отборный отряд мамлюкской кавалерии.

Большие группы паломников возвращались из Мекки. Отколовшись от большого каравана, они шли более коротким путем, переправившись на кораблях через Красное море, а не обходя его вкруговую по берегу. Одна из таких групп самостоятельно продвигалась по аравийской пустыне, пока на них не напала шайка разбойников, которая перебила мужчин, ограбила странников, а женщин и детей забрала в плен.

Сняв с женщин украшения и одежды, надругавшись над ними, бедуины несколько дней спустя бросили их на дороге, под палящие лучи солнца. Паломницы были почти голы и прикрывались жалкими тряпицами. Увидев караван, они обрадовались спасенью и одновременно ощутили невыносимость своего несчастья.

Особенно истошно голосила одна красивая и, видимо, знатная женщина, на которой чудом уцелела кое-какая одежда. Бедуины надругались над ней на виду у тринадцатилетней дочки.

Женщина вцепилась в стремя Али, плакала и ругала себя за то, что не поехала вместе с караваном. Другой рукой она держала свою дочь.

– Керим, быстро принеси во что им одеться и доложи эмиру о случившемся! – поручил Али своему хушдашу

по-абхазски, не желая, чтоб женщины слышали их разговор.

– Я знаю, что ты смелый человек, – рыдая взахлеб, горестно причитала женщина, – отомсти за меня, если ты мужчина!.. Если ты Али-Син!

Мамлюки стояли, отвернувшись не только для того, чтоб не смущать женщин, но и потому, что больно было смотреть на них.

Невысокие, наполовину засыпанные песком уродливые скалы пустыни становились все выше и образовывали удушливую долину. Солнце уже поднималось высоко, и Али подыскивал подходящее место, чтоб расположить караван на отдых. В это время с гор посыпались камни, и все разом обернулись. По склону стремительно спускались конные бедуины, перерезая путь каравану.

Али распорядился, чтоб быстро зарядили пушку. Подпустив кочевников на достаточное расстояние, выстрелили по ним. Разорвавшееся ядро расстроило наступление бедуинов. Второй выстрел поверг их в смятение. Упало несколько коней и всадников. Одновременно с воплями бедуинов и ржаньем раненых коней Али крикнул своей кавалерии, и мамлюки помчались навстречу противнику. Производя карабинные выстрелы, бедуины обратились в бегство, умело отстреливаясь на ходу.

Выстрелом из ружья Али сбросил одного разбойника. Перекинув карабин через плечо, выхватил из-за пояса пистолет. Сразил другого и забросил пистолет, закрепленный шнурком, за плечо. Он уже настигал следующего бедуина, как вдруг заметил бегущую наперерез женщину.

– Это он! Он! – кричала паломница, показывая на бедуина, которого догонял Али.

Она запуталась в слишком большом для нее платье и упала на камни, продолжая кричать: «Отомсти»!

Али прицелился вторым пистолетом и убил под бедуином коня. Тот ловко спрыгнул на землю с рухнувшей лошади и побежал. Забросив на плечо пистолет, Али выхватил саблю, нагнал беглеца и снес ему голову, которая тут же покатилась прочь. А безголовое туловище бедуина еще бежало, но вдруг, словно опомнившись, споткнулось, упало несуществующим лицом в горячий песок, задергалось в предсмертных муках и наконец разжало пальцы, сжимавшие горсти пустынного праха.

Паломница подползла на коленях к голове, стекленеющие глаза которой были широко открыты, и, обливаясь слезами, спрашивала у нее: «Ну как, хорошо? Хорошо?...» – и не могла успокоиться. Она утерла слезы длинным подолом широкого платья и, шатаясь, пошла к верблюдам.

Едва мамлюки отбили атаку грабителей, как вдруг с противоположного склона устремилась к каравану другая, еще более многочисленная банда. Мамлюки встали перед обозами и приготовились к новому сраженью.

Янычары быстро развернули пушку и пальнули по наступающим. Выстрел оказался неудачным, а расстояние между ними быстро сокращалось.

– Оставить пушку! – скомандовал Али.

Подпустив разбойников довольно близко, кавалерия резко расступилась, открыв пространство янычарам. Пехота произвела ружейные залпы по авангарду противника, а мамлюки, разделившись, пошли с флангов. Отстреляв пистолеты, кавалерия бросилась в сабельное сражение, но бедуины умело орудовали в ближнем бою своими копьями, и мамлюки несли серьезные потери.

В побоище ввязалось немало паломников. Началась неразбериха. Женщины и старики разбежались по склонам. Разбрелись верблюды с опустевшими разноцветными паланкинами, создавая еще больший хаос.

Янычары открыли резервный сундук с заряженными пистолетами и в ближнем бою метко поражали бедуинов. Это стало заметно изменять ход сражения. К пехотинцам, разбиравшим оружие, подбежала все та же мстительница и взяла два пистолета. Один из янычаров хотел отнять их у нее.

– Тебе они зачем? – спросил он ее строго.

– Отдай, говорю! – воскликнула так решительно, что янычар не посмел ей больше перечить.

Эмир каравана спрыгнул с паланкина в седло и повел свою гвардию в бой. Воодушевленные появлением шейкэль-белета мамлюки стали драться уверенней. Ибрагим-Катхода был меток в стрельбе из пистолета, но и он вскоре перешел в сабельный бой.

Заметив своего патрона, окруженного несколькими бедуинами, Али подскочил туда, отвлекая на себя противника. Едва он занес саблю, чтоб нанести последний удар по бедуину, как тот вдруг взметнулся от полученной в грудь пули. Али обернулся и заметил, что это выстрелила подбежавшая сюда паломница. Бросив пистолет, она подняла саблю убитого мамлюка и вскочила на его коня.

Улучив момент, один из разбойников кинул в Али аркан. Петля мгновенно затянулась на шее мамлюка, и бедуин уже потянул на себя веревку, чтоб сбросить Али с седла, но тут налетела паломница и полоснула бедуина по спине. Он выгнулся от сабельного удара, а тем временем мстительница перерубила аркан. Али снес раненому бедуину голову и с обрубком аркана на шее помчался за другим кочевником.

Привстав в стременах, бедуин метнул копье в своего преследователя. Али увернулся, поймал падающее копье на лету. Он кинулся за кочевником и сильным броском насквозь пронзил противника. Тот ахнул и упал с коня, сраженный собственным оружием.

С высоты каменистой возвышенности Али наблюдал, как группа мамлюков гналась за убегающими в пустыню разбойниками. Услышав за спиной конский топот, он резко обернулся. Это была отважная мстительница. Она сидела на коне с обнаженной и опущенной к стремени саблей. Али невольно улыбнулся.

– Я, наверное, смешно выгляжу? – спросила она, остановив коня и переводя дыхание.

– Да нет, просто я впервые вижу сражающуюся мусульманку… А кроме того, кажется, я обязан тебе жизнью. Ты не устала?

– Не настолько, чтоб отказаться от благодарностей спасенного мною мужчины, – сказала она и так посмотрела в глаза мамлюка, что его бросило в жар от слов и от взгляда отважной воительницы.

Он подъехал к ней вплотную, прикоснулся ногой к ее ноге. Щеки паломница вспыхнули. Мамлюк перегнулся и поцеловал ее в разрез на груди, затем обнял за пояс одной рукой.

– Не пытай меня! – взмолилась женщина, опрокидываясь на его руку и выпустив саблю в песок.

Они отъехали в тень скалы, забыв о разбойниках и караване. Паломница открыла ему лицо… и тело, ослепительный свет пустыни померк в ее глазах вместе с сознанием.

У Озера Паломников, лежащего на подступах к Каиру, уже был разбит целый палаточный городок встречающих. Едва заметив приближающийся караван, люди бросились навстречу родственникам и друзьям.

Каир ждал своих правоверных жителей. Двери домов, где жили пилигримы, украшались домочадцами и соседями. Их раскрашивали в самые разные цвета, красивым почерком выводя изречения из Корана, навешивали на них пальмовые ветви.

Пополнившийся караван, сопровождаемый оркестрами, под бой барабанов и приветственную пушечную пальбу втекал в Каир, распирая городские ворота.

Жители наблюдали за прохождением каравана с крепостных стен и балконов, с крыш домов. Толпясь вокруг паломников, люди просили благословения, и пилигримы обращались к Аллаху, чтоб тот отпустил им грехи. Но сквозь радостный шум то там, то тут прорывались истошные вопли женщин, узнавших о смерти своих близких, которые не вынесли изнурительных переходов или погибли от рук разбойников.

Али и его дружина с трудом пробивали дорогу эмиру каравана сквозь запруженную народом площадь. Вдруг проезжавший мимо паланкин открыл занавеску, и он увидел знакомые глаза отважной воительницы.

Муж паломницы был счастлив, что нашел жену и дочь живыми, хотя и узнал, что случилось. Он встретил их у озера и, довольный, ехал впереди на осле. Женщина высунула голову, глянула на важно едущего впереди мужа. Затем, снова спрятав голову под паланкин, она сняла с лица буркуа́[1], словно боялась, что Али не запомнит ее лица, и вновь выглянула.

– Ты не забудешь меня?

– Это невозможно, – прошептал мамлюк, растворяясь в толпе страждущего народа.

IV. Смута

Отряд мамлюков подъехал к дому Осман-бея. Хасан спрыгнул с коня, подбежал к дверям. Щелкнул изнутри деревянный затвор, и вышел привратник.

[1] Буркуа – покрывало из белого муслина, закрывающее все лицо женщины, кроме глаз и нижней части лба.

– Патрон ждет тебя, господин, – сказал слуга, уступая дорогу гостю и закрывая дверь перед оставшимися мамлюками.

Пройдя через внутренний двор, Хасан вошел в мандару[1], в глубине которой сидел Осман-бей. Эмир долгое время молчал и потягивал трубку, полулежа на подушках.

– Ничего не получилось, – сказал он наконец и спустя некоторое время, уже отложив выкуренную трубку, продолжил: – Ибрагим и на этот раз склонил пашу к своей выгоде.

Хасан был расстроен и не мог этого скрывать. Он не присел, хотя патрон указал ему на край дивана.

– Значит, его любимец будет утвержден в санджак-беях[2]? – выпалил Хасан, негодуя.

– Скорее всего… Ибрагим пользуется своим положением и выдвигает в беи то одного, то другого своего мамлюка.

– Сколько это может продолжаться! – возмутился Хасан.

– Хорошо было бы положить этому конец, но, видимо, не настал час… Они благополучно возвратились из Мекки, хотя бедуины и потрепали их изрядно, – сказал Осман-бей с некоторым упреком. Хасан понял, к чему клонил его патрон, и сник.

– Теперь они кичатся своим успехом и ходят героями. Ибрагим представил дивану, будто все это заслуги его кашифа. И хотя немало моих сторонников сопротивлялось выдвижению Али, большинство склонилось к доводам паши.

– Кажется, Ахмет-паша боится Ибрагима! – вспылил Хасан.

– Еще бы! Янычарские корпуса каирского паши почти

[1] Мандара – мужская гостевая комната.

[2] Санджак – земельный надел, поместье; санджак-бей – правитель военно-административной единицы, округа и начальник его вооруженных сил.

бессильны перед многочисленными и хорошо обученными бандами шейк-эль-белета и его выдвиженцев.

– Но за спиной паши – могущественная Порта!

– Султан далеко, а Ибрагим здесь, в Каире. Ведь этот самозванец изгнал прежнего пашу Рагипа, и «могущественная Порта», – напомнил Осман-бей своему мамлюку с оттенком иронии, – была вынуждена признать Ибрагима одновременно и военным правителем, и наместником султана… Ахмет-паша знает, чего опасается. А мы еще ничего не сделали, чтоб ослабить власть Ибрагима.

Хасан не нашел, что ответить Осман-бею.

– И вот тебе мой совет, – продолжал эмир уже предупреждающим тоном. – Пока не будешь сам утвержден беем, не смей выступать открыто против ибрагимова кашифа. Устраивай ему что угодно, но не будь на виду.

Ибрагим Катхода Каздоглу выехал из дворца Эзбекие в сопровождении эскорта, но без свиты. Он решил прибыть в замок паши намного раньше членов дивана, чтоб поговорить с наместником наедине. Телохранители торжественно вели его коня под уздцы. Впереди – еще шесть лошадей, на любую из которых шейк-эль-белет мог пересесть при необходимости.

Верховые горожане спешивались. Купцы, мимо лавок которых проезжал Ибрагим-бей, отвешивали шейк-эль-белету низкие и долгие поклоны, прося Аллаха благословить правителя. Мамлюки сопровождения разгоняли зазевавшихся прохожих, нерасторопных носильщиков с повозками и освобождали проезд повелителю.

Наместник поднялся навстречу Ибрагим-бею и предложил ему сесть. Он ударил двумя пальцами по ладони и велел подбежавшему на хлопок телохранителю принести кофе и курительные трубки.

– Как Осман-бей переживет, что не его мамлюк, а твой станет сегодня беем? – подстрекательски спросил Ахмет-паша.

– Это ведь для него не новость. Эмир знает мнение большинства в диване. Кроме того, у Али-кашифа действительно больше заслуг, чем у османова мамлюка.

– Но это уже восьмой эмир, выдвинутый из твоего дома. Таким образом, одна треть дивана – твои люди.

– Все они достойные и верные слуги султана. Их дела способствуют упрочению нашей страны и всей империи, – дипломатично обосновал Ибрагим-бей, оторвавшись от длинной, усеянной драгоценными камнями трубки.

– Но известно также, что мой предшественник на этом престоле – Рагип-паша – был отлучен от должности стараниями «верных слуг султана» и его место несколько лет оставалось свободным! – заявил паша с неожиданной для шейк-эль-белета прямотой.

– Это не совсем так. Рагип-паша был человек честный и рассудительный, но неожиданно позволил себе репрессировать часть влиятельных санджак-беев и сам навлек на себя возмущение остальных эмиров. Он решил угодить Блистательной Порте, но перестарался и лишил себя поддержки внутри своего же наместничества.

– Печальное дело, – с деланным сожалением заключил наместник. – Не будем омрачать сегодняшний день этими воспоминаниями… По крайней мере, твой нынешний выдвиженец мне симпатичен. Он столь незауряден, что его возвышению, кажется, невозможно препятствовать.

– Ему нет равных среди моих мамлюков. Он затмевает многих наших полководцев.

– Это большая радость для патрона. Али-кашиф вполне заслуживает твоей любви. Славный мамлюк!.. Мне рассказывали о нем невероятные истории, особенно насчет вашей экспедиции в Мекку.

– Паломники были ему так благодарны, что прозвали Али ангелом-хранителем.

– Да заметит его Аллах и прославит! – сказал Ахмет-паша, допивая кофе и отставляя пустую чашку. – Но, кажется, пули бедуинов не помешали ему обласкать прелестную богомолку, жену одного из знатных горожан.

– Не знаю, – уклончиво ответил Ибрагим-бей в некотором замешательстве. – Мне б не хотелось, чтоб это стало достоянием улицы…

– Не огорчайся. Женщины награждают героев быстрей, чем правители, – лукаво заметил Ахмет-паша.

Ибрагим видел расположение к нему наместника и был удовлетворен его редкой открытостью.

Приближалось время заседания дивана, и эмиры проезжали к замку наместника из разных кварталов Каира, где у них были дворцы или резиденции.

Али в сопровождении хушдашей также ехал к цитадели, куда его персонально пригласил сам паша каирский, и был, конечно, взволнован. Мамлюки радовались выдвижению своего хушдаша, с гордостью и не без зависти глядя на окрыленного Али.

– Что-то не нравится мне эта улица, – заявил вдруг Зульфикар своим громовым голосом. – Лавки закрыты, и народ куда-то исчез.

– Но значит ли это, что лучше повернуть? – спросил Али.

– Нет, конечно! – ответил Зульфикар и широко улыбнулся своей характерной улыбкой. Едва он отвел взгляд от Али, как заметил, что впереди им перекрыли дорогу мамлюки Осман-бея.

– Этого следовало ожидать! – заметил Тантавий и, приблизившись к Али, добавил: – Ты должен попасть на диван. Пробивайся как можешь, мы прикроем, – и проехал вперед вслед за Зульфикаром.

Началась перестрелка. Али развернул коня и обнаружил, что они в окружении: сзади, прячась от шальной пули, за углами домов поджидала засада.

– Али-Син! Али-Син! – вдруг позвал его женский голос, и мамлюк увидел над собой приподнятую решетку балкона, с которого была приспущена простыня. Он мигом подскочил к балкону, стал на круп коня, в прыжке ухватился за нижнюю подпирающую перекладину и тут же очутился внутри гарема.

– Аллах тебя послал мне! – воскликнула хозяйка дома, в которой он неожиданно для себя узнал очаровательную паломницу. Это прибавило ему уверенности. Мамлюк выглянул на улицу с другого балкона. Отсюда было удобно стрелять, не остерегаясь, что попадаешь в своих.

Али меткими выстрелами с балкона сразил двух османитов. Тут подоспел евнух и бросил к ногам Али целый ворох заряженных пистолетов.

– Спустись вниз и заведи коня господина во двор, – распорядилась госпожа и, присоединившись к Али, стала стрелять сквозь решетки балкона.

Мамлюкам Осман-бея нечем было ответить на эту неожиданную пальбу, и они побежали, спасаясь в лабиринтах каирских переулков.

– А что делать с конем, сит[1]? – спросил появившийся евнух. – Мы завели его во двор.

– Проведи коня к тайному выходу и жди там. Господин должен уехать.

Сит Айша закрыла за евнухом двери, опустила на балконе решетки.

– Почему ты забыл об мне, Али-Син? – грустно спросила Айша. Она сняла с себя буркуа, открыв свое прекрасное лицо и ослепительной белизны грудь.

[1] Сит – госпожа.

– Твоя красота отнимает дар речи, – обнимая госпожу, шепнул ей на ухо мамлюк. Они легко переместились на диван и предались чувствам.

– Сегодня ты станешь эмиром, – ласково приговаривала хозяйка дома, поглаживая короткую бороду мамлюка. – Весь город только и говорит об этом… Надеюсь, что Али-бей будет ко мне внимательней, чем Али-кашиф. Не так ли?

– С тобой я чувствую себя султаном, – пылко ответил ей Али.

– Торопись, мой султан, – нежно заметила ему сит Айша на прощанье. – И жди моего письма…

Евнух открыл задержавшемуся гостю потайные двери, и Али поскакал по мостовым Каира в сторону священной горы Мукаттам.

В цитадели уже давно шло заседание дивана. Наместник был недоволен, что Али-кашиф опаздывает. Ибрагим же не просто огорчался, а глубоко тревожился, зная, что Али не мог опоздать.

Паша намеренно затягивал разговор о ходе сбора налогов, говорил о не столь важных подробностях, создавая вокруг них дискуссию.

Шейк-эль-белет посмотрел наконец в сторону Осман-бея, предполагая, что задержка его кашифа подстроена соперниками. Но ибрагимов противник хранил на своем лице выражение непроницаемого спокойствия, которое, Однако он не сумел удержать: в зал заседания вошел Али-кашиф.

Ибрагим облегченно вздохнул, увидев своего фаворита целым и невредимым. А Ахмет-паша продолжал разговор, не давая членам дивана отвлекаться на запоздалый приход Али-кашифа. Затем наместник умело перевел разговор к главному вопросу – к утверждению Али-кашифа в достоинстве бея и назначению ему санджака.

Отметив заслуги Али-кашифа и выражая мнение большинства эмиров дивана, паша объявил его беем. Поднявшись с трона, наместник собственноручно облачил нового эмира в расшитый золотом кафтан и соболью шубу.

Затем Ахмет-паша объявил дивану, что скоро в Стамбул будет отправлена дань и что с одобрения султана сопровождение газны[1] поручается Али-бею…

Криками и возгласами одобрения встретили Али-бея хушдаши у ворот Каирской цитадели. Вскоре спустился и шейк-эль-белет. В торжественном и многочисленном сопровождении они доехали до площади Кара-майдан.

– Быстро возвращайся во дворец. Есть разговор, – сказал Ибрагим Катхода своему воспитаннику.

– Я вас догоню! – ответил Али-бей и поскакал со своим отрядом мимо Черкесского подворья к греческому кварталу.

– Зульфикар, ты проезжай с отрядом вперед и там меня дождитесь. Через минуту я подъеду к мосту, – сказал эмир Али своему другу, когда они подъехали к дому сит Айши.

– У такой женщины грех не остаться до утра! – трубным голосом объявил Зульфикар.

– Здесь люди кругом! – полушепотом предупредил его Али-бей. –Ты б еще с минаре́та[2] крикнул.

– Будь я обласкан такой женщиной, то похвастал бы даже на Кара-Майдане, под топором палача! – также громко ответил богатырского телосложения мамлюк.

– И остался бы без головы! – заметил ему Тантавий.

[1] Газна – дань, периодически доставляемая в Стамбул.

[2] Минарет – высокое башнеобразное строение при мечетях, с которых призывают единоверцев на молитву.

– За такую красавицу это нормальная плата, – ответил Зульфикар, а затем, повернувшись снова к Али-бею, продолжил:

– Али, ты избранник судьбы! В один день – и лучшая красавица, и соболья шуба эмира! Я умру от зависти!

– Лучше умри своей смертью, – ответил ему Али-бей, уже не надеясь угомонить своего шумливого и добродушного друга.

Али-бей приостановил коня под знакомым балконом. Приподнялась резная решетка. Айша помахала ему рукой. Он проехал дальше, заглядывая в лавки торговцев, которые при виде знатного всадника стали зазывать его, предлагая купить товары. Али-бей подъезжал к кофейне, когда его настиг слуга Айши. Он передал всаднику сверток, откланялся и поторопился назад.

Заехав в безлюдный переулок, Али-бей развернул сверток. Там оказались красные сафьяновые туфли, в одну из которых была вложена записка: «Мой султан! Я переселяюсь в другую комнату. Мой новый балкон будет выходить в тесный проезд, которым редко кто пользуется. Рядом с балконом растет высокая пальма. Она поможет тебе найти ко мне дорогу. Это с той стороны, где потайные двери, из которых ты выезжал. Хозяина не будет еще две недели. Да хранит тебя Всевышний!»

Али-бей положил письмо во внутренний карман кафтана и выехал из проулка. Вскоре отряд нового эмира коротким путем прибыл ко двору Эзбекие и ждал у главных ворот приезда шейк-эль-белета. Несколькими минутами позже в сопровождении торжественного эскорта сюда подъехал сам Ибрагим Катхода Каздолгу.

Шейк-эль-белет был взволнован как никогда, хотя, казалось, возвышение Али-бея усиливало его и без того крепкие позиции.

Они находились одни в тронном дворце – патрон и его воспитанник. Ибрагим Катхода не занял своего обычного места. Едва подали кофе и курительные трубки, Ибрагим велел удалиться всем слугам и сел на диване подле фонтана. Он был раздражен. Вновь вызвал слуг. Приказал вынести все благовония.

– Выключите фонтан! Я не слышу, что думаю! – закричал он затем.

В огромном зале воцарилась первобытная тишина. Ибрагим-бей отстранил трубку с табаком, взял другую – наргиле[1] – и сам набил ее гаши́шем[2], не позволив Али-бею помочь ему.

– Ты сегодня не перечь мне ни в чем. Ничего не говори мне поперек. Садись вот здесь, рядом со мной, и слушай внимательно… Что-то очень тяжело на душе.

Али-бей повиновался и впервые сел рядом со своим воспитателем.

– Если б еще минут пять ты задержался и не предстал живым перед моими глазами, я бы разрубил эту гадюку там же, в присутствии паши и всего дивана… Мне только что доложили о ваших сегодняшних приключениях. Я не вынесу, если с тобой что-нибудь случится…

Ибрагим курил кальян, и было заметно, как пьянящее действие гашиша снимало у него душевное напряжение. Он замолк и приподнял веки, словно вслушиваясь, как расслаблялись нервы. Затем отложил наргиле, глотнул кофе и стал курить табак.

– Кажется, я пришел в себя, – сказал он, очнувшись.

– Хвала Аллаху! – произнес Али-бей.

– Что тебя связывает с женой купца Феофаниди? – приступил к разговору Ибрагим-бей.

[1] Наргиле – особая трубка с охлаждающим устройством для курения гашиша.

[2] Гашиш – наркотическое вещество из конопли.

Али-бей опустил голову и молчал.

– Невыносимо красивая женщина. И если ты без нее не можешь, дай мне знать о том по возвращению из Стамбула. Я переселю их в одну из своих тайных резиденций, где тебе будет легко и безопасно встречаться с сит Айшой. А ее мужу предоставлю выгодную торговлю с постоянными разъездами. За деньгами он хоть на край света поедет.

– Мне неловко… – начал было Али-бей, но Ибрагим перебил его:

– Общение с такой красавицей делает честь любому мужчине. Но это вовсе не значит, что о вашей близости должен знать весь Каир. Это чревато неприятностями… Мне казалось, что с назначением тебя беем жизнь моя станет спокойней. Но уже с первого дня чувствую – все получается наоборот. С одной стороны, хорошо и то, что ты едешь с газной в Стамбул и некоторое время не будешь раздражать наших противников. Но с другой стороны, я тревожусь, не случилось бы с тобой чего в дороге.

– Я буду осторожен.

– Пожалуйста…

Ибрагим-бей снова замолк на некоторое время, затем, глубоко вздохнув, продолжил. Речь его была неторопливой, взволнованной, как исповедь, а может и была ею.

– Нет у меня наследника, кроме тебя. Не смей лишать меня единственной опоры… Я хочу знать о твоей главной мечте, и если смогу, пока занимаю этот дворец, хочу помочь тебе в ее осуществлении. И ты ее не скроешь от меня…

Али-бей впервые видел своего воспитателя растроганным. Своим вопросом Ибрагим Катхода задел своего питомца за живое: мечта его была одна-единственная, и любому мамлюку было легче расплакаться, чем высказывать ее.

– Раз уж я еду в Стамбул… – тяжело начал свое признание Али-бей, – оттуда рукой подать до Абхазии… хотя бы одним глазом…

– Я ждал и боялся этой просьбы, – сказал Ибрагим-бей. Он встал, подошел к стене, словно собирался творить молитву, и, не оборачиваясь, продолжил: – Об этом просит каждый мамлюк при любом случае. Тем более – если он едет в Стамбул. Я сам несколько раз ездил в Стамбул в составе депутаций. Но миссии, с которыми мы туда ездили, исключили отклонения от маршрута. С горечью я возвращался в Каир. А до моей Гурии еще ближе, чем до Абхазии… но я так и не повидал отечества.

– Прости, – с трудом выговорил Али-бей, вдруг осознав, что разбередил душевную рану патрона. – Я не подумал о тебе… но ты спросил о моей мечте – и я ее тебе открыл.

– Ничего. Ты правильно поступил.

– Но я готов исполнить твое желание.

– Не понял? – насторожился Ибрагим и слушал его спиной.

– По моему возвращению из Стамбула… я знаю, ты мне во всем доверяешь… Поезжай на родину, а я с нашими эмирами сделаю все, чтоб в Египте ничего не случилось до твоего приезда.

– Ты убил меня, Али! – воскликнул отчаянно Ибрагим-бей, обернувшись наконец к воспитаннику и глядя ему в глаза.

– Почему?

– Я страшусь самой мысли о встрече с отчизной… Мне казалось, выдвинувшись в правители, я легко осуществлю свою мечту, и вдруг стал пленником вот этого престола…

Ибрагим обнял Али-бея и долго не отпускал его, чтоб не показать ему свои влажные глаза.

– Али, я не столько стар годами, сколько пережитым, – продолжил он, отпустив воспитанника и глядя в сторону.

– Я устал. Это ощущение губительно для правителя. Будь готов в любую минуту сменить меня. Только знай: престола тебе никто не уступит. Мамлюкский престол не переходит по наследству – его отвоевывают. Ты это прекрасно понимаешь. Рука у тебя крепкая и сердце отважное.

– Я сделаю все, чтобы ты встретился с отечеством и сохраню страну в прежнем состоянии…

Ибрагим сел на диван и предался раздумьям, которые время от времени прорывались отдельными произнесенными вслух фразами.

– Если я поеду в Гурию, вряд ли вернусь в Каир. Об этом я предупреждаю заранее. Хочу дожить оставшиеся годы среди родных могил… Наши народы терпят притеснения от османов. Я могу быть им полезным. Но это разговор серьезный и долгий. Мы к нему вернемся после твоего возвращения из Стамбула.

Али-бей ушел из тронного зала дворца с тяжелым ощущением. Их разговор с Ибрагим-беем был хотя и откровенным, но трудным и неумелым, как всякие мужские откровения.

Несколько дней в порту Булака уже снаряжался караван судов, отплывающих в Стамбул вместе с газной. Керим Абаза, назначенный главным распорядителем этих приготовлений, следил за тем, чем и как нагружались судна. Его надзиратели, между которыми были распределены различные обязанности, четко и слаженно выполняли свои работы. Керим внимательно всматривался в каждого члена команды, отстраняя подозрительных и ненадежных, выполняя предписания и наказы своего эмира.

В ночь перед отъездом Али-бей вышел из своего дома в одежде простолюдина и, миновав незамеченным не-

сколько групп патрулей, подошел к дому сит Айши. Луна, хотя и была сильно ущебной, все же освещала кое-как ночные улицы города и потому он старался держаться теневых сторон.

У самого дома госпожи Али-бей заметил нескольких верховых, проехавших перекресток. Пройдя под балконом до конца темного переулка и прижавшись к стене, он выглянул из-за угла на освещенную улицу, но никого не заметил. По теневой стороне прошел к главному входу в дом и лишь теперь увидел, как верховые, привязав коней под навесом торговой лавки, уже шли ему навстречу. Али-бей быстро вернулся в темный проулок, ловко вскарабкался на пальму, поднял решетку и проник на балкон.

– Пришел Наконец мой султан! – услышал он шепоток любимой женщины, едва вошел в комнату. Он обнял ее, но Айша отстранилась. – Погоди, мы должны спуститься на нижний этаж, – предупредила она, – за стеной спят служанки.

Они спустились по внутренней лестнице и прошли в мансарду. Здесь горело несколько тусклых лампад, поставленных на пол у фонтана. Воскуренные благовония сочетали в себе различные и самые изысканные запахи.

– Разреши мне быть сегодня повелительницей, – сказала она, закрыв дверь мансарды и оставшись в нескольких шагах от своего избранника.

– Разрешаю, – ответил завороженный Али-бей, еще не понимая, что означает эта просьба.

Он снова попытался обнять ее, когда она уложила его на заправленный белыми шелками и обложенный подушками диван, но Айша напомнила об уговоре и Али-бей повиновался. Она раздела его. Оставив одного на диване, отошла к лампадам и стала медленно раздеваться перед ним.

Сбросив верхнее платье, она осталась в айлике[1], который плотно обнимал ее стан от бедер и до грудей. Затем так же неторопливо сняла айлик и предстала перед ним совершенно обнаженной. Ее запястья и пальцы ног были искусно раскрашены узорами косметической татуировки. Большие миндалевидные глаза на белом лице напоминали об их встрече в пустыне.

Тусклый свет лампад, преломленный в бриллиантах и алмазах ее ожерелий и браслетов, вспыхнул множеством крохотных и дивных сияний. Упоительные очертанья ее тела наполнили волшебным смыслом безумство этого блеска.

– Сними с меня ожерелья, – сказала она шепотом.

Али-бей поднялся с дивана и приблизился к Айше. Она пахла нежными маслами. Было невозможно прикасаться к ней лишь для того, чтоб снимать бусы и браслеты, но Али-бей благоговейно выполнял эту работу и бережно сбрасывал их на платье. Он не оставил на ней даже серьги, хотя о серьгах Айша ничего не говорила.

– Ты султан! – прошептала женщина и наконец обняла своего избранника.

Утомившись от любви, они скатились на мозаичный пол и разгоряченными телами блаженно ощутили спасительную прохладу мрамора.

Отдышавшись, Айша вновь принялась целовать его, озорничала. Затем перекатила его к самой бровке фонтана и сбросила в воду. Обмылась сама, обмыла и возлюбленного, и снова целовала, пока, поднятая им на руки, не впала в новое беспамятство.

Время уже приближалось к утру и пора было прощаться. Она взяла его руку, поцеловала, сняла перстень и на тот же палец надела другой – серебряную печатку.

[1] Айлик – нижнее женское платье.

– Пускай напоминает обо мне и хранит тебя, – сказала она, провожая Али-бея к дверям мандары.

– Как можно выглянуть на большую улицу? – спросил он, выходя из помещения.

– А для чего? – удивилась она.

– Когда я шел сюда, у главного входа в твой дом заметил троих. Кажется, стражники.

– Я сама посмотрю, – решительно заявила Айша и удалилась. Вскоре она вернулась в тревоге и сообщила, что заметила чьи-то тени на противоположной стороне улицы, под балконом соседского дома.

– Но это не стражники, – сказала она, пугаясь собственной догадки. – Я боюсь за тебя, Али…

– Тебе это не подходит, – сказал он и поцеловал погрустневшую Айшу. – Покажи лучше, как подняться на крышу.

Айша проводила его до лестницы, которая вела на террасу. Пригнувшись, Али-бей пробежал в дальний конец, перелез на крышу крайнего балкона, спустился по решетке и, повиснув на мгновение на нижней подпорке, спрыгнул на мостовую. Пробежав по неосвещенной стороне улицы до торговой лавки, где к мастабе[1] были привязаны лошади преследователей, он вспрыгнул на одну из них, двух схватил за поводья и помчался по мостовым Каира, оглушая галопом сонный город.

На выезде из квартала ему перекрыли дорогу патрули. Он налетел на них на всем скаку. Стражники попáдали в разные стороны и долго смотрели вслед безумному всаднику, который мчался, увлекая за собой неоседланных коней, лишив своих противников возможности преследовать его…

[1] Мастаба – длинная каменная скамья.

Ибрагим-бей томился, ожидая своего питомца со дня на день. Между тем от каирского паши он узнал, что Али-бей якобы прибудет лишь через неделю. Но шейк-эль-белет не знал, что через другого посыльного Али-бей передал письмо Зульфикару, в котором сообщал о более раннем и действительном дне прибытия и просил обеспечить ему безопасность при высадке в порту Булака.

Ибрагим-бею не давала покоя мысль о поездке на родину.

Он уже решил подготовить своих эмиров к тому, чтоб по возвращению Али-бея из Стамбула созвать диван, провозгласить своего фаворита шейк-эль-белетом и таким образом передать ему престол.

Он мысленно прощался с Египтом, покидать который ему было нелегко. Здесь прошла его мамлюкская жизнь – от мальчика-раба до правителя страны, жизнь, полная жестокой борьбы, чтоб шейк-эль-белет мог добровольно уступить свой престол. Но неодолимое желание вернуться на родину, душевная усталость и любовь к Али-бею указывали ему этот путь.

С высоты дворцовой веранды Ибрагим наблюдал, как по площади Эзбекие проходил к Нилу возбужденный предстоящим праздником народ. Вода в Ниле уже поднялась до достаточного уровня, и на завтрашний день была назначена церемония открытия дамбы[1]. Затем вода благословенной реки хлынет в многочисленные каналы, наполнит пересохшие водоемы, оросит заждавшиеся влаги посевы феллахов.

Многие горожане уже наняли лодки и веселыми компаниями разъезжали по Нилу, то вверх – на парусах, то вниз по реке на веслах.

[1] Открытие дамбы – ежегодный праздник в Каире.

Огромный, расписанный яркими красками корабль, еще в полдень отошедший от пристани Булака, курсировал со множеством шумливых пассажиров вдоль острова Рауда, напротив которого находилось устье главного канала. Галиоты[1], фелюги, шлюпки были полны пассажиров.

На берегах бойко обслуживали горожан множество торговых палаток, где праздный люд пил кофе и вино, ел сладости и фрукты. Всю ночь палили из пушек, зажигали иллюминацию, плыли по воде разноцветные фонари, пускались фейерверки.

На лодках, нанятых ловеласами, играли музыканты, гавази[2] танцевали свои обольстительные танцы. Кокетливо вопили проститутки, с которыми до самого утра развратничали неутомимые партнеры. С особой неистовостью распутствовали сбросившие бремя супружества разведенные женщины и молодые вдовы. Они торопились насладиться неведомой свободой и безоглядно вступали в водоворот похотливой гульбы.

К утру, когда дамба была уже почти снесена и от нее оставалось лишь узкая и невысокая полоса насыпи, Ибрагим Катхода прибыл сюда в сопровождении мамлюкской гвардии и занял свое каменное строение, возвышавшееся над устьем канала. Паша в окружении свиты к этому времени уже расположился в большой палатке, за которой стояли солдаты янычарского корпуса и отборный отряд чаушей[3]. Другие палатки и навесы заполнили эмиры, городская знать и купцы. Берега были заполнены рядовыми горожанами и беднотой.

Едва снесли дамбу и вода хлынула в канал, заполняя его сухое русло, шейк-эль-белет бросил рабочим-иудеям

[1] Галиота – плоскодонное парусное судно.
[2] Гавази – уличные танцовщицы.
[3] Чауши – особая милиция, обычно обеспечившая сбор налогов.

кошелек с мелкой золотой монетой. Затем он и каирский паша сели каждый в свое судно и поплыли по открытому каналу.

Знатные горожане бросали в воду монеты, за которыми тут же ныряли подростки. Некоторым счастливцам удавалось достать их со дна канала.

За суднами правителей в канал устремилось множество разных лодок и шлюпок с ликующими пассажирами, на которых с завистью глядели толпы оставшихся на берегу людей.

Вдруг из татриды[1], настигшей судно шейк-эль-белета, раздались подряд несколько пушечных выстрелов. Вслед за ними поднялась карабинная пальба. Вклинившись в толпу народа, по галиоту военного правителя открыли огонь с берега отряды конных солдат. Народ всколыхнулся. Поднялась паника. Люди побежали, наступая на упавших. Вопили женщины, растерявшие в давке и суматохе своих детей.

Судно шейк-эль-белета легло на борт и стало наполняться мутной водой. Канал кишел спрыгнувшими в воду людьми. Объятые ужасом, многие из них тонули и взывали о помощи.

Весть о гибели шейк-эль-белета облетела весь Каир. Повсюду в городе была слышна перестрелка враждующих группировок. Дворец Эзбекие был осажден мамлюками Осман-бея и его сторонниками. Однако главные эмиры Ибрагима Катходы – Зульфикар, Тантавий и Исмаил – удерживали натиск мятежников и палили по осаждающим из пушек.

Мгновенно опустели улицы Каира. Купцы спешно закрывали свои лавки. Знатные горожане торопились поки-

[1] Татрида – быстроходное нильское судно.

нуть город, вывозили свои семьи и ценности. Восставшие мамлюки бесчинствовали в городе. Грабили и поджигали дома приближенных погибшего шейк-эль-белета, взламывали склады. К ним добавилась распоясавшаяся чернь и воры, которые мародерствовали, громили, насиловали, наполняя город смрадом человеческой низости.

Эмиры Ибрагима Катходы обмыли тело убитого господина и тайно похоронили в предместье Каира – Булаке, поблизости от мавзолея великого имама[1] аш-Шафии на самом берегу Нила.

В ту ночь было совершенно нападение на дом сит Айши. Его окружили османиты. Ворвавшиеся убили стражу. Всех женщин из прислуги согнали в одну комнату и стали по-скотски насиловать. На одну и ту же служанку налезали все новые и новые насильники, несмотря на вопли истекавших кровью женщин.

Хасан вбежал в мандару вслед за Айшой. Она только успела достать из-под дивана пистолет, как рухнула от удара мамлюка на мраморный пол и выронила оружие. Он сорвал с упавшей в обморок всю одежду, разделся сам, облил ее водой из фонтана и, едва к ней стало возвращаться сознание, овладел ею.

– Теперь мы с тобой Али, можно сказать, молочные братья! – сказал Хасан с омерзительной ухмылкой удовлетворенного негодяя.

– Ни как воин, ни как мужчина ты ему не соперник, подонок! – крикнула она безумно и плюнула в насильника. Он ударил ее наотмашь, и она снова упала на пол и снова потеряла сознание.

Нагую Айшу по распоряжению Хасана распяли на длинной деревянной скамье, обрили ей срамное место и накололи татуировку, написав непристойное слово. Затем, не развязывая ей раздвинутых ног, несколько мамлюков насиловали красавицу, попеременно сменяя друг друга.

[1] Имам – глава мусульманской религиозной общины; вообще – авторитетный богослов.

Уходя, Хасан отрубил саблей веревки, которыми она была привязана.

– Теперь ты получила удовольствие не меньше, чем от Али-бея. А с этой надписью ты уже не сможешь быть ни женой, ни любовницей, – заявил он с прежней отвратительной ухмылкой и удалился, оставив ее в луже крови.

V. Демон мести

Караван судов прибыл в Стамбул ранним утром. Бухта османской столицы была окутана легким низким туманом, сквозь таинственную кисею которого сказочным миражом пробились очертания мощных стен древнего Константинополя. Над ними громоздились величественные шатры знаменитых соборов, обращенных в мечети. Стройные и высокие минареты, подобно мыслям и молитвам верующих, были устремлены к небу.

– Я ознакомлюсь с письмом Ибрагим-бея и содержанием привезенной газны, – сказал Али-бею Великий Визирь[1] Оттоманской Порты. – Я ценю старания твоего господина. Хотелось бы, чтоб наше к нему расположение правильно им понималось и присылаемая газна не скудела год от года.

– Мой господин, я всего лишь исполнитель.

– Верно, мой сын, – продолжал с деланной ласковостью визирь, – потому я и рекомендую передать твоему патрону, что не его подчиненные, а он сам – шейк-эль-белет Египта – должен доставлять газну ко двору своего повелителя.

[1]Великий Визирь – первый министр Турецкой империи, глава республиканского управления.

Получив от Великого Визиря фирман[1], содержащий различные предписания Порты, Али-бей покинул дворец, изнуренный непривычным для него поручением и великолепием дворцовых палат. Такой роскоши он нигде прежде не видел.

Али-бей одновременно ощущал и облегчение. Миссию свою он выполнил – газна в целости была доставлена Порте. Все предстоящие дела и сборы в обратный путь были и легче, и приятней. Он вернулся в порт, где стояли его корабли, справился у Керима насчет того, как идут дела у каирских купцов по приобретению заказанных шейк-эль-белетом товарам. Убедившись, что купцы зря не теряют времени и скоро раздобудут все необходимое, эмир предложил своему управляющему пойти вместе с ним на невольничий рынок.

Торжище было расположено на большой площади в стороне от главной пристани, и народу было здесь так много, что приходилось с трудом протискиваться сквозь столпившийся люд. Керим Абаза внимательно осматривал несчастных, запуганных мальчиков, справлялся у купцов о цене, уточнял, из каких мест взяты невольники. Услышав, что мужчины перекинулись несколькими абхазскими словами, один из подростков ухватился за подол Али-бея, угадав в нем главного, и стал слезно и настойчиво просить по-абхазски:

– Купите меня! Не отдавайте меня чужим!

Али-бея чуть слезой не прошибло. Он присел на корточки и до боли зажал рукой глаза, чтоб не расплакаться, вспомнив собственную судьбу. Ему показался знакомым этот мальчик, взывавший голосом его детства.

– Сколько тебе дать за мальчика? – спросил Али-бей у купца, и тот сразу же завысил цену, пользуясь увиденной сценой.

[1] Фирман– указ, распоряжение.

Едва Керим стал расплачиваться, как Али-бей услышал за спиной другой мальчишеский голос.

– Я тоже абхаз, – признался тот почти безнадежно.

Али-бей обернулся к купцу:

– Этого тоже беру!

– Эфенди, у меня еще двое абхазов есть, – обрадованный щедрым покупателем, заявил работорговец.

Увидев, как охотно идут к этому знатному человеку их товарищи, один из подростков выкрикнул на грузинском, даже не подумав, что его могут не понять:

– А грузины тебе не нужны?

– Нужны, нужны, – успокоил Али-бей отчаявшегося пленника, и мальчонка аж подпрыгнул от радости.

Таким образом, Али-бей купил у работорговца всех мальчиков, не смея отказать ни одному из них. Но столько денег у него и Керима не было. Пришлось пригласить купца на корабль и там окончательно с ним рассчитаться. Из одиннадцати невольников четверо были абхазами, один грузин, двое мингрелов, три черкеса и один албанец.

Мальчикам очень нравилось, что господин мог говорить с каждым на родном языке. Потому в глазах их скоро исчез испуг, и жизнь казалась не такой уж безысходной.

Грустней всех было албанцу. Его языка Али-бей не знал, и на всем корабле мальчику не с кем было поделиться своим несчастьем, а любое сочувствие казалось неискренним и еще больше подчеркивало сиротство.

Али-бей не мог уснуть. Мысли уводили его в родной дом.

Тоска по детству казалась необоримой. Детскими глазами он видел родину в последний раз и такой запомнил ее на всю жизнь. Он почувствовал себя ребенком, и ему захотелось родительской ласки. Одновременно Али-бей

ощутил незнакомое прежде чувство, которое обнаружил на невольничьем рынке: ему захотелось стать отцом.

Он поднялся среди ночи, пошел в трюм, лег среди детей, спящих на полу тревожным сном, и через некоторое время наконец уснул.

Керим, не обнаружив утром Али-бея в его каюте, обошел палубу, спустился в трюм и был растроган картиной спящего среди невольников эмира. Мамлюк не понимал, как в одном человеке могут сочетаться столь противоположные качества: нежность и жесткость, великодушие и мстительность.

Проснувшись, Али-бей разыскал Керима, и они вышли в город. Скитаясь по улицам Стамбула, заглядывая в лавки торговцев, зашли в кофейню. Выпив кофе и покурив трубку, послушав городские новости, они подошли к главной мечети. Хотя Айя-София и была заставлена минаретами, Али-бей легко узнал в ней христианский собор и вспомнил родной Пицундский храм, в котором служил Богу его отец Давид. Он посмотрел на огромный лазурный шатер собора, на который едва хватало взгляда, и остановился, оглушенный мощными ударами гулкого колокола, к которому вскоре присоединились малые звонкие колокола. «Откуда здесь колокола? Где я?..»

– Что-нибудь случилось? – спросил Керим. – Тебе не плохо?

– Слышишь звон колоколов?

– Нет, – ответил Керим, неудомевая. – Откуда им здесь быть!?

– Тогда что это такое? – спросил Али-бей больше себя, чем Керима.

– Наверное, ты плохо спал.

К Али-бею возвращалось сознание, и он стал понимать, что это зов родины, которая услышала его тоску. Никогда после того, как был пленен, ни во сне, ни наяву Али-бей не слышал колокола отцовского собора.

В это время он увидел, как мулла подошел к минарету и вошел в него.

– Подожди меня здесь! – кинул он Кериму и побежал к башне.

Али-бей настиг муэдзи́на[1], когда тот уже поднимался по внутренней лестнице.

– Кто там? – спросил служитель, услышав за собой топот.

– Послушай, друг, – начал Али-бей, переводя дыхание, – можно подняться с тобой на минарет?

– Я не имею права позволить тебе этого, – сказал служитель миротворческим голосом, глядя куда-то в сторону.

– Но если ты веришь в Аллаха и служишь Ему, ты не можешь мне отказать, – настаивал Али-бей. – Мне нужно посмотреть в сторону моей родины. Это желание пробудил во мне Аллах, и ты не посмеешь мне помешать.

– Хорошо, – сказал мулла настороженно, словно прикидывая что-то, – иди за мной, – и стал подниматься по крутой винтовой лестнице, скрытой внутри минарета.

Али-бей вдруг обратил внимание, что служитель поднимается медленно и одной рукой держится за стену. Ему стало понятно, что муэдзин слепой, потому и говорил с Али-беем, глядя мимо него.

– Оставайся здесь, пока я не закончу призыва на молитву, – сказал мулла, прежде чем они вышли на самый высокий ярус минарета. Слепец стал лицом к ки́бле[2] и воздел руки к небу.

– Ля илля-ха ялля ла! – трижды возвестил он звонким голосом главную заповедь Корана о том, что нет боже-

[1] Муэдзин – нижний чин мусульманского священнослужителя – мулла, в обязанности которого входил призыв единоверцев на моленья.

[2] Кибла – (ориентация) направление в сторону священной Каабы в городе Мекке в Аравии. Его соблюдают все мусульмане во время совершения пятикратных ежедневных молитв и отправления ряда ритуалов.

ства, кроме Аллаха. – Он един, Ему принадлежит все на небесах и на земле, хвала Ему, – продолжал мулла петь аза́н[1]. – Он дает жизнь и ниспосылает смерть. Он жив и пребудет вечно. Рука его дарует благословение. Он всемогущ…

Мулла закончил свой призыв словами:

– Хвала его имени. Хвала совершенству Аллаха! – и провел руками по лицу.

Али-бей не торопился выйти на балкон, ибо видел, как слепец еще пребывал в возбужденном святыми словами состоянии.

– Поднимайтесь, эфенди, – ласково предложил служитель, возвратясь из забытья.

Али-бей вышел на балкон минарета. Здесь было очень высоко. Стамбул открылся ему с высоты соколиного полета. Но великолепный город не занимал его – он устремил свой взгляд туда, на север, где на противоположном, невидимом берегу находилась его потерянная отчизна.

– Эфенди, а как называется твоя страна, которую ты хочешь отсюда увидеть?

– Моя родина называется Абаза[2], – ответил Али-бей, не оборачиваясь к вопрошающему и силясь хоть что-нибудь увидеть за горизонтом.

Губы слепца беспомощно задрожали, по впалым щекам побежали слезы.

– Почему я ничего не вижу? – отчаянно крикнул Али-бей и, обернувшись в муэдзину, увидел перед собой заплаканное и глядящее в пустоту лицо. – Что с тобой?

– Это и моя родина, – едва выдавил из себя муэдзин.

– Как? Ты абаза?

– Да, абаза.

[1] Азан – возвещение нараспев с минарета мечети перед совершением намаза.

[2] Абаза– Абхазия и абхазы на языке адыгейцев и турок.

Али-бей обнял слепца, и они стояли так, молча, не отпуская друг друга.

– А почему мы говорим на турецком? – спохватился Али-бей, отстранившись от соотечественника, и вдруг снова в его сознание ворвался колокольный гул. Он увидел друзей детства, с которыми попал в плен. Смотрел на лицо муэдзина и видел перед собой удаляющийся берег отечества.

– Как тебя зовут? – чуть не крикнул Али-бей уже на родном языке, торопясь услышать ответ на свой вопрос.

– Муслим. В Абхазии меня звали Мкан.

Слезы мгновенно застелили взгляд Али-бею, и лицо муэдзина расплылось.

– Мкан, это я, Иосиф… Мкан! – тряс он своего давно и, казалось, навсегда потерянного друга.

Не в силах стоять, они сползли на пол и, прислонившись к борту балкона, рыдали, вознесенные минаретом над куполом Айя-Софии.

– Иосиф, мой дорогой Иосиф, – причитал слепец и щупал руками мокрое и бородатое лицо друга детства. – Какое счастье, что я встретил тебя!

Они не слышали друг друга. Да и слова, что произносились сейчас, ничего не значили в сравнении с тем, что переживали сердца. Утомленные радостью, они лежали на балконе минарета, как в том роковом баркасе, что разлучил их с родным берегом, и молчали.

– Мкан, – спросил наконец Али-бей, поднявшись и глядя в морскую даль, – отсюда действительно не видно Абхазии?

– Я долгие годы смотрел с этого минарета в надежде увидеть хотя бы снег на вершинах наших гор… пока не потерял зрение. Но когда я ослеп, ко мне пришла она. Раньше я видел все, но не видел ее. Теперь я ничего, кроме Абхазии, не вижу. Она стоит передо мной, и солнце над ней не меркнет…

Муслим попросил Али-бея пойти к нему домой, и эмир лишь сейчас вспомнил о своем управляющем, оставленном внизу у входа в минарет.

Муэдзин жил в убогом жилище недалеко от мечети. Его единственный слуга и поводырь сварил гостям кофе и удалился. Али-бей о многом расспросил друга и, главное, узнал, что еще года два тому назад мать и отец его были живы. Об этом муэдзину сообщил знакомый купец, которого он упросил разузнать о своих близких. После этого к Муслиму несколько раз приезжали родственники, спрашивали и о Иосифе, но он ни о ком из своих товарищей ничего не знал.

– А ты помнишь Маяну, девочку из Анапы, ее везли с нами на одном корабле?

– Как не помнить? Где она?

– Фатимат-ханум не раз интересовалась твоей судьбой, но что я мог ответить? Она живет в центре города. Муж ее – знатный сановник, работает при дворе Великого Визиря.

– Ее можно увидеть? – нетерпеливо спросил Али-бей.

– Как объяснить ее мужу твой приход в его дом?

– Маяна предупредила, когда мы прощались, что куда бы не занесла ее судьба, она скажет, что у нее есть брат, который обязательно ее разыщет.

– Я пошлю сегодня записку Маяне и накажу слуге, чтоб он принес ответ… У нее такая добрая душа, да благословит ее Аллах. Мой поводырь – бывший ее слуга. Она передала его мне, когда я ослеп, и сама платит ему за работу.

– Она также красива?

– Наверное, – печально ответил Муслим, – я давно не вижу никакой красоты…

Уже вечерело, когда Али-бей и Керим возвратились на корабль, с палубы которого смотрели на пристань

грустные мальчики, заждавшиеся своего покровителя. Завидев Али-бея и Керима, они повеселели и сгрудились у входа. Каждому хотелось заговорить с господином. Но Али-бей, переживший за сегодняшний день столько радостей и слез, уже не мог больше испытывать своего сердца. И все-таки, улучив момент, тот первый мальчик, его маленький соотечественник, обратился к Али-бею с просьбой – и перевернул ему душу.

Утром Керим застал эмира глядящим в обратную от Стамбула сторону. Подошел к нему и так же, уперевшись в борт судна, стал смотреть в морскую даль, которая скрывала за собой их родину.

– Ты что, не спал? – спросил Керим.

– Я больше не могу этого, – признался Али-бей.

– Этот мальчонка, которого мы купили в самом начале, зашел ко мне в каюту и заявил: я знаю, ты это можешь – отправь меня на родину.

– И что ты ответил?

– Он застал меня врасплох. Я чуть не накричал на него. Но затем пристыдил, напомнив, что его товарищи также хотят вернуться домой.

– Не переживай. Ты ведь ничего обидного ему не сказал.

– Но лишил его последней надежды… Несколько раз за ночь я спускался в трюм. Вижу: не спит. Спрашиваю: ты не спишь? Не отвечает. Говорю ему: не отчаивайся. А он по-прежнему молчит. Утром пришел ко мне и попросил прощенья. Мне пришлось объясняться с каждым подростком, чтоб предупредить подобные просьбы. Ты бы видел их глаза!…

Керим легко понимал Али-бея. Их мамлюкские судьбы и переживания во многом были схожи, и он сочувствовал хозяину.

– Мне тяжело, Керим. Давай споем «Песнь ранения», – попросил Али-бей.

Керим не заставил себя упрашивать и тихо запел.

Голос у него был замечательный, и в Каире из всех абхазских мамлюков он более других помнил родные песни.

Мужчину боль не побеждает,
И он превозмогает боль…

После этого запева подключился и Али-бей. Песня уже в который раз исцеляла душу. Кроме этой фразы, в ней не было других слов, да они и не нужны были. Вера заполняла всю песню. И иным словам здесь не оставалось пространства.

К полудню в каюту эмира вошел слуга и доложил, что его спрашивают какие-то знатные незнакомцы. Али-бей велел пригласить их в гостевую каюту. Поправив на голове тюрбан и переодевшись в выходной кафтан, Али-бей перешел в приемное помещение и прилег на подушки в ожидании гостей. Вскоре слуга открыл дверь и впустил мужчину и женщину. Эмир поднялся навстречу знатному незнакомцу, который приветствовал его и желал всевышней помощи в его делах.

Едва мужчины обменялись приветствиями и гостю было предложено сесть, женщина бросилась к нему и с криком «Иосиф, братец мой!» повисла у него на шее. Она сняла с себя покрывало и открыла лицо. Перед ним стояла Маяна, красивая и счастливая.

– Боже, ты ли это, Маяна! – воскликнул Али-бей и по-братски прижал ее голову к своей груди.

Слуга принес кофе и трубки. Мужчины закурили. Муж Маяны оказался человеком общительным. Они познакомились, расспросили друг друга о многом. Пока мужчины говорили, Маяна во все глаза смотрела на Али-бея, нетерпеливо дожидаясь, когда их спешный разговор

перейдет в спокойную беседу и ей можно будет сказать что-нибудь.

Вскоре общение мужчин стало приятельским, и Фатимат-ханум расспрашивала Али-бея, выведывая все новые и новые подробности его жизни.

Узнав, что его новый знакомый и родственник жены является влиятельным египетским санджак-беем, муж Маяны предложил эмиру по всем делам в Стамбуле в дальнейшем пользоваться его услугами.

– Ты не забыл родного языка? – спросила Маяна.

– Как это возможно! – возразил Али-бей. – В Каире немало абхазов. У меня и управляющий – абхаз.

– Иосиф, – обратилась она к Али-бею на абхазском, – не подавая вида, что я сообщаю что-то важное, но муж сказал, что две недели назад вашему наместнику послано тайное распоряжение убрать военного правителя провинции. Не знаю, огорчит тебя это или нет, но хочу, чтоб это не было для тебя неожиданностью, – сказала она с интонацией человека, говорящего о семейных пустяках.

– Но и ты молодец, не забыла нашего языка, – похвалил ее Али-бей на турецком, не проявив никаких эмоций, хотя сообщение Маяны всколыхнуло все его существо.

– Я специально взял в служанки абхазку, чтоб мать моих детей не забывала родного языка, – похвалился сановник.

– Это очень благородно, – заметил Али-бей, – да поможет тебе Аллах и воздаст за добродетель…

Сообщение Маяны о намерении Порты убрать Ибрагима возмутило Али-бея. Он разыскал Якова-армянина и поручил купцу спешно отплыть на Крит, закупить пушки с лафетами, запастись порохом, ядрами и ждать его прибытия, чтоб вместе отплыть в Египет. Через два дня

Али-бей снялся с пристани Стамбула. Его корабль поднял паруса и направился к Босфору.

Яков-армянин был опытный торговец и преданный Ибрагиму Катходе человек.

Шейк-эль-белет доверял ему только важные торговые сделки с европейскими странами, в особенности с Венецианской республикой, но также давал различные дипломатические поручения, которые тот успешно выполнял, обнаруживая замечательное политическое чутье и умение склонить партнера к своей выгоде.

Когда Али-бей прибыл к Криту, корабль Якова-армянина уже стоял на рейде, груженный оружием и боеприпасами. Керим Абаза взял в порту питьевую воду и провиант, заготовленный Яковом, и караван судов взял направление на порт Саид.

По Каиру пронеслась молва, что Али-бей, высадившись на берег, подступает к столице по суше. Мятежники выставили значительные силы перед городскими воротами, ожидая противника с северо-востока. Вскоре к Баб-аль-Футуху[1] подъехал отряд бедуинов и вручил начальнику стражи обезображенную мужскую голову, насаженную на пику.

– Это голова Али-бея, любимца вашего правителя. Передайте ее дивану. Пусть эмиры знают, что так будет с каждым нашим противником! – заявил главарь отряда, швырнул к ногам стражи тюрбан убитого эмира, и кочевники ускакали в пустыню, поднимая за собой пыль.

На самом же деле Али-бей подплывал тем временем к Каиру. В пути ему встретились суда с покинувшими столицу беженцами… От них Али-бей узнал о гибели шейк-эль-белета. Тогда он и решил отправить к городским воротам ряженных в бедуинов своих мамлюков с подложной головой. Авантюра удалась. Как только восставшие эмиры узнали о гибели Али-бея, они сняли засады с берегов Булака, открыв тем самым беспрепятственный въезд в город. Мятежники перебросили эти отряды ко дворцу Эзбекие, в котором сторонники Ибрагима Катходы уже с трудом удерживали оборону.

[1] Баб-аль-Футух– северо-восточные ворота Каира.

Приближаясь к Старому Каиру, моряки увидели плывущий по Нилу женский труп. Судя по одежде, это была знатная особа. Утопленницу подняли на борт. Али-бею не хотелось верить увиденному. Его словно молнией поразило, когда женщине открыли лицо. Это была Айша.

Эмир распорядился, чтоб ее перенесли к нему в каюту, и сам спустился следом. Оставшись наедине с утопленницей, он долго смотрел на ее красивое и, казалось, живое лицо. А он ведь так торопил встречу с ней! Сняв с нее одежды, он обнаружил следы истязаний и чудовищную татуировку на поруганной женщине. Али-бей не сомневался в том, кто это мог сделать, и нежность, с которой он прощался с любимой женщиной, стремительно перерастала в ярость. Он свирепел на глазах, преображаясь в демона мести.

Керим принес саван, и Али-бей сам, без посторонних, запеленал Айшу в белое покрывало, а затем поручил своему управляющему похоронить ее где угодно, но не забыть этого места. Он в последний раз глянул на Айшу, поцеловал памятный перстень на собственной руке и приложил печатку ко лбу. Это была клятва. Он поднялся на палубу, поскольку галера уже приближалась к Каиру.

Пристав к порту Булака, корабли Али-бея открыли огонь из множества орудий. Защитники дворца поняли, что это прибыл Али-бей, и обрадовались, что весть о его смерти оказалась уловкой эмира. Мамлюки Али-бея решили выступить из дворца навстречу своему патрону.

Вдохновленные прибытием хозяина, они прорвали осаду и помчались в Булак, расчищая дорогу своему эмиру.

Пушечный грохот со стороны Булака поверг мятежников в страх. Они также поняли, что смерть Али-бея оказалась его собственной выдумкой. Эта авантюра лишний раз напомнила им о коварстве противника и о том, что появление его предвещает только расправу.

Восставшие мамлюки оказывались меж двух фронтов и уже сами переходили к обороне, не понимая, в какую сторону безопасней отступать.

Мятежники вскоре были атакованы с тыла отрядами Али-бея и обратились в бегство, отстреливаясь от преследователей на улицах города. Главные ворота Каира были тут же закрыты, усилена их охрана, которой выдали дополнительные пушки. К орудиям приставили янычар и чаушей каирского паши, предусмотрительно перешедших на сторону Али-бея. К ночи были заперты внутренние ворота наиболее важных кварталов. На мостах через каналы алавиты устроили заслоны.

Зульфикар, Исмаил, Тантавий и другие хушдаши сопроводили Али-бея к свежей могиле Ибрагима Катходы, где он дал клятву на Коране и сабле, что не оплачет своего воспитателя, пока не отомстит убийцам.

Хасан был пойман. Закованный в цепи и заточенный во дворцовую тюрьму, он ждал своей участи. Дом Осман-бея разорили, но его самого не нашли. Семью взяли в заложники и также водворили в тюрьму.

В собственном гареме был убит непосредственный исполнитель заговора – некий Кадыр Хакуч. Али-бей мертвой хваткой вцепился ему в глотку и не разжал пальцев, пока противник не испустил дух. К утру были убиты еще два эмира, сожжены их дворцы, пленены их семьи, а имущество свалено в одном из помещений Эзбекие.

В своей резиденции в Булаке был наконец обнаружен и осажден Осман-бей. Он отчаянно отбивался, прикрываемый отрядом личной охраны, но, оценив ситуацию, покончил с собой прежде, чем мамлюки его противника ворвались в мандару. Али-бей срубил ему голову и велел вместе с головами других заговорщиков положить ее на могилу убитого правителя.

На третий день своего возвращения, припав на колено, Али-бей оплакал своего убитого покровителя в присутствии эмиров, воспитанных и выдвинутых Ибрагимом Катходой.

Жесточайшими репрессиями он обрушился на оставшихся мятежников и их сторонников. Кого убил на месте, кого казнил на площади Кара-майдан, кого сослал в Верхний Египет. Но жажды мести не утолил. Поруганная Айша стояла перед его глазами. Лицо ее было спокойным, будто она знала, что не останется неотомщенной.

В мандаре сит Айши были установлены приспособления палача. Али-бей не обратил внимания на эти чудовищные орудия и с неизъяснимым душевным трепетом вошел в помещение, как если бы там его ждала Айша.

Ночь, проведенную здесь, невозможно было забыть. Обстановка мандары, мраморный мозаичный пол, обрамленный лазуритом, и фонтан воскрешали их встречу во всех неистребимых подробностях. Он увидел ее в сиянии бриллиантовых ожерелий и браслетов, покорную и ждущую любви. Нежность захлестнула все его существо. Возлежа на знакомом диване, он пребывал в этом состоянии даже тогда, когда в мандару вошел палач. Но едва стражники ввели сюда закованного в цепи Хасана, Али-бей стал тяжело отрезвляться. Эмир потребовал, чтоб все, кроме заключенного, вышли. Они остались наедине.

– Я понимаю, почему ты над ней надругался и надругался именно здесь. Ты истязал ее в комнате, где я провел с ней лучшую в своей жизни ночь… Ты не можешь быть мужчиной…

Хасан смотрел на своего противника исподлобья, и ни страха, ни раскаянья не было на его лице. Но когда Али-бей вызвал палача и крикнул стражникам: «Оскопите его!» – Хасан рухнул на колени, громыхнув цепями. Вместо мольбы из гортани его вырвался животный рык – рык удушливого сознания обреченности. Это осознание отняло у Хасана все силы, и он даже не сопротивлялся, когда его распинали, когда привязывали к брусьям ноги и руки.

Казавшееся безжизненным могучее тело Хасана вдруг разом напряглось, и он ужасным ревом огласил помещение, где за неделю до этого оставил в луже крови возлюбленную своего противника.

Бритвой, которой он владел безупречно, скопя мальчиков в евнухи, палач обрезал мамлюку все, что можно обрезать у мужчины. Он залил кровоточащую рану кипящим маслом, поданным помощником. Затем деловито вставил в рану трубочку и посыпал ее порошком. Рев его жертвы угасал, перешел в стон, а затем– в беспамятное скуление. Для быстрого заживления раны Хасан был на целые сутки зарыт по грудь в землю во дворе сит Айши, чтоб потом снова вернуться на место своего прежнего заточения.

Керим Абаза проводил Али-бея к берегу Нила, где была похоронена утопленница. Отойдя далеко в сторону, он дал Али-бею возможность выплакаться на могиле сит Айши. Эмир лежал на бугре. Тут покоилась его любимая женщина, встреча с которой стала невозможной, ибо непреодолимо расстояние между живыми и мертвыми.

Утомленный многодневным мщением Али-бей вошел к заточенному и оскопленному врагу. Хасан неузнаваемо изменился. Он был сломлен и сидел на каменном полу, по-прежнему закованный в цепи.

– Убей меня… ради нее… из-за которой ты меня унизил! – взмолился охрипший Хасан.

Выходя из камеры Али-бей дал стражнику свой пистолет и сказал: «Отдай ему!» Стражник бросил пистолет заключенному, и тот, словно боясь упустить эту возможность, сразу же выстрелил себе в висок, чтоб не ощущать более позора.

VI. Опальный эмир

Разгромив противников, Али-бей понимал, что устрашенные жестокими расправами эмиры будут препятствовать выдвижению его в шейк-эль-белеты. Тем временем междоусобица, разразившаяся среди беев, никому не давала явного преимущества в борьбе за престол военного правителя.

В короткое время, полное смут, сменилось три шейк-эль-белета. Они были убиты или смещены и изгнаны в отдаленные провинции страны. Во всех этих заговорах и переворотах Али-бей принимал решительное участие, а одного правителя изгнал сам лично. Но и Али-бей недолго занимал трон шейк-эль-белета, ибо также был осажден во дворце Эзбекие и изгнан своими противниками в ссылку.

Каирский паша в это смутное время старался не покидать замка и не ввязывался в неистовые распри мамлюкских беев.

Междоусобицы потрясали страну, истощали ее доходы. Пришли в упадок ремесла и торговля. На караванных

путях бесчинствовали шайки разбойников. Иностранные купцы, не выдерживая непомерных таможенных пошлин и бесконечных поборов, торопились покинуть страну.

Лишенный своих верных сподвижников и изгнанный из Каира Али-бей удалился сначала в Аравию, а затем в Палестину. Здесь он уединился в замке и жил некоторое время спокойной жизнью под покровительством владетеля этих земель – шейха Омера Дагера.

Именно в это время он усыновил Магомеда, пленника-абхаза, которого еще в Каире подарил ему жид. Али-бей назначил его оруженосцем, затем – главным телохранителем. Невольник вырос в красивого и отважного парня, прекрасно джигитовал, метко стрелял, лихо рубил, а главное – был привязан к своему хозяину. Магомед уже несколько раз участвовал в карательных набегах на бедуинские становища и показал себя бесстрашным воином.

– Готовься к важному походу, – предупредил однажды Али-бей своего питомца. – Поручаю тебе возглавить отряд… Рано или поздно мы должны вернуться в Каир. Чувствую, время это приближается.

– Но там правят твои противники… Они сильней нас, – возразил было Магомед своему наставнику.

– Среди беев есть и наши сторонники. Кроме того, между правящими эмирами Хусайн-беем и Халил-беем появились серьезные разногласия. Хотя ни один, ни второй не являются полновластными правителями… До Каира еще не скоро, ты прав. Но готовиться надо уже сейчас.

– С чего же начинать?

– Керим Абаза привез сообщение от Якова-армянина, что через неделю караван судов повезет в голодающий Каир пшеницу. Надо захватить эти суда, едва они войдут

в Дельту[1]. Шебеки[2] шейха Дагера уже подготовлены. Один из кораблей возглавлю я, другой – Керим, третий – Дагер, четвертый – ты.

– Я никогда не участвовал в сражениях на воде, – сказал Магомед, взволнованный сложным, хотя и престижным для молодого мамлюка назначением.

– Все равно когда-нибудь надо начинать! – поощряюще воскликнул Али-бей, всем видом и интонацией подбадривая питомца.

– Постараюсь, – почти решительно ответил мамлюк.

– Уверен, что тебя ждет удача. Про остальное – забудь.

Галера Али-бея настигла суда с пшеницей поблизости от порта Саида и, обойдя их стороной, первой вошла в устье Нила. Дождавшись, когда появятся барки[3] с продовольствием, и дав им возможность поравняться с собой, шебеки открыли пушечную пальбу, согнали суда в круг и блокировали их. Оценив безвыходность положения, осажденный караван выслал на шлюпке парламентеров.

– Если вы окажете сопротивление, – предупредил Али-бей посланцев, – мы потопим ваши судна и истребим команду. Предлагаю в течение часа перебросить всех людей на корабль с перебитой мачтой. Остальные суда оставить с пшеницей и провиантом. Когда вы это выполните, мои люди проверят состояние оставленных кораблей, орудий, и вы можете плыть назад в Средиземное море, но не заходя в порт Саид.

– До Александрии далеко, тяжело такое количество людей везти на беспарусной барке, – возразил один из парламентеров.

[1] Дельта – обширная область в устье Нила.
[2] Шебека – трехмачтовое быстроходное судно с пушечными вооружениями (от 12 до 40 орудий).
[3] Барк – торговое трехмачтовое судно со сложным парусным вооружением.

– Хорошо. Возьмите неповрежденный корабль и на этом закончим переговоры…

И еще: передавайте капитанам встречных кораблей, что наша флотилия никого не пропустит вверх по Нилу с продовольствием, и советуйте везти зерно в другие страны. Иначе они разделят вашу участь.

Задержанные барки спешно перебросили людей в одно судно и после досмотра поплыли вниз по Нилу под конвоем кораблей Али-бея. Выйдя на простор Средиземного моря, они разъехались в разные стороны. Одинокий барк, как ему было предписано, взял курс на Александрию, а корабли Али-бея направились в Порт-Саид набирать команду для захваченных судов.

Вскоре флотилия Омера Дагера и Али-бея так умножилась и усилилась, что контролировала весь юго-восточный сектор Средиземного моря. Магомед уже на собственной галере возглавлял группу шебек и галиотов. Курсируя вдоль берегов Северной Африки и Палестины, он не только не давал судам возможности заходить в Нил, но и пополнял казну Али-бея, облагая корабли большими поборами. Причем откупиться от Магомеда можно было только золотом или изделиями из золота, драгоценными камнями. Он создал целую сокровищницу в замке Али-бея и получил от своего покровителя прозвище Абу-Захаб – Отец Золота.

Между тем Каир голодал и испытывал неудобства в судоходстве, страшась отправлять свои корабли в Средиземное море. Столица была вынуждена закупать зерно в странах Магриба и везти его на верблюдах по опасным караванным путям сквозь разбойничьи засады. Эмиры из мамлюкской оппозиции уже склонялись к тому, чтобы вернуть Али-бея из ссылки. Но, боясь, что их не поддержит большинство в диване, они решили повременить со своими намерениями.

Али-бей возвращался в Акку[1], в предместье которой находился его замок, когда вдруг заметил идущий ему на встречу корабль Якова-армянина. Яков распорядился развернуть корабль и следовать за Али-беем. Причалив к замку, Али-бей спустился на берег и поджидал Якова, понимая, что тот ищет с ним встречи. Они вошли в диван, где слуги тут же подали им обед. Друзья беседовали за низким круглым столом, подобрав под себя ноги, и неторопливо ели, закатав по локоть рукава на правой руке.

– Кажется, ты приучил меня к мамалыге, – заметил Яков, уже насыщаясь и вынимая из своей порции последний кусок разомлевшего копченого сыра.

– Значит, чаще будешь ко мне заезжать, – радушно ответил Али-бей.

– Я и без того мимо тебя не проезжаю. Но мамалыга с копченым сыром, конечно, большое лакомство.

– Ее любят многие каирские эмиры, вышедшие из Черкесии, Абхазии и Мингрелии. Но это грустная еда.

– Почему?

– Едва сяду за мамалыгу, слышу запах отцовского очага.

Яков замолк, чтоб не продолжать этот грустный разговор.

– Ты откуда сейчас? – спросил Али-бей, также не желая говорить о печальном.

– Из Стамбула. Но до того был в Трапезунде. Везу тебе подарок. Надеюсь, он тебе понравится.

– А ты не боишься избаловать меня дарами?

– Не боюсь. Тем более что такого я никогда и никому не дарил. Я привез невольницу-славянку.

– Ты решил, что у меня мало наложниц?

– Прелестных наложниц у тебя больше, чем у кого-либо, но эта дева может стать тебе достойной женой.

– Это интересно!

[1] Акка – город, морской порт на палестинском берегу Средиземного моря.

– Ты зря отшучиваешься. Я, например, такой красоты не видел! – воскликнул Яков, взволнованный собственным воображением.

– И где ты раздобыл красавицу? – спросил Али-бей все еще не очень серьезно.

– Один весьма добропорядочный трапезундский торговец купил ее в Кафе[1]. Заметив в этой красавице кроткий нрав и замечательное сердце, мой товарищ не посмел сделать ее рабыней и предложил ей стать женой. Но славянка, представляешь, отказалась от такого выгоднейшего для пленницы предложения, ибо турок требовал изменить своей вере и поменять имя.

– Кажется, я впервые слышу, чтоб пленницу уговаривали, – удивился Али-бей.

– Мой товарищ действительно поступил благородно. Видя, что не может взять ее в жены, предложил мне определить ее судьбу.

– Яков, хватит пытать, покажи эту рабыню! – чуть не вскричал Али-бей.

Когда в комнату ввели невольницу и Яков ласково попросил ее подойти поближе, Али-бей чуть было не поднялся со своего места. Она была невыносимой красоты. Молодая славянка светилась как свечка в полумраке дальней части дивана и приближалась к возлежащим на подушках мужчинам, наполняя сказкой суровое помещение замка.

– Откуда ты, дивчина? – спросил ее Али-бей на украинском, но прелестная пленница наклонила голову в сторону и ничего не ответила. Родной язык опечалил ее еще больше, напоминая, как она далеко от дома.

Невольницу увели в гарем, а мужчины продолжали разговор.

[1] Кафа – крупнейший центр работорговли на южном берегу Крыма в Средние века и Новое время.

– Яков, от твоего подарка невозможно глаз отвести, – признавался Али-бей и, отстранив мамалыгу добавил, – Теперь я и есть не могу.

– А я о чем говорил! Она из Малороссии, из Прикарпатья. Смотри не обижай. Пока вез к тебе пленницу, сам чуть не расплакался, глядя на эту печальную красоту. Не бери греха на душу. Пусть будет тебе женой… ты ж христианин по рождению.

– Не знаю, что тебе и сказать.

– Скажи спасибо! – пошутил купец. – Цену ей я не знаю, да и мой трапезундский приятель не посмел взять за нее денег.

– Да, ее красота, кажется, очищает.

– Ты точно заметил, – поддержал Яков.

– Мне воевать нужно, а ты мне такую невольницу привел, что я сам окажусь в плену, – шутил Али-бей, но видно было, что молодая славянка всерьез взволновала его. – А как зовут ее?

– Мария… И фамилия у нее певучая – Кореневская, кажется.

– Послушай, я ведь на украинском едва знаю с десяток слов.

– Язык любви, – сказал Яков с мечтательной интонацией поэта, – ты знаешь, кажется, не хуже чем абхазский.

Благодарный Али-бей улыбнулся удачной и лестной шутке Якова.

Мария молилась, поставив свечку в углу отведенной ей комнаты. Она даже не заметила, как вошел ее новый хозяин, пока не услышала за спиной мужской голос, вдруг произнесший в конце ее молитвы «аминь». Славянка обернулась. Ее прекрасные глаза были полны того женского испуга, который переполняет мужское сердце нежностью и желанием защитить беззащитную.

Али-бей вспомнил об Айше. Нет, они были разными: Айша была и старше, и волосами темней, рисковой и опытной женщиной, хотя так же белолица. Стоило ему вообще посмотреть на красивую женщину, как перед ним вставала Айша, и Али-бей понимал, что не может изменить той последней их встрече, в которую Айша, словно предугадав свою гибель, уместила всю свою любовь, все причитавшиеся ей радости жизни.

Он увидел перед собой печальные глаза Айши и вышел вон из гарема, в котором стояла чистая, как молитва, славянка.

Во дворе замка Али-бей встретил Муаали́ма Ри́цка, который нес непомерную кипу книг и удивленно смотрел вслед не ответившему на его приветствие эмиру. Али-бей любил и высоко ценил своего советника, потому недоуменный копт[1] не понял, что произошло с его покровителем.

– Али-бей! – крикнул он, роняя книги.

Эмир вздрогнул и остановился посреди замкнутого пространства крепостного двора, где эхо еще повторяло его имя.

– Что с тобой? – многократно спросило эхо.

Эмир озирался поверх стен цитадели, пока, опустив глаза, не угадал перед собой человека.

– Я иду на Каир! – прошептал Али-бей голосом безумца.

Вскоре, уведенный со двора замка своим секретарем, он лежал на диване. Рицк снял со лба эмира тряпицу и напоил больного настоями целебных трав.

Ученый копт скоро поставил на ноги душевно истощенного полководца, и Али-бею не терпелось выйти в море.

[1] Копты – прямые потомки древних египтян, исповедующие христианство.

– Не надо опережать судьбу, – увещевал его звездочет. – Твое созвездие еще не расположилось на небосводе надлежащим образом. Жажда мести отнимает у тебя силы. Но это козни дьявола. Ты должен не поддаваться его искушениям. Надо дождаться своего часа.

К эмиру уже возвратилась ясность ума, и он легко понял правоту своего советника.

Рицк был настоящим прорицателем, замечательным астрологом и магом, литератором и математиком. Он знал все, кроме военного дела, ибо оно, по его разумению, плохо подчинялось логике и, вообще, находилось за пределами нравственности, как любое насилие.

Али-бей отбыл из гавани на шебеке и направился к Саиду разузнать, как идут дела у Магомеда и Керима. В открытом море он задержал венецианский корабль, с которого получил богатый откуп. В каюте купца он увидел старую золотую икону. Отнимать не посмел, но не удержался и попросил ее у владельца. Купец Карло Розетти с сожалением объяснил, что эта золотой чеканки икона приобретена его дедом в Иерусалиме и что он хранит ее как семейную реликвию.

Но эмир настаивал на своем. Он предложил купцу беспрепятственное продвижение по южной части моря и покровительство. Кроме того, венецианскому купцу, в случае если он даст икону, возвращались все его только что изъятые ценности.

Мучаясь, купец прощался с дорогой иконой и грустными глазами смотрел на иноверца, в руки которого передавал святыню.

– Ты хоть знаешь, чье это изображение? – спросил он напоследок, как бы стыдя Али-бея за неоправданную настойчивость.

– Это образ Приснодевы, Пресвятой Богородицы, Матери Господа нашего Иисуса Христа Санты Марии, – неожиданно объяснил воинственный басурманин, повергая католика в изумление и недоумение.

Купец безропотно передал Святой Образ в руки человека, обвешанного оружием и венчанного роскошным тюрбаном с ниспадающей на спину кисеей.

– Не Али-бей ли ты? – спросил купец, будто боясь и одновременно желая, чтоб догадка его подтвердилась.

– Да, я Али-бей. А ты откуда меня знаешь?

– Твое имя известно всем мореплавателям от Англии до Сирии и далее – до Крыма.

– Представляю, что ты этим хотел сказать, Карло, – неожиданно для себя и собеседника Али-бей назвал купца по имени. – Я сдержу свое слово, и мои корабли создадут благоприятные условия для твоей торговли. Но если твоя галера войдет в Нил, я нарушу уговор.

– А ты меня узнал?

– Я вспомнил прием во дворце Эзбекие. У вас был разговор с шейк-эль-белетом Ибрагимом Катходой.

– Да, да… это был замечательный человек и мой большой покровитель! – выпалил Карло и тут же осекся.

– Он был мне названным отцом и патроном, – успокоил купца Али-бей, давая венецианцу понять, что ему приятен добрый отзыв об Ибрагиме.

Опальный эмир пожелал венецианцу доброго плавания и, сверкнув на солнце огненной бородой, покинул палубу задержанного судна.

На полпути от Саида к Александрии Али-бей встретился в море с Омером. Шейх Дагер, высокий и крупнокостный мужчина, возраста был преклонного, но человек неимоверной силы и устремленности. Восемь его сыновей владели замками в различных частях Палестины, и султан Мустафа не находил управы на это воинственное и дружное семейство. Своим неповиновением и разорительными набегами они доставляли немало хлопот сюзерену[1] султана – шамскому[2] паше. Этот наместник вовсе впал в отчаянье, когда к безуправному клану Дагеров присоединился еще и мятежный Али-бей со своим неистовым питомцем Абу-Захабом.

Корабли зашли в пустынную бухту и стали на рейде. Прислуга была высажена на берег на шлюпках. Вскоре здесь был разбит шатер, в котором разместились шейх Акры и опальный эмир.

Омер обожал Али-бея и не умел этого скрывать в силу своего открытого характера. Они были друзьями, хотя Али-бей годился Дагеру в сыновья.

– Али-бей, братец, я пью за твою удачу. Я верю в твою славу и готов поторопить тот час, когда над Каиром взойдет твоя звезда! – громко, как всегда уверенно и складно сказал Дагер и осушил чашу с вином.

Шейх любил выпить. Ему это подходило. И здоровье позволяло. Он становился еще более речистым и обаятельным. Несмотря на возраст шейха, даже самые юные наложницы откровенно желали с ним близости и томились в ожидании своего властелина.

Али-бей не был пристрастен к вину, хотя умел увлечься и этим. Но после застолья чувствовал себя скверно – особенно если пил с Дагером. Ибо тогда он особенно увлекался, обманутый обаяньем старого друга. Натура его была чувствительной и впечатлительной, что порой вредило ему, как полководцу. Но Дагер любил в нем романтические качества. Али-бей был гибкий – и умом, и телом. Он умел принимать самые неожиданные и риско-

[1] Сюзерен – крупный феодал, пользующийся покровительством императора и являющийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.
[2] Шам – Дамаск.

ванные решения и был непредсказуем. Мог почти полностью изменить уже продуманный план сражения тут же, на поле брани, и это восхищало Дагера.

– Омер, мне приятно, когда мы прикасаемся стременами! – торжественно и с некоторым самолюбованием произнес Али-бей, имея в виду их боевое содружество, и поднес к губам чашу с вином.

– Как это возможно? – возразил лукавый Дагер и, глядя на пьющего Али-бея с высоты своего роста, рассмеялся. – Мои ноги намного длинней и ты можешь прикоснуться своими стременами лишь к моим икрам!

Али-бей чуть было не поперхнулся вином и, не допив чаши, также рассмеялся находчивой шутке шейха и в который раз удивился мальчишескому озорству старого полководца. Шейх примирительно обнял Али-бея, и они вышли из шатра.

Вечер был красив, и спокойная бухта залива располагала к неторопливой дружеской беседе.

– Послушай, братец, твой Магомед скоро окончательно разорит европейских купцов и они вовсе перестанут заниматься торговлей, – сказал Дагер полушутя.

– Ты боишься, что он переусердствует?

– Не без этого. Хотя, если ты не сколотишь огромной казны, тебе не осуществить своих намерений.

– Да и время не ждет. Вдруг сложится выгодная для меня ситуация, а я не буду готов ею воспользоваться?

– Кроме того, султану в любой день может наскучить наша деятельность и он пошлет на нас войска, – заметил шейх.

– Те войска, которые Мустафа может выставить против нас, мы должны одолеть. По крайней мере, если Порта могла рассчитывать на успех, она не упустила бы случая усмирить нас. Кроме того, мятежи на Балканах, юге

России и Кавказе не дают оттоманам возможности заняться нами…

– А вот и Магомед возвращается из Александрии! – воскликнул смотревший на запад Дагер.

Али-бей обернулся и увидел выходящую из-за мыса группу кораблей. Магомед дал пушечный салют и вскоре пристал на галере прямо к берегу. Он спрыгнул со сходней, перекинутых на берег, и прежде поздоровался с Дагером, который обнял и одобрительно похлопал по плечу бравого командира. Затем Абу-Захаб смиренно остановился перед Али-беем на расстоянии сыновнего благоговения.

– Ну, как дела? – спросил Али-бей, пряча любовь к питомцу в обыденных словах.

– Ничего. Нормально.

Дагер смотрел со стороны на рыцарское общение покровителя со своим любимцем, и ему была приятна сдержанность их взаимной любви.

– А где Керим?

– Следует за нами. Через час будет проезжать здесь. Мы уже ехали домой, в Акку, чтоб передать в казну накопившиеся ценности, но раз ты здесь, нам лучше перебросить их на твой корабль, а самим продолжить работу.

– А отдохнуть тебе не хочется? – заботливо и потому негромко спросил Али-бей.

– Совершенно, – решительно ответил Абу-Захаб.

– Смотри, умей рассчитывать силы… Кстати, мне показалось, что у тебя многовато судов.

– Две новых галисты. Трофейные, – с едва скрываемой гордостью пояснил Магомед.

– А команда?

– Моряков и рекрутов набрали в Ливии.

– Ты, никак, всерьез готовишься к сражениям, – включился в разговор Омер Дагер.

– Сколько ж можно «рыбачить»! – неожиданно выпалил Магомед.

Дагер рассмеялся.

– Али-бей! Это в наш адрес, ты понял? А я не думал, что Магомед так остер на язык! – воскликнул он и снова похлопал Абу-Захаба по плечу.

В морской дали показались паруса двух кораблей, и разговор на этом оборвался. Командиры поднялись на свои суда и, увлекая за собой флотилию, вышли из бухты.

Барки египетских купцов решили прорваться в Каир, узнав, что устье Нила свободно от патрулей Али-бея. На случай сражения их команды были усилены солдатами.

Купеческие корабли несколько раз пальнули из орудий, предупреждая, что будут защищаться. Однако неповоротливые торговые суда, причем в штилевую погоду, были быстро настигнуты преследователями. Стремительная галера Магомеда и две шебеки сыновей Дагера, на которых гребцы помогали парусным судам развивать хорошую скорость, вскоре обошли их. Пушечное ядро попало в корабль омерова сына– шейха Криме, пробило ему носовую часть и судно стало быстро набирать воду.

Абу-Захаб понял, что поторопился, отколовшись от флагмана и слишком близко подойдя к преследуемым кораблям. Он дал команду подплыть к ближнему судну с тыла, чтоб не быть обстрелянным. Пушки с его галеры дали несколько залпов, стараясь не попадать в суда, но предупредить их действия.

С задержанных кораблей раздались карабинные выстрелы. К этому времени появился и Керим Абаза. Его матросы подобрали людей с тонущего корабля шейха Криме и тут же подключились к действиям. Кольцо вокруг торговых барок сомкнулось.

Под прикрытием пушечного огня десятки шлюпок устремились к купеческому судну, оказавшему сопротивление, и обстреляли его из карабинов. С кормовой стороны на него градом пуль обрушилась галера Абу-Захаба. Палуба была очищена от команды. Али-бей взял корабль на абордаж, и судно было окончательно захвачено. Теперь уже с него обстреливался другой корабль. Вскоре и на нем были разоружены моряки, арестован капитан и купцы.

По прибытию в Акку с захваченных суден ссыпали пшеницу, изъяли деньги, ценности и отпустили их с богом. А Керим Абаза и Магомед Абу-Захаб уже снаряжали свои судна, чтоб отплыть в Дамиетту и продолжить патрулирование вдоль побережья у дельты Нила.

Али-бей зашел в комнату Марии и застал ее за вечерней молитвой. Она стояла на коленях перед свечой, пристроенной в темном углу. Молящаяся обернулась и, увидев своего хозяина, поднялась. Али-бей держал в руках горящий золотом образ Богоматери. Мария медленно приближалась, околдованная изображением Царицы Небесной, и слезы умиления текли по ее щекам. Она опустилась на колени перед иконой и стала молить Мать Матерей:

– Радуйся, Мария, благодатная, Господь с Тобой, Благословенна Ты между женами и благословен плод чрева твоего Иисус… Смилуйся, Приснодева, над рабой своей, имя твое недостойно носящей. Дай мудрости твоей самую малость, помоги спастись от низости человеческой и насилия, укажи дорогу к родительскому порогу, верни под кров родительский…

Она приняла икону, поцеловала Святой Образ и поставила его в угол дивана. Обернувшись, она не увидела своего благодетеля, словно его не было вовсе.

«Не привиделось ли?» – подумала она и оглянулась на диван. Переливаясь червонным светом, икона стояла на прежнем месте, и Мария перекрестилась.

Он часто приходил к ней перед ужином, слушал, как она читала «Отче наш», смотрел, как пугливо ела непривычную пищу, и вдруг исчезал. Мария старалась заметить, когда он уходит, но Али-бей исчезал неожиданно, пока не был наконец застигнут ее криком: «Побудь еще!» Он остановился в дверях, но не обернулся, не веря услышанному.

– Иди сюда! – шепнула славянка, смущенная собственным криком, и он стал перед ней.

Мария с сожалением обнаружила, что ее хозяин понимает по-украински лишь отдельные слова. И все-таки это был единственный человек, хоть как-то понимавший ее.

Он совершенно не домогался любви от своей наложницы, и она прониклась к нему доверием. Всю ночь при свете комнатных фонарей они переговаривались глазами. Мария впервые прикоснулась губами к его руке. Он ответил на ее ласку. К утру она стала ему женой.

Али-бей смотрел на рассветную бухту с высоты крепостной башни. Перед ним простиралась морская ширь, своей беспредельностью созвучная его состоянию. Он ощущал в себе нарастающую силу, и открытый простор был единственной стихией, способной вместить его устремления. Спать не хотелось. Он пошел к Рицку и застал своего секретаря в кабинете с воспаленными глазами и в крайне возбужденном состоянии.

– Что случилось, Рицк? – спросил он с тревогой в голосе.

– Уже третью ночь подряд слежу за небом, – ответил безумный ученый.

– И о чем говорят звезды?

– Пока ни о чем. А вообще, об этом лучше не говорить.

Появился слуга и доложил Али-бею, что прибыли татары[1] с письмом из Каира.

[1] В мамлюкском Египте почтовую службу обычно несли татары-гонцы.

– Письма принеси сюда, а они пускай подождут! – приказал эмир. – Откуда ты свез столько книг?! – удивленно спросил он у Рицка.

– Что-то из Каира, а что-то приобрел в здешних монастырях и мечетях.

Слуга принес письмо и удалился. Али-бей передал пакет секретарю. Рицк вскрыл и зачитал опальному эмиру письмо его каирских сторонников. Беи приглашали его в Каир, заверяя, что большинство в диване высказались за его возвращение из ссылки с восстановлением в должности санджак-бея.

– Что будем делать? – настороженно спросил Рицк, не выдавая своего мнения.

– Отказ! – уверенно и жестко решил Али-бей.

– Слава Богу! – выдохнул советник с облегчением. – Они хотят лишь снять блокаду, накормить голодающие города. Но мы не знаем, что они готовят для нас и с чем встретят…

– Я обдумаю ответ и вызову тебя, чтоб написать им письмо, – сказал Али-бей и вышел из кабинета Рицка.

После полудня эмир потребовал к себе секретаря и продиктовал ему текст короткого письма, в котором отказывался от приглашения, объясняя свое решение лишь тем, что здесь, в Палестине, он имеет больше того, что ему предлагает каирский диван.

– Я вернусь в Каир. Но не в качестве приглашенного, а в качестве того, кто сам будет приглашать! – заявил он Рицку с той решительностью, которой опасно возражать.

– Это тоже написать? – спросил испуганный копт.

– Нет, дорогой, – сказал Али-бей, смягчившись и улыбнувшись Рицку, – это я говорю тебе как другу.

Повеселевший Рицк озорно расписался за своего патрона и запечатал письмо.

– Накажи гонцам, пусть передадут дивану, что в благодарность за приглашение я снимаю блокаду и вскоре первые корабли с зерном прибудут в Каир.

Муаалим Рицк передал татарам письмо и устное заверение Али-бея, что отныне корабли с продовольствием могут беспрепятственно плыть в Каир. Воодушевленные гонцы откланялись советнику и поторопились в обратный путь.

Получив известие о том, что блокада наконец снята, изголодавшийся Каир ликовал. Спустя две недели изнуренный город пушечными салютами и толпами горожан, сбежавшихся к пристаням Булака, встретил корабли с зерном.

Венецианские купцы привезли в Каир полные трюмы пшеницы, которую Али-бей велел бесплатно раздать народу. Горожане снимали с себя рубахи и, насыпав пшеницы, торопились домой, чтоб взять мешки и возвратиться назад, пока не кончилось даровое зерно. Состоятельные люди покупали хлеб у других купцов, которые не могли завышать цены, пока рядом бесплатно раздавали пшеницу.

В городе закипела жизнь. Он был похож на муравейник. Все куда-то деятельно торопились, что-то несли – кто в узелке, кто в миске; кто шел в повозкой, кто ехал на осле. На улицах и площадях Каира, в домах, где уже торопливо пекли хлеб, непрестанно звучало «Али-бей». Город не верил в свое освобождение, пока не насытился до опьянения свежим хлебом. Вздымая к небу хлебный дух своих многочисленных кварталов, он засыпал, благодарный, с именем опального эмира на устах.

Тем временем к берегам Палестины приближался корабль Якова-армянина. Он вез служанку для Марии. Весть о красоте алибеевой жены уже разносилась по Сирии и Аравии, о ней рассказывали в Магрибе, во дворцах Стамбула и Каира.

– Я к тебе с новостями из Абхазии, – сказал купец, едва сошел на берег у замка, где его с нетерпением дожидался Али-бей.

– Что-нибудь от моих родных?

– Нет, к сожалению.

Яков обнял своего друга, и они пошли в замок, продолжая по дороге начатый разговор.

– Некий Зура́б Ча́чба, притеснив своих братьев, взял власть во внутренней Абхазии. Говорят, он образовал княжество и обосновался в крепости Аква[1].

– Откуда это известие?

– На острове Хи́ос[2] мне рассказал об этом один турок-работорговец.

– Ему можно верить?

– Он только что приехал оттуда, привез большое число невольников со всего побережья Великой Абхазии.

– Этот Зураб и его братья – наши родственники со стороны матери.

– Значит, ты из знатного рода? Прости, я не знал этого.

– А что, по мне незаметно? – спросил Али-бей лукаво.

– Да нет, я не к тому,– смутился Яков, – просто я знал, что ты был мамлюком…

– Бандиты похищают детей, невзирая на происхождение. Главное – здоровый вид и возраст… А насчет знатности, род моего отца древний и царский. Но сейчас Чачбовы выдвинулись и стали владетелями Абхазии. Кстати, они являются ответвлением нашей фамилии.

– А тебе не кажется удивительным, что порт Акка, в предместье которого мы сейчас находимся, и главный город Абхазии – Аква – произносятся одинаково.

[1] Аква – абхазское название Сухума и его главной крепости.
[2] Хиос – остров в Средиземном море, в греческом архипелаге.

– Да, я думал об этом, – сказал Али-бей без особого восторга, даже как-то грустно, и, отвлеченный иными мыслями, как бы из глубины своих переживаний заключил: – Мир полон созвучий…

– Хочешь, я обрадую тебя? – спросил добродушный Яков после некоторой паузы.

– Конечно.

– Я привез для Марии служанку.

– Какую-нибудь особую? – спросил Али-бей, не понимая, чему радоваться.

– Да, она украинка и хорошо знает турецкий.

– Ну ты молодец, Яков! – Али-бей обнял купца. – А где ты ее нашел?

– Все в той же Кафе… Специально искал. Она облегчит тебе общение с женой, пока Мария не изучит арабский.

– Ты действительно обрадовал меня.

– Значит, угодил?

– Еще бы!

– Ее сейчас же, следом за нами, приведут в замок.

Мария обрадовалась приезду Якова, с которым надеялась поговорить на украинском, а когда узнала, что ей привезли соотечественницу, – была счастлива безумия. Она не утерпела, выбежала во двор замка навстречу неведомой подруге и чуть не сбила с ног слуг, сопровождавших невольницу. Те шарахнулись от налетевшей на них молодой хозяйки, не понимая, что случилось. А Мария, не думая о здешних приличиях, обнимала и тискала испуганную девушку и все приговаривала: «Сестрица! Сестрица моя ненаглядная!»

До глубокой ночи Мария говорила с Ганной, утешала ее. Лишь под утро утомленные славянки уснули в обнимку, как дети, так и не раздевшись ко сну.

Ганна оказалась родом из Ямполя, что под Винницей. Но отец затем перевез семью в Крым. Здесь они наня-

лись на работу к духанщику-турку, у которого постоянно гостили торговцы из самых разных мест Турции. Слушая рассказ Ганны, Мария сочувствовала ей, а заодно оплакивала и свою судьбу.

Яков еще несколько дней оставался в замке, где за ним были закреплены отдельные покои. Он отдохнул, снарядил свой корабль, загрузил его пшеницей и отбыл в Каир. Каирская беднота еще за день до приезда Якова высыпала к пристаням Булака с мешками и котомками. Мальчики углем писали на стенах домов имя Али-бея.

Жители Каира настойчиво требовали возвращения опального эмира из ссылки, особенно – торговцы и ремесленники. Каирский диван, опасаясь беспорядков, поручил нескольким знатным сановникам, чтоб те вышли на городские площади и разъяснили народу, что правительство послало в свое время письмо Али-бею, но тот отказался возвращаться в Каир. Однако горожан это не успокоило.

За несколько часов с прибывшего в Булак корабля Якова была разобрана вся пшеница и кукуруза. Сотню мешков Яков сам лично отвез в госпиталь, как это ему было поручено Али-беем. Столько же хлеба было даровано студентам Аль-Азхара. А слепцам-суфиям[1] были розданы шерстяные плащи и длинные одеяла для зимних ночных бдений во время зикра[2]. Среди бедных женщин и вдов распределили ткань и дешевые украшения.

Шейхи университета вместе с учащимися вышли на дворцовую площадь и требовали вернуть Али-бея из ссылки. Особенно неистовали слепые слушатели. Потрясая палками и поддерживаемые поводырями, они рвались к главным воротам Эзбекие, пытаясь войти во дворец вместе с приглашенной туда депутацией шейхов.

[1] Суфизм – мистико-аскетическое течение в исламе.
[2] Зикр – моленье с беспрерывным произнесением имени Аллаха.

Хусайн-бей со своим соправителем Халил-беем призвали шейхов к благоразумию, зачитали им письмо дивана к Али-бею, в котором благодарили его за снятие блокады, за хлеб, безвозмездно переданный голодающей столице. Диван, выражая волю правительства, духовенства и всех граждан, приглашал Али-бея в Каир.

К студентам, собравшимся на дворцовой площади, присоединилась городская беднота. Она требовала наказания тех, что изгнал Али-бея в ссылку. Собралось много любопытствующих. Все ждали, когда из ворот Эзбекие выйдут депутаты. Один из студентов главного духовного заведения Востока стал громко читать касыды[1], прославляющие опального эмира. Это еще больше распалило толпу.

Наконец из ворот вышли члены депутации. Шейхи были удивлены большим числом собравшихся на площади людей и их возбуждением. Посовещавшись, они поручили одному из преподавателей, пользующемуся особым авторитетом среди студентов, зачитать послание каирского дивана.

Письмо санджак-беев не понравилось толпе. Слепой слушатель университета с завидной даже для зрячего яростью растолкал людей и вышел с поводырем в центр небольшого круга. Он громогласно заявил, что содержание письма недостойно имени того, кому оно отсылается.

– Али-бей был сослан! – крикнул он, делая акцент на слове «сослан», – а в письме не содержится ни единого слова сожаления. Каирский диван должен просить прощения у великого эмира.

– Наказать виновных! – выкрикнул кто-то из толпы.

– И это верно! – поддержал слепой.

Один из слепцов, не разделявших этого мнения, ударил наугад палкой туда, где, на его слух, должен был стоять сторонник наказания, и рассек смутьяну щеку. Пострадавший пришел в ярость и требовал от своего поводыря, чтоб тот показал ему, куда бить.

[1] Касыды – стихотворная форма в арабской и персидской поэзии.

– Будь у меня глаза, я убил бы тебя, гадина, на месте! – грозился он.

В драку ввязались поводыри. Слепцы, уже отстраненные от основной потасовки, размахивали палками и били любого, лишь бы не подпустить к себе никого. Образовалась настоящая свалка. Многие слепцы остались не только без поводырей, но и без посохов, которые у них отняли за чрезмерное усердье, и они взывали о помощи.

Начальник городской полиции распорядился оттеснить людей подальше от дворцовых ворот, и стражники, расколов толпу на несколько частей, стали разгонять бунтовщиков, которые все еще выражали недовольство и даже оказывали сопротивление. Появилась и конная полиция. Она не только помогла расчистить площадь, но и погнала дрогнувших демонстрантов, загоняя их в узкие переулки, рассеивая их в кварталах.

Хусайн-бей со своим соправителем поручили Зульфикару, чтоб он передал Якову-армянину письма для Али-бея и узнал о намерениях сосланного эмира. Одно письмо являлось оглашенным всему Каиру посланием. Второе было секретным и о его содержании не знал ничего даже Зульфикар.

Хушдаш Али-бея прибыл в Булак, где у пристани загружался корабль Якова. Зульфикар узнал от купца подробности из жизни своего друга и о военных успехах Магомеда. Но о намерениях Али-бея Яков и сам ничего не знал, а если бы знал, все равно не сказал бы.

– Али-бей в Каир не вернется. Это я твердо знаю, – повторил он огорченному Зульфикару.

Яков был проницательным человеком. Он сам не верил тем словам, что говорил, но чувствовал, что именно так нужно говорить сейчас, тем более хотя и верному, но простодушному другу опального эмира.

VII. Прорицание звездочета

Али-бей проснулся среди ночи от избытка сил и, проникшись нежностью к спящей Марии, будил ее своей лаской. Он неторопливо ублажал жену, которая, хотя еще и не проснулась, но томными движениями выражала взаимность и женское благодарение.

В это время двор замка огласил истошный вопль Муаалима Рицка. Астролог всю неделю не отрывал глаз от ночного неба, пока наконец созвездие его покровителя не приняло, согласно гороскопу, самое выгодное положение.

Али-бей послал слуг разузнать, что случилось с ученым и, накинув рубаху, вышел из гарема следом за ним. В одном едва освещенном переходе замка на него налетел обезумевший от ночных бдений звездочет и, охрипшим голосом бормоча «Пойдем ко мне! Пойдем ко мне!», увел встревоженного эмира в свой кабинет.

Ученый копт показывал ему ворохи выписок из гороскопов, схемы собственных расчетов, затем вывел его на террасу. Он постоянно дергал Али-бея за рукав, а другой рукой указывал то в один, то в другой сектор звездного неба, объясняя расположение светил. Утомленный своим же объяснением, измотанный ожиданием этого момента и расслабленный свершившимся чудом, он заключил: «Взошла твоя звезда!» Затем он повторил эти слова, но гораздо громче. И наконец в гулком пространстве крепостного двора, как из кратера вулкана, раздался многократно отраженный всеми плоскостями его стен пронзительный голос провидца:

– Али-бей! Взошла твоя звезда!

Крик Муаалима Рицка всполошил весь замок. Зажглись фонари, поднялась охрана. В диване Али-бея до

утра не гасли светильники. Он говорил с Яковом и Керимом, а утомленный звездочет засыпал, счастливый и спокойный, словно не желая участвовать в земных делах, предопределенных небом и прочитанных им по вещим знакам зодиакальных созвездий.

Али-бей с Яковом написали ответ каирскому дивану, в котором ссыльный эмир вновь отказался возвращаться в столицу, но дал согласие на тайное предложение правителей выступить в Нижний Египет и принять участие в разгроме своего неприятеля Решид-бея, который устраивал мятежи и срывал сборы податей. Но в этом согласии был еще и скрытый умысел, которого Али-бей никому не открыл.

Соправители Хусайн-бей и Халил-бей встретили с радостью согласие Али-бея принять участие в подавлении мятежников в Дамиетте и разгроме Решид-бея и нисколько не огорчились отказу изгнанника возвратиться в Каир.

В назначенный день были подняты войска Дагера и его сыновей. Магомед и Керим Абаза подготовили флот, взяли с собой большое количество оружия и боеприпасов. Они договорились о дне встречи в Саиде. Туда по суше должна была прибыть кавалерия дагерова семейства и Магомеда. Али-бей и Керим приплыли на кораблях. Пушечными выстрелами флотилия блокировала все суда, оказавшиеся в гавани Дамиетты, не давая ни одному из них войти в устье Нила, чтоб Каир не получил известий и не успел ничего предпринять…

Предварительно посовещавшись с Дагером и получив одобрение своего замысла, Али-бей созвал командиров и довел до их сведения подробности плана. Расчет Али-бея поразил всех своей неожиданностью, воодушевил полководцев. Оказалось, что они идут не против Решида,

а наоборот – в союзе с опальным беем должны разбить идущие в Нижний Египет войска Халил-бея, который рассчитывает на их поддержку.

Войска дагеров и Магомеда, соединившись с силами Решида, который был окрылен неожиданным обретением союзника, разбили наголову армию каирского посланца, который, потерпев сокрушительное поражение, едва спасся бегством. С небольшим отрядом мамлюков он ускакал в сторону Магриба искать себе защиту и приют у кочевников. Уцелевшие мамлюки примкнули к Магомеду и дагеровым сыновьям, которые резкими бросками продвигались к Каиру, покоряя попутно племена бедуинов, меняя у них лошадей и набирая ополчение.

Лишившись своих войск, посланных в Нижний Египет, Каир не был готов дать достойный бой подступавшей армии. Хусайн-бей, узнав о поражении своего соправителя и вероломстве Али-бея, пребывал в замешательстве. Сталкивая Али-бея и Решид-бея, он рассчитывал, что Решид наверняка будет уничтожен.

Одновременно было подготовлено убийство Али-бея. Таким образом, правители думали убрать самых опасных своих врагов, но просчитались.

Еще не достигнув Каира, Али-бей и Дагер сошли на противоположный берег с отрядами. Керим Абаза вел корабли к порту Булака. Ему было приказано не причаливать к пристани и не предпринимать никаких действий до особого распоряжения.

Разведка доложила Али-бею о маршруте продвижения войск Магомеда. Вскоре они соединились, обошли Каир стороной и расположились лагерем в Гизе у изножья пирамид.

Озаренный меркнущим закатным маревом сфинкс, равнодушный к человеческой суете страж вечности, казалось, засыпал. Свидетель величия фараоновых цивилизаций уже не ждал от людского рода ничего, что могло бы затмить славу тех, чьи гробницы скрыты в неразгадываемых лабиринтах пирамид и которые если и не были богами, то были равны им на земле.

Али-бей вместе с поднявшимся над пирамидами месяцем вышел за пределы лагеря и удалился в пустыню, в глубине которой были выставлены дозорные посты. Становилось прохладно, но песок, на котором лежал Али-бей, еще сохранял тепло дневного пекла. Опальный эмир лежал у подножия пирамид под звездами, прочитанными Рицком, и мерцающие светила своим непостижимым порядком, скрытым в необозримом хаосе, наполняли его смятением. Лишь редкие избранники, которым они выказывали свое недолгое расположение, возвышались в земной жизни и царственным взглядом осматривали ночной небосвод, чувствуя себя под родительской сенью.

Он присел, обняв руками колено, и смотрел на сфинкса, который словно выдвинулся из глубины ночной пустыни, оставив позади охраняемые пирамиды, и смотрел на человека неподвижным гипнотическим взглядом, вмещавшим весь мир. Али-бей не отводил глаз, хотя ему хотелось осмотреться. Затем он уже спокойно глядел на стража пирамид. Миролюбивое лицо ожившего изваяния оказалось женственным и не устрашало – оно озарялось слабым светом молодой луны как нимбом избранности.

Мятежник давно не испытывал такого душевного спокойствия, как в эти минуты уединения. Сейчас он ничего не решал, не предпринимал, ничего не старался изменить. Он плыл во времени, ненадолго доверившись его спокойному, замершему перед порогом течению еще неслышно обрушивающегося в провал водопада. Он сам был этой затаившейся перед обрывом рекой…

Мария тихо подошла сзади и обняла его, опрокинув голову полководца в свой широкий подол.

– Ты почему ушел? – спросила она шепотом, и в ее голосе звучал обаятельный каприз любимой женщины.

– Как ты меня нашла?

Мария сделала вид внюхивающейся в пространство лани, намекая, что именно такое чутье помогло ей найти мужа. Ему нравилась игривость Марии, но сейчас он не был готов перейти в это состояние. А Мария не унималась.

– Значит, от тебя невозможно укрыться?

– Бесполезно, – сказала женщина обвораживающим тоном, повалила Али-бея и радостно шепнула ему: – Я беременна!

Али-бей смотрел на красивое лицо Марии. Оно склонилось над ним, заслонив пирамиды и сфинкса и почти половину ликующей звездами бесконечности. Он ничего не сказал. Лишь поцеловал в губы и почувствовал, что она становится еще родней в своем только что объявленном преображении.

Они возвратились в лагерь перед рассветом, когда в сизом сумраке обозначились вдохновленные грани пирамид, и сфинкс смотрел им вслед неукоряющим взглядом.

Между тем в Каире усилились беспорядки. Почти одновременно с листовками и прокламациями появились группы людей, призывающих сограждан к неповиновению. Корабли по приказу Али-бея, доставленному гонцами из Гизы, открыли к сумеркам неслыханную пальбу. На рассвете пушки опять огласили сонный Каир грохотом взрывов и высадили на берег десант.

Армия Али-бея стояла под городскими стенами и, одновременно с пушечными выстрелами, ворвалась в ворота, открытые Зульфикаром и Тантавием. Мамлюки правительствующей клики оказали решительное, но недолгое сопротивление. Они были сметены авангардом

Решид-бея и уже несколько распахнутых ворот Каира захлебывались от потока конных и пеших воинов.

Повсюду в городе была слышна карабинная стрельба. Заслоны мгновенно сметались стремительным эскадроном шейха Омера Дагера, расчищавшего дорогу своему молодому другу. К центру города прорвалась конница Керима Абазы.

Перед распахнутыми воротами дворца стоял на коне Исмаил, отряд которого торжественно расступился, готовый впустить нового хозяина дворца. Однако Омер Дагер неожиданно развернул авангард и повел колонну по кругу. Подняв над головой сверкающий клинок сабли, он зычным голосом огласил дворцовую площадь:

– Али-бей! Шейк-эль-белет!…

– Али-бей! Шейк-эль-белет! – громогласно прокатилось по всей площади, и мамлюки вместе со своими командирами включились в триумфальную круговую скачку, сдержанную и потому особо торжественную.

Тем, что назвал Али-бея шейк-эль-белетом еще на площади перед дворцом, мудрый Дагер не столько прославлял возвратившегося эмира, сколько провозглашал его правителем и исключал возможность обсуждения этого вопроса в дальнейшем. Спектакль удался. Ликующие мамлюки, а вслед за ними и сторонники опального бея скандировали на площади, а затем разносили по улицам: «Али-бей! Шейк-эль-белет!.. Али-бей! Шейк-эль-белет!»

Наконец из водоворота многотысячного шествия выплыл эскорт Али-бея и, встреченный отрядом Исмаила, въехал во дворец, спешно покинутый недавним владетелем и его приближенными.

Более всех из свиты Али-бея хлопотал об устройстве новой жизни во дворе Муаалим Рицк. Копт с первой же

минуты стал распоряжаться многочисленными помещениями Эзбекие и переживал за сохранность оставленной в Палестине библиотеки. Он не давал проходу Якову-армянину, пытаясь узнать сейчас же о времени отбытия за имуществом, оставшимся в замке. Между приступами деловой активности астролог впадал в радостное безумие, бормотал что-то бессвязное о своих провидениях и время от времени восклицал: «Взошла твоя звезда!»

Наутро утомленный бессонными ночами город узнал о гибели Решид-бея. Говорили, что он был убит в перестрелке на мосту эль-Мóске. Но очевидцев не было. Смерть эмира огорчила каирцев, и все-таки жители столицы пребывали в воодушевлении. Возвращение Али-бея вселяло в них надежду на сытую и мирную жизнь.

Али-бею уже не терпелось приступить к делам. Он благодарил Омера за братскую помощь, предлагая союзнику отбыть в Палестину и отдохнуть от ратных дел. Но шейх наотрез отказался оставлять своего подопечного, пока не увидит его утвержденным в должности шейк-эль-белета.

– Омер, ты можешь потерять Палестину, пока бережешь меня здесь, – предупредил его шутя Али-бей. Долгое отсутствие правителя Галилеи действительно было небезопасно. Дагер давно раздражал Порту, а ее сюзерен – паша дамасский – не знал, как избавиться от шейха.

– Утвердить тебя в Каире важней, чем остерегаться смуты в Палестине. У меня еще достаточно сил, чтобы усмирить внутренние мятежи. В крайнем случае при поддержке нового шейк-эль-белета Египта, – сказал он с улыбкой, – я всегда возвращу свое.

Али-бей не стал противиться. Он и сам желал, чтоб Дагер был рядом с ним как можно дольше. Его совет и поддержка сейчас были нужны как никогда. «Омер хитер как лиса», – говорили о Дагере его противники, хотя монументальная внешность шейха не очень располагала к такому сравнению.

Дагер нашел Муаалима Рицка в одном из помещений дворца и при закрытых дверях имел с ним беседу.

– Ты понимаешь, чем занимаешься? – неожиданно строго спросил он ученого.

– Да, понимаю, – настороженно ответил самолюбивый секретарь, готовый защитить себя.

– Ничего ты не понимаешь! Хватит таскать сундуки по коридорам дворца! Если сейчас же не взяться за дело, можно эти узлы не развязывать, а грузить на корабли и удирать подальше!

– А что случилось? – спросил копт, заподозрив, что Дагер говорит о чем-то серьезном.

– Надо уметь читать не только звезды на небе, но и мысли своих врагов на земле! Если Али-бей завтра же не станет шейх-эль-белетом, возможно, нам придется воевать не только с его противниками, но и с корпусами паши, а также с войсками, которые пошлет на нас султан. Одно имя Али-бея приводит Порту в ярость. Тебе известно это?!

– Как быть? – не на шутку встревожился Рицк.

– Сейчас же беги в Аль-Азхар. Там тебя слушаются и ценят. Скажи шейхам университета, якобы утром паша созывает чрезвычайный диван, чтоб торжественно провозгласить Али-бея военным правителем. Пускай по Каиру пронесется слух, будто Ахмет-паша в честь Али-бея объявляет народные гулянья и сам примет в них участие вместе с новым шейк-эль-белетом.

– Дагер, ты гений! – воскликнул Рицк и выбежал на веранду.

Он разыскал Михаила Фаргу, второго копта в свите Али-бея, и поручил ему, чтоб тот пошел к торговцам и держателям цехов и объявил им о назначенных Ахметом-

пашой народных гуляньях в честь торжественного избрания Али-бея шейк-эль-белетом и о том, что основное торжество будет проходить завтра вечером на площади перед резиденцией Каирского паши.

Шейхи Аль-Азхара встретили Рицка со всегдашним почтением, хотя он был христианином. Муаалим не только знал наизусть текст Корана, но и был одним из замечательных его толкователей. Немало книг и редких рукописей передавал ученый копт этому знаменитому заведению.

Преподаватели и студенчество горячо поддержали неожиданное решение Ахмет-паши. Им понравилось, что наместник утверждает Али-бея правителем страны, не дожидаясь распоряжения из Стамбула.

Паше доложили, что весь город полон слухов, будто на завтрашнем диване Али-бей утверждается шейк-эль-белетом. Ахмет понял, что этому невозможно и невыгодно уже сопротивляться. Одно его заботило: надо было объяснить Порте вынужденность своего непротивления.

Наместник султана побаивался и не желал возвращения Али-бея. Он ощущал некоторую вину за гибель Ибрагим-бея. Паша в той ситуации не поддерживал открыто заговорщиков, но и не препятствовал смуте. Потому после переворота он долгое время не выходил из замка. Так же повел он себя и во время заговора против Али-бея, в результате которого эмир был изгнан в ссылку.

Вечером народ вышел на площадь Румейли и к стенам цитадели. Подстрекаемые студентами Аль-Азхара горожане скандировали у резиденции наместника: «Али-бей! Шейк-эль-белет!» А возмущенные шейхи университета пришли к паше и выразили свое негодование тем, что на улицах Каира недостаточно празднично. Ахмет-паша был вынужден ответить, что якобы нерасторопные торговцы не успели подготовиться к выносной продаже сладостей и выпечки. Он пообещал, что завтра после заседания дивана в городе будет по-настоящему празднично.

Наместник сам распорядился, чтоб глашатаи с рассвета оповестили население о предстоящих гуляньях. И действительно, крикуны разбудили город, едва стало светать. Они громко и нараспев зазывали людей на праздник, посвященный утверждению нового шейк-эль-белета.

В сопровождении многочисленной свиты, в тюрбане с кисеей, спадающей на плечи, в расшитом золотом парчовом кафтане, перехваченном цветастым кашемировым кушаком с заткнутыми за него серебряными пистолетами, со свисающей к стременам позлащенной саблей, на коне с ослепительной чеканной сбруей, которого вели под узды мамлюки-телохранители, – Али-бей выехал из ворот Эзбекие. К шествию тут же примкнули толпы горожан. Играли оркестры, били барабаны. Глазевший на дивное зрелище народ отбивал глубокие поклоны.

Какой-то безумец натянул через улицу канат и, когда процессия приблизилась, пошел по канату над запрокинутыми головами людского потока. Благополучно перейдя на террасу противоположного дома и потрясая шестом, канатоходец крикнул:

– Али-бей! Аль-Кабир![1]

– Али-бей! Аль-Кабир! – прокатилось по толпе.

Отныне это слово станет вторым именем Али-бея.

По пути следования процессии люди теснились на крышах домов, благословляли его, свесившись с высоких лож минаретов. Красавицы, подняв на балконах решетки, старались как бы случайно показать свои прелестные лица новому сероглазому правителю.

[1] Аль-Кабир – великий.

Из гарема в гарем ходили были и небылицы о его любовных похождениях. Эти самые невероятные и противоречивые слухи сходились в одном – с женщинами Али-бей был неутомим и нежен. Молодые девушки и разведенные женщины утверждали, что он любит свободных женщин. А замужние, хотя и помалкивали, но крепко знали другую правду о нем.

Шейх Дагер был счастлив, что находится со своим молодым знаменитым другом и что его старания приносят очередные плоды.

Позади Али-бея ехали окруженные гвардией наследники Дагера во главе со старшим сыном – шейхом Криме. Рядом с ним – совсем молодой, но уже бывалый воин– Магомед Абу-Захаб. Во главе процессии – верные сподвижники нового правителя: Зульфикар, Тантавий, Керим Абаза, Исмаил и Бирам Кабарди.

С приближением процессии тысячи и тысячи людей упали на мостовые на переходящих одна в другую площадях Кара-майдан и Румайла. Они просили Аллаха, чтоб он не забывал об их благодетеле и новом правителе. Пушки на кораблях в Булаке дали несколько салютов. Им ответили залпами орудия на святой горе Мукаттам, к подножью которой прибывал кортеж.

Паша, скрывая свое смятение от великого возбуждения, творящегося в столице, открыл заседание дивана, на котором присутствовали не только санджак-беи, но и приглашенные представители городской знати. Произнося торжественную речь и сам удивляясь своему неожиданному красноречию, Ахмет-паша объявил Али-бея шейк-эль-белетом Египта и облачил его в жалованные одежды – златотканый кафтан и соболью шубу, подарил ему белого арабского скакуна под дорогим седлом и саблю замечательной работы. Наместник понимал, что ликованье жителей, его собственная речь и все эти почести возвышают Али-бея над ним. Но он ничего не мог поделать и лишь повиновался тому, что свершилось.

Народ шумел на площади перед цитаделью и ждал, когда стража откроет ворота. И вдруг толпа замерла, затихла на мгновенье, чтоб из бессмысленного гула превратиться в возглас всеобщего прозрения: «– Аль-Кабир! Аль-Кабир!»

Начальник конной полиции приказал оттеснить людей и дать дорогу эскорту. Сделать это оказалось непросто – просторные площади города не могли вместить всех, кто желал увидеть Аль-Кабира в первые минуты его правления.

Торговцы разместили свои палатки на берегах Нила, куда направилась процессия. Здесь для шейк-эль-белета и его приближенных был приготовлен корабль Якова-армянина. Поклонники нового правителя прыгали в воду, чтоб прикоснуться к галере. Радостные фанатики, подплыв к борту корабля, кричали из воды: «Аль-Кабир!» Между тем галера отплывала к острову Рауда и шла вдоль него, чуть ли не протискиваясь сквозь баркасы и фелюги торжествующих горожан.

С сумерками на кораблях, причалах и по берегам зажглось множество затейливых цветных фонарей. Не смолкали песни, выступления декламаторов, танцы. На одном из баркасов, куда была нанята для увеселения группа гавази, стояла на корме знаменитая танцовщица Сафьят. Европейские путешественники и купцы сравнивали ее с парижской плясуньей Клерон. Гетера вырвалась из рук своего нанимателя и смотрела на корабль Али-бея, царственно проезжавший мимо их баркасов. Пьяная, но вдруг отрезвленная куртизанка помнила былые ночи, проведенные с Али-беем. Он тогда был еще кашифом.

Сафьят желала увидеть своего возвысившегося любовника, помахать ему и быть замеченной. И хотя ее желанье не сбылось, все равно она с умиленьем посмотрела вслед кораблю и, снова пьянея, сказала: «Прелесть моя!»

Это слово она неизменно произносила в минуты удовольствия. Его неоднократно слышал Али-бей и удивлялся, какие разные слова твердят обезумевшие женщины в состоянии любовного экстаза.

– Он такой ласковый! – сказала Сафьят подошедшей к ней подруге.

– Ты о ком?

Сафьят кивнула в сторону корабля.

– А, об Али-бее?! – наконец догадалась подруга.

– Говорят, он жесток в бою! – капризно добавила пьяная проститутка, как бы отказываясь от возможной близости с грубым правителем.

– Но ведь он не с женщинами воюет… Женщин он покоряет нежностью, – мечтательно сказала танцовщица и, глубоко вздохнув, пошла по палубе своей волнующей походкой.

Озаренный иллюминацией и фейерверками благословенный Нил поблескивал и нес свои царственные воды, обнимая обширный остров Рауда, где вокруг разожженных костров гулял народ. Пушечные салюты с Мукаттама и кораблей не уставали напоминать горожанам о свершившемся. Гулянья длились всю ночь, и по улицам утреннего Каира расходились по домам счастливые и утомленные люди. Город не желал приступать к своим обыденным делам, стараясь продлить удовольствие послепраздничным отдыхом, чтоб осознать и прочувствовать пережитое.

Дагер с сыновьями собирался в дорогу. Вместе с ним в Палестину отплывали Яков и Рицк, чтоб привезти из замка оставленное имущество и библиотеку. Али-бей

поднялся на корабль с Дагером, переживая предстоящее расставанье. Он одарил шейха как мог, но это не утешало ни его, ни Омера.

– В жизни всякое может случиться. Да и я давно не мальчик, – сказал Дагер неожиданно исповедальным тоном. – Будь сыновьям моим покровителем, а они тебе – верными слугами. – Шейх обнял Али-бея, привычно похлопал его по спине своими огромными костлявыми руками, и на лице его снова появилась улыбка.

Попрощавшись с сыновьями Дагера, Али-бей дал последние поручения Якову и Рицку, затем сошел с галеры и сел на коня. Он стоял, рыжебородый и сероглазый, впереди мамлюкской гвардии и ждал, когда корабль отчалит от пристани. Уже были отданы концы. Дагер подошел к борту и, подняв руку, зычным голосом крикнул:

– Не расставайся с седлом!

«Дьявол!» – добавил шейх про себя и, растроганный, ушел прочь, чтоб не видеть покидаемого. Но Али-бей не уезжал с пристани, пока были видны корабли его пожилого союзника и друга.

Он возвратился во дворец разбитый и, не говоря ни с кем, ушел в гарем, желая видеть лишь Марию и утешиться только ею.

– Пришел мой повелитель, – сказала она и пошла навстречу.

Ганна вышла из гарема, оставляя супругов наедине. Али-бей упал на диван, положил голову на колени Марии и заснул мертвецким сном в подоле любимой женщины. И она была счастлива, что оказалась с ним наедине, что могла ласкать его, сонного, разглядывать его лицо, трогать пальцами его лоб. Ей нравилось гладить огненного отлива бороду, всегда коротко остриженную и повторяющую мужественный изгиб скул. Мария лишь жалела, что не могла заглянуть в его серые глаза. Лицо Али-бея было

волевым и одновременно живописным. Золотистая бородка, едва седеющая к вискам на неожиданно светлом для этой страны лице, еще более неожиданные серые, большие глаза под темными бровями…

– Ласковый мой, ненаглядный, – приговаривала она по-украински и бережно поглаживала его шею, переходя к раскрытой сильной груди.

Мария заснула. И мужа не переодела, и сама не разделась. Проснулась она под утро. Ноги затекли от неудобной позы. Ей было жаль будить его, но сидеть так больше она не могла. Повалилась на диван, оставив его голову у себя на коленях. Марии захотелось сейчас быть с ним, но, зная, сколько ночей кряду он не спал, она не стала будить мужа и заснула со своим неутоленным желанием. И ей привиделся Али-бей.

– Ты будешь со мной?! Нет, ты будешь со мной?! – спрашивала она его моляще и удивилась, когда услышала отчетливый шепот: «Буду! Конечно буду!» Открыв глаза, она увидела склоненное над собой лицо Али-бея и яростный свет утреннего солнца, что сиял сквозь узорчатые решетки гарема.

Ганна в то время прибиралась в соседней комнате и не сразу поняла, что происходит за дверью в этот ранний час. Забыв, что хозяйка еще не поднялась, она открыла дверь и увидела любящих друг друга супругов.

Служанка попятилась и бесшумно закрыла за собой дверь. Она так боялась быть замеченной, что сейчас, уже за дверями, вдруг почувствовала резкую потерю сил. В висках у нее громко стучало, и она, прислонившись спиной к стене в минутном бессильи сползла на пол, но тут же очнулась и с трудом встала на ноги.

Хозяйка любила свою служанку, и Ганна не могла без нее ни минуты. Али-бей даже предупреждал их неоднократно, что, если они только и будут шептаться на украинском, никогда арабского так и не выучат. Но, находясь целыми днями среди людей, говорящих на арабском, было немудрено ему научиться, тем более, что этот язык славянки нашли легким и красивым.

И все-таки Али-бей приставил к славянкам гувернантку Муаалиму, которая была им и учительницей, и воспитательницей, и надзирательницей. Али-бей предупредил ее, чтоб хотя бы во время учебы Мария и Ганна общались поменьше. И украинки томились в ожидании ночи, когда уединившись, они смогут наговориться вдоволь.

Муаалима обучала их обычаям страны, умению вести себя в доме и на улице, тонкостям женского туалета. Она показывала, как следует ухаживать за бровями и чернить глаза сурьмой, как следить за телом и какие принимать ванны, чтоб оно сохраняло молодость. Муаалима оказалась жрицей женского чародейства и, кажется, преподавала им таинства любви. Во время таких собеседований славянки становились пунцовыми от прилива чувств и, казалось, ничего не слышали. Но цепкая женская память вскоре восстанавливала все подробности тайных уроков. Ученицы могли бы с завидным прилежанием повторить постулаты настоятельницы слово в слово.

Любимица Марии страдала от усвоенных познаний, не имея возможности их применить, и подавляла в себе чувственный мятеж. Хозяйка замечала, что Ганна не находит себе места, и по-своему сопереживала состоянию служанки и подруги. Она предлагала ей выйти замуж за любого царедворца, уверяла, что Али-бей даст ей свободу, поначалу не подозревая, что именно свободы от Али-бея Ганна и не желала и оставалась невольницей тайной любви к нему.

Ганна была преданной служанкой и участливой собеседницей для Марии, отвечала взаимностью на доброту

госпожи, умела утешить женскую тревогу беременной Марии, с трудом превозмогая собственную боль. Мария же, сама того не зная, своей доброй красотой и открытостью, любовью к собственному мужу невольно заслонила Али-бея от всех женщин гарема, и сделала невозможными, казалось бы, естественные связи наложниц со своим господином. Она ни с кем не соперничала, и не потому, что ей не было соперниц – в гареме содержалось немало прелестных служанок и Ганна была заметней других, – просто она не знала этого чувства. Все ее женское существо было обращено к Али-бею. И его присутствие, подобно благословенному Нилу, щедро орошало ее любовью и призывало к жизни.

Молва о красоте Марии, разглашенная женщинами гарема и теми, кто мог видеть ее лицо, волновала людское воображение. И хотя Али-бей почитал ее христианское имя и называл ее в гареме не иначе как Марией, весь остальной народ именовал ее Нафисой[1]. Она при жизни стала легендой, и если девушку сравнивали с сит Нафисой, это было величайшей похвалой, ибо говорило о редких сочетаниях женственности и доброты, ума и обаянья. Мария и Али-бея покорила не столько лицом или невыносимой безупречностью вдохновенного тела – это было ей дано с той же щедростью, как милосердие и сострадание. Она была настоящей покровительницей гарема, и эта неосознанная сила жила в ней, как небесная благодать. Противиться этой власти было невозможно.

Али-бей вызвал к себе Зульфикара и Магомеда, но последнему велел обождать, пока не закончит разговор с эмиром. Он принял своего сподвижника не в тронном зале, а в гостевой комнате.

– Кажется, нам пора приступать? – спросил он хушдаша.

[1] Нафиса – прекрасная.

– Да, мой господин, – сказал эмир и улыбнулся.

Али-бей ответил на его улыбку вопросом:

– А что тебя вдруг развеселило?

– Да так.… – уклонился эмир.

– А все-таки?..

– Просто впервые назвал тебя господином, – сказал Зульфикар и пожал плечами.

– В таком случае не называй меня господином.

– Нет, почему же, просто жаль, что мы уже не равны…

– Ты брось это… давай поговорим о деле. Где сейчас Хусайн-бей?

– Не знаю, говорят, в Саиде…

– В Саиде он будет мешать нашему судоходству. Надо уточнить, где он, и отослать его в Хиджаз до лучших времен.

– Пока ты правишь страной, ему таких времен не видать.

– Ты опять уводишь меня от разговора, – сказал Али-бей серьезно. – Сейчас я более других надеюсь на тебя. Из всех полководцев ты самый опытный, хорошо знаешь страну и повадки наших недругов. Мы не сможем восстановить торговлю, пока караванные пути находятся под страхом нападения разбойников. Возьми с собой нужных тебе людей. И обязательно – Магомеда. Я хочу, чтоб он закалился рядом с тобой.

– У этого юноши и без того немалый военный опыт, – решил было Зульфикар похвалить Абу-Захаба.

– Для юноши действительно немалый. Но для санджак-бея – недостаточный, – намекнул Али-бей на то, что намерен вскоре выдвинуть своего питомца. – Поддержи меня в этом… Поручай ему сложные участки. Он справится.

– Не сомневаюсь. Но на таких участках мамлюк рискует жизнью, – предупредил Зульфикар шейк-эль-белета.

– Магомед мне дорог, как жизнь. Но, прячась за спины товарищей, не станешь полководцем. Воин он неглупый и зря голову подставлять не станет.

– Хорошо. Все понял.

– На этом пути надо разгромить все бедуинские становища, взять заложников и обложить кочевья податями. До самого Саида необходимо освободить караванные пути. С бандами разбойников расправляться самым жестоким образом. Иначе мы не сумеем восстановить доверие европейских торговцев. Можешь взять с собой Исмаила и Тантавия. Керим Абаза и Бирам Кабарди мне понадобятся для наведения порядка в самом Каире.

Через два месяца, в начале шавалля, предстояла отправка священного каравана в Мекку, и безопасные дороги хотя бы до Суэца намного облегчили бы доставку сокровищ.

В тронный зал вошел Магомед, и Али-бей почувствовал, что стосковался по своему любимцу. Он приобнял его и с гордостью оглядел питомца уже в непосредственной близости.

– Ты возмужал на глазах, – заметил он поцеловавшему ему руку мамлюку.

Магомед стоял перед ним красивый, молодой и покорный, хотя патрон уже не раз видел его в сраженьях и знал его неистовость.

– Я имел разговор с Зульфикаром. Поручил ему возглавить экспедицию. Поедешь во главе отряда. Держись к нему поближе. Это мой хушдаш и верный человек. Сумей и себя показать, и голову не потерять. Это необходимо для твоей карьеры. И не забывай, что мне ты нужен живой и здоровый.

Завороженный Магомед стоял перед своим покровителем и смотрел на кумира с завистью преуспевающего воина.

– Ты радуешь меня успехами, Магомед, – как бы невзначай заметил Али-бей и хлопнул в ладоши. Подбежавший телохранитель вытянулся перед ним, держа в руках расшитый галунами кафтан.

– Одень этот кафтан и будь моим кашифом, – сказал шейк-эль-белет.

Взволнованный неожиданным оборотом разговора, Магомед взял кафтан и, преклонив колено, поцеловал подол повелителя.

– Я еще мало сделал, чтоб заслужить такое!.. – сказал осчастливленный мамлюк.

– Талантливый воин должен раскрыть свое дарование, пока молод и силен… Ты знаешь, у меня был замечательный наставник. Ибрагим-бей много сделал для моего выдвижения. Но противники убили его и осложнили мой путь…

Али-бей не захотел продолжать и, немного помолчав, сказал Магомеду:

– Ступай. Да поможет тебе Аллах.

Корабль, привезший Муаалима Рицка, уже причалил к Булаку. Али-бей с нетерпением ждал своего секретаря, но тот долго не появлялся. Не доверяя никому разгрузку библиотеки, ученый сам переносил на повозки книги и бумаги, перевязывал, накрывал их холстом, чтоб не запылились и не выпали в дороге.

Он никак не мог расстаться со своим имуществом, пока в Булак не прискакали два гвардейца и не передали ему, что государь немедленно требует его к себе. Муаалим еще некоторое время повозился, но, решив не испытывать терпение правителя, поехал вместе с гонцами, то и дело озираясь в сторону порта, словно мог заметить упавшие книги или рассыпавшиеся рукописи.

– Ты что так завозился? – спросил Аль-Кабир, едва Рицк вошел к нему.

– Я думал, ты скажешь «с приездом», – обиделся копт.

– Прости… – сказал удивленный Али-бей. – А ты самолюбивый!

– Проедешь тысячу миль с людьми, которые могут на книги Святого писания положить вонючие мешки с рыбой, – не таким станешь. Вообще с ума сойдешь! – негодовал Муаалим.

– Как доехали? Чем занимается Дагер?

– Доехали нормально. По выходе из Дамиетты попали в шторм, но обошлось… А Дагер? Дагеру что – в седло, саблю наголо и вперед!

– В Палестине, говорят, беспорядки?

– Именно в Галилее спокойно, но в Аравии объявился какой-то смутьян. А Дагеру до всего дело. Вот он при моем отъезде и собирался туда – усмирять соседа.

– Неугомонный старик! – воскликнул Али-бей с улыбкой восхищенья. – А что в мире?

– Толкового ничего. Но, говорят, некий султанский полководец Абаза-паша, видно, из твоей земли, набирает в средиземноморских странах рекрутов.

– Да, Порта бодрствует.

– Но и провинции не дремлют. То там, то тут мятежи вспыхивают. Не додают Стамбулу дани, воюют с наместниками султана. Одни вы с Дагером чего стоите Мустафе!

– Кажется, ты сочувствуешь ему.

– Нет, я просто устал нечеловечески. А вообще, его понять можно…

Али-бей замолчал, понимая, что Рицк не в лучшем расположении духа и ему больше нечего сказать.

– Да, – вдруг спохватился Рицк, – тебе передавал приветы венецианец Розетти. Говорит, что многие европейские купцы хвалят тебя и довольны открывшимся въездом в Нил. Он обещал прибыть в Каир в ближайшее время и приветствовать лично нового шейк-эль-белета.

– Вот видишь, а ты хотел скрыть это от меня, – пожурил Али-бей своего секретаря. – Ты словно боишься меня обрадовать.

– Наговариваешь, хозяин, – слукавил ему в тон Рицк. – Разве я скрыл от тебя, когда вычислил в небе твою звезду?

Али-бей рассмеялся:

– Нет. Конечно не скрыл. Но лишь потому, что не мог.

– Действительно, я чуть с ума не сошел в ту ночь, – сказал звездочет, вспоминая свое безумство.

– А ты думаешь, что избежал сумасшествия?! – не унимался Али-бей. – Мне, например, кажется, что ты и сейчас не очень! – Он примирительно прижал к себе неуклюжего Муаалима. – Ну, ты на меня не обижайся, я ведь шучу. А то замолкнешь на полгода и будешь томить меня молчанием.

Муаалим был чудаковатым с виду, весьма своеобразным и по-своему гордым человеком. Свое недовольство он выражал обычно тем, что подолгу не разговаривал с обидчиками, даже если те с самого начала шли на мировую. Он изнурительно медленно восстанавливал однажды расстроенные отношения.

Сановники и беи, однажды испытав особенности его характера, старались впредь быть с ним обходительней. Это не раз испытывал на себе и Али-бей, которого он также изводил своим молчанием и затянувшейся обидой. Когда такое случалось, эмир тут же сокрушался, представляя, как надолго лишил себя общения с человеком, не общаться с которым он не мог, и был вынужден наравне со всеми терпеть невыносимое наказание за, казалось бы, такой небольшой проступок.

Муаалим, случалось, впадал в обмороки очередного самодурства. Он мог проигнорировать или не приветить человека, если бывал не в духе, и порой обнаруживал не-

объяснимую строптивость. Но был умным собеседником, озорным и веселым. Хотя веселиться с ним нужно было осторожно – у утомленного от веселья ученого мог неожиданно начаться припадок спеси.

Рицка знали во многих арабских странах, как крупного ученого и большого грамотея. Он не умел предавать ни свои идеи, ни своих приятелей. Но если кого невзлюбил, то надолго. Чаще – навсегда. И объяснить этого никто не мог. Возможно, даже он сам.

Ему не нравился Магомед – Рицка раздражало, что Али-бей не чаял в нем души. Говорить об этом он не мог, но все знали об их взаимной неприязни. Оба были любимы правителем и, кажется, ревновали его друг к другу. Каждый раз кто-то из них удивлялся, почему другой до сих пор находится под крылом его повелителя и все еще не распознан в своей недостойности.

Пока Зульфикар со своими помощниками готовился выступить против бедуинских племен, Аль-Кабир добился от Ахмет-паши утверждения Бирама Кабарди в должности янычарского аги и тут же дал ему распоряжение приступить к полицейским обязанностям. Бирам оказался, как и полагал Али-бей, жестоким, но справедливым начальником. Он обрушился с арестами на мошенников и проституток. Сыщики Бирама проникали в самые темные трущобы Каира, добывая необходимые сведения.

Агенты раскрыли несколько притонов, причем один из них принадлежал бывшему мамлюку Хасана, тому самому, который собственноручно сделал позорную наколку на теле истерзанной сит Айши. Мамлюк разбогател на награбленном в ее доме имуществе. Он вошел в связь со знатными и распутными горожанами, открыв лавку, кофейню и имел здесь помещение с тайным входом, куда приглашал проституток, которые ублажали его приятелей и богатых заезжих купцов.

В особые дни в притоне устраивались вакханалии с немыслимыми извращениями, на которые приглашались танцовщицы-гавази, обычные проститутки, женоподобные мужчины-хавали. В едва освещенном помещении они спаивали партнеров, а затем, вовсе выключив свет, совращали друг друга. По особой договоренности в этот ад человеческой похоти при совершенной темноте вступали и некоторые отважные горожанки, обычно из разведенных. Любительницы острых ощущений, желая одновременно сохранить репутацию добропорядочных женщин, платили большие суммы держателю тайного заведения.

Владельца притона застали с любовницей, которая лежала, как на подушке, на плюшевом изделии в виде мужского члена. Ее принародно утопили в Ниле, как обычно поступали с распутницами. А хозяину вертепа вручили его плюшевое изделие и провели через весь город.

Пожилые консервативные горожанки, узнав чудовищное подобие, плевались и отворачивались. Зато сквозь решетки гаремов доносилось хихиканье молодых легкомысленных обитательниц, которых этот символ волновал больше, чем судьба несчастного развратника.

Его водворили в тюрьму, в одну камеру с другим держателем притона. Тот оказался местным греком. И хотя «репертуар» его притона был намного скромней, если не сказать однообразен, их ждала одна участь.

Вскоре была объявлена казнь развратников, и народ повалил на площадь Кара-майдан. Палач положил на плаху безвольную голову единоверца, прощально погладил ее и срубил резким ударом секиры.

Несчастный грек видел гибель товарища и умер, казалось, прежде, чем его подтолкнули к плахе, на которую послушно легла его голова. Она была так же четко отрублена.

Люди кто плакал, кто тяжело вздыхал, кто просто был в оцепенении. Но каждый в эти минуты осознавал, что и он несовершенен…

Палач взял голову мусульманина под мышку, а голову христианина положил на плаху и сел на нее. Этим закончилась поучительная казнь над развратниками, которые, хотя и молились в разных храмах, но исповедовали одну человеческую страсть.

Мария уже дохаживала последний месяц, и вся женская часть обитателей дворца была занята приготовлениями к этому событию, окружая сит Нафису особо бережным вниманием. Али-бей по-своему переживал состояние Марии и был как всегда нежен, оставаясь с женой наедине. Она желала, чтоб сейчас он больше находился с ней и не только не отказывал, но и сам желал быть поблизости, давая ей понять, что он здесь и что ей не стоит ни за что волноваться.

Аль-Кабир допоздна разбирался у Рицка с результатами впервые проведенной в Каире переписи населения. Руководил этой компанией Рицк, а непосредственным поставщиком данных был Михаил Фарга. Ему, как главному собирателю податей и знатоку городского хозяйства, было поручено охватить переписью все народонаселение Каира.

Оказалось, что численность жителей столицы простирается до 900 тысяч. Теперь нужно было обработать эти данные для вычисления национального и социального состава, определения численности религиозных общин. Аль-Кабир оставил Муаалима и, взяв материалы переписи, удалился в гаремные покои дворца.

Ганна находилась в спальне господина. Несмотря на поздний час, Мария не отпускала служанку, которая и устала за весь день, и не хотела видеть входящего в спальню Али-бея.

– Так поздно, а ты не спишь? – спросил Али-бей Марию, когда Ганна вышла из гарема и, пожелав супругам спокойной ночи, ушла в свою беспокойную обитель.

– Мой господин, мне не хотелось засыпать без тебя, – сказала Мария с лаской и кокетством беременной женщины, сознающей свое плодоносное преимущество.

– Тебе нужно отдыхать, и причем за двоих.

– Но я не хочу этого делать без тебя, мой родной. Сон мой должен быть спокойным, а для этого необходимо твое плечо, – говорила Мария с чувством, и Али-бей удивился обворожительности ее неторопливой речи.

– Мария, ты так красиво говоришь, – признался он обнявшей его жене.

– Я так думаю, милый… Я выучу любой язык, на котором тебе захочется услышать такие слова.

– Откуда в тебе столько доброты?

Она показала себе на сердце и сказала:

– Вот отсюда.

Али-бей обнял Марию, удивленно заглядывая в ее большие карие глаза, всегда располагавшие к любви и душевному покою.

– Когда ты говоришь эти слова на украинском языке, они кажутся еще ласковей.

– Потому что я тогда ласкаю вместе с тобой все, что мной любимо. Оно живет во мне и стоит перед глазами.

Марии было тяжело долго стоять на ногах. Она усадила мужа на диван, прилегла сама и положила голову ему на колени.

– Сейчас, когда стали приближаться роды, мне как никогда захотелось быть в родной хате, рядом с мамой… А ты в Египте впервые услышал украинский язык?

– Нет, не здесь, хотя в Каире каких только языков не услышишь… В Пицунду часто приезжали запорожские казаки вместе со своими морскими товарищами-абхазами.

– Боже, как их туда занесло! Это ведь очень далеко!

– Они отбивали у турков пленников и возвращали на родину.

– Хорошо поступали, но ведь продают-то часто свои?

– Да, – согласился Али-бей. – Со всего берега Большой Абхазии ежегодно вывозят до десятка тысяч самых красивых мальчиков и девочек. И это ведь из года в год! Если хотя бы не сократить этот промысел, моя страна скоро вовсе опустеет… Абхазы и казаки приезжали на баркасах, причаливали к бухте Пицунды. Первым долгом приносили дары – золотые и серебряные вещи – образу Пицундской Богоматери. Помолившись, разбивали на поляне, на виду у храма, свои шатры и палатки. Ночами жгли костры, пели песни. Некоторые были женаты на вызволенных из плена невольницах и имели родственников в Абхазии. И наши брали в жены освобожденных казачек. К их лагерю сбегалась вся округа. А мы, местная детвора, проводили с ними целые дни.

– Значит, мы с тобой не первые?

– Значит, да. Хотя погоди. В Египте, кажется, мы единственные.

– Меня это устраивает, дорогой, – сказала Мария и протянула руку к лицу мужа. – А какие песни пели казаки?

– Разные пели. Много и очень громко. И плясали лихо. Мы так часто слышали эти песни, что даже подпевали казакам. Некоторые песни знали целиком. Слов не понимали, но произносили верно. Запорожцев даже удивляло это.

– Я умру, если ты не споешь хоть одну из них! – воскликнула Мария и присела на диван.

– Прямо сейчас?

– Ну конечно!

– Надо же вспомнить, Мария. Столько лет прошло.

– Очень прошу, Али. Именно от тебя хочу услышать свои песни. – В глазах Марии мерцала невыносимая мольба.

– А у меня память словно отшибло разом. Не приставай, я потом вспомню. Обязательно.

– Постарайся сейчас, прошу тебя.

– Не могу, не помню… – сказал Али-бей решительно и уже раздражаясь.

Мария замолкла и легла на диван, положив голову мужа на колено. Опечаленная, она была вовсе невыносима. Мария так умела грустить, что печаль ее казалась мировой скорбью.

Желание вернуть ее лицу прежний покой пробудило в Али-бее память давно прошедших лет. Он молчал. Но песня уже звучала в нем, хотя ни звуков, ни слов он еще не осознавал. Она начиналась в забытой глубине души, но, вызываемая его тоскующим желанием, поднималась к устам, пока не разомкнула их и не вышла на свободу. Али-бей пел, и перед глазами его все четче прояснялись очертанья родного дома, стоявшего в церковной ограде, за пределами которой горели костры запорожцев. Он видел их загорелые и бронзовые от огня лица с горящими от пламени и от песни глазами, с хохлами на бритых отчаянных головах… Мария встрепенулась и присела, не понимая, что же происходит. Затем прислонилась к дивану.

Ой на, ой на гори тай женьци жнуть.
Ой на, ой на гори тай женьци жнуть.
А по пид горою яром, долиною
Казаки йдуть…

В благодарных запрокинутых глазах Марии дрожала влага, которая вдруг пролилась на лицо и потекла к губам.

Ресницы ее намокли и отяжелели. Она обняла Али-бея так, словно он приехал к ней в родную и далекую хату. Ей понравилось быть с ним там, где прошло ее детство.

VIII. Крестный путь славянки

Лазутчики Аль-Кабира прислали через гонцов донесение, что бежавший из Каира Хусайн-бей, узнав о намерении Аль-Кабира изгнать его за пределы страны, собрал значительные силы и выступил навстречу войскам Зульфикара. К нему примкнул и потерпевший разгром Халил-бей. Али-бей после такого сообщения не мог усидеть в Каире. Поручив столицу Бираму Кабарди и Кериму Абазе, Аль-Кабир выступил с небольшим войском отборных мамлюков на помощь своему эмиру.

Зульфикар недооценил опасность. Он послал Магомеда расправляться с бедуинскими племенами, и тот прошел до Александрии, громя кочевников и облагая их данью. На обратном пути разведка донесла Абу-Захабу, что Зульфикар и Ислам-бей потерпели у Мансуры поражение от изгнанных эмиров и подоспевший к этому времени Аль-Кабир лишь спас их от полного разгрома.

Захватив суда, плывшие по Нилу, Абу-Захаб избежал сражений, которые готовились ему на караванных путях, и прибыл в Каир. Он не только сохранил, но и умножил свои отряды за счет пленных. Магомед привез богатства, в который раз подтвердив справедливость собственного прозвища.

По прибытию в Булак Отец Золота за ничтожную плату скупил у работорговцев, которым принадлежали задержанные суда, несколько десятков мамлюков и отпустил купцов с Аллахом, а свое войско высадил в предместье столицы. Торговцы были довольны, что Магомед, о жестокости которого они были наслышаны, не конфисковал их суда и даже предложил им продать свои товары в Булаке по выгодной для них цене. Он предупредил таможенников, чтоб те не придирались к кораблям этих купцов, и направился во дворец, куда уже было донесено о его прибытии.

Муаалим, через канцелярию которого он приходил к Аль-Кабиру, встретил его как обычно, не выражая никаких чувств в связи с возвращением кашифа своего господина. Исполненный неожиданного достоинства, он даже не проводил Абу-Захаба в тронный зал шейк-эль-белета.

– Для своего вспыльчивого характера, – сказал Али-бей Магомеду, – ты проявил замечательную предосторожность, что не пошел на Мансуру и вообще отказался от сухопутных дорог.

– Я мог бы проиграть сражение, которое мне готовилось в пустыне, и лишь потерял бы войско, не успев соединиться с тобой.

– Ты верно поступил, что сохранил силы и умножил войска. А главное – вернулся живой и непосрамленный, – заметил Али-бей и с гордостью окинул взглядом молодого командира.

– Отец, – окликнул Магомед отвернувшегося за чем-то Али-бея.

Шейк-эль-белету было приятно, когда питомец называл его отцом, и он уже знал, что за этим должна последовать просьба. Слово «отец» магически действовало на Аль-Кабира, чем вполне осознанно пользовался Магомед.

– Ты о чем-то хочешь попросить? – спросил Али-бей, медленно оборачиваясь и уже готовый исполнить желание своего любимца.

– Да, – подтвердил Абу-Захаб, нисколько не смутившись. – Отец, доверь мне войска!

– Для чего? – удивленно спросил Али-бей.

– Я хочу пойти на твоих врагов. Я разобью их!

Аль-Кабир встрепенулся от этих слов. Ему показалось, что он услышал собственный голос, ибо вспомнил сейчас Ибрагима Катходу и свою верность ему.

– Говори, Магомед, говори, – повелел он кашифу, – мне приятно слушать тебя!

– Если не выступить против мятежников сейчас же, они вскоре соберут более значительные силы. Надо обрушиться безотлагательно, пока они расслаблены победой. Иначе они станут укрепляться. Их разгром должен вернуть правительственным войскам авторитет и пресечь будущие мятежи.

Али-бей был удивлен тому, насколько решительным и проницательным был его расчет Магомеда.

– Я согласен, – заключил он.

– Но свои планы я должен воплощать сам, – почти настаивал Магомед, опережая своего патрона, вернее, предупреждая его от принятия иных решений и понимая, что их легче опередить, чем изменять потом. Ведь правители не любят пересматривать свои повеления, как бы вздорны они не были.

– Мне это понятно, Магомед, ты зря беспокоишься. Лучше внимательно выслушай меня, ибо я желаю тебе успеха не меньше, чем ты сам. Считай себя уже сегодня главнокомандующим моих войск…

Магомед не верил своим ушам, настолько желанны и неожиданны были слова шейк-эль-белета. Он боялся спугнуть свою восходящую славу и готов был разрыдаться от счастья. Али-бей понимал состояние молодого полководца и продолжал:

– Но не торопи судьбу. Прежде ты должен стать санджак-беем и членом дивана. Чтоб не было кривотолков, я сначала выдвину и утвержу своих хушдашей. Они старше тебя возрастом и заслуги их известны. После избрания тебя беем на следующем же заседании я поручу тебе командирование войсками. Но ты уже сейчас готовься к своей экспедиции.

– Мне этим ни с кем не делиться? – спросил Магомед.

– Да. Пусть это будет тебе испытанием. Пускай все думают, что я поручил тебе подготовить войска для усмирения бедуинов. Так или иначе, подготовка войск не может оставаться незаметной и ее нужно объяснить. Эта версия достаточно правдоподобна. В нее должны поверить окопавшиеся в Нижнем Египте наши противники. Словом, принимайся за дело и постоянно докладывай мне.

– Отец, я этого не забуду, – клятвенно произнес Магомед и, припав на колено, поцеловал подол своего кумира.

В Каире ходили о Магомеде различные слухи. Одни упрекали, что он намеренно не ввязался в бой у Мансуры, чтоб сохранить войска и возвыситься за счет такого превосходства над другими полководцами. Другие хвалили за то, что он дошел до Александрии, покорив бедуинов, и расчистил караванные маршруты; что благополучно возвратился в Каир, не жертвуя зря своими мамлюками, и умело обхитрил противников.

На ближайшем заседании дивана во дворце Эзбекие Аль-Кабир выдвинул своего хушдаша Исмаила в беи, наделил его санджаком и облачил в жалованные одежды. На следующем диване был выдвинут другой хушдаш Аль-Кабира – Тантавий. Теперь уже при поддержке верных ему санджак-беев во главе с Зульфикаром Али-бей выдвинул и Магомеда. Причем сделано было так, что

с этой инициативой выступили члены дивана. Абу-Захаб был ярко охарактеризован хушдашами своего воспитателя, и перечисленные заслуги склонили диван утвердить его эмиром и выделить соответствующее санджакбею поместье.

Магомед с завидным для молодого человека достоинством принял оказанные ему почести и, облаченный в жалованный златотканый кафтан и соболью шубу, занял свое место в диване военного правителя Египта.

Жители Каира знали, что Абу-Захабу поручено подготовить войска, которые должен возглавить сам шейк-эль-белет для расправы над бедуинскими племенами на севере страны. Однако никто, кроме Аль-Кабира и его фаворита Магомед-бея Абу-Захаба не знал, для чего на самом деле войска приводятся в готовность.

Несколько бедуинских племен, расположенных вблизи Каира, заслышав, что Аль-Кабир готовит против них карательную экспедицию, прислали своих поверенных с богатыми дарами и откупом, чтоб оградить себя от расправы и окончательного разоренья. Это обстоятельство оказалось на руку шейк-эль-белету. Миссия бедуинских послов давала наилучшее оправдание скрытому от дивана намерению Али-бея.

Аль-Кабир сообщил дивану, что вожди кочевников доставили дань в казну дивана и заверили, что будут покорны воле совета эмиров. Имея в виду это обстоятельство, шейк-эль-белет настаивал направить приведенные в готовность войска против мятежных эмиров, нанесших недавно ощутимый урон мамлюкской армии. Когда это решение было одобрено диваном, шейк-эль-белет, сославшись на неотложные государственные дела, не дающие ему возможности оставить Каир, предложил совету поставить командующим этой экспедиции Магомед-бея Абу-Захаба. Правитель напомнил дивану, что Магомед-

бей не раз показывал свою полководческую незаурядность и что именно он занимался нынешней подготовкой войск.

Еще за день до заседания дивана Магомед, с разрешения Али-бея, заменил стражу всех одиннадцати ворот Каира. Новой, доверенной ему страже он под страхом смертной казни приказал не выпускать ни одного человека. Такая мера должна была исключить разглашение предстоящего решения дивана и лишить шпионов мятежных эмиров возможности донести о готовящейся экспедиции. С этой же целью он остановил все суда, стоящие в Булаке. Их блокировали патрульные галиоты и держали у пристаней до особого распоряжения.

Магомед-бей выступил в ту же ночь, как диван принял решение. Еще вечером были отправлены вперед обозы. Вскоре их обогнали отборные карательные отряды, которым было поручено разорять по пути становья бедуинов, обеспечивая армию провизией и сменными лошадьми.

В несколько длинных бросков Абу-Захаб оказался в Танте, где укрепились воспрявшие после недавней победы противники Аль-Кабира. Они едва успели собрать часть войск и выйти из города, как были сметены конницей Магомед-бея. Подобно вихрю ворвался он в город, всегда считавшийся оплотом опальных и преследуемых мятежников, и прошелся по нему с немыслимой жестокостью, чтоб уже на долгие времена отбить желание противопоставлять себя Каиру.

Ни Халил-бей, ни его бывший соправитель Хусейн-бей Кашкаша не успели бежать. Их поймали, заковали в цепи и решили казнить. В этой связи к Магомеду пришла депутация почтенных улемов и шейхов[1] Танты[2].

[1] Улемы – богословы, законоведы, преподающие в духовных заведениях, рангом ниже шейхов.
[2] Танта – город в Нижнем Египте, центр провинции.

– Если ты действительно желаешь процветания своему правителю, – сказал главный из них, – оставь в живых этих эмиров. Можешь взять в заложники их семьи, сослать их самих еще дальше – в Хиджаз, конфисковать имущество, но оставь живыми. Такое великодушие возвысит тебя и твоего благодетеля в глазах народа.

Абу-Захаб выслушал прошение народных посланцев, но ответил на их просьбу уклончиво, не отказывая им открыто.

– Я посовещаюсь со своими полководцами, – сказал он. – В любом случае хорошо, что вы сочли своим долгом заступиться за тех, кто обречен. Это поступок воистину правоверных людей.

Шейх, возглавлявший депутацию, понял, что миссия его не удалась, что он не сумел разжалобить жестокосердного полководца, и ушел вместе с товарищами, удрученный бесполезностью визита.

На центральную площадь было согнано все население мятежного города. Здесь, на сколоченном наспех деревянном помосте установили плаху и привезли в оковах эмиров. Перед началом казни был зачитан указ Абу-Захаба, в котором он впервые именовал себя главнокомандующим и в котором содержалось предупреждение, что любое неповиновение центральной власти, а также разбой, особенно чинимый на караванных и судоходных путях, будут жестоко пресекаться, а зачинщики беспорядков разделят участь тех, кто сегодня понесет здесь заслуженное наказание.

Каир едва открыл ворота, закрыть которые приказал Абу-Захаб, а открыть разрешил шейк-эль-белет, как в Баб-аль-Футух въехала группа гонцов. Весь город облетела весть о том, что Абу-Захаб убил мятежных эмиров и поставил Танту на колени. При огромном стечении народа об этом было зачитано сообщение дивана на площади Кара-майдан. Отряд мамлюков пронес головы казненных по главным улицам Каира. Корабли, отплывшие наконец из Булака и устремившиеся вниз по течению благословенного Нила, разносили по всем портам до самой Дамиетты и дальше по странам Средиземноморья весть о печальном конце мятежников.

Окруженная опытными повитухами, госпожа со дня на день ждала освобождения. Ей было тяжело дышать, трудно стоять, да и лежать, казалось, невыносимо. Роженица бережно поддерживала собственный живот, тратя последние силы, которых только на это и хватало. Ганна то и дело что-то приносила по распоряжению повивальных бабок, пока Мария, почувствовав себя совершенно скверно, не остановила ее:

– Ганна, душенька, – взмолилась она по-украински, преодолевая удушье, – сестрица милая… не отходи от меня… не дай мне умереть на чужих руках, – просила она и целовала запястье своей служанки. – Не молчи, Ганна, говори со мной.

Когда Мария, уложенная на тахту, неожиданно перестала дышать и глаза ее, полные слез, вдруг застыли, Ганна решила, что она умирает, и заголосила. Марии не мешали рыданья – она уже рожала и сквозь муки уходила в беспамятное облегчение.

Роды были тяжелыми, но Мария уцелела. Едва придя в сознание, она пожелала увидеть мужа. Женщины освободили помещение и ушли в соседние покои, где помытая малютка уже лежала, завернутая в нежные пеленки. Обессиленная Мария лишь гладила руку Али-бея, пока не впала в блаженство послеродового сна.

Девочка оказалась светлой и сероглазой. С нежным испугом глянула роженица на плоть от собственной пло-

ти и подумала: в отца. Ей с самого начала хотелось, чтоб ребенок, которого она родит, непременно был похож на отца, хотя было трудно представить девочку с демонической внешностью Аль-Кабира.

Ганна, едва пережившая муки своей госпожи, помогла молодой матери открыть налитые молоком груди и поднесла младенца, который вслепую, но настойчиво нашел наощупь маленький, еще девический сосок изобильной груди и жадно прильнул к нему, с пульсирующим скулением потягивая животворящий сок млеющей родительницы.

Ей незнакомо было это головокружительное ощущение. Накормив ребенка, Мария лежала, счастливая, и думала, что это второе блаженство после блаженства любви, которое она познала, – счастье материнства.

Пушечными салютами с Мукаттама, террас Эзбекие и главных ворот столицы было возвещено о возвращении победоносной экспедиции из Танты. Город шумными толпами встретил победителей, хотя немало было и тех, кого страшили карательные успехи Абу-Захаба. Некоторые горожане предчувствовали новую волну репрессий против каирской знати, уличенной в связях с прежним правительством или в сочувствии к опальным и разгромленным.

Эти опасения оправдались. Десяткам семей знатных горожан были указаны места ссылок, как на окраинах страны, так и за ее пределами. Их дворцы и резиденции заняли новые выдвиженцы Аль-Кабира – эмиры и сановники. Несколько замечательных дворцов в Булаке было передано в личное распоряжение шейк-эль-белета. Здесь разместились торговые представительства, а остальные подготовили для приема прибывающих из средиземноморских стран.

Слуги подали кофе, курительные трубки. На столе перед гостями появился шербет, виноград, и разговор стал принимать все более дружеский характер, располагая собеседников к приятельским темам.

– Кажется, я узнаю вашего офицера, – заметил Розетти, глядя на Магомеда.

– Да, это мое упущение, я не представил вам моего главного полководца Магомед-бея Абу-Захаба.

– Мы помним его со времен блокады Нила, – уточнил Панагиотти, но не продолжил разговора, боясь, что будет неделикатно напоминать полководцу о жестоком обращении с торговыми судами.

– Это была вынужденная мера, и мы сожалеем, что европейская торговля испытывала тогда затруднения, – пояснил шейк-эль-белет, не углубляясь в тему.

– Без той блокады невозможна была б ваша нынешняя миссия и выгоды, которые вас ждут от покровительства Аль-Кабира, – неожиданно дружелюбно заметил Абу-Захаб.

– Мой советник и министр Муаалим Рицк даст вам более подробные рекомендации, уточнит условия сотрудничества, – сказал Аль-Кабир в конце приема. Гости преподнесли Аль-Кабиру и Магомед-бею подарки. Алибей проводил их до дверей тронного зала, и купцы ушли в канцелярию Рицка.

Здесь предприимчивый Розетти показал умение обольщать своих партнеров. Он подарил ученому несколько редких книг по астрономии и Библии на коптском языке, украшенных живописными миниатюрами. Муаалим был разнежен этим подношением и не знал, чем ответить на неожиданную и, как ему казалось, незаслуженную любезность. Но Карло Розетти с венецианским изяществом просил Рицка не преувеличивать зна-

чение дружеского сувенира, который, дескать, не более чем знак благодарности.

Приближалось время отправки каравана в Мекку. Глашатаи возвещали жителям Каира о начале приготовлений к торжественной процессии. Исполинских размеров покрывало, сотканное лучшими мастерами, уже расшивалось золотыми нитками, украшаясь главным изречением Корана и символами веры. Али-бей совещался с беями, определяя подробности сбора и отправки.

– Отец, – сказал Магомед, оставшись после заседания, – я решительно против, чтобы ты отправлялся в Мекку.

– Это еще почему? – удивился Али-бей.

– Сопровождение каравана считается святым долгом шейк-эль-белета. Но для правителя страны путь в Мекку более опасен, чем почетен. Все тайные замыслы и коварства осуществляются во время длительного отсутствия шейк-эль-белета.

– В таком случае я и тебя не могу отправить в тот путь, который ты считаешь опасным для меня, – заявил Али-бей, понимая к чему клонит его воспитанник.

Но Магомеда совершенно не смутило, что Аль-Кабир понял его замысел стать предводителем священного каравана, ибо он был уверен в своих доводах.

– Тебе как правителю лучше заниматься теми делами, которых не могут сделать другие. Сопровождение каравана куда престижней для рядового эмира. Правителя страны это лишь отрывает от государственных дел. Сколько посольств за это время ты можешь принять, сколько провести важных мероприятий для укрепления власти…

– А вдруг с тобой что случится? Смогу ли я потом заниматься государственными делами, ты об этом подумал? – почти возмутился Аль-Кабир настойчивостью, с которой стоял на своем Магомед.

– Я это сделаю с минимальным риском… я пущу вперед каравана целую армию, которая не только поможет безопасно провести его, но и очистить от бандитов дороги на востоке страны, покончит с шайками налетчиков на этом промежутке.

Аль-Кабир переговорил с Ахмет-пашой относительно своего нового решения, и на диване в цитадели наместника Абу-Захаб срочно был утвержден в должности амир-аль-хаджа. Магомед взял себе в помощники Керима Абазу. Во главе карательных отрядов поставил Исмаила. Эскортом каравана командовал лучший мамлюк и воспитанник Магомед-бея – Мурат Хамы́щ, на которого возлагалась охрана паломников и ценностей.

Многолюдной и праздничной процессией проводил Каир своих богомолов. По городу пронесли черную шелковую кисву и махмаль. Паломники вышли из городских ворот и взяли направление в сторону озера Биркат-аль-Хадж. Между двумя идущими друг за другом верблюдами был устроен роскошный цветастый паланкин, в котором расположился эмир каравана, сопровождаемый отрядом конных телохранителей. Экспедиция беспрепятственно прошла аравийскую пустыню, вышла к Красному морю и, огибая Суэцкий залив, выходила к Акабе.

Через неделю после того, как паломники покинули Каир, лазутчики прислали во дворец донесение. Бирам Кабарди вошел к Аль-Кабиру, оставив гонцов в канцелярии Рицка, и передал пакет шейк-эль-белету. В письме разведки сообщалось, что в ущельях Хиджаза, в районе Янбо[1], бедуины сосредоточивают значительные силы для расправы над караваном и своим давним ненавистником Абу-Захабом. Али-бей потребовал гонцов к себе, спросил

[1] Янбо – порт на аравийском берегу Красного моря к северо-западу от Медины.

их о подробностях, но те, как и следовало ожидать, ничего не знали даже о содержании привезенного письма.

Поручив дворцовые дела и порядок в Каире Тантавию, подняв гвардейский кавалерийский корпус, Али-бей срочно покинул Каир. Они с Зульфикаром пересекли пустыню и вышли к Красному морю. Освободив один из застигнутых здесь кораблей, который уже загружался паломниками, чтоб отбыть к берегам Счастливой Аравии, Али-бей вышел в море. В течение дня они атаковали несколько кораблей, заставляя пристать к берегу то одно, то другое судно, и вместе с лошадьми переправились через море до Джидды[1]. Отсюда экспедиция свернула на северо-запад и поехала вдоль аравийского берега.

Не доезжая Янбо, Али-бей услышал выстрелы со стороны гор. Там уже шло сражение, и сердце Али-бея дрогнуло, когда он подумал о Магомеде.

Оказывается, из нескольких узких, но открытых для нападения на морской берег ущелий на караван обрушились отряды бедуинов, расчленив, таким образом, и сам караван, и его войско. Оторванные друг от друга части оказались в замешательстве и не знали, как вести сражение. Мамлюки дрались отчаянно, но охваченные паникой бегущие паломники и верблюды мешали эскорту каравана отбивать нападение и разобраться в обстановке. Сокровищница была похищена, и поражение алавитов было предрешено.

В это время к берегу пристали корабли Али-бея и Зульфикара. Дали несколько залпов из орудий. Это повергло в смятение и одну, и другую стороны. Никто не мог понять, чьи это корабли и что значит эта пушечная пальба.

[1] Джидда – портовый город на Красном море на западном берегу Аравийского полуострова.

Высадившись на берег, Али-бей вскочил на белого арабского скакуна, подумал о Дагере, который подарил ему этого коня и, отъезжая, предупредил: «Не оставляй седла!» Он помчался впереди гвардейцев. Высадившиеся на берег мамлюки устремились за своим кумиром. Впереди них скакал громогласный Зульфикар, зычный голос которого услышали и узнали его терпевшие поражение товарищи, прежде чем увидели самого эмира.

При виде нового египетского войска грабившие караван бедуины прекратили разбой и бросились в ущелье. Магомед от неожиданной помощи сразу воспрял духом и устремился впереди отряда за убегающими кочевниками.

И бедуины, и мамлюки Магомед-бея уже давно отстреляли свои пистолеты и карабины. Зато прибывшие отряды открыли безответный огонь, заполняя ущелье телами настигнутых и сраженных противников. Но вдруг, когда и новое подкрепление отстреляло свои пистолеты, раздались выстрелы со стороны перевалов. Али-бей и Абу-Захаб, наконец оказавшись рядом, но еще не успев обрадоваться встрече, остановили свои отряды, не зная, что предпринять. И хотя еще не ясно было, чем может закончиться сегодняшнее сражение, Аль-Кабир был счастлив, что Магомед стоит перед ним живой.

В это время они заметили, как несколько безоружных людей спешно спускались по крутому склону горы и, выйдя на тропу, бежали навстречу им, что-то выкрикивая и держа руки над собой. Али-бей был поражен услышанным. Оказалось, что шейх Дагер уже блокировал все пути и перевалы, по которым могли отступить бедуины, и шел на помощь Абу-Захабу из Галилеи. Лазутчики наперебой твердили, что Дагер идет к ним навстречу из-за гор и предлагает Магомеду отступить в долину, к берегу моря, куда он выгонит кочевников для окончательного разгрома.

Али-бей развернул отряды, и они устремились вниз по каменистым теснинам Хиджаза. Отведя паломников к берегу моря, отряды Али-бея устроили в устье каждого ущелья обширные засады, перезарядили пистолеты и карабины. Для обстрела противника сверху на склонах, перед выходом из ущелий, были устроены дополнительные засады из янычар.

Через некоторое время толпы конных бедуинов, которых легко было опознать по одежде и копьям, высыпали из ущелий, где по ним уже палили засевшие на склонах карабинеры. Выбежав на открытый и губительный простор, они попали под жестокий обстрел кавалерии. Падали сраженные бедуины, дыбились раненые кони, сбрасывая наездников. Напоровшись на встречную пулю, лошади с диким ржаньем рушились на всем скаку, сворачивали себе шеи и раздирали копытами зеленую долину.

Из ущелий вышли дагеровы отряды, и бой перешел в рукопашный. Гвардейцы не могли унять пыла Али-бея. Он постоянно выходил из-под прикрытия и вступал в открытый поединок. Аль-Кабир сбросил кафтан и в легкой кольчуге то и дело оказывался в группе дерущихся. Рука у него была чрезвычайно твердой.

Резким поперечным ударом он отстранял саблю противника или вовсе выбивал ее и тут же разрубал его самого.

Краснобородый, с безумными серыми глазами, одним своим демоническим видом он убивал в противнике воинственность. Бедуины, успевшие заметить его удар, старались избегать столкновения с ним, чтоб затем подойти с тыла. Но Али-бей постоянно горячил коня стременами, управляя им без узды, наезжал на врагов, крушил их и не мог угомониться. Каким-то звериным чутьем он предугадывал, когда на него должны замахнуться сзади, и, вдруг обернувшись, наносил сокрушительный удар

по подкравшемуся врагу, и тот с ужасом неотвратимого возмездия в глазах падал замертво.

Дагер прорубился к Али-бею со своим отрядом и вывел его из сражения. Оставив поле угасающей битвы, они выехали стремя в стремя к прибрежной роще и, как не раз случалось, обнялись, оставаясь в седле.

– Как ты здесь оказался? – спросил Али-бей своего друга.

– Твои лазутчики предупредили. Видимо, решили, что помощь из Каира может запоздать, да и гонцов могли перехватить в дороге.

– Хорошо, что догадались… А ты мне как ангел-хранитель – то из-за моря приплывешь, то из-за гор нагрянешь.

– Как я мог иначе, зная, что твой Магомед в опасности?! Ты и сам так поступил бы. Стоит ли об этом говорить? Зато мы снова рядом, братец, – сказал Дагер и положил свою длинную руку на плечо Али-бею.

Здесь, в тени небольшой рощицы, гвардейцы Аль-Кабира установили шатер. Телохранители постелили ковер, и полководцы прилегли на подушки.

Сражение под Янбо закончилось жестоким разгромом бедуинов. Уже никто не сопротивлялся. Многие кочевники сдались в плен, и Али-бей распорядился, чтоб к нему привели одного из влиятельных пленников.

– Вашими людьми похищена сокровищница, – говорил Али-бей четко, слово за словом, словно рубил саблей. – Вы знали, что она предназначена храму Всевышнего в Мекке. Вы не верите в Аллаха, но поверьте моему слову – если к утру сокровищница, махмаль, буркуа[1], а также все награбленное не ляжет к моим ногам, то я всех твоих соплеменников принесу в жертву Богу, в которого вы не вери-

[1] Буркуа – здесь то же, что кисва – священное покрывало.

те. За каждого пленного назначаю цену в один кошелек[1]. Кого не выкупите – увезу в Каир, – сказал Али-бей жестко, словно зачитал приговор.

– Как мне найти наших вождей в такой короткий срок? Я не знаю, где они находятся, – жалобно произнес пленный.

– Если я пойду к пещерам аш-Шаиба, то легко найду их, но лучше, если это сделаешь ты, – пригрозил Аль-Кабир, и пленный больше не возражал.

– Я не ожидал, что ты так хорошо знаешь ущелья Хиджаза, – признался Омер Дагер, когда они остались наедине.

Абу-Захаб, утомленный сражением, не смел идти в шатер Дагера и Али-бея, пока не разбил лагерь. Мертвых похоронили, живых накормили и расположили на отдых.

Шейх по-отечески обнял подошедшего к нему молодого полководца, на выручку к которому прибыл из Галилеи через пустыни Аравии и горы Хиджаза.

– Шейх, я не нахожу слов, чтоб выразить свою благодарность, – сказал Магомед-бей, и было видно, что он оценил положение, в котором находилось его войско и он сам. Затем Абу-Захаб поцеловал руку Али-бея.

– Я готов прийти на помощь любому вашему мамлюку. А благодарить за это не стоит. Мы уже немало сражались рядом, – сказал Дагер. Спустя некоторое время он перешел на отдых в свой шатер, который был разбит недалеко на этом же берегу.

Аль-Кабир понимал состояние молодого, впервые терпевшего поражение и едва спасенного от смерти полководца. Это чувство ему было знакомо. Отвратительное ощущение, когда полководец не может остановить ни противника, идущего беспощадной ордой, ни своего войска, которое охвачено ужасом и способно лишь бежать. Если бы не подоспел на помощь Али-бей и Дагер бы не пришел из-за гор, Абу-Захаб не избежал бы плена, а возможно и смерти, тем более что бедуины жаждали отомстить ему за карательные набеги, которые он и его патрон неоднократно чинили в Египте.

[1] Кошелек – сумма, равная 500 пиастрам.

Али-бей велел Абу-Захабу продолжить путь, как только будут возвращены сокровища.

– Может, ты поведешь караван? До Мекки ведь уже недалеко, – предложил Магомед, сославшись на то, что будет более престижно, если с караваном в святой город въедет Аль-Кабир, перед именем которого уже трепетал весь арабский Восток.

– Не стоит, – уклонился Али-бей. – Ты свое дело доводи до конца.

Магомед был благодарен, что шейк-эль-белет не отстранил его от должности. Абу-Захабу было важно восстановить свой авторитет, доставив-таки паломников в Мекку, принять почести, которые оказываются эмиру каравана, привезшего для святыни махмаль и буркуа, принять участие во главе шествия вокруг Каабы, и Али-бей не мог помешать своему питомцу в его тщеславной устремленности.

Зульфикар не спал в ожидании Абу-Захаба, который задержался у патрона. Утомленный трудным сражением, он все-таки вздремнул и сквозь сон слышал, как возвратившийся эмир вошел в шатер, бряцая оружием, и лег, не снимая одежд и кольчуги. Среди ночи Зульфикар вдруг проснулся и, переворачиваясь на другой бок, спросил своим гулким голосом:

– Ты чего не спишь?

– Не могу.

– Хоть кольчугу снял бы.

Магомед молчал, и Зульфикар присел, заглядывая в глаза Абу-Захаба, и удивился, что они были как никогда пе-

чальными и влажными. Видя состояние эмира, Зульфикар не стал донимать его расспросами, лишь сидел рядом с ним, сопереживая и сочувствуя товарищу.

– Зульфикар, когда вы терпели поражение под Мансурой, это было так же, как сейчас?

– Нет, тогда была возможность спастись, – ответил Зульфикар откровенно. – Но мне приходилось бывать в разных бесславных сражениях. Я видел и терпел не одно поражение. Это знакомо любому полководцу.

Магомед снова замолк на долгое время.

– А ты видел Али-бея в этом сражении? – спросил наконец Абу-Захаб.

– В сабельном бою шейк-эль-белет неотразим. Но сегодня он был в ярости. Правитель не должен так рисковать собой.

– Я не выпускал его из виду и держался близко от него. Это было зрелище! – восхищался Магомед, и перед его глазами оживала картина недавнего боя.

– Аль-Кабир любит тебя. И весть о том, что ты оказался в опасности, взбесила его. Случись с тобой беда, он стер бы с лица земли эти племена…

На рассвете прибыли парламентеры от бедуинов. Они привезли и сокровищницу, и все награбленное имущество. Али-бей и Омер Дагер вели с ними переговоры в присутствии эмиров.

– Пока я могу выдать вам из пленных лишь двадцать человек. Остальных получите по благополучному возвращению каравана из Мекки. Причем пленники эти будут отданы вам только в Акабе, – заявил Али-бей посланцам бедуинских вождей.

Когда парламентеры отобрали двадцать наиболее влиятельных и знатных пленников, Али-бей неожиданно сделал противоположное заявление:

– Именно этих пленников я вам пока не отдам. За них вы расплатитесь данью. Остальных можете выкупить сейчас же.

Парламентеры поняли, что Али-бей таким образом предусмотрительно оставляет в заложниках именно тех пленников, в освобождении которых бедуины особенно заинтересованы. Договорившись о дне выдачи заложников в Акабе, послы забрали своих безлошадных и безоружных соплеменников и бесславной колонной удалились к суровым ущельям Хиджаза.

К вечеру Абу-Захаб подготовил караван и, попрощавшись с Дагером и Али-беем, повел паломников вдоль морского берега в Джидду. Едва стихли бубенцы верблюдов и караван исчез вдали, Зульфикар поднял войска и вывел их к морю, где ждали корабли. Шейх Дагер со своими отрядами не торопился. Здесь, на земле Аравии он считал Аль-Кабира своим гостем и помогал другу отбыть в Каир.

– Не покидай седла! – снова напомнил он отплывающему Али-бею, дружбой с которым шейх дорожил и которому был беспредельно предан.

Каир, уведомленный о разгроме бедуинов, встречал победителей. Среди толпившихся у ворот людей было много встревоженных горожан, чьи родственники ушли с караваном. После отъезда кортежа Аль-Кабира во дворец, они кинулись к эмирам и мамлюкам, расспрашивая об участи своих близких.

Керим Абаза доложил прибывшему во дворец Аль-Кабиру, что за его отсутствие никаких происшествий не случилось, если не считать, что из Стамбула какие-то странные гонцы привезли пакет. Поскольку гонцы были неофициальными, не от султана и не от Порты, Керим взял на себя ответственность распечатать письмо, а гонцов на всякий случай задержал до прибытия Али-бея.

– В письме сообщалось, что Порта посылает в Каир тайных гонцов с распоряжением к Ахмет-паше, чтоб тот расправился с шейк-эль-белетом и прислал его голову в Стамбул. – Я на всех подступах к городу выставил посты дозорных…

Керим передал письмо Аль-Кабиру. Тот внимательно, несколько раз прочел послание, словно вычитывал в нем все новые и новые слова. «Твоя сестра» – было приписано в конце вместо имени. Это была Маяна, узнавшая от своего мужа об опасности, грозящей Али-бею.

Он удалился в гарем, чтоб забыть на время обо всем и быть только рядом с Марией. На лестнице у входа на женскую половину ему встретилась Ганна, которая, увидев Али-бея, вдруг прислонилась к стене, стараясь удержаться. Но улыбка, с которой она встретила своего хозяина, таяла на ее лице, а сама она сползала к полу, теряя сознание.

Али-бей подхватил Ганну, и ее потерявшие цвет губы сказали сквозь беспамятство: «Я не могу без тебя!» Он вздрогнул от неожиданных слов, посмотрел на ее запрокинутое лицо и, кажется, впервые заметил, что она красива и женственна. Обхватив служанку руками, он ощутил ее напряженную девичью грудь, которая выглянула из разреза платья нетронутой белизной, поднял ее на руки и понес в ближайшую комнату гарема. Выйдя в коридор, Али-бей крикнул евнуху, чтоб тот позвал служанок, и вернулся к больной. Ганна приоткрыла глаза.

– Ты торопишься? – услышал он, едва повернулся к дверям, в которые уже вошла одна из прибежавших на помощь горничных. Али-бей поручил ей больную, а евнуха послал за врачом.

Мария обрадовалась возвращению мужа. Он давно так надолго не отлучался.

– Не уходи далеко. Я сейчас докормлю и передам ребенка, – предупредила она выходящую служанку.

– Мой любимый! – сказала Мария, глядя влюбленно на Али-бея. Продолжая кормить младенца, она освободила одну руку, обняла наклонившегося к ней мужа, словно приобщая его к своему счастью и желая соединить собой двух самых близких ей людей– ребенка и мужа.

Мария докармливала Гатигу, то и дело взглядывая на мужа радостными глазами, ждавшими взаимности, а Али-бей был утомлен, желал покоя и искал его около нее.

Служанка приняла младенца из рук госпожи и удалилась, а Мария тут же бросилась к мужу и повалила его на диван. Головокружительный запах кормящей женщины стремительно возвращал его телу жизнелюбие, и склоненная над ним Мария уже смотрела на него затаившимися и широко открытыми глазами исполняющегося женского желанья.

Сит Нафиса была опечалена болезнью любимой служанки и сидела у постели Ганны. Дворцовый врач, с которым она долго беседовала о здоровье больной, сказал, что дальнейшее воздержание Ганны от близости с мужчинам, может окончательно расстроить здоровье девственницы. Он предписал выдать служанку замуж, и чем раньше, тем лучше. А до этого рекомендовал ей полный покой, для чего предлагал перевезти больную в резиденцию на берегу Нила, где она в тени садов и вблизи речной прохлады могла поскорей восстановить свои силы.

Мария понимала, что происходит с Ганной, и это не озлобляло ее, напротив: она жалела влюбленную подругу, оторванную от дома и здесь, на чужбине, лишенную простой женской радости. Как наложница Ганна могла, да и должна была быть женщиной своего господина. Слу-

жанка сгорала от любви и погибала на глазах у прекрасной сит Нафисы. И Мария пришла спасать подругу.

– Ганнушка, милая, ну что ты себя изводишь? Ты ведь знаешь, что здесь даже полагается, чтоб любая женщина гарема могла быть в близости с хозяином… Я на тебя не обижусь… Я буду по-прежнему ласкова, только ты не губи себя. Смилуйся, сестрица, пожалей себя и меня тоже…

Ей самой было невыносимо слышать собственные слова. Они казались нелепыми, но были понятны обеим женщинам, любящим одного мужчину, но совершенно неравными в своей любви к нему. И Мария по-своему переживала эту несправедливость.

Служанка молчала. Губы ее дрожали и к ним стекали теплые струйки неизъяснимого чувства, которое и названья не имеет, поскольку редко кому дается его ощутить. Она смотрела на свою неправдоподобную соотечественницу, говорящую сейчас с ней на родном языке, и повторяла про себя: «Святая! Святая!» Изобильность души Ма риибыла всепокоряющей, и доброта была дана ей не как бремя, а как благодать.

Тайные посланцы были наконец пойманы. Одного схватили в порту Булака, другого – у Озера Паломников. Здесь, у Биркат-аль-хаджа он примкнул к пилигримам, возвращавшимся из Мекки коротким, через Джидду, путем. Гонцов доставили в Эзбекие. Оба послания, адресованные Ахмет-паше, были совершенно одинаковыми. В них действительно содержалось требование расправиться с Али-беем, союзником другого заклятого врага империи, шейха Акки и Галилеи – Омера Захира Дагера – и доставить его голову в Стамбул.

Гонцы-татары были казнены на Кара-майдане, и глашатаи оповестили город о причине их казни. Паша каирский, узнав о перехваченных гонцах, не выходил из своего

замка и не созывал дивана, заседания которого в цитадели проводились обычно дважды в неделю.

Зато Али-бей созвал своих эмиров на республиканский диван, и его советник Муаалим Рицк зачитал тайное послание султана своему наместнику в Каире. Возмущенный совет беев принял решение об изгнании Ахмет-паши. Было составлено письмо Великому Визирю с изложением причин изгнания наместника. Эмиры поручили Кериму Абазе отправиться в цитадель с копией решения дивана.

Керим-бей был облачен в белый тюрбан и белые одежды. Он вошел в диван паши со свитком, заложенным, как полагается в таких случаях, за пазуху, и не выказывал никакого почтения. Потерянный Ахмет-паша восседал на своем престоле. Он знал, что означает приход белого посланца. и переживал за свою участь. Исполненный пренебрежения Керим-бей подошел к концу длинного ковра, на котором восседал наместник, и демонстративно дернул дорожку за край. Затем белый посланец так же молча повернулся к паше спиной и медленно вышел из дивана.

Ахмет-паша, лишь заслышав о пойманных гонцах, уже был охвачен страхом, и приход белого парламентера не был неожиданностью, хотя он всем существом не желал этого. Наместник вызвал своего помощника и дал ему указание срочно собрать свои обозы и перевезти имущество замка в резиденцию. Он удалился в приречное предместье Каира, как предписывали традиции мамлюкской страны в случае изгнания наместника.

Едва паша освободил замок и удалился в особняк, сюда, в Булак, прибыл сам Аль-Кабир. Двое гонцов уже были отправлены им в Стамбул. Один морем, другой – по суше, чтоб вручить Порте решение республики об изгнании наместника. Тантавий в молчаливом присутствии

шейк-эль-белета зачитал Ахмет-паше предписание дивана об отправке смещенного наместника в Файюм[1] до особого распоряжения Стамбула и назначения его в другую провинцию Османской империи.

На обратном пути Аль-Кабир заехал в свою резиденцию в Булаке, где находилась часть его гарема в связи с болезнью Ганны, которую он решил навестить. К служанке уже вернулись силы. Неизлечимой оставалась лишь ее любовь к Али-бею – она невыносимым недугом томила девичье сердце.

– Это сон! – суеверным шепотом сказала Ганна, увидев вошедшего к ней Али-бея, и безропотно пошла ему навстречу.

Она плакала от счастья и дрожала всем телом, ощущая совершающееся чудо. Ганна обнимала желанного так, будто он давно принадлежал ей как женщине и просто задержался со своим приходом. Ее бесчисленные девичьи сны, которыми была истощена душа, сбывались, и Ганна была благодарна, что свершающееся было прекрасней сновиденья.

Мария предполагала, что Али-бей может оказаться в резиденции, но не хотела думать об этом. Она была искренна в своем желании исцелить Ганну, которая была ей больше сестрой, нежели служанкой. Еще при первых наблюдениях дворцовый врач сообщил сит Нафисе, что припадки, случающиеся со служанкой – от губительного для молодой девушки целомудрия. «Помутнение разума от избытка нерастраченных жизненных сил», – так определил он состояние больной.

После любовной встречи с Аль-Кабиром припадки стали носить еще более глубокий характер. Ганна вскакивала с постели и кидалась к окну. Ей тут же загораживали путь служанки, дежурившие посменно в ее комнате. Они сидели у проходов и вдоль стен. Ганна начинала хохотать, неистово лохматила руками и без того всклокоченные волосы, трясла головой.

[1] Файюм – город в Верхнем Египте, центр одноименной провинции.

Вспотевшая кликуша[1] призывала женщин плясать, и они покорно выполняли вздорные капризы душевнобольной: пели песни, водили хороводы. Вдруг обезумевшая плясунья бросалась в образовавшийся разрыв в хороводе, внутри которого она только что кружилась, бдительные присмотрщицы тут же смыкались и кликуша, истерично хохоча, возвращалась в круг и до упаду продолжала танец безумства.

Издревле кликуши считались людьми богоугодными и их окружали сочувствием. Бденья у постели Ганны не прерывались ни днем, ни ночью. Сон ее был коротким, порой ничтожно коротким. Насквозь вспотевшая, с мокрыми патлами всклокоченных волос, изможденная, она падала на постель лишь тогда, когда все силы были вконец растрачены и уже не держали ноги. Так было до тех пор, пока болезнь сама потихоньку не оставила ее в покое.

Истощенная недугом, Ганна медленно поправлялась. Мир перед ее глазами прояснился, и она увидела Бога. Она пришла во дворец своей госпожи, смиренно опустилась к ее стопам и поцеловала Марии ноги. Затем славянки молча сидели на диване. Ганна не смотрела на Марию, лишь оглядывала стены, мысленно прощаясь с этим домом. Мария не думала о ее вине, но понимала: Ганна что-то задумала и поцеловала ей ноги не зря.

– Мария, мне открылась дорога… но не будет мне жизни без твоего благословения, – сказала Ганна, и чуткая Мария поняла ее.

[1] Кликушество – нервное расстройство с припадками, случающееся с женщинами.

– Да благословит тебя Господь, – произнесла Мария, и Ганна, глянув на ее прекрасный лик, перекрестилась, как перед образом Пречистой…

Они обнялись, как сестры, но не проронили слезы и потому сильней ощутили прогорклый вкус расставанья, не предвещающего встречи.

– Я буду молиться за тебя, – пообещала уходящая и скрылась в дверях. Образ ее дрожал и туманился в сознании Нафисы.

В тот же вечер Ганна пришла в греческую церковь Святого Николая в центре Каира. Грешница исповедалась священнику и рассказала о своей дороге. Ей дали приют, а затем отправили с православными паломниками в Иерусалим, куда она пришла, босая, через пустыни Африки и Палестины, оставив позади зеленый оазис единственной встречи с любимым. Изумрудный островок в песчаных барханах жизни… Святая земля приняла ее в одном из монастырей, где Ганна нашла своей душе благословенную обитель…

Мария чувствовала, что Али-бей не спит ночами. И сама не спала. Они молчали о Ганне.

IX. Через обетованную землю

Корабль Якова-армянина, обогнув древнюю Анатолию, вышел из Босфора и свернул направо вдоль берега к Стамбулу. Черное море нагоняло тоску на египетских кавказцев. Они приумолкли. Соразмерная морю печаль по отчизне плескалась в глазах изгнанников.

– Тантавий, – нарушил молчание Яков, – может, заглянешь на родину?

– Зачем ты об этом сказал? – с молитвенным укором произнес эмир. – Разве я не догадался бы!..

У Тантавия были тайные поручения от шейк-эль-белета, о которых Яков не знал. Купец думал, что у эмира, кроме передачи газны Порте, нет других дел в Стамбуле, и был готов подождать его, чтобы затем отбыть к берегам Кавказа.

– Если я что не так сказал, прости, – извинился благодушный купец.

Эмир еще тоскливей смотрел в морскую даль. Сейчас все кавказцы, подобно обездоленным детям, вглядывались в горизонт. И мысли их были устремлены туда же. Лишь Яков не переживал этого чувства. Родные его жили в Трапезунде, и он часто к ним ездил. Иных родственников перевез в Каир, купил им дома у отъезжавших греков недалеко от армянской церкви.

Мамлюки знали по несколько кавказских языков и свободно общались друг с другом как на родных наречиях, так и на арабском. А Яков, в силу своей коммерческой деятельности, знал их около десяти. Он очаровал придворную знать европейских стран прекрасным знанием не только языка, но и правил этикета, которым умел следовать изящно, хотя внешне создавал впечатление неповоротливого и неутонченного человека.

Чувствуя, что Яков опечален своим неуместным предложением, Тантавий наконец оторвался от горизонта и сказал:

– Будешь проезжать Имеретию[1], вспомни обо мне.

– Хорошо, – пообещал Яков с улыбкой, понимая, что эмир извиняет ему оплошность.

Сойдя в Стамбуле, Тантавий попрощался с товарищами. Они договорились о встрече на обратном пути, чтоб затем вместе отъехать в Каир. Эмир и охрана газны долго смотрели вслед отплывающему судну. Корабль взял на-

[1] Имеретия – западногрузинское княжество.

правление к берегам Гурии, чтоб там уже вдоль Мигрелии[1] выйти к абхазским берегам.

Галера подходила к мысу Пицунды, и Кериму стало невыносимо беспокойно. Он был из Псху. Это вверх по ущелью Бзыби, в предгорьях Абхазского хребта. А Пицунду он видел впервые, когда его еще совсем мальчиком привезли сюда крестить. Но тогда он не видел Пицунды со стороны. Пять лет спустя его увозили в неволю из Арыдны[2]. Корабль работорговцев плыл вдоль соснового мыса. Тогда он увидел Святую Пицунду с моря и запомнил ее навсегда.

Судно входило в тихую бухту, и знакомые сосны священной рощи обступали весь берег тишайшего залива. Дальше громоздились сизые лесистые предгорья, а еще выше – нетронутые снега на вершинах абхазских гор.

– Обетованная земля! – восхищенно воскликнул Яков. – Вот почему нет вам покоя!

Керим ничего не ответил армянину. Он торопился ступить на берег отчизны и первым сошел с корабля. Разулся и, не веря себе, стоял босой на родном берегу. Глупая улыбка невозможного счастья появилась на лице озиравшегося по сторонам человека. Он слышал ступнями гулкое биенье и не мог понять, от него оно исходит или это толчки узнавшей его земли.

У людей, собравшихся к кораблю, Яков спросил, как пройти к храму. Двое местных жителей тут же вызвались сопровождать его. Керим был рад, что слышит родную речь, что слышит ее в родных местах, а не в переулках Каира. Не было сил говорить с земляками, и он шел молча, оглушенный встречей с родиной. Проводники видели странное состояние знатного «турка». Им было невдомек, почему этот «турок» в роскошном кафтане и тюрбане, при богатом оружии, идет разутым по сырой земле.

[1] Мингрелия – крайне западное грузинское княжество.
[2]Арыдны – современный Адлер, район Большого Сочи.

– Как нам увидеть отца Давида? – спросил Яков у проводников, когда они остановились перед воротами храма.

– Проходите во двор. Я его позову, – сказал один из крестьян.

Местные жители пропустили вперед гостей и, войдя следом за ними, перекрестились, глядя на купол храма, венчанный золотым крестом. На их удивление, перекрестился и один из «турков». Это был Яков. А обращенный в мусульманство Керим-бей был смущен упрекающим благородством собора, где его крестили в детстве и дали христианское имя Михаил.

Давид был встревожен известьем своего прихожанина, что двое знатных турков спрашивали о нем. Османы в последнее время так усилили свое влияние на этот берег моря, что уже открыто посягали на христианские святыни и насаждали свою веру. С тех пор Абхазский католикос Захарий был вынужден перенести свой престол вглубь страны, и отец Давид с редеющим приходом остался в огромном соборе, лишенном многих церковных реликвий и своей главной святыни– иконы Анан-Лдзаа[1].

– Встречайте гостей, – сказал хозяину босой господин и, удивленный чистотой его абхазского языка, Давид пригласил гостей в дом.

Прихожанин удалился, простившись со священником и гостями. А Давид никак не мог угадать, кто эти заморские господа, свободно говорящие на абхазском языке, но спросить об этом не приличествовало ему.

Они вошли в дом, расположенный в соборной ограде. Комната священника была уставлена иконами и канде-

[1] Анан-Лдзаа – Пицундская Богоматерь (*абх.*), Лдзаа – северо-западная область исторической Абхазии, вотчина князей Ачба (Лоо), в которую входила Пицунда.

лябрами. В углу стоял архиерейский посох, инкрустированный и украшенный драгоценными камнями. Здесь же были прислонены к стене несколько выносных крестов и хоругви[1]. Пахло ладаном и свечами. На белой скатерти лежало серебряное кадило на цепи.

Яков повернулся к заставленной иконами божнице и перекрестился, еще более усиливая недоумение Давида.

– Мы приехали от вашего сына, от Али-бея, – сказал Керим Абаза и посмотрел на пожилого священника. Старика закачало от одного упоминания о сыне.

– Моего сына звали Иосиф! – сказал он, и борода его затряслась, а из глаз брызнули слезы.

– Правильно, он и есть Иосиф. Он жив. Только по мусульманскому крещению его сейчас зовут Али-бей, – пояснил Керим Абаза, рассеивая сомнения старика.

– Боже праведный! – перекрестился священник и, забыв, что перед ним люди в турецких одеждах, осенил Керима большим серебряным крестом со своей груди. – Да воздаст тебе Господь за благовещенье твое и да узрит в урочный час душа твоя Царствие Небесное, странник волшебный, и да будет с тобой в делах твоих земных благословение Божие!

– Аминь! – сказал Яков за Керима, а священник снова отвернулся к божнице и продолжал свое благодарение, завершая его словами:

– Да святится имя твое, да будет воля твоя…

– Аминь! – послушно повторил Яков и перекрестился в глубоком поклоне, опять удивляя священника тем, что сделал это с усердием правоверного прихожанина.

– Гости дорогие, присаживайтесь, – засуетился отец Давид, – и не пытайте мою иссохшую в печали душу. Расскажите, истинно ли то, что я от вас услышал, – просил он.

[1] Хоругвь – церковное знамя для торжественных шествий с изображением Христа и святых.

– Да, истинно. Иосиф жив, и он прислал нас справиться, жив ли отец его, – сказал Керим.

– Господи! Да ведь это из Ветхого Завета! Ты знаешь Библию?!

– Я не знаю этого. Мы приехали из Египта, которым правит твой сын.

Старец закрыл ладонью глаза, стыдясь своих слез. Но они текли у него из-под пальцев.

– Говори, ангел, говори… я все слышу… и простите мою слабость.

– Мой спутник Яков – армянин по рождению и христианин по вероисповеданию, – продолжал Керим-бей. – Он у твоего Иосифа, или, как его называют в нашей стране, Али-бея, ведает делами торговли. А я по рождению абхаз. Из Псху. Был крещен в детстве в этом соборе. Но после того как меня продали в неволю, мне, как и твоему сыну, дали мусульманское имя Керим и обратили в веру Магомеда.

Керим и Яков рассказали отцу Давиду историю его сына, и отец был поражен полной опасностей судьбой Иосифа. И возвышением сына он был не столько рад, сколько встревожен. Рад он был лишь одному: сын его жив, и сама возможность увидеть его кружила голову старца.

В комнату вошла младшая дочь священника. Она была смущена присутствием гостей, поздоровалась и готова была уйти, но Давид почти крикнул ей:

– Ярна, жив наш Иосиф! Это люди от него!

Девушка перекрестилась и тут лицо ее исказилось в гримасе начинающегося рыданья. Не в силах что-либо сказать, она заплакала.

Ярна вовсе не знала своего потерянного брата, но, став подростком, зареклась, что не выйдет замуж, пока не узнает о судьбе Иосифа. Мать умерла, не дождавшись ни вестей от исчезнувшего сына, ни замужества младшей дочери, обрекшей себя на участь старой девы. Единственным утешеньем овдовевшего отца Давида был внук Росван – сын его старшей дочери. Зять его жил в соседнем селе и служил в небольшой церквушке Лапы́-рны́ха, посвященной святому Георгию.

К вечеру во дворе священника собралось немало родственников, услышавших о судьбе давидова сына. Прихожане шли вереницами поздравить батюшку. И колокол, сзывавший людей к вечерней молитве, разносил по всей приморской равнине до самых предгорий радостную весть.

Пока Давид с Ярной и внуком Росваном собирались в дальнюю дорогу, Керим-бей с тремя мамлюками поскакали в затерявшееся в горах благодатное и обширное урочище Псху, издревле считавшееся вольницей абхазских горцев. Погостив у родных, оплакав могилы родственников, умерших за долгое время его отсутствия, и причинив близким, как и себе самому, немало радостной боли, пустился в обратный путь. Керим не раз вспоминал на обратной дороге предупреждение Али-бея, что, побывав на родине, он ощутит невыносимую боль. Так и случилось. Добровольно уходить из отечества оказалось тяжелей. Теперь он сам совершал над собой насилие, которое однажды учинили над ним злодеи.

Сопровождаемый отцом Давидом, Яков осмотрел окрестности Святой Пицунды, увидел много развалин древних храмов и крепостных стен, был изумлен благородными формами ветшающего патриаршего собора. Осматривая усыпальницу Абхазского католикоса, он

удивленно слушал рассказ о том, что изображенные в турлеоне[1] Святые Апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит еще в 55-м году от Рождества Христова проповедовали в Абхазии Евангелие и многие, слушавшие их, приняли учение. Следом за Давидом Яков поднялся по лестнице на широкие хоры, откуда прекрасно было видно живописное изображение Софии Пицундской в образе Богоматери с воздетыми к небу руками.

По возвращении из Псху Керим и Яков отъехали к заливу Гудоу[2], причалили к княжеской пристани, а затем поднялись в Лоухны[3] ко дворцу владетеля. Керим Абаза передал князю Зурабу приветствия Али-бея и подарки шейк-эль-белета. Абхазский владетель был удивлен возвышению в Египте его случайно обнаружившегося родственника, оказал гостям почести, одарил, как подобает владетелю. Якову он обещал безопасную торговлю по всему берегу Великой Абхазии, причем даже в той части, которая находилась во власти анапского бея.

Отчалив от пристани Гудоу, галера обогнула мыс Пицунды и подошла к порту Арыдны в устье Мзымты. Здесь Яков отгрузил товары местному торговцу, взял у него воску и меда. Но едва галера вышла в море, как им перекрыл путь баркас. Яков дал команду спустить паруса, и они с Керимом ждали, когда по веревочному трапу на корабль поднимутся люди с баркаса.

Трое незнакомцев, судя по всему, промышлявших контрабандой и разбоем, спросили их не турецком языке, не хотят ли они купить невольников.

– Да, – утвердительно ответил Яков к удивлению Керима. – Мы едем в Кафу за невольниками.

---

[1] Турлеон – здесь: склеп, усыпальница.

[2] Гудоу – устье одноименной реки, современная Гудаута.

[3] Лоухны – современное Лыхны, место пребывания владетелей Абхазии в Новое время.

Эмир не мог понять, чем вызван обман его товарища. Он внимательно следил за Яковом, стараясь понять его поведение.

– Зачем ехать в такую даль, если нужный вам товар есть у нас! – удивился неприятной наружности человек со шрамом на лице. Он был немолод и, видимо, давно промышлял работорговлей.

– Товар надо видеть, – заявил Яков с несвойственной ему заносчивостью. – Мне нужны красивые и белые лицом девушки.

– Некрасивых мы не берем и другим не предлагаем, – неприятно ухмыльнулся пират.

– Где будем смотреть?

– Здесь, недалеко. Вот там, у берега Псоу! – показал рукой пират.

– Замечательно. Пускай твои люди едут за невольниками, а мы будем следовать за ними и станем в бухте. Заодно и о ценах поговорим. Если есть у тебя достойный товар, возможно, и мальчиков посмотрим.

– Товар высшего класса! – воскликнул бывалый пират, довольный, что нашел хороших покупателей.

Едва разбойник отвернулся к своим людям и стал давать им распоряжения, Яков жестом руки за спиной показал, что главаря нужно хватать. Баркас натянул парус и ушел к устью реки. А Яков, дав матросам команду следовать за баркасом, пригласил главаря шайки в свою каюту. У прохода пират галантно отказался идти вперед хозяина, но в это время ему заломили руки за спину и пинком под зад водворили внутрь галеры, давая понять, что здесь не место соблюдать приличия. Пират оказал сопротивление, но его угомонили ударом по голове.

Поднявшая паруса галера поменяла направление на виду у отъехавшего далеко баркаса и круто взяла вглубь

моря, чтоб уйти от преследования и не выдавать своего дальнейшего направления.

– Что это значит? – спросил наконец Керим, удивленный несвойственными характеру купца действиями.

– Али-бей не рассказывал тебе, как он мальчишкой был выкраден в лесу, а затем продан?

– Нас всех так отлавливали. Кого в лесу, кого в горах… – возразил было эмир и вдруг спохватился: – Погоди! Ты на что намекаешь? На шрам?

– Да, – ответил удовлетворенный купец, видя, что Керим догадывается. – Аль-Кабир так ярко обрисовал мне внешность пирата, который похитил его, что я даже не сомневаюсь. И по месту, и по лицу со шрамом – это именно он.

Керим удивился сообразительности Якова.

– Что мы будем с ним делать?

– Не знаю. Пусть решает Аль-Кабир. Только не нужно говорить его отцу – священника это огорчит.

Уйдя достаточно далеко в море и описав огромный круг, корабль вернулся в залив Пицунды уже к сумеркам. Утром, приняв на борт Давида с дочерью Ярной и внуком Росваном, оставив на берегу родственников священника и местных жителей-прихожан, они покинули Пицунду.

Тысячи устремленных к морскому простору сосен, обступивших залив, были похожи на верующий, уповающий на Бога народ. Покрытый лазурью шатер соборного купола, одиноко вознесенный над тихим лукоморьем и сосновой рощей, неохотно сливался с синеющим буйством далеких лесистых предгорий.

– Благословенная ты между землями! – сказал про себя Давид, глядя на красоту родной земли.

– Боже, до чего же красива наша земля! Я никогда не видела ее с моря! – восхитилась и Ярна. Она обнимала племянника, который то и дело порывался высвободить-

ся из объятий своей молодой тети, чтоб пойти к капитану и посмотреть, как тот управляет кораблем.

– Наверное, и нашему Иосифу она виделась такой, когда его увозили в неволю, – печально вздохнул отец Давид.

Яков, желая отвлечь священника от переживаний, спросил:

– Отец Давид, я видел во дворе собора большой колокол с латинской надписью и замечательным изображением Святой Вероники. И дата стоит на колоколе – кажется, середина XV века. Как он оказался в православном храме?

– Его еще давно привезли миссионеры из Генуи. Они много старались, чтоб обратить Абхазию в католичество, и имели в этом некоторый успех. Рядом с Пицундой они основали свой центр – он назывался Санта-София. А в Акве, которую они именовали Севастополем, даже сидел католический епископ.

– Неужели? Стало быть, у них была здесь церковная организация?

– Разумеется. Но с падением Константинополя, а затем с усилением тюрков она пришла в полный упадок. Но я знаю двух абхазских стариков из Аспы́[1] – одного зовут Сандро, другого– Панджо. Их в малолетстве крестил по католическому обряду некий сицилийский монах и художник Кастелли. Говорят, будто он рисовал портреты наших князей и даже Пицундский собор. Но он увез эти рисунки с собой в Палермо…

Керим заметил, что Ярна по-прежнему удерживает Росвана, и сказал ей:

– Пускай пойдет к капитану и просит от моего имени, чтоб ему дали подержать штурвал.

[1] Аспа – местность в нижнем течении Бзыби.

Предложение эмира обрадовало не только Росвана, но и его ребячливую тетку, которая с завидной проворностью побежала впереди племянника. Но Росван настиг ее и отстранил. Однако капитан не подпустил парня прежде его тети. Довольная Ярна держалась за штурвал, крутя им то в одну, то в другую сторону, но ничего особенного не ощутила. Зато Росван быстро нашел то положение, в котором корабль наиболее чувствителен к малейшему вращению руля. И он понял, что ведет корабль, что огромное судно послушно ему и, счастливый, смотрел в морскую даль.

Тантавий передал газну Порте и встретился с различными ее сановниками. Потратив на выполнение порученных дел несколько дней, он пошел к Муслиму. Эмир нашел муэдзина во дворе Айя-Софии. Поддерживаемый поводырем слепец шел навстречу ему с ничего не выражающим лицом. Они договорились встретиться вечером. А до этого мулла передал Маяне, что Тантавий по поручению Али-бея ищет с ней встречи. Слуга муэдзина принес письмо, в котором Тантавию предлагалось прийти в дом Маяны в одежде простолюдина.

На следующий день, переодевшись предписанным образом, Тантавий проник в дом Маяны через потайную дверь и привратник сопроводил его в каа[1]. Маяна сообщила эмиру, что в городе много шпионов, следящих за представителями мятежных провинций, приезжающими в Стамбул. Она рассказала, что Порта крайне возмущена тем, что ее тайные послы перехвачены Али-беем и казнены, а Ахмет-паша выдворен из свой каирской резиденции.

Легко раскрытые тайны Порты навели Великого Визиря на мысль, что у шейк-эль-белета Египта, а может,

[1] Каа – большая и нарядная комната в знатных домах для особо торжественных случаев.

и не только у него, есть в Стамбуле собственная агентура, близкая к правящим кругам. Он нанял сыщиков, которые шпионили за купцами и эмирами, прибывающими в столицу империи, подслушивали разговоры в кофейнях, банях, на базарах и причалах.

Неудавшийся заговор лишал Порту возможности высказывать египтянам свое возмущение. Великий Визирь во время приема Тантавия ничего не сказал эмиру ни о действиях его повелителя, ни о том, что газна недостаточна, ни о том, что газну следовало везти в Стамбул не простому санджак-бею, а самому шейк-эль-белету.

Напряженная обстановка на русско-польской границе, укрепление русских позиций в Крыму и на Кавказе, волнения в провинциях, непрочное положение в Египте вынуждали Мустафу III терпеть самовольство провинциальных правителей. И среди тех, кто особенно раздражал Великую Порту, в первом ряду стояли непомерно возвысившийся Али-бей Аль-Кабир и его союзник, шейх Акки и Галилеи Омер Захир Дагер.

Корабль Якова-армянина причаливал к пристани Стамбула. Священник перекрестился, глядя на Айя-Софию, и недоумевающий Керим спросил:

– Отец, почему ты перекрестился при виде мечети?

– Это знаменитый христианский храм. Мусульмане заставили его минаретами и превратили в мечеть.

– И все-таки там молятся Аллаху, а ты православный! – недопонимал Керим-бей.

– Бог един, сын мой. Независимо от того, как и где ты воздаешь ему хвалу и на каком языке… Он един и вездесущ. Основа любой религии и истинный храм верующего есть не мечеть или церковь, а мысль наша о Боге…

Корабль загружался товарами, закупленными Михаилом Фаргой. Он, как главный сборщик податей, сопровождал Тантавия во время доставки газны, а в остальное время был занят выполнением различных поручений, полученных от шейк-эль-белета и его приближенных. Особенно рад он был тому, что слепой муэдзин помог ему приобрести книги по астрологии и зороастризму. Ему несложно было представить, в какой восторг он приведет этим приобретением своего друга и соотечественника Рицка.

Взяв на борт своих людей, галера пошла к Босфору, увлекаемая напрягшимися от ветра парусами. Когда проплывали залив, Яков указал рукой в левую сторону от корабля и сказал отцу Давиду:

– Мы проплываем Никею. Вон она!

– О, это знаменитый город! – воскликнул священник.

– Да, там бывают знатные ярмарки, – подтвердил купец.

– О ярмарках я не слышал, но в этом городе проходил самый первый Вселенский церковный собор. Это было на заре христианства. На церковном съезде присутствовал еще некрещеный византийский император Константин. Затем он принял крещение, стал первым христианским императором, и богохранимая столица Византии была наречена его благословенным именем.

Яков был сконфужен, что отозвался о знаменитости Никеи в своем коммерческом смысле, и теперь старался внимательно слушать рассказ священника, компенсируя тем самым свою оплошность.

– В работе Никейского собора принимал участие Пицундский епископ Стратофил, – с гордостью заметил отец Давид.

– Когда же это было? – спросил Яков, стараясь показать свой интерес к рассказу священника.

– В 325 году от Рождества Христова.

– Неужели в Абхазии к этому времени была епархия?!

– Раз был епископ, значит, была епархия, – все с той же гордостью заявил Давид.

Утомленный дорогой, священник вскоре уснул. И сошел к нему во сне ангел златокудрый. И сказал ему небесный воитель голосом неземным и дивным: «Тот, кто совершил чудо и не дал потеряться сыну твоему возлюбленному, Тот указывает тебе дорогу в обетованную Землю…».

Блаженный священник проснулся, все еще слыша шелест крыльев улетевшего в небо архангела. Давид по скромности своей никогда не решился бы просить, чтоб из-за прихоти его корабль изменил маршрут и задерживал бы людей. Но после такого видения он даже не подумал о неудобстве.

Давид нашел Якова на палубе и рассказал ему о своем сне. Яков понимал, что Али-бей ждет приезда отца и задержаться в пути значит отдалить его встречу с отцом. Но взять на себя грех и отказать священнику в его праведном желании он никак не мог. Яков согласился пристать к берегу Палестины и сопроводить Давида к Святым местам.

– Но ведь это создаст сложности для множества людей, находящихся на корабле! – спохватился едва обрадовавшийся Давид.

– Не беспокойся, отец Давид, я поговорю со всеми, – успокоил Яков разволновавшегося старца. – На время, пока корабль будет стоять в ожидании нашего возвращения, я займу своих людей интересными и полезными делами.

– Твоя отзывчивость достойна христианина. Да благословит тебя Господь!

Старик замолк на некоторое время, переживая предстоящую, оказавшуюся возможной поездку по Святым местам.

– Яков, а невестка моя из арабского племени? – спросил он неожиданно.

– Нет, отец, она украинка.

– Как?! – удивился священник. – А что же ты мне раньше о том не сказал?

– Не знаю, отец, мы давно к этому привыкли.

– Народ ее велик в христолюбии… Я не ожидал, что женой мусульманского правителя может быть христианка.

– Али-бей даже сохранил ей имя, разрешил держать икону и молиться. А мусульмане зовут ее Нафи́сой. Это на их языке значит «прекрасная». О красоте Марии знают не только в Египте, но и во многих других странах. А главное – она добра и добродетельна.

– Спасибо, Яков. Но разве не опасно держать в доме такую красоту?

– Наверное, опасно, если это просто дом, а не дворец Эзбекие. И Али-бей не знает соперников!

– Не знаю, не знаю, – сказал Давид, сомневаясь в безопасности своего сына, которую, как ему казалось, преувеличивал Яков…

Корабль заходил в бухту, и Яков был рад, что беспокойный и воинственный Дагер не только был в Акке, а стоял на берегу и поджидал причаливающую незнакомую галеру.

Яков первым сошел на берег, и изумленный шейх обнял приятеля:

– Ты что, братец, поменял свой корабль?

– А разве египетскому купцу запрещено ездить на новых галерах? – вопросом на вопрос отшутился Яков.

– Конечно нет, тем более такому преуспевающему торговцу, как ты! Ну, рассказывай, откуда и куда? Небось, товар везешь диковинный и хочешь поделиться со старым шейхом, а?

– Товара особенного нет, а вот гостя знатного везу к твоему другу Али-бею.

– Небось, красотка какая-нибудь?

– Нет. Везу священника Давида, отца Али-бея.

– Это действительно большая радость для нашего друга. И с меня причитается, что не проехал мимо с таким гостем! – воскликнул гостелюбивый Дагер.

– А кроме того, с нами Тантавий и Керим-бей.

– Кажется, нам не будет скучно, – заметил шейх и стремительно поднялся по сходням вперед Якова. Едва отступил на палубу, как на него набросились с объятиями давние приятели и не единожды соратники по союзным сражениям.

Вышедший на палубу отец Давид не понял, что здесь происходит. Какой-то высокий, но очень уж бравого вида старик шлепал своими ручищами и озорно пинал его спутников, что-то громко восклицая на арабском. Заметив священника, Дагер кое-как угомонился и подошел к Давиду.

– Самый близкий и верный друг твоего сына, правитель Галилеи Омер Захир Дагер, – представил шейха Керим Абаза, и увешанный бряцающим оружием полководец почтительно, словно с единоверцем, обнялся со священником, рясу которого украшал лишь серебряный крест на груди.

– Добро пожаловать! – сказал Дагер, радуясь тому, что эта единственная абхазская фраза, которую он знал от Али-бея, пришлась к месту в столь необходимый момент.

– Керим сказал, что ты друг моего сына. Но мне кажется, что тебе правильней быть другом его отца, – сказал Давид, думая, что Дагер понимает его язык.

Шейх ждал, когда ему переведут слова священника. Керим сначала объяснил Давиду, что Дагер не знает абхазского, а затем перевел Омеру первую за все время их знакомства шутку Давида.

Дагер громко рассмеялся. Ему понравилась остроумная ирония отца Давида, тем более что он не ожидал таких слов от священника. Эта шутка еще более расположила Дагера к алибееву отцу и он, на беду Кериму, который был вынужден посредничать между ними, засыпал священника вопросами, а потом и вовсе перешел на сложные рассказы, изматывая эмира.

Тантавий, наблюдая, какие муки толмача терпит его друг, сказал Дагеру на арабском:

– Шейх, либо ты выучишь абхазский, либо научишься говорить покороче. Иначе я потеряю друга, а Али-бей – верного полководца!

Шейх посмотрел наконец на изнуренное лицо Керима, снова расхохотался, крепко обнял его и, подняв кверху свои огромные руки, дал обещание:

– Все! Я замолкаю!..

Властелин Галилеи никому, кроме матросов, не позволил оставаться на корабле и увел в замок, где устроил настоящий пир. Но прежде, чем сесть за ужин, Керим объяснил Омеру, что отец Давид желает посетить Святые места.

– Я сам буду сопровождать вас в своих пределах! – заявил шейх.

– Но ведь ты поведешь нас привычными для тебя военными путями, а священнику нужно пройти по стезям Иисуса Христа! – воскликнул не без иронии Керим-бей.

– Я тебе пошучу! – пригрозил Дагер, делая вид, будто вынимает саблю, а сам по-дружески задел Керима своим не по-старчески крепким плечом.

– Поедем все вместе, – призвал Яков. – Дагер будет возглавлять нас, как правитель страны, а я буду подсказывать, как правильно пройти по Святым местам.

– Тоже, нашлись мне христиане в тюрбанах! – язвил Дагер. – А ну-ка, сними штаны и покажи, какой ты христианин, – пристал он к Кериму.

– Подумаешь, – сопротивлялся эмир, – вон Михаил Фарга, да и все копты, хотя и христиане, но обрезаны.

– В таком случае снимай тюрбан и становись коптом! – смеялся Дагер, приглашая гостей к столу.

Наутро был снаряжен эскорт. Дагер подошел к Кериму и спросил, не предпочтет ли священник ехать на осле, чтоб не трястись в седле.

– Абхазы на ослах не ездят! – гордо, почти заносчиво заявил Керим. – Мужчина на осле – это позор для города!

– А Иисус Христос, ради которого вы пускаетесь в это путешествие, – иронично заметил Дагер, – въезжал в Иерусалим именно на осле!

Керим сконфузился, что возгордился невпопад, и, ничего лучшего не найдя, повторил:

– Не знаю… но абхазы предпочитают коней!

– Это плохо! – смягчился хозяин и хлопнул растерявшегося эмира по плечу, как бы прося не обижаться на шутку.

В это время к ним подошел дагеров сын – шейх Слеми – и остановился на почтительном расстоянии.

– Тебе что надо? – спросил Дагер.

– Разреши ехать с вами, – попросил Слеми.

Хитрый Дагер ухмыльнулся, догадываясь, зачем молодому мусульманину захотелось ехать по Святым местам. Он еще вчера заметил, что ему понравилась дочь Давида.

– Хорошо, – согласился Дагер, – только смотри, не стань христианином!

Молодой шейх смутился от отцовской догадки и, все-таки довольный, решительной походкой пошел собираться в дорогу.

Часа через два знатные путешественники проехали город Швамóр, при выезде из которого им встретилось много женщин, шедших по воду с кувшинами на головах. Лица их не были покрыты, а при виде православного священника с крестом на груди они, поставив кувшины на землю, кланялись отцу Давиду, а он осенял их крестом.

Песчаная дорога сменилась на каменистую и пошла в гору мимо стоящего на возвышенности города Абели, окруженного крепостной стеной. Проехав безлесные горы и обширные луга, уже после обеда небольшой караван пилигримов, возглавляемый шейхом Дагером, прибыл в Назарет. Здесь по совету Якова они посетили греческую церковь.

В этих местах, где люди исповедуют различные религии, Дагера почитали не просто как правителя, но и как веротерпимого правителя, хотя в остальном это был агрессивный властелин. Настоятель не знал, как встречать столь знатных гостей, но с Божьей помощью устроил обильное угощенье и сердечный прием. Градоначальник разместил дагеровых гостей в своей резиденции и устроил им пир. И так было повсюду.

На следующий день после обедни странники посетили небольшой придел, где Святая Мария черпала воду из колодца, когда была благовествована ангелом о том, что понесет от духа Божьего и родит Иисуса Христа. Священный колодец был заставлен образами Богоматери, перед которыми горело множество лампадок.

Отец Давид сотворил на святом месте молитву, которую смиренно слушали и говорили «аминь» не только Яков, Ярна и Росван, но также немало христианских паломников, оказавшихся в это время у святого колодца.

Охваченного благоговением священника проводили в грот, где Дева Мария родила Христа. Его сопровождали служители соседней католической церкви, сохранившие

святое место. Затем отец Давид осмотрел дом, в котором жил муж Приснодевы – Иосиф.

Посетив греко-католическую церковь, процессия направилась к горе Кремос. Здесь древние иудеи держали совет, куда вести Христа для совершения над ним казни. По дороге кортеж встретил большую группу арабов – христиан, бежавших из Вифлеема от непомерной дороговизны жизни.

Неизъяснимо было состояние священника, когда он стоял на вершине, откуда был сброшен Христос, но сотворил чудо и удержался кончиками пальцев за каменный выступ. Яков показывал Давиду следы Христовых перстов, а на другом камне – отпечатки его стоп.

Осмотрев Иерусалим и покидая его, знатные паломники, караван которых необъяснимо сочетал турецкие и кавказские одежды с облачением православного священника, встретился с группой монахинь. Послушниц возглавляла традиционно строгая игуменья. Настоятельница сделалась еще более строгой при виде верховых мусульман, но, обнаружив среди них священника с крестом, преобразилась и поклонилась. Монашки сделали то же самое, но при этом не смотрели в сторону мужчин.

– Екатерина! Ты почему отстала? – спросила она строго, очевидно ту, что замыкала шествие и не только отошла от подруг, но даже заметно приблизилась к всадникам.

– Ты Яков? – спросила подошедшая монахиня по-украински, не столько сомневаясь, сколько удивляясь.

– Да…

– Боже мой… откуда?!

– Прости, сестра, но я не узнаю… погоди… Ганна? – чуть не вскричал купец.

Она опустила голову.

– Ну конечно, Ганна! – Яков спрыгнул с седла и не знал, как выразить свою радость.

Все остановились и смотрели на случайно встретившихся людей.

– Это что такое? – окликнула игуменья отвлекшуюся послушницу.

– Да погоди! Я, может, сестру встретил! – махнул на нее взволнованный Яков.

– У христианских женщин братья не носят тюрбанов, – с разоблачающей язвительностью заметила настоятельница.

– Ганна, ты прости меня, я не желал тебе худого, – сокрушался Яков, чувствуя себя виноватым перед облаченной в черное платье молодой женщиной. – Я не мог знать, что тебя ждет…

– Нет, Яков, мне хорошо сейчас… Ты не переживай… У меня был в жизни один день. В нем, как свет и мрак, вместились и мой неизбывный грех, и незабываемое счастье… Да простит меня Господь…

– Ганна, священник, которого мы сопровождаем, – отец Али-бея…

Он не успел договорить, как Ганна кинулась к священнику, поцеловала ему ногу и, не отпуская стремени, горько плакала и молила простить ей тяжкий грех. Она каялась, но кроме Якова никто не понимал ее украинской исповеди.

– Это бывшая служанка твоей невестки. Они с ней одного племени. Была очень привязана к госпоже… Переживает, что оставила Марию, и просит отпустить ей прегрешенья, – объяснял купец, скрывая настоящий смысл раскаянья монахини.

– Кажется, состояние ее глубже, чем твое объяснение, – заметил священник. Он сошел с коня и осенил ее крестом, а послушница поцеловала ему руку, смочив ее слезами.

– Священник наверняка скажет, что вы встретили меня… Не хотелось напоминать Марии о себе… но раз так получилось, скажи ей, что я всегда молюсь за нее. Доброты ее вовеки не забуду, – сказала она Якову напоследок, когда кортеж уже двинулся.

Отъехав достаточно далеко, Яков обернулся. Сердце его сжалось от нестерпимой боли. На пустынной улице святого Иерусалима стояла в своем черном облаченье молодая славянка, как одинокий кипарис на кладбищенском солнцепеке.

Обойдя Святые места, кортеж путешественников возвращался в Акку. На протяжении всего пути молодой Слеби старался быть на виду у полюбившейся ему Ярны. Он, насколько было возможно, опекал Росвана. Но юноша, кажется, замечал, что расположение к нему доблестного шейха связано с его тетей.

Утомленные, но возвышенные духом странники возвратились в замок владетеля Галилеи. Перед воротами их встретил стосковавшийся Михаил Фарга, который был оставлен для добычи товаров, присмотра за командой и тайным узником, заточенным в глубине трюма.

Шейх Слеби решил просить руки Ярны, но не мог для этого взять в посредники ни Якова, ни Керима. Здесь нужна была женщина. Но поскольку в гареме замка не было абхазок, он привлек к этому делу жену таможенника.

– Молодой шейх готов послать людей и к твоему отцу, и к брату, который является ближайшим другом Дагера. Однако для него главное – твое слово, – объясняла сваха, тайно доставленная на женскую половину замка.

Ярна залилась краской. Впервые в жизни она была близка к тому, чтоб ответить на такое предложение. Девичье сердце заметалось в нерешительности, хотя главного препятствия уже почти не существовало.

– Я дала себе зарок не выходить замуж, – все-таки сказала она, – много лет я ждала этого дня. Шейх – хороший человек, но… прежде я должна встретиться с Иосифом, – ответила Ярна, не отказывая, но как бы откладывая предложение.

Ответ преданной сестры возвысил Ярну в глазах Слеби, и он с рыцарской тоской стал переживать предстоящее расставание. А корабль Якова уже загружался провиантом, которым Дагер изобильно снабдил своих гостей, и путешественники собрались продолжить дорогу.

Бухта Акки вздрогнула от пушечного взрыва. Шейх Слеби смиренно стоял на пристани в стороне от своего бравого отца, смотрел на отчаливавшую галеру и видел только Ярну, хотя на палубе стояло много людей…

– Ярна! Смотри, тростник, как у нас в Пицунде! – воскликнул Росван, показывая на густые заросли по берегам большой реки. Судно уже вошло в устье Нила и поднималось на парусах вверх по течению мимо многочисленных, с буйной растительностью тропических островов.

– Этот тростник – сахарный, он сладкий на вкус, – пояснил Тантавий.

– Не знаю. Я наш тростник не пробовал на вкус, – наивно оправдался Росван. – Может, он и сладкий.

– На родине любая травинка вкусней сахарного тростника, – улыбнулся Тантавий парню.

– Боже, что это за чудовище! – вскрикнула Ярна и отпрянула от борта. Она увидела в воде щербатое тулово огромного крокодила и была поражена.

– Это агулща́п![1]– объяснил ей Керим.

– Я только в сказках слышала о них, – призналась она.

– Но по сказке они должны быть с крыльями, – возразил Росван, глядя на крокодила, который, выпучив

[1] Агулщап– крокодил, дракон (абх.)

свои неподвижные и потому казавшиеся всевидящими глаза, проплывал в нахальной близости от судна.

– В сказках и кони крылатые. На то они и сказки, – заметил эмир.

– Отец, иди сюда! Здесь агулщап! – крикнула Ярна.

Давид подошел к корме, куда переместились наблюдавшие и, свесившись за борт, смотрел на чудовище, которое вдруг оживилось и поплыло за кораблем. Крокодила привлек блеск серебряного креста, свисающего с шеи священника.

– А вот еще! Смотри, сколько их там! – закричал Росван.

На илистом берегу неподвижно грелось множество крокодилов. А один из них спускался на корявых ногах к воде, волоча свой огромный хвост.

X. Высочайшее признание

Сухопутным путем через Дамиетту к Аль-Кабиру прибыли гонцы из Стамбула. Татары привезли фирманы об утверждении Али-бея в должности шейк-эль-белета Египта и о скором прибытии в Каир нового наместника султана в сопровождении капуджи. Шейх-эль-белет уже знал об этом за два дня до прибытия гонцов – из письма, присланного Маяной. Она сообщала также о военных действиях, предпринятых против турков грузинскими войсками при поддержке русской императрицы, и о волнениях в Армении.

Прибывших в порт Булака капуджи и нового пашу встретили эмиры Аль-Кабира. Зульфикар-бей заблаговременно распорядился подготовить резиденцию на берегу Нила, где временно должен был расположиться вновь назначенный наместник. Сам Аль-Кабир не выехал встречать гостей, поскольку капуджи не был из числа

высших сановников Порты. Кроме того, заседание дивана по торжественной встрече нового паши он провел во дворце Эзбекие, а не в Каирской цитадели. Инициативу проведения дивана Али-бей также взял на себя, хотя в остальном выказывал почтение посланцам султана.

Представители Порты прибыли во дворец в сопровождении почетного кортежа. Двое поверенных держали на груди послания в шелковых свитках. За ними в свертках несли одежды почета.

Эмиры и весь диван, а затем и сам шейк-эль-белет поднялись навстречу вошедшим капуджи и новому наместнику. Уполномоченный представитель Блистательной Порты зачитал фирман, содержащий неожиданные восхваления в адрес Али-бея, выражения признательности за его политику, в последнее время принявшую якобы характер приверженности к общей политике Османской империи. После чтения указов посланцы Стамбула извлекли одежду почета. Это была соболья шуба и усыпанная драгоценными камнями сабля. Сановники Порты облачили Аль-Кабира в эти одежды, после чего он, отогнув полы шубы, подпоясался саблей султанского признания.

Капуджи зачитал указ Великой Порты Оттоманской о назначении Сулеймана-паши наместником монарха в Египте. Он также был облачен в одежды почета и поздравлен эмирами дивана и янычарским агой. По этому случаю пушки дворца Эзбекие дали салют и в сопровождении торжественного эскорта довольного доброжелательным приемом Сулеймана водворили в его резиденцию в Каирской крепости. Выстрелы пушек с Мукаттама возвестили Каиру, что новый хозяин замка занял место.

Али-бей уже давно томился, заждавшись приезда отца. Несколько гонцов, посланных Тантавием, сообщали Аль-Кабиру о продвижении путешественников, и он

знал, что отец предпринял паломничество по Святым местам. Наконец очередной посланник сообщил, что через четыре дня корабль Якова прибудет в Каир.

Поручив дворцовые дела и порядок в городе Рицку и Бираму Кабарди Али-бей со свитой отбыл из Булака навстречу гостям. Остановившись в одном из оживленных торговых городов Нижнего Египта – Бенха, он дожидался приезда родных. Провинциальный город, извещенный о прибытии правителя, взволнованно жаждал участия в предстоящем событии.

По прибытии в Бенху галеры Якова горожане высыпали на главную улицу, ведущую к порту. Аль-Кабир с эскортом приближался к пристани. Он уже видел мачты корабля, когда вдруг у самого виска услышал гул колокола. Оглушенный его набатом, Али-бей заметил идущих навстречу людей. В пространстве между расступившимися людьми он отчетливо увидел состарившегося священника с крестом, его седые кудри, развеваемые приречной прохладой, и бороду, спадающую на грудь.

Он спешился на ходу, и конь, оставшись без седока, сам остановился. Али-бей снял почему-то тюрбан и, не глядя, отдал его телохранителю, словно избавился от излишества. Отстегнул оружие и также освободился от него. Слезы не текли, но стояли в глазах, и он шел наугад, узнавая в расплывшихся фигурах лишь тень родителя и его светящийся крест.

– Встречай брата! – сказал Давид и остановился.

Ярна побежала, всем своим девичьим телом устремившись вперед, словно стараясь опередить собственные, вдруг отяжелевшие ноги. А священник упал на колени и крестился.

Подскочив к отцу, Али-бей и Ярна стали поднимать его, но у Давида от волнения отнялись ноги.

– Я не могу стоять!.. – шептал священник сыну, и Али-бей стал перед отцом на колени.

Народ безмолвствовал, проникшись присутствием Бога, и затаил дыхание. Лишь Росван, смущенный своим безучастием, озирался то на людей, то на своего деда, пока его не заметила Ярна и не обняла…

Знатные гости покидали взбудораженную Бенху, которая многолюдной и безмолвной паствой провожала их до пристани.

Смиренные горожане были похожи на остановившееся время. Обыденная суета сникла, переживая свою непоправимую ничтожность перед встречей отца и сына.

Корабль поднял паруса и поплыл вверх по течению благословенного Нила, оставляя в растерянности знаменитый своей торговой деловитостью город. Никто на галере Якова не смел о чем-либо говорить. Они видели, как томятся отец и сын, не умея найти слова, с которых можно было бы начать разговор, прерванный тридцать пять лет тому назад. Али-бей боялся задать, а Давид и Ярна страшились услышать единственно возможный и неотвратимый вопрос. Страх перед этим вопросом растягивал муки безмолвия.

– Вам нечего сказать о маме? – спросил наконец Али-бей, и Давид вздрогнул, будто застигнутый врасплох. Священник задержал на сыне свой растерянный взгляд, давая прочесть в нем ответ на заданный вопрос.

– Она не дождалась, – сокрушенно произнес Давид, повернулся к сыну вполоборота и смотрел на неправдоподобно зеленый берег Нила, похожий на райские кущи.

Ярна отошла от них, чтоб не слышать трудного разговора о матери. Вскоре она вернулась с луком и колчаном. Али-бея будто молнией поразило – расписной колчан был подарен ему в детстве заезжим казаком. Он узнал бы этот колчан среди тысячи подобных. Вспомнил и самого

казака: хохлатый весельчак и певун, главный затейник в палаточном лагере запорожцев. Он увез с собой одну из отбитых у турков абхазок.

«Грицько!» – вспомнил Али-бей имя усатого друга, который, шутя, говорил ему: «Осип, вот подрастешь еще чуток, я чаривну дивчину-украинку тебе подарю. И мы будем квиты. Счастливо заживешь, браток. Казачки любить ой как умеют!» – хвалил бывалый казак и вроде остерегал одновременно. Мог ли тогда предполагать хохол, что судьба, словно выполняя его обещание, подарит «Осипу» в Египте (!) красавицу-украинку!.. Али-бей отчетливо услышал голос Грицька, надсадно запевающего: «Ой на… ой на гори тай женьци жнуть!..»

– Мама перед смертью дала их мне, – печально объясняла Ярна, протягивая брату колчан и лук. – Может, встретишь Иосифа после нашей смерти, говорила мама… Она хранила их в сундуке и тайком, чтоб не печалить нас, доставала их и молила Бога о твоем возвращении.

Али-бей с неизъяснимым чувством взял в руки дорогие ему вещи, как свидетельства того, что у него было детство. Между тем на корме, в темном углу трюма пленный пират ел похлебку неволи – горькую, как всякая пища возмездья. Но Али-бей не знал этого. И разбойник не ведал, что плывет на корабле своего бывшего пленника и теперь сам находится в плену у него.

Мало-помалу Али-бей и Давид стали общаться. Но разговор, в котором сознательно не упоминалось о матери, был ущербным, как сама жизнь, если в ней нет матери. О чем бы они не говорили – все напоминало о ее отсутствии, именно в силу того, что они старались не говорить о ней и, значит, молчали о главном…

Весь Каир сбежался к порту Булака. Встречать отца шейк-эль-белета вышли эмиры, янычарский ага, представители городской знати, муфтии[1] со своими приближенными, шерифы дервишских орденов, шейхи Аль-Азхара, духовенство греческих и коптских церквей, раввины. Процессия во главе с Аль-Кабиром пришла к мавзолею, построенному по распоряжению Али-бея над могилой его покровителя Ибрагим-бея Каздоглу.

– До последнего своего часа он заменял мне тебя, – признался Али-бей отцу, и Давид благословил душу благодетеля.

Шейк-эль-белет и эмиры сотворили молитву по мусульманскому обряду в мечети, устроенной в самом мавзолее. Покинув усыпальницу, кортеж, приветствуемый жителями Каира, направился в Эзбекие. Дворцовая площадь была наводнена народом.

В тронном зале, куда были приглашены все знаменитые участники встречи, Али-бей познакомил отца с членами дивана.

Эмиры оказывали отцу Давиду почести, преподносили дары. Смущенный великолепием и роскошью приема, Давид лишь произносил слова благодарности и просил Бога о возможности ответить взаимностью на щедрость хозяев.

– Тебе нужно отдохнуть, отец, – сказал Али-бей, когда они остались наедине.

– Мне хочется увидеть невестку, – признался Давид, превозмогая усталость.

Госпожу Нафису предупредили, и Али-бей проводил отца на женскую половину Эзбекие. Евнухи кланялись хозяину и освобождали проходы в гарем, в котором уже находились Росван и Ярна. Пока шел прием в зале дивана, они успели познакомиться со своей родственницей.

Хотя Мария и знала, что свекр ее – служитель церкви, все-таки появление священника с крестом во дворце

[1] Муфтий – высшее духовное лицо у мусульман

Эзбекие, тем более в гаремных покоях, казалось неправдоподобным. Она подошла к старцу, опустилась на колени и поцеловала ему руку. Давид благословил невестку в ее браке с Али-беем, осенил ее крестом и по-родительски поцеловал в лоб поднявшуюся на ноги Марию.

– А внучку мне покажете? – спросил священник, глядя на невестку и вспоминая рассказ о красоте Марии. Она действительно была бесподобна в божественной неосознанности собственного обаяния.

Служанка внесла младенца, который силился вырваться из рук и всем своим крохотным существом тянулся к матери. Но Мария, уважая обычай Кавказа, не проявила материнских чувств при свекре. Вскоре, разнеженный поведением малышки и духом семейственности, Давид сам попросил отдыха.

Али-бей не мог избавиться от ощущения неполноты радости. Он смотрел на лук и колчан, которые повесил на ковре в тронном зале, и думал о матери и о земле, в которую она легла, сделав эту землю еще родней.

«Может, матери умирают прежде нас для того, чтоб сыновьям было не страшно лечь в ту землю, в которой уже лежит мать?!» – подумалось ему.

Слуга доложил, что к нему просится Керим-бей, и Аль-Кабир был рад возможности переключиться с этих мыслей на дела.

– Мы с Яковом привезли пленника из Абхазии, – докладывал Керим своему патрону.

– Я верю, что, если вы купили невольника, это будет достойный юноша, – отстраненно сказал Али-бей.

– Он далеко не юноша, а старый разбойник со шрамом на губах. И взяли мы его недалеко от устья Бзыби, – объяснял Керим-бей, внимательно наблюдая за реакцией правителя.

Али-бей вздрогнул. Решительной, свойственной ему в минуты гнева походкой он прошел вглубь зала, снял с ковра лук, колчан и вручил их Кериму, который, ужаснувшись своей догадке, взял в руки переданное оружие.

– Сейчас посмотрим! – бросил Али-бей, словно в зале был еще кто-то, кроме него и Керима.

В темноте большой тюремной камеры сидел прикованный цепью к стене одинокий узник. Он поднялся, лязгая цепью и, испуганный, отошел в дальний угол.

– Выйди на свет! – крикнул ему Али-бей.

Узник нехотя приблизился к единственному зарешеченному проему. У Али-бея померкло в глазах от ярости, когда он увидел знакомого пирата.

– Ты узнаешь меня?

– Нет, – ответил узник бесстрастно.

– Ты украл меня на Бзыби и продал в рабство! Это было тридцать пять лет назад!

– За это время я стольких продал… – признался разбойник, и Али-бей был поражен его циничной откровенностью.

– Меня забыть ты не мог! – напирал Али-бей. – Покажи левую руку!

Узник повиновался и вытянул руку вперед.

– Я ведь чуть ее не перекусил, как она у тебя не высохла? – удивился Али-бей. – Ты ударил меня рукоятью плети по лицу и крикнул: «Шакаленок»!

– А она почти высохла, – сказал разбойник с жалостью к себе, и Али-бей заметил, что эта рука пирата была худей правой.

– Ты отнял у меня!..

– Сейчас ты правитель страны, – льстиво заметил заключенный, и в голосе его послышалась мольба и страх перед предстоящим.

– Я сам расстреляю тебя из этого лука!..

Али-бей почти вырвал у эмира лук, вставил стрелу и, резко оттянув тетиву, выпустил стрелу в пирата. Тот успел отшатнуться, и стрела пронзила ему плечо. Узник упал на колени и, пока Али-бей брал у Керима вторую стрелу, успел произнести спасительные слова:

– Именем матери твоей заклинаю… Не убивай! Пощади! – взмолился матерый разбойник.

– Ты стольких подростков разлучил с домом! Я тридцать пять лет не видел родины!.. – говорил Али-бей. Его душила ярость и бессилие от того, что после упоминания матери он не может его убить. – Но раз ты заклял меня именем матери моей, я не отниму у тебя жизни…

Слезы отчаянья в глазах узника сменились слезами надежды.

– Но мой ослепший друг… глядящий с минарета Стамбула в сторону родного берега… Ты должен стать безглазым, чтоб прозреть душой. Ослепите его! – крикнул Али-бей тюремщику и вышел из камеры.

В тот же день палач выколол пирату глаза, и слепой разбойник был отправлен в Стамбул, а оттуда к берегам Абхазии, где во многих домах угасали молодые женщины, дети которых совсем недавно были украдены и проданы за море.

Священник успел отдохнуть и не знал, чем себя занять в непривычной обстановке дворца, пока Али-бей не вошел наконец в отведенные отцу покои.

– Я заждался тебя, – пожаловался старец.

– Виноват, отец, – ласково оправдался Али-бей. – Но ты можешь здесь ходить везде, спуститься в сад, подняться на галереи и террасы…

– Но я не знаю здешних порядков.

– Никаких порядков. Будь как дома.

– А возможно ли в чужой стране быть как дома?

Али-бей не нашел, что ответить на неожиданный вопрос.

– Прости… это я так, к слову сказал… без умысла, – извинился Давид, смущенный жестоким подтекстом собственных слов.

– Ничего, ничего, – сказал Али-бей, приходя в себя. – Чем занят сейчас Зураб Чачба? – спросил он, переходя к политике.

– Воюет. Братьев давно потеснил, теперь с мингрельским князем Дадианом нападает на соседей.

– Что он объединил внутреннюю Абхазию, я слышал. Это хорошо. Но какая выгода ссориться с соседями? – спросил Али-бей.

– Не знаю, может, это нужно больше Дадиану.

– А как он ведет себя по отношению к Стамбулу?

– Ему недостает сил, чтоб открыто сопротивляться.

– Воюя с соседями, сильным не станешь. Может, правильней было объединиться с ними против общего сильного врага? Турция, я думаю, угрожает Мингрелии и Абхазии больше, чем соседние княжества.

– Это вам, правителям, видней, – уклончиво заметил Давид.

– Я слышал, что Ираклий и Соломон[1] разбили Ахалкалакского пашу. Турки в связи с этим потеряли на Кавказе былое влияние. Но ни Чачба, ни Дадиан в этом не участвовали.

– Когда турки разоряют Абхазию, к Зурабу тоже никто на помощь не приходит. Абхазия открыта с моря. Турецкий флот то и дело высаживает десанты на наши берега,

[1] Ираклий II – царь Картли-Кахети, восточно-грузинских земель; Соломон – царь Имеретии – Западной Грузии.

разоряет Акву – Зураб едет туда, а они уже Пицунду грабят или летописи жгут в Мóкве[1].

– Да, Абхазии трудно защитить себя с берегов, и пока Зураб Чачба не сумеет укрепиться на море, наша страна будет терпеть беды.

– У Чачба есть небольшая флотилия, но она смешна перед лицом султанского флота. Теперь уже в Черном море появляются и русские. Кажется, они не уступят туркам.

– Это опасно для Кавказа. Находиться между двумя враждующими империями – все равно что сгореть меж двух огней. Сложное положение. И трудно предугадать, как развернутся события на восточных берегах Черного моря. Мир вообще находится на пороге больших столкновений.

Еще с первых дней своего пребывания в Каире отец Давид сблизился с Муаалимом Рицком. Ученый копт своим глубоким знанием истории христианства легко расположил к себе православного священника. Рицк на целые дни уводил его из дворца вместе с Ярной и Росваном, знакомя их с достопримечательными местами Каира. Однако даже молодые люди не вынесли изнурительного общения со взбалмошным коптом. Он обрушивал на собеседника свою неуемную энергию, топил его в нескончаемом половодье диковинных рассказов.

Али-бей с разрешения отца назначил Росвана своим оруженосцем. Племянник с первой же встречи с дядей признал его своим кумиром, и быть приближенным Аль-Кабира, находиться рядом с ним в его блистательной свите было счастьем для юноши.

Давид понимал, что эта привязанность может надолго оставить внука в Каире. Он подозревал, что Али-бей

[1] Моква – один из христианских центров Абхазии с кафедральным собором.

приближает Росвана именно с таким умыслом, но сопротивляться этому не мог. Ярна была обласкана любовью Марии и охотно оставалась в ее гареме, пока неугомонный Рицк находил все новые и новые занятия для Давида.

Рицк повел священника в Старый Каир. Это предместье столицы, называемое Маср-аль-Кадим, было в основном населено коптами, и Муаалим почитал его как еще не до конца осквернённую святыню.

– Вот здесь скрывался Иосиф с Девой Марией и Иисусом во время бегства с Земли обетованной в Египет, – объяснил ученый копт, когда они подошли к небольшой часовне. Давид, произнеся молитву, выпил воды из святого источника и, продолжая слушать рассказ Рицка, осматривал кусты бальзамина, произрастающего в Египте только вокруг этого святого источника.

В честь отца Давида в греческом монастыре Великомученика Георгия был совершен молебен и произнесены восхваления Аль-Кабиру как веротерпимому правителю страны. Настоятели и многочисленные иноки монастыря прошли с абхазским священником в подземную пещеру, посреди которой протекал студеный ручей, называемый Источником Святого Георгия.

Александрийский греческий и коптский патриархи, а также архиепископ Синайской горы, пребывавший в Каире, устроили приемы для отца Давида. Вместе с ними он посетил армянскую церковь, а затем в храме Святого Николая принял участие в крещении купеческого сына. Служители церкви были растроганы чистотой греческого языка и усердьем, с которым приезжий священник совершал православные ритуалы, хвалили Давида за безупречное знание литургии.

Гордый своей дружбой с отцом правителя, Муаалим Рицк сопровождал старца повсюду и, зная сложность соб-

ственного характера, удивлялся выносливости и терпению пожилого священника.

– Я еще не надоел тебе, батюшка? – спросил копт, когда они возвращались с вечерней службы в Никольской церкви и ехали на конях по улицам Каира в сопровождении нескольких мамлюков из личной охраны Аль-Кабира.

– Напротив, – возразил священник, – это я мог наскучить тебе своими беспрестанными разъездами по церквам и монастырям.

– Нисколько, отец Давид, я получаю христианское наслаждение и очищение, отдыхаю от книг и от работы.

Напряженный режим и непривычный климат все-таки дали о себе знать. Священник почувствовал недомогание. Ему срочно был обеспечен полный покой, и дворцовый лекарь врачевал его целебными настоями, возвращая больному силы и восстанавливая здоровье. Муаалим Рицк навещал друга, но нечасто, щадя старика и чувствуя свою вину в его недомогании. Секретарь правителя снова ушел с головой в государственные дела, а ночами засиживался над книгами и рукописями.

В связи с болезнью Давид не мог участвовать во встрече священного каравана, но Росван и Ярна поехали с Али-беем и эмирами навстречу Магомеду и были изумлены ярким зрелищем въезжавшего в Каир шествия. Разноцветные паланкины на нарядных верблюдах, звон колокольцев, музыка, бой барабанов и пушечные салюты, ликование многочисленных толп горожан, представления факиров и циркачей – все это было захватывающе и экзотично.

Эмир каравана покачивался в своем розовом паланкине, который бережно несли идущие друг за другом царственной поступью верблюды. Магомед-бей был красив и величествен, как полководец, с триумфом возвращающийся в столицу.

Приблизившись к Аль-Кабиру, стоящему перед городскими воротами в окружении свиты, Магомед пересел на поданного ему коня. Подъехав достаточно близко, он спрыгнул с седла и, полный достоинства, поцеловал руку и подол кафтана своего правителя. Али-бей отметил, как почтительно и одновременно гордо он это сделал. Абу-Захаб понравился Ярне, хотя и показался ей заносчивым.

Магомед сразу приметил в свите и молодого Росвана, и Ярну. По девушке с непокрытым лицом он понял, что это родственница Аль-Кабира из Абхазии.

– Жду тебя во дворе! – сказал Али-бей, и Абу-Захаб вернулся к каравану. Ему предстояло въехать в ворота торжествующего города в сопровождении эскорта, восседая в почетном паланкине.

Оставив святые реликвии Каабы в Каирском замке, где караван встретил Сулейман-паша и его приближенные, процессия пошла через площадь Румейли и Карамайдан, будоража и без того возбужденный город.

– Я рад твоему счастливому возвращению, – сказал Али-бей, после того как некоторое время молчаливо оглядывал питомца.

– Аллах и ты помоги мне, – благодарно ответил Абу-Захаб.

– Пусть Аллах всегда желает тебе удачи, как этого тебе желаю я.

Они пошли в покои, отведенные прибывшей из Абхазии родне.

– Отец, вот это и есть Магомед-бей, мой воспитанник, а теперь и мой верный эмир! – представил Али-бей Абу-Захаба.

Давид поднялся и поцеловал в лоб покорно остановившегося перед ним молодого эмира.

– Это моя сестрица, – указал Али-бей на Ярну. Она поцеловала Магомеда в плечо.

– А это племянник и уже мой оруженосец Росван.

Магомед приобнял смутившегося парня.

– Кажется, вся семья в сборе. Не хватает хозяйки и ее дочки, – заметил Аль-Кабир игриво. – А вот и она!

Мария подошла к свекру и поцеловала священнику руку.

– Ты прости, отец, я, наверное, поступаю не так, как у вас принято…

– Ну что ты, дочь моя. Все ты делаешь красиво, как благочестивая христианка.

– А надо мной насмехаются, – пожаловалась она и по-детски обиженно посмотрела на Али-бея, – будто я все не так делаю… И считают, что мне с тобой не положено говорить. Но ведь ты скоро уезжаешь, как я могу не сказать тебе ни слова?

– Я тебе разрешаю. Даже можешь считать, что это мое желание и просьба.

– Спасибо, – искренне благодарила Мария.

В это время служанка внесла икону, и Мария, перекрестившись, приняла у нее святой образ.

– Боже правый, откуда эта икона?! – воскликнул священник, принимая от Марии образ и вглядываясь в него.

– Я взял его у венецианского купца, – пояснил Али-бей, не понимая удивления отца, но гордый за свое приобретение.

– Да ведь это абхазская икона! Это же Лыхненская Богоматерь! – Отец Давид осенил себя крестным знамением, все еще не веря свои глазам. – Она давно была похищена – во время налета на владетельскую резиденцию в Лыхны. Турки на нескольких кораблях высадились в бухте Гудоу и совершили грабительский набег. Не встретив достойного

сопротивления, они разорили несколько сел, разграбили храмы.

– А почему ты решил, что икона из Лыхны?

– В молодости я не раз видел ее в алтаре собора. В день Успения я всегда бывал в числе сопровождающих католикоса Захарию в праздничном шествии из Пицунды в Лыхны. Отслужив престольный праздник в патриаршем соборе Пицундской Софии, мы шли в Лыхны, а затем в Ачандару[1], ибо эти храмы посвящены Царице Небесной… Нет, я не верю своим глазам! Кто мог подумать, что я встречу образ Лыхненской Анапы на другом краю света?!

– Значит, так было угодно Богу, – сказала Мария, разнеженная радостью православного служителя. – Отец, что написано на иконе? Я не могла разобрать.

– Здесь написано на греческом: «Святая Мать, храни царя Абхазии Константина», – объяснил Давид и бережно прикоснулся перстами к чеканным по золоту буквам. – Это древняя икона. Ей более восьми столетий. Царь Константин был боголюбив. Древние аланы почитали его как святого просветителя. Он принес в их страну свет Христовой Веры. Церковные писания называют его «другом Христа».

– Я очень рада, и желаю, чтоб икона возвратилась в свою обитель. Боголюбивые поклонники обрадуются возвращению Царицы.

– Дай Бог тебе счастья в обеих жизнях, дочь моя, – благословил священник и поцеловал Марию в лоб. – Ты не представляешь, как возликует вся Абхазия возвращению святыни в осквернённый храм и как воспрянут духом отчаявшиеся от притеснений пастыри. Имя твое уже известно Богу, и я счастлив, что дочь моя совершает в земной жизни возвышенные поступки, которые спасут

[1] Ачандара– историческое село в Абхазии.

ее душу... Делайте добро, дети мои. Бог воздаст вам за это. – Давид передал икону Ярне. Она бережно поставила ее на диван и перекрестилась.

– Отец, – обратился Али-бей к Давиду, меняя тему разговора. – Сулейман-паша, узнав, что ты уже поправляешься, просит завтра прийти к нему в гости. Он настаивает, чтобы мы не отказывали ему, и собирает диван по случаю этого приема. Что мне ему сказать?

– Передай наместнику, что я рад встретиться с тем, кто желает встречи со мной.

– И еще: Магомед вскоре соберет нас в дорогу, и мы выполним твое желание.

– Неужели к пирамидам? – спросила Ярна, боясь собственной догадки.

– Конечно к пирамидам, – подтвердил Али-бей, поддерживая возгоревшую радость родных людей.

– Я не дождусь этого дня, – признался Росван.

Ярна старалась не смотреть на Магомеда. Он за все это время не проронил ни слова и стоял, мужественный и неотразимый.

Абу-Захаб с особым тщанием подготовил кортеж, и через несколько дней караван путешественников покинул затаивший ревность Каир и был переправлен на канджах[1] в Гизу. Магомед, вдохновленный присутствием Ярны, горячил коня и держался близко к Али-бею.

Аль-Кабир смотрел на своего питомца и радовался его безграничной преданности. Он вспомнил сейчас о своем покровителе, сопровождать которого всегда почитал за великую честь. Не только его хушдаши, но и другие эмиры ценили, что не лишенный вероломства и жестокости Али-бей свято хранил свою преданность Ибрагим-бею, что, наживая себе врагов, все-таки отомстил сполна за

[1] Канджа –крытое быстроходное судно.

смерть воспитателя, хотя и потерял на некоторое время престол шейк-эль-белета в Каире.

В который раз Али-бей подъезжал к пирамидам, но не было случая, чтоб они не волновали его своей громадностью и не возвышали бы духа. Их неуклонно вздымающиеся грани поднимали над суетой и устремляли мысль к небу. Они призывали человека поднять голову и оторвать свой взгляд от земли, но не для того, чтоб возвыситься над братьями, а для того, чтоб вспомнить о Вечности и о Том, кто не умирает.

Неусыпный сфинкс возлежал на страже Вечности, не тревожась, что человек проникнет в его тайны, и напоминал о тщете Познания. Но он не отнимал надежды, ибо через Познание пытливый может убедиться в неразгадываемости и по-настоящему уверовать.

Мамлюки установили шатры подле пирамид, и путешественники передохнули с дороги, подкрепились.

– Сын мой, а ты знаешь, почему я назвал тебя Иосифом? – нерешительно начал разговор Давид.

– Нет, отец, – признался Али-бей и вопросительно посмотрел на родителя.

– Ты не знаешь, кто такой был Иосиф? – с суеверным испугом спросил священник.

– Он был мужем Марии и воспитателем Иисуса Христа, Спасителя нашего.

– Вот именно, – облегченно вздохнув, подтвердил Давид. – Так вот, я назвал тебя в его честь, чтоб ты, подобно Иосифу Блистательному, был человеком кротким и милосердным.

– А почему я не стал таким?

– Не знаю. Твоя судьба совпала с жизнью другого Иосифа.

– Какого же?

– Из Ветхого Завета.

– И какова была она?

– Он был продан в Египет своими братьями и стал из раба правителем. Братья его приехали за хлебом, ибо страну их поразил голод. Но в тот приезд они не узнали брата. А когда он им открылся, они были посрамлены. И спросил Иосиф братьев, стосковавшись по родителю: «А жив ли отец мой?»

– О Господи! – воскликнул взволнованный библейским сказаньем Али-бей. – Воистину это похоже на мое жизнеописание.

– Да, сын мой. Я всю дорогу думал об этом, пока ехал в Египет, и поражался, как в тебе повторилась судьба ветхозаветного Иосифа!

– А как он кончил, отец?

– Об этом ничего не говорится, но известно, что Иосиф прожил 110 лет. Я желаю, чтоб в тебе воплотилась и эта его черта.

– Сто десять… не много ли?

– В Абхазии люди живут и дольше.

– То в Абхазии, а это Египет. Здесь кавказцы живут очень недолго, и даже редко у кого появляется потомство. Эмиры усыновляют любимых мамлюков, чтоб было кому передать наследство.

– Да, климат здесь совершенно другой.

– И мы – не от этой земли. Кажется, она мстит, что ею правят чужеземцы…

Осмотрев пирамиды и сфинкса, путешественники решили пройти по лабиринтам. Особенно этого желала Ярна, и Мария согласилась пойти с ней. Магомед неотлучно шел рядом с Ярной. Его мамлюки несли факелы, освещая таинственную темноту подземелья. Экскурсанты смотрели на древние знаки и изображения фараоновых династий на суровых и глухих стенах склепов.

Вдруг Ярна вскрикнула и в ужасе невольно ухватилась за Магомеда. Над ней пролетела летучая мышь и задела цепкими крыльями ее волосы. Магомед приятно ощутил беззащитность прильнувшей к нему Ярны и задержал ее в своей опеке. Он старался не отпускать ее и тогда, когда в том не было особой нужды. И Ярна, хотя быстро воспряла духом, преувеличивая возможность опасности, сама старалась не отставать от Абу-Захаба.

Марии показалось, что за ней наблюдает мамлюк Магомеда. Мурад как-то странно держал свой факел. Пламя освещало лицо мамлюка снизу, отбрасывая тень его головы на стены. Затем он отстранял факел, часто и подолгу смотрел на сит Нафису. Она подумала, что ей не следовало открывать лица даже в полумраке освещаемого подземелья. Но спохватиться и надеть буркуа было также неудобно, и Марии приходилось делать вид, что она не замечает пристального взгляда кашифа.

Мурад время от времени, словно опомнившись, отводил свой взгляд, но, стоило ему обернуться к госпоже, в глазах его с прежней яростью отражалось пламя факела – или это был их собственный огонь.

Мария все же не вынесла слишком откровенных взглядов мамлюка и надела буркуа. Она шепнула Ярне, что ей дурно и хочется поскорей отсюда выйти. Своячница, кажется, уже утолила свою любознательность и легко согласилась с Марией.

Ослепительный полдень пустыни резко полоснул по глазам вышедших из мрака путешественников и на некоторое время сделал их незрячими. Сит Нафиса и Ярна удержались друг за друга, чтоб не упасть от неожиданной потери равновесия. Свет померк и стал мглистым, как во время затмения. И, даже начиная прозревать, они смотрели на мир, будто сквозь пыльную бурю, упростившую и без того небогатые очертанья пустынного пейзажа.

Росван взял их под руки, и они почувствовали себя уверенней на зыбучем песке. Зрению путешественников возвратилась ясность, и они неторопливо пошли к шатрам.

Экскурсия уже готовилась к отбытию, как вдруг Али-бей заметил приближающегося на драмадере[1] дозорного. Тот мчался, изо всех сил погоняя верблюда, и кричал: «Бедуины! Бедуины!»

Аль-Кабир был удивлен услышанному. Трудно было поверить, что кочевники могли предпринять нападение на караван правителя, причем в такой близости от столицы.

– Женщины – к пирамиде! – крикнул Али-бей.

Группа мамлюков стала спешно уводить Марию и Ярну на верблюдах, но бедуины уже были близко, и Аль-Кабир изменил свои планы.

– Все за мной! – крикнул он и поскакал к ближней пирамиде.

Когда весь караван скрылся от преследователей за гранью пирамиды, он разбил эскорт на два отряда и ждал приближения кочевников, выглядывая из-за камней.

Бедуины быстро сокращали расстояние, торопясь настичь беглецов. Они уже приближались к пирамиде, как вдруг навстречу им вылетел из-за каменной громады отряд мамлюков, возглавляемый Абу-Захабом, по правое плечо от которого неизменно скакал Мурад-кашиф.

Кочевники не ждали такого оборота. И все-таки нисколько не дрогнули: они рассчитывали на сопротивление и были готовы его сломить. Но совершенной неожиданностью для них было то, что, кроме мчащегося навстречу отряда, второй, более многочисленный, под предводительством самого Аль-Кабира, выйдя из-за другой грани пирамиды, заходил к ним сбоку. Это резко

[1] Драмадер – быстроходный верблюд.

меняло ситуацию не в пользу бедуинов. Получилось, что они скачут не туда, где была основная опасность.

Развернуть растерявшуюся колонну было уже поздно, да это и не выручало. Сражаться на два фронта кочевники не рассчитывали и не были готовы. Между тем мамлюки уже открыли по ним ружейный огонь и спереди, и сбоку, расчленяя копьеносное воинство бедуинов.

Коварство врага мгновенно убило в бедуинах уверенность, а первые выстрелы карабинов вызвали панику. Кочевники, рассчитывая застать караван правителя врасплох, предполагая не только отомстить, но и поживиться знатной добычей, вдруг оказались в невыгоднейшей ситуации при своих превосходящих силах.

В сабельном бою воины Али-бея теснили кочевников к подножью сфинкса, на постаменте которого находился отец Давид с невесткой и дочерью, охраняемые несколькими гвардейцами. Исполин равнодушно смотрел в пустынную даль, безбрежную, как вечность, и кровавое сражение ничего не значило перед пространством, в которое он был устремлен. Священник сидел у него на лапе, старался не смотреть на людское безумство и беседовал с Богом, моля прекратить убийство и смягчить ожесточившиеся сердца людей. Он видел, как сын, находясь в опасном окружении врагов, поражал их своей саблей и умело оборонялся щитом от встречных ударов. Между ним и Магомедом впервые сражался в настоящем бою и Росван, за которого Давид опасался более всего.

Ярна с ужасом смотрела на сражение и также не выпускала племянника из виду. В это время к постаменту прорвалось несколько бедуинов, чтоб захватить женщин и, под страхом расправы над ними, прекратить бой и предложить свои условия. Но на них налетел невесть откуда появившийся Мурад и смел их с выступа копьем,

которое он держал поперек. Затем Кашиф спрыгнул на спину одного из поднимавшихся кочевников, который в ужасе пробежал несколько шагов с мамлюком, пока не был удавлен своим седоком и, едва потеряв сознание, лишился и головы.

Давид был потрясен. Даже по возвращении в Каир он долго не мог выйти из состояния подавленности от увиденного кровопролития. Священник замкнулся в своих покоях, усердно молился Богу, наставлял Марию и Ярну, вел назидательные беседы о сострадании с Росваном.

Общение с жизнелюбивым Рицком было в эти дни спасительным для Давида. Муаалим часто навещал приунывшего старца, увлекал его в свои кабинеты, показывал ему все новые и новые приобретения. А однажды ученый копт вбежал в покои Давида, потрясая какой-то палкой.

– Это невероятно! Невероятно! – кричал он.

Старец поднялся с дивана, не понимая поведения Рицка и не зная, как унять ученого.

– Посох абхазского царя! – воскликнул он и протянул палку священнику.

– Почему ты так решил?

– Там надпись на греческом.

– Действительно, – восхитился Давид, рассматривая реликвию и читая надпись: «Христос, возвеличь Георгия, царя абхазов!» Царь Георгий был сыном того самого Константина, что упомянут на иконе Лыхненской Богоматери. Но сам посох – архиерейский, а не царский. По всей вероятности, он принадлежал абхазскому патриарху. Католикосы Абхазские жили в кафедральном соборе, в котором я, недостойный, воздаю хвалу Отцу нашему и Спасителю… Откуда он у тебя?

– Мне его принес купец Розетти. Только что.

– И так, задаром?

– Как сказать… денег он не взял.

– Как это благородно! – удивился Давид. – Ведь посох очень ценный. Сколько камней на нем!

– Зато я хлопочу перед Аль-Кабиром и устраиваю венецианцу всевозможные торговые сделки.

– Знатный посох! – подтвердил священник собственное восхищение.

– Я дарю его тебе, – сказал Муаалим Рицк.

– Неужели? Ведь это бесценная вещь!

– Ее никто не оценит, как ты, – сказал ученый и прощально посмотрел на посох.

– Но ведь ты – самый большой ценитель древностей и коллекционер.

– Зато для тебя это реликвия, наследие древних пастырей Абхазии. Моя христианская душа не была б спокойна, если бы я утаил такое приобретение.

– Я не нахожу слов…

– Если, возвратившись в Абхазию, вспомнишь и помолишься за меня, ничего другого мне не надо.

– Непременно, сын мой, и не единожды помолюсь…

В это время вошел слуга и доложил секретарю, что Аль-Кабир вызывает его. Давид решил пойти к сыну вместе с Рицком. При виде отца Али-бей поднялся с трона и пошел навстречу.

– Хорошо, что вы вместе, – сказал он. – Хотя эти дни вы только вместе и бываете.

– Да, – подтвердил Давид. – Этот добрый человек замечательно исцеляет мою душу и балует меня. Вот какую бесценную вещь он мне преподнес.

Али-бей посмотрел на посох в руках отца.

– Что ж, великолепный посох. Кажется, древний, не так ли?

– Он и великолепный, и действительно старинный. А главное – это посох абхазских патриархов и на нем упо-

мянут царь Георгий, построивший церковь в Мартвили[1]. Она стала усыпальницей Христолюбивого правителя. В книге Иерусалимского патриарха Досифея я читал два письма вселенского пастыря Николая Мистика, в которых он благодарил Георгия за старания в просвещении Алании светом Христовой веры.

– Где же Рицк достает такие ценности? – подозрительно спросил Али-бей, не глядя в сторону советника.

– Карло Розетти подарил, – признался Муаалим с видом напроказившего и ждущего наказания подростка.

– Вот почему ты так печешься о венецианской торговле в нашей стране.

Рицк притих, и Давид пожалел своего дарителя.

– Ты умница! – ободрил Али-бей приунывшнго секретаря, и тот воспрял, услышав в голосе своего повелителя интонацию одобрения. – Я всегда был уверен, что если ты что и делаешь за моей спиной, то исключительно ради государственной выгоды, – заметил он не без иронии. – Ты мне скоро будешь нужен, – предупредил он Рицка, и помощник вышел, поняв, что Али-бей хочет остаться наедине с отцом.

– Я рад, отец, что еще одна реликвия сделает твой приезд радостным и полезным для нашей земли…

– О если б могли вернуться так все увезенные наши святыни, то и народ возвысился бы духом…

Али-бей замолк на некоторое время, будто собираясь с мыслями.

– Не знаю, с чего начать, отец, но хочу, чтоб ты понял меня и не отказал…

– Сын мой, душа моя просит сделать тебе полезное, если это в ее силах.

[1] Мартвили – село в современной Мингрелии, бывший епископский центр, находившийся в юрисдикции католикоса Абхазии.

– Я прошу тебя выдать Ярну за Магомеда! – выпалил Али-бей, сам удивившись тому, что сказал это без предварительных объяснений.

Давид почувствовал слабость в ногах и сел на диван, запрокинув голову на подушку.

– Тебе плохо? – встревожился Али-бей и подскочил к отцу.

Священник жестом руки отстранил сына.

– Я не ослышался? Ты действительно сказал эти слова?

– Да, отец, – признался Али-бей.

– Говори.

– Они нравятся друг другу… Я заметил это… Дагер сегодня прислал человека и просил выдать Ярну за своего сына, шейха Слеми… Это заставляет меня торопиться.

– Почему ты отказал Дагеру?

– Я передал Омеру слова сожаленья, объясняя, что Ярна уже помолвлена с Магомедом.

– Но ведь Магомед тебе сын?

– Он некровный. Он попал ко мне уже юношей и прекрасно знает, что я ему воспитатель и наставник. Чтоб не потерять родства, в этой стране обычно женятся на двоюродных сестрах. А ведь Ярна Магомеду не сестра… Абу-Захаб мне опора во всех делах. И я хочу, чтоб он стал членом семьи, полноправным наследником…

– Как я это объясню в Абхазии? Как расскажу, что я выдал дочь за питомца своего же сына? Они меня поймут?!

Али-бей смолчал, понимая, в какое затруднительное положение поставил отца, хотя и сам находился не в лучшем. Он отказал своему самому верному другу, который не раз выручал его в беде, никогда ничего не ждал взамен и никогда ни о чем не просил.

Давид ушел из тронного зала. Он чувствовал себя разбитым. В просторных палатах Эзбекие ему стало тесно – он боялся уединения.

Священник открыл дверь секретаря, но Рицка не оказалось. Давид пошел по коридорам и галереям мимо евнухов и стражей, вышел из ворот, впервые без сопровождения. Никто ни о чем его не просил. Старец, казалось, ничего не видел и не слышал. Он вышел в город, не оглядываясь на покидаемый дворец, и брел наугад по улицам Каира. Прохожие озирались на одинокого христианского священника, удаляющегося к Булаку.

Вскоре он оказался у реки. Сам не понял, как очутился здесь, в стороне от пристаней. С тоской изможденного странника смотрел на корабли и думал о Пицунде, о своей обители, где общался с Богом. Река несла свои широкие воды и в неуклонности своей, в неостановимости была похожа на Время. А торопливая и далекая Бзыбь – подумалось ему сейчас – похожа на Жизнь. Она прекрасна и суетна.

Нил устремлял свои воды в ту даль, куда всей душой тянулся сейчас Давид.

В Эзбекие переполошились, обнаружив исчезновение Давида. Али-бей срочно выехал из дворца со своей гвардией. Бирам Кабарди послал группы мамлюков проехать по всем кварталам Каира. Стражники расспрашивали горожан о священнике, и те сказали, что он ушел в сторону Булака. Многие даже подтвердили, что это был именно отец шейк-эль-белета.

Давид долго стоял у реки, оперевшись на перила ротонды, построенной для наблюдения за открытием дамбы в устье главного городского канала. Али-бей подъехал сюда, смотрел с высокого берега реки на одинокую фигуру горюющего отца и не смел приближаться. Видя

обеспокоенность Аль-Кабира, все молчали, боясь сказать что-либо невпопад.

Наконец священник очнулся от тяжких раздумий и посмотрел на солнце, которое сильно клонилось к закату. Он решил вернуться во дворец, чтоб не причинить сыну лишней боли. Обернувшись, Давид заметил конных людей, стоящих над ним вдоль берега. Здесь уже собралось немало любопытствующих горожан, и священник покинул ротонду, понимая, что это приехали за ним.

Али-бей выехал из свиты навстречу отцу и остановился. Священнику подали оседланного коня, и молчаливый кортеж знатных людей проехал по притихшему городу во дворец Эзбекие.

– Отец, что с тобой? – спросила Ярна, встревоженная исчезновением отца.

– Ничего, дочка, ничего.

Давид погладил Ярну по голове, стараясь не смотреть ей в глаза.

– Ты что-то скрываешь. Я не помню, чтоб ты отводил от меня взгляд. Что случилось, отец?

– Иосиф желает, чтоб ты вышла замуж за Магомеда.

Ярна опустила голову и ничего не ответила.

– Как ты к этому относишься?

Ярна отвернула взволнованное лицо в сторону.

– Это слова моего брата и воля его, – сказала она и выбежала вон.

Давид переживал, что внук его Росван останется в Каире. Он не понимал также, как оставит дочь, свое единственное утешение, и вернется в Абхазию без нее… Как подойдет к могиле их матери, тайно мечтавшей о возвращении Иосифа… Ему придется доживать свой век в одиночестве. Старшая дочь имеет семью… Как он объяснит ей и зятю, отцу Росвана, что сын их сам пожелал

остаться в Каире у своего дяди? Что скажет им о замужестве Ярны?.. Как ему жить, разлученному с любимой дочерью? Ведь он просыпался и засыпал с ее именем на устах?..

Заря едва занималась над Каиром, когда Давид позвал евнуха и велел ему позвать Али-бея.

– Я не могу будить господина. Еще так рано, – взмолился женоподобный слуга.

– Это тебе он господин, а мне… Скажи, отец зовет! – повелел Давид с несвойственной для священника нетерпимостью.

Евнух, поверив силе слов «отец зовет», прошел к покоям Али-бея, но там его не оказалось.

Стража сказала, что Аль-Кабир в тронном зале. Али-бей лежал на диване и не спал. Услышав шаги, он вскочил навстречу слуге, до смерти перепугав трусливого евнуха.

– Что тебе не спится?– возмутился Аль-Кабир.

– Отец зовет, – сообщил тот неживым голосом и исчерпал этим остаток душевных сил.

Али-бей вошел к отцу и, увидев страдальческое лицо родителя, потупил взор.

– Я согласен… – едва слышно прошептал Давид. Но слова эти были громкими и для отца, и сына. Али-бей мог бы не поверить им, если не услышал бы их отчетливо. Он посмотрел на отца и по мукам на его лице понял, что он произнес именно эти слова.

– Спасибо, – сказал Али-бей и больше ничем не мог выразить благодарности, ибо знал, что такую жертву отец мог принести только Богу, а на земле – только ему.

Ни Давид, ни Али-бей, ни Ярна не спали этой ночью. Их переживания были об одном, но переживали они поразному. Али-бей не мог радоваться сполна согласию отца, зная, что тот, согласившись, продолжает страдать,

а сестра волнуется перед неведомой судьбой… И сын не отпускал отца.

Они позавтракали вместе. Давид прочитал перед принятием пищи «Отче наш», а сын, произнося «Бисмилля»[1], приступил к еде вслед за родителем.

Рицк доложил, что из Танты прибыл Керим-бей и имеет важное донесение. Давид обрадовался появлению своего друга и пообещал Муаалиму зайти к нему.

Известия Керим-бея оказались безрадостными. Он сообщил, что на берегах Абхазии случилось какое-то столкновение с проезжими черкесами, что есть убитые и инцидент может обернуться войной.

– Как такое могло случиться? – возмутился Али-бей.

– Если срочно не найти путей к примирению, это может привести к настоящей и затяжной войне, к братоубийственному кровопролитию, – сокрушался и отец Давид.

– Такой междоусобицей не замедлят воспользоваться все: и Россия, уже ступившая одной ногой на Кавказ, и крымский хан, которому часть горских народов платит дань, и султан Мустафа, глядящий на Кавказ как на собственную вотчину.

– Кроме того, говорят, в Абхазии голод. Засуха пожгла посевы, – дополнил эмир свое сообщение.

– Да, – вздохнул Али-бей, – печальные вести ты привез, Керим-бей…

– Они столь же печальны и для меня..

– Разумеется, – сказал Али-бей, продолжая думать про себя. – Я не о том… Просто не нахожу сейчас, что предпринять с этим конфликтом… а тут еще и неурожай, как Божья кара. С недостатком еды можно помочь. Но война с братьями – всего страшней… Почти все наши эми-

[1] «Бисмилля» – «Во имя Аллаха». С этой фразой мусульманин приступает к еде. Правоверные христиане перед приемом пищи произносят короткую молитву благодарения Господу – «Отче наш».

ры – выходцы с Кавказа, – рассуждал Аль-Кабир вслух. – Еще при Ибрагиме мы посылали в голодающую Имеретию магрибскую пшеницу и кукурузу. И сейчас призовем беев. Суда у нас есть. Подключим венецианских купцов, попросим Дагера…

При упоминании шейха Али-бей осекся и посмотрел на отца. Священник сделал вид, будто он не заметил, отчего запнулся сын.

Аль-Кабир потребовал к себе Муаалима Рицка, рассказал ему о случившемся на берегах Абхазии столкновении и его возможных последствиях.

– Что можешь посоветовать? – спросил он секретаря.

– У нас есть замечательные экземпляры Корана, выполненные лучшими писцами страны. Для правоверных мусульман это лучший подарок. Можно также взять один из древнейших списков Священной книги в Академии Аль-Азхар.

– Это хорошо, – отметил Аль-Кабир. – И мне тоже, кажется, пришла неплохая мысль: надо выкупить группу мальчиков-черкесов и отправить невольников абхазскому владетелю. Пусть он от своего и моего имени вернет их на родину.

– Это будет очень благородный поступок, – поощрил священник своего сына.

– Пошлите людей на невольничий рынок и к пристаням, пускай найдут пленников из Черкесии, – поручил правитель Кериму.

Едва эмир вышел из тронного зала, Давид, словно только этого и ждал, тут же взмолился, чтоб Али-бей не задерживал его и срочно отправил в Абхазию.

– Но ведь ты дал согласие на брак Ярны и Магомеда.

Давид кивнул головой.

– Ты не будешь присутствовать на свадьбе дочери?

– Нет, Иосиф. Зная, что народ голодает и что в любой день может начаться война, я не могу терять времени. Свадьбу справите сами. Я б подождал, если б не эти печальные вести.

Али-бей прислушался к просьбе отца. Он спешно стал снаряжать корабли с зерном. Часть хлеба была взята в закромах беев. Останавливались все суда, проезжавшие по Нилу с пшеницей и кукурузой. Этим занимался Магомед-бей, окрыленный благословением Давида. О согласии отца Аль-Кабир не замедлил сообщить своему питомцу, и преуспевающий эмир прикладывал все силы для достойных проводов отца своей невесты.

У шейхов и улемов Аль-Азхара Рицк выхлопотал различные мусульманские реликвии, древний список Корана в кожаном переплете с застежками, несколько новых экземпляров Священной книги мусульман, переписанных лучшими каллиграфами Египта и Хиджаза.

По случаю отъезда отца правителя на родину наместник султана Сулейман-паша созвал специальный диван в своей главной резиденции.

– Достопочтенный отец наш, добрый посланник славной земли! – обратился Тантавий к Давиду от имени членов совета. – Вот уже больше полугода прошло, как один день, с тех пор, как твоя счастливая нога ступила на благословенную землю Египта, обрадовала присутствующих здесь особ и весь народ, населяющий страну. За это время много мудрого и поучительного ты нам открыл, чему каждый из нас будет стараться следовать.

Твое общение с лучшими представителями нашей знати и простым людом, несомненно, послужит пониманию между нашими землями, к чему немало стараний прилагают в своем правлении шейк-эль-белет Али-бей Аль-Кабир и наместник Великого султана Сулейман-па-

ша. Мы просим всевышнего благословения твоему отбытию к родным берегам.

Закончив свою речь, Тантавий приложил руку к груди и почтенно склонил голову.

Сулейман-паша облачил священника в соболью шубу, которая никак не желала сочетаться с рясой, пригласил Давида вновь посетить Каир и пожелал ему счастливого пути.

Священник говорил слова благодарности и смотрел куда-то выше тех, к кому обращался.

– С чувством глубокой признательности я обращаюсь к лучшим представителям этой земли. Все, что я увидел и ощутил здесь, превзошло удивительные рассказы, слышанные мной с детства о вашей восхитительной стране. Мне грустно расстаться со столь любезными и обходительными господами, но свет родины подобен маяку и настойчиво зовет…

Слова о родине задели эмиров за живое. Многие из них были кавказцами, и возвращение Давида к берегам отечества понималось ими как единственно правильное движение человека, оказавшегося на чужбине.

– Господа, – продолжал Давид, – прошу передать всем знатным горожанам и сановникам, простому люду, мултазимам[1] и феллахам, возделывающим эту святую землю, которая спасла Иисуса Христа во время изгнания, мою благодарность за радушный прием. Кланяйтесь за меня всем, кто хотел, но не смог со мной попрощаться…

Керим Абаза и Бирам Кабарди уже были готовы к отплытию. Корабли с пшеницей и кукурузой стояли в Булаке. Отец Давид прощался с родными во дворце Эзбекие.

– Все идет к тому, что Россия и Турция столкнутся. Каждая из сторон будет стараться овладеть Кавказом и направить его против своего врага. Я сделаю все возможное, чтобы препятствовать этому. Но как быть с Россией, не знаю… Турция – старая империя. Ее гнет наскучил народам. Россия – империя молодая. Она умело пользуется антитурецкими мятежами, воодушевляет их, снабжает оружием и между тем проводит собственную колониальную политику. Но режим ее не столь деспотичен к покоренным народам, их религиям и укладу…

[1] Мултазим – помещик.

– Не знаю, смогу ли я в том убедить Зураба Чачба, но слова твои я ему передам, – сказал Давид, внимательно выслушав сына. – Строптивый у нас владетель.

– Сейчас главное – погасить конфликт с черкесами. Горцам Кавказа надо быть как никогда заодно. Если грузины и армяне взяли сторону России, то и Зурабу следует исхо-дить из того же.

Слуги внесли в тронный зал блестящий металлический круг со множеством отростков.

– Что это – шандал? – удивленно спросил Давид.

– Да, это для твоего собора.

– Он был и твоим, – с грустным упреком заметил священник.

– Для нашего, – исправился Али-бей.

– Спасибо, сын. Господь зачтет тебе это… Я так надеялся, – признался Давид, неожиданно погрустнев, – что возвращу тебя под родительский кров… А ты и сам не возвращаешься, да еще лишил меня Ярны и Росвана.

Али-бей ничего не ответил.

Эту ночь дворец Эзбекие не спал. Рицк был взволнован отъездом Давида и подавлял свою печаль чрезмерным усердьем, собирая в путь полюбившегося священника. Неспокойно было и эмирам в своих резиденциях и дворцах. Кавказ для них был потерянным раем, и они завидовали Кериму и Бираму, которым было поручено сопровождать Давида на родину. Дух отчизны дразнил и волновал их воображение.

Давид поцеловал ручонку внучки Гатиги и прощался с Марией.

– Нам будет не хватать тебя, отец, – вымолвила она и всплакнула.

– А мне каково, доченька, – приголубил невестку священник, – доживать свои дни вдали от детей?! И все же я благодарен Господу. Он услышал мои молитвы, послал мне единоверную и благочестивую невестку. Ты мое единственное утешение из всего, что я здесь увидел. Будь ангелом-хранителем мужу своему и детям своим…

На рассвете Аль-Кабир с приближенными выехал из дворца, провожая отца в дальнюю дорогу. Конский топот взбудоражил город, который поднимал решетки на балконах и, потирая глаза, смотрел заспанным, мало что понимающим взглядом и не мог проявить столь характерного для него живого любопытства.

Ярна повисла на шее отца и разрыдалась. Магомед стоял в приличествующем зятю отдалении.

– Будь верной спутницей избраннику своему, – напутствовал ее Давид. – Да будет союз ваш благословен свыше, – добавил он, посмотрев в сторону Магомеда. – Не противься вере своего мужа и почитай обычаи страны, – сказал отец и поцеловал Ярну в лоб. – Да услышит Господь мои молитвы о вас…

Корабль отчалил от берега и поплыл навстречу восходящему солнцу, оставляя на пристани опечаленных провожающих. Пушки Мукаттама известили город о начале нового дня. Им ответили корабельные и береговые орудия, громыхнувшие прощальными салютами.

Эмиры проводили Аль-Кабира до ворот дворца и поехали по своим домам. Лишь Магомед провожал повелителя до тронного зала.

– Я готов отправиться с экспедицией против бедуинов, учинивших на нас нападение в Гизе, – заявил Магомед.

– От твоей мести они никуда не уйдут. Не будем омрачать свадьбы, – строго сказал Аль-Кабир. – Женитьбу откладывать не следует. А если хочешь посвятить свадьбе какое-нибудь дело, то послушайся моего совета.

– Возможно, я поторопился…

– В госпитале томится много слепых и бездомных. Сделай денежные пожертвования. Передай мусульманские ценности академии Аль-Азхар. У тебя немало трофеев. Не скупись. Шейхи это оценят. Щедрость украсит и возвысит тебя накануне свадьбы.

– Спасибо, отец, за совет, – поблагодарил Магомед и действительно сделал так, как наказал кумир.

Уже на следующий день горожане узнали, что Абу-Захаб отправил в госпиталь много повозок с пшеницей и растительным маслом, выпеченным хлебом, одеждой и обувью для больных и нищих. Затем он сам прибыл в госпиталь, сделал пожертвование на содержание больницы и ремонт помещения.

Увидев диковинные книги и мусульманские ценности, собранные во дворце Магомеда, Рицк был поражен. Он чуть не потерял дар речи, когда обнаружил редчайший фолиант по индийской средневековой медицине. Венецианские и генуэзские морские карты были расписаны на пергаменте многоцветной живописью, украшены гербами и флагами различных стран. Ему хотелось плакать, что эти книги находятся у человека, не знающего их научной ценности, хотя понимающего, что это тоже имущество.

Ученый под унизительным присмотром Абу-Захаба отобрал книги и реликвии для передачи Аль-Азхару, но кажется, переусердствовал. Ему хотелось, чтоб в академию попало как можно больше редкостей, чтоб затем иметь доступ к ним. Магомед подозрительно поблагодарил копта за проделанную работу, и тот удалился с неприятным ощущением разоблаченного человека.

На торжественной церемонии Магомед-бей передал библиотеке Аль-Азхара лишь часть того, что отобрал Муаалим. Тем не менее шейхи духовного центра, улемы и мюриды[1], присутствовавшие на церемонии, высоко оценили благородный поступок воинственного санджакбея и не жалели слов для его восхваления. Молва о благотворительных деяниях Абу-Захаба распространилась по городу. О нем говорили на базарах и в кофейнях, в лавках и просто на улице.

– Да возвеличит его Аллах и обрадует! – не сходило с уст духовенства и простолюдья, торговцев и ремесленников.

С особой радостью восприняли горожане весть о том, что именно Абу-Захаб женится на сестре шейк-эль-белета. Это известие, вылетев из дворцовых ворот, мгновенно достигло окраин Каира и его предместий, ушло по караванным путям, поплыло по Нилу впереди кораблей.

Наперебой запели о любви уличные музыканты. Поэты вышли на мастабы с новыми восторженными касыдами. Из уст в уста передавалась радость. Город волновался в ожидании праздника. И праздник пришел.

В ночь на пятницу Ярна со слезами простилась с Марией, просила ее благословения и долго молилась перед иконой, прощаясь с Покровительницей, жалостливо глядящей на нее из позлащенной ризы. Богоматерь прижимала к своей груди Иисуса, и по глазам ее было видно, что она догадывается об участи своего сына.

Товарищи жениха, среди которых и видом, и своим предводительством выделялся Мурад-кашиф, мамлюки с мишалями[2] и лампами в руках проводили невесту во дворец Абу-Захаба.

[1] Мюрид – помощник шейха дервишского ордена.

[2] Мишали – особые осветительные факелы на шестах, а также несущие их простолюдины.

Улицы, по которым проезжала процессия, и весь квартал, где располагался особняк знатного жениха, были освещены светильниками и фонарями. Маленькие лампочки, подвешенные на веревки, длинными гирляндами были протянуты к ближним зданиям. С них свисали красно-зеленые флажки.

Горожане с нетерпением ждали основного торжества – заффат-аль-хамама, когда невесту провезут по городу днем, и готовились к предстоящему зрелищу.

К полудню следующего дня перед дворцом Магомед-бея невозможно было протиснуться сквозь толпившийся народ. Стражники и янычары с трудом освобождали дорогу для выхода невесты. Еще среди ночи во дворец Абу-Захаба был доставлен слон, которого Али-бей подарил своему зятю для участия в процессии. Горожане платили деньги хозяевам домов, мимо которых должно было пройти шествие, чтоб разместиться на террасах. С утра были заняты ложи всех окрестных минаретов.

Процессия невесты вышла из ворот дворца под ликующий шум народа, услышавшего звуки гобоев и бой барабанов. Огромный лобастый слон шел за музыкантами впереди шествия, миролюбиво, с детской беспечностью помахивая хоботом. Накрытый пурпурной попоной с бахромой и накидкой на голове, расшитой золотыми нитками, он выглядел сказочно нарядным.

На шее слона сидел погонщик-индус. В его изящно намотанном головном уборе торчало перо райской птицы, а на лбу была прикреплена переливающаяся драгоценными камнями брошь. Погонщик был в коротких желтых штанах. Характерная синеватая смуглость его тела говорила, что это не просто ряженый, а настоящий, природный индус.

Под просторным балдахином с розовыми и желтыми полосами везли невесту. Одна из сопровождающих жен-

щин овевала ее опахалом из черных страусовых перьев. Саки-водоносы с бурдюками за спиной поили страждущих розовой и апельсиновой водой. Букеты и гирлянды жасминов в руках участников источали нежный аромат. Серебряные кадильницы-мибхары распространяли неземные благовония, словно уверяя людей, что супружеское счастье возможно.

XI. Кровь смывается молоком

В гавани Саида стояла на рейде галера Якова, груженная ливийской пшеницей. Зульфикар-бею удалось на здешнем невольничьем рынке купить нескольких черкесских подростков. Они сгрудились у борта и не уходили с палубы. Детям не верилось в возвращение, хотя приласкавший их Яков сказал, что они обязательно попадут к своим родным.

Отец Давид взял пленников под свое попечительство. Он увлекал их разговорами, рассказывал занимательные истории и просто сказки. Когда священник утомился, его заменил Бирам, для которого черкесский язык был родным, и он общался с мальчиками более бойко.

Подняв паруса, корабли покинули бухту, и ушли в неожиданно помрачневшее море. Вскоре начался шторм. Ветер рвал паруса и их быстро спустили, прежде чем разыгралась буря. Волны захлестывали палубу, и резкие порывы ветра обдавали матросов солеными брызгами, швыряли в них морскую пену.

Страх перед неведомой стихией одолевал непривыкших к морским плаваниям путешественников. Мальчики забились в угол трюма, приложившись к священнику, который молил Бога о спасении, давал им целовать крест.

Холод серебра, который они чувствовали губами, как овеществленная гарантия спасения, вселяла в них надежду.

Под утро судно перестало качать, и никто даже не заметил, как их одолел сон. Он был коротким, но глубоким, как беспамятство.

Когда путешественники вышли на палубу, выдраенную ночным штормом и залитую ослепительным солнцем, море оказалось совершенно спокойным, словно бури не было вовсе. Вдали отчетливо виднелись неправдоподобно живописные, библейские очертанья Синайских гор.

Подплывая к берегам Палестины, караван повстречал шебеку, капитан которой довольно дерзко потребовал остановиться и, пришвартовавшись к галере, стал буквально допрашивать Керима.

– Я эмир Али-бея Аль-Кабира! Мы едем к Омеру Дагеру в Акку. И в этом море мы не гости! – ответил ему в тон Керим-бей.

– Раз вы едете к Дагеру, вы наши гости, причем дорогие гости, – умело выровнял разговор зарвавшийся было капитан. – Мы люди шейха Криме и будем рады проводить вас к отцу нашего властелина.

Капитан шебеки извинился за доставленное беспокойство и, спустившись в свое судно, поплыл вместе с караваном. По пути к ним присоединились две полугалеры дагеровых сыновей, недалеким кресированием которых объяснялась неожиданная дерзость капитана шебеки. В почетном сопровождении египетские корабли вошли в бухту Акки.

Давида и сопровождавших его эмиров Дагер встретил у ворот своего замка, куда он спустился, едва ему доложили дозорные, что в бухту заходят незнакомые корабли.

– А я уж думал, что ты отъехал в Абхазию, не попрощавшись со мной, – сказал правитель Галилеи, обняв отца своего друга.

– Да попробуй проехать мимо тебя! Нас арестовал один из твоих капитанов и заставил причалить к пристани.

– Значит, вы мои пленники, – шутил Дагер и тепло здоровался с эмирами. – Задержать вас или отпустить – моя воля!

– Это так жестоко, шейх! – с деланным отчаяньем воскликнул священник, становясь неожиданно игривым.

Омер увел гостей в замок и принял их со своим неизменным радушием. Изможденные штормом путешественники отдохнули, набрались сил. Отец Давид и эмиры передали шейху множество ценных даров, которыми Али-бей возмещал вынужденный отказ выдать Ярну за сына своего друга.

Дагеру польстило внимание Али-бея. Шейх был щедрым человеком, даже расточительным, однако любой, даже не очень значительный подарок вызывал в нем большую радость, подчас несоразмерную подношению.

– Я ничего не слышал об избиении паломников, – признался Дагер, удивленный рассказом Давида. – Возможно, заезжие купцы не говорили мне об этом, полагая, что меня не волнуют события далекой Абхазии. Иначе как я мог не услышать об этом происшествии? В любом случае нельзя допускать вражды.

Шейх близко к сердцу принял опасения Давида, хотя казалось, что война для старого полководца – естественное состояние, способ существования, наконец, сама жизнь. Шейх искренне пожелал, чтоб священнику удалось выполнить миссию миротворца, и дал ему троих юношей-черкесов. Он готовил их для своей гвардии, но пожертвовал мамлюками в залог успешного перемирия.

– Скажите владетелю Абхазии, чтоб он передал вольноотпущенных черкесам от моего имени и сказал, что шейх Дагер желает мира Кавказу.

Слуги привели мамлюков. Это были три замечательных юнца с горящей в глазах неестественной для их лет воинственностью.

– Я даю вам свободу, – сказал Дагер миротворческим голосом. – Вы поедете на Кавказ с этими людьми. Они возвратят вас родным. Во имя чего я это делаю, вы поймете позже.

Мамлюкам невозможно было осознать эти слова, как невозможна была сама мысль о свободе и родине. Они удалились, не ощутив ничего своими ожесточившимися сердцами.

Запасшись в Акке пресной водой и продовольствием, корабли поплыли к Эгейскому морю, а затем вошли в Архипелаг. В Стамбуле Керим Абаза высадил своего кашифа, которому поручил узнать через Маяну и ее мужа о дворцовых новостях и намерениях Порты в отношении Египта. Корабль уже покидал бухту османской столицы, когда Яков вышел на палубу к глядящему вдаль священнику.

– Красивый город, не правда ли? – спросил он, полагая, что Давид восхищается великолепием удаляющейся панорамы Стамбула.

– Город замечательный, – сокрушенно вздохнул Давид. – Но я сейчас думал о другом. Смотрю на собор Софии Константинопольской и поражаюсь, до чего похожи судьбы людей, городов и храмов. Об этом же я думал, когда ехал в Каир и впервые увидел Стамбул.

Яков внимательно слушал священника, еще не понимая, что он имеет в виду.

– Омусульманенный собор, – продолжал Давид, глядя на минареты Айя Софии, – напомнил мне о судьбе Иосифа. По магометанскому крещению он стал Али-беем. Точно так же Богохранимый Константинополь переименован в Стамбул, а юстиниановский храм стал мечетью.

– Вас это огорчает?

– Разумеется. Основа любой религии – вера в Бога. А Бог един. И если наши души действительно устремлены к Нему одному, значит, мы равны между собой и перед Ним. Но не надо разорять чужой святыни. Нельзя превращать храм в мечеть.

– Но ведь и христиане превращали языческие храмы в христианские церкви или строили соборы на разоренных капищах[1], – возразил Яков.

– Я не слышал такого, – с сожаленьем признался Давид.

– А я читал об этом в книге.

– Это несправедливо. В любом случае – несправедливо…

Чем ближе становились родные берега, тем сильнее тревожился Давид, не зная, в каком состоянии застанет он свой храм, своих родных. Едва позади остался Трапезунд, как вскоре на востоке появились белеющие снегами далекие отроги Кавказа. До Абхазии было далеко, но она уже чувствовалась, она уже волновала воображение, изводила душу.

Давиду прежде не была знакома тоска по родине, но чувство это оказалось совершенно невыносимым. Он покидал отчизну весной, а возвращался задумчивой, как святая старость праведника, осенью. Белейший снег на Абхазском хребте был чист, как изножье Творца. Неземная красота Абхазии наполняла человека предчувствием Бога. И Давид воочию увидел, как над горой Апсара[2] отверзлось небо, и он узрел златые стопы Отца. Сердце хотело произнести Его обожаемое имя, но оно оказалось чрезмерным для уст и не произнеслось.

[1] Капище – языческий храм.

[2] Апсара – Святая гора в исторической Анакопии или современном Новом Афоне в Абхазии.

– Откуда мы, грешные, здесь?! – молитвенно прошептал Давид в оцепенении, глядя на неземные очертанья анакопийских предгорий.

Корабли входили в бухту. Над устьем целительной Псырдзхи сквозь угасающий вечер высвечивался немеркнущий храм Симона Кананита, куда Давид прошел, не замечая ни встречавших его, ни сопровождавших. Озаренный видением, он целовал камни святого места, прикасался к ним ладонями и лбом, пока не вошел в храм и не встал перед алтарем, под которым покоились нетленные мощи Святого Апостола, ученика и сподвижника Иисуса Христа.

Глашатаи оповещали людей. От холма по ночным предгорьям крикуны разносили весть о возвратившейся Лыхненской святыне. Воспряли пустеющие храмы, забили в колокола. Изверившийся народ со свечами и факелами пошел в церкви, расчленяя темноту стекающими ручьями огней. Это был гимн Апсуаре[1]. Не обремененный словами, но напоенный и возвышенный верой… Земной рай обретал свой первородный смысл в святой муке осознанного человеком вероотступничества. Народ возвращался к своей изначальной сути, к подножью того, кто уступил ему свою обитель и поселился на небе, но, уходя, предупредил: не превратите ее в Ад и сострадайте.

Всю ночь не гасли свечи вокруг храма Святого Симона, как не прерывалась и молитва. А на рассвете разверзлась земля, и обрамленная светящимся нимбом святыня поднялась над страждущими и, немного задержавшись, пошла в сторону Лыхны, призывая туда богомольцев.

Корабли едва вместили анакопийских паломников, отбывших вместе с Давидом к берегам Святой Пицунды.

[1] Апсуара – морально-нравственная безупречность, духовное совершенство – высший способ существования человека (*абх*).

Звонили колокола поредевших прибрежных церквей, а безголосые, запустевшие храмы, как отверженные, смотрели на восток пустыми глазищами алтарных окон.

Извещенный о прибытии иконы Лыхненской Богоматери владетельный князь Зураб Чачба в сопровождении своих вассалов прибыл в Пицунду. Удельные князья и дворяне западной Абхазии стали прибывать сюда, когда корабли входили в бухту, и весь берег овального залива был заполнен съехавшимся народом.

Окрестные селенья совершенно опустели. И стар и млад пошли встречать Царицу – кто на конях, кто пешим. Немощных привезли на арбах.

Гребцы налегли на весла, и первая галера подошла к берегу. На саму пристань никто из встречавших ступить не смел, ибо у самого ее начала стоял владетель в окружении свиты, выделяясь белой мастью коня и пурпурным цветом парчового кафтана.

Давид сошел с корабля и, держа перед собой икону Божьей Матери, медленно ступил навстречу оцепеневшему народу. Князь Чачба подпустил священника настолько близко, чтоб сойти с коня и сделать несколько шагов. И едва владетель, опустившись на колено, поцеловал Святой Образ, раздался плач женщин, не вынесших встречи с покровительницей и заступницей.

Владетель принял икону и медленно пошел к собору, увлекая за собой людей. Толпа преображалась в процессию устремленного к храму крестного хода.

Давид взял из рук своего зятя кадило. Размахивая им и благословляя богомольцев, он шел рядом с церковными знаменами. В это время из толпы вырвалась безумная женщина в сбившейся косынке и бросилась к священнику. Давид едва удержал ее. Она целовала ему руку, рыдала и вопрошала: «Отец, где мой сын? Что с Росваном?»

Зять не смел спросить его о сыне, но дочь, не обнаружив Росвана рядом с дедом, почуяла недоброе и заждавшееся материнское сердце охватил ужас.

– Люди смотрят на нас, дочь моя, – сказал ей негромко Давид. – Росван остался у своего дяди. Но он скоро приедет… он сам так захотел…

Но дочь священника не могла унять рыданья.

– С ним ничего не случилось? – с мольбой в голосе спросила она сквозь слезы, залившие ее воспаленные, искусанные от волнения губы.

– Он рядом с Иосифом и просил тебя не беспокоиться…

– Я не вынесу разлуки!..

– Устыдись, дочь, перед образом Той, что послала своего сына на крестные муки! – сказал Давид почти строго, и очнувшаяся от этих слов женщина отстранилась от отца, но шла за ним следом неуверенно, ведомая своим полуотрезвленным сознаньем.

– Отец, где сестра моя? – спросила дочь бессильным и еле слышным шепотом. Но Давид понял, о чем она спросила, не услышал – угадал ее вопрос.

– Осталась у своего брата, – ответил он, не оборачиваясь и продолжая размахивать кадилом…

Икону, а затем и посох внесли в храм. Давид, стоя перед иконостасом, обратился к прихожанам с проповедью, рассказал о своей поездке по Святым местам, о Египте и состоянии христианства в этой стране.

Огромный патриарший собор давно не помнил такого. Ни в самом зале, ни на хорах и галереях, ни в притворе негде было ступить. На удивленье много оказалось женщин. Возвращение покровительницы Анапы по-особому взволновало их. Они смотрели с хор на изображение Оранты, расположенное над горним местом, и были уверены, что стоящая с воздетыми руками Мать Матерей,

смертью своего сына искупившая грехи человечества, просит сейчас о благополучии их детей.

Давид рассказал приходу, как была найдена икона и патриарший посох. Затем началась служба. Хор запел «Щардаамата», и гимн восхваления Бога-Отца «Многие лета» медленно и неуклонно возносился под купол, со свода которого смотрели на молящихся печально-добрые глаза Спасителя. Богомольцы целовали возвратившиеся реликвии, были возвышены мыслью о Боге и ощущали ближнего.

Под утро крестный ход, возглавляемый знатью и духовенством, тронулся на восток, в сторону резиденции владетеля, где располагался Успенский собор – Анан-Лыхных. По всему пути к ним присоединялись новые и новые группы паломников, шедших из предгорий и приморских сел.

Огромная поляна перед резиденцией владетеля и древним собором была запружена народом. Веранды дворца заполнили женщины и дети княжеского дома. Другие подростки забрались на крыши подворья и наблюдали за приближающейся процессией.

Народ на площади расступился, пропуская участников шествия, осеняя себя крестным знамением, преклоняясь перед иконой и владетелем. Крестный ход с хоругвями и свечами трижды обошел собор, водворил святыню в ее обитель и Царица заняла свой престол.

Хор и прихожане, которых смогла вместить небольшая церковь, спели «Отче наш». Лыхненский священник вышел из церкви с иконой, и всем миром собравшаяся на поляне Бзыбская Абхазия слушала проповедь и псалмы. Православный народ то и дело повторял «аминь».

Всю ночь по краям поляны горели костры, у которых отдыхали утомленные паломники. Многих местные жители взяли на ночлег в свои дома. На священном поле

Лыхнашта и в окрестных селениях царила обстановка всеобщего родства и братства.

К полудню стали прибывать богомольцы из отдаленных мест. Были среди них и одинокие, пешие странники, и большие группы верховых, возглавляемые князьями и дворянами. Некоторые участники ночного шествия еще ранним утром поторопились в обратный путь к своим брошенным хозяйствам.

Отец Давид, переночевав в ските, вышел из церковной ограды и вместе с другими священнослужителями направился ко дворцу владетеля. К ним присоединились каирские гости, возглавляемые Керимом Абазой. Князь вышел из дворца со своей свитой навстречу гостям и духовенству.

– Господи! Храни Ачбу и Чачба! И возвеличь владетеля нашего боголюбивого! – воззвал лыхненский священник, когда процессия подошла ко дворцу и остановилась перед знатью.

– Да исполнится! – сказал народ, подняв голову к небу, а затем, опустив глаза к земле, вразнобой молвил: – Истинно! Аминь!

Керим-бей Абаза вышел в круг и поприветствовал князей и дворян.

– Благословенный народ! – обратился он к собравшимся. – Да не обойдет вас Божья милость!..

Посланец говорил горячо и речисто, высказывая в адрес владетеля пожелания своего властелина. Оратор был плоть от плоти этой земли, отчужденный от нее волей судьбы. Каждое слово Керима было насыщено сознанием особой важности и было значительней их изрекавшего. Он был возвышен над самим собой.

Керим облачил Зураба Чачба в меховую шубу, присланную Али-беем. Затем Бирам Кабарди подвел к нему

арабского скакуна, снял навешанное на седло дорогое оружие и передал его владетелю Абхазии.

– Замечательный скакун! – восхитился князь и похлопал коня по загривку. – Может, наш гость, уроженец славной Кабарды, покажет нам себя и коня? – предложил князь Зураб.

Бирам приложил ладонь к груди и кивнул головой в знак благодарности.

Отведя коня подальше, джигит развернул его в сторону владетеля. Скакун тронулся с места. Бирам едва успел перекинуть узду через голову коня и на ходу вспрыгнуть в седло, не воспользовавшись вовсе стременем. Он снова развернулся лицом к знатной публике и едва удерживаемой отменной иноходью поехал в сторону собора. Расступившийся народ образовал хорошо просматриваемый коридор, и наездник, переведя коня на умеренный галоп, достиг церковной ограды.

В такой же последовательности Бирам повторил заданные аллюры на обратном пути, но галоп уже был стремительным, хотя всадник и держал узду накоротке. На всем скаку он осадил белого арабского скакуна, и тот всеми четырьмя ногами уперевшись в землю, пропахал девственный покров священного поля, срезав полосы дерна, и остановился в рискованной близости от владетеля. Зураб не шелохнулся даже, хотя конь обдал его горячим дыханьем.

Бирам по-молодецки спрыгнул с коня прежде, чем кто-либо подскочил к нему, чтоб взять узду и подержать стремя.

– Горец есть горец – упрячь его в пески Сахары или в русские степи, – одобрительно заметил Зураб. – Спасибо тебе, джигит!.. Теперь я уверен, что наши люди не посрамят Отечества и в далеком Египте… Замечательный подарок. Я непременно воспользуюсь случаем ответить

взаимностью на внимание твоего господина… И тебе, отец, низкий поклон от всего абхазского народа, – обратился владетель к Давиду. – Твоими стараниями вернулась в наш храм святыня… Зерно, привезенное через моря из Каира, мы распределили таким образом, чтоб оно попало в каждое село. Пусть понемногу, но этот хлеб мы преломим по-братски. Да не лишит нас Всевышний хлеба насущного!

После полудня Зураб Чачба принимал гостей из Каира в своем дворце. На совет прибыли многие удаленные князья и наиболее влиятельные дворяне. Керим-бея и Бирама усадили на почетные места. Духовенство и знать сидели по разные стороны изразцового камина.

Давиду было дано слово. Владетель предложил ему подробно рассказать о своем путешествии, но священник почти не задержался на этом, чтоб не отнимать времени, отпущенного для решения важных вопросов. Он коротко рассказал об удивившей его веротерпимости каирцев, где рядом с магометанством уживаются православие и католичество, иудейство и язычество. К этому сообщению присутствовшие отнеслись с особым интересом, ибо ислам уже вытеснял христианство в Адыгее, Черкесии и Кабарде, в пограничных с ними абхазских землях и уже расшатывал христианские устои в самой Абхазии. Эта тема была наболевшая, тем более что произвол абхазских разбойников был воспринят в Черкесии как преднамеренная расправа над мусульманами, и инциденту придавался характер религиозной нетерпимости.

На самом деле, как теперь стало известно Давиду, черкесских мусульман, возвращавшихся из хаджа, прибило к абхазским берегам между Гагрой и Бзыбью. Лесные разбойники напали на путешественников, перебили их, отобрали невеликое имущество пилигримов. Тем временем неподалеку проезжал князь Батаква Инал-ипа, который

заслышал выстрелы. Заметив вооруженных всадников, разбойники кинулись прочь и скрылись в лесах.

Инал-ипа и сопровождавшие его нукеры оказали помощь пострадавшим. Им были возмещены убытки, дано все необходимое для продолжения пути в Кабарду. Люди князя сопроводили их до самого перевала Санчар. Здесь паломники велели своим проводникам вернуться, ибо не могли ручаться за жизнь провожатых по прибытии в черкесские пределы.

Князь Атажуква во время нападения оказал разбойникам самое отчаянное сопротивление. Несмотря на серьезные раны, он решил отбыть вместе с группой, которую возглавлял, но Инал-ипа, заклиная его живыми и мертвыми, принудил остаться и дождаться выздоровления. Абхазский князь, казалось, сделал все для поимки разбойников, но абреки, зная, какая их ждет расправа, удалились в верховья Мзымты и перешли к убыхам.

Инал-ипа передал своему гостю табун коней вместе с конюхами, которые должны были перегнать лошадей через горы. На перевале Исмаил Атажуква замешкался.

– Пускай со мной поступят так, как поступили с тобой, – сказал абхаз, давая понять Атажукве, что будет провожать его до дома.

Между тем вся Черкесия была настроена против абхазов. Поступок абреков был расценен как осквернение братства и надругательство над верой. Исмаил Атажуква оказался в затруднительном положении. Не устроить пира в честь своего гостя и благодетеля он не мог, но обстановка к этому никак не располагала: слишком рискованным было само присутствие абхазского князя в оскорбившейся Черкесии.

Атажуква послал гонцов к соседним князьям. Он знал, что они не придут оказывать уважение абхазам, и потому

объявил Инал-ипу своим названым братом. Уклониться от такого приглашения означало порвать с влиятельным Атажуквой. Представители местной знати были вынуждены прибыть в дом князя.

Напряжение невозможно было скрыть. Никто открыто не выказывал неприязни, но о радушии не могло идти и речи. Соблюдались лишь приличия. И хотя Атажуква не собирался прощать обидчиков, но все-таки ощутил несправедливость холодного обхождения с благородным Инал-ипой. Он действительно назвал Батакву братом, подарил ему памятную саблю и призвал своих сородичей помнить, кем ему доводится благочестивый абхазский князь.

Тем не менее, проводив Инал-ипу до перевала Санчар и возвратившись в Черкесию, он стоял среди тех, кто принародно у священного дерева перед развалинами древнего храма давал клятву мстить любому абхазу, кроме Инал-ипы и его людей.

Вскоре черкесы совершили разорительные набеги на предгорные селенья Абхазии, угнали стада и людей. Князь Зураб строго предупредил не предпринимать ответных походов, но охранять горные проходы и ущелья.

С летних альпийских пастбищ черкесы угнали большой табун отменных коней. Зурабу Чачба пришлось возмещать этот ущерб, чтоб удержать дальских князей Амарщан от нападения на Черкесию. Для этого владетель обложил более покладистых вассалов данью в такое же количество лошадей и возместил убытки отчаянным дальцам, которых едва удержал, чтоб они не вступили в Черкесию.

Вокруг того, как разрешить этот конфликт, было много разговоров, и, хотя князья разоренных селений призвали к войне, большая часть знати склонилась к мнению Чачба. Сын владетеля еще прежде был предусмотрительно

женат на дочери влиятельного дальского Амарщана и это давало Зурабу возможность держать строптивый княжеский клан в относительном повиновении.

Амарщаны всегда любили славу и гордились своим независимым положением. И если ради свободы нужно было бы переступить через родство с правителем, они б это сделали не задумываясь. Потому решительный в своих намерениях Зураб Чачба обходился с непокорными родственниками с особой предупредительностью.

Горная область, которой управляли Амарщаны, справедливо считалась осиным гнездом, и только безумец мог сунуть туда руку.

Шат Амарщан, несмотря на свою молодость, пользовался большим авторитетом в клане и был уважаем за свою редкую рассудительность, столь нехарактерную для агрессивных дальцев. Он умело разрешал различные конфликты и даже примирил карачаевцев со сванами, не поделившими альпийские угодья. Именно позиция князя Шата определила окончательное решение совета, на котором Амарщаны сидели, как ястребы, вынужденные отказаться от охоты.

– Кабарда не оставит нас в покое, пока мы не придем ко взаимной присяге, – заключил сочинский князь Ардба[1]. – Но нам нечего предложить для мира. Мы не можем выдать виновников, которые скрылись в горах.

– Наши разоренные села уже дают основание говорить о перемирии, – возразил ему Шат Амарщан. – Черкесы понимают, ради чего мы не ответили. И если мир не будет заключен в ближайшее время, то любой новый набег может привести к настоящей войне.

– В таком случае пускай скажет свое слово Батаква Инал-ипа, – предложил владетель. – Князь является побратимом Атажуквы. Его авторитет среди кабардинцев может стать залогом успешных переговоров.

[1] Князь Ардба – владетель Арыдны (совр. Адлера).

Инал-ипа поднялся и легким кивком головы выразил признательность за предоставленное слово. Он положил ладонь на рукоять кинжала и, исполненный редкого благородства, высказал свое суждение.

– Я не могу отстраниться от миссии посредника и не представлять перед черкесами абхазских интересов. Но прежде наши князья должны высказать свои предложения и отобрать лучшие из них. Я же со своей стороны готов выполнить ваше поручение и возглавить депутацию.

– Господа, вам известно, что к нам прибыли гости из Каира, – продолжил разговор князь Зураб. – Правитель Египта Али-бей также обеспокоен случившимся на его родине и дал некоторые поручения своим эмирам, находящимся сегодня с нами. Бирам по прозвищу Кабарди, которого вы видели скачущим на коне, – уроженец славной Кабарды. Он из рода Бгажноква. Предки его являются выходцами из Абхазии, из Дала, который находится во владении присутствующих здесь Амарщанов. Там и сейчас живут абхазские сородичи Бирама из известной фамилии Бгажба. Даже их село называется Бгаж-яшта… Словом, Бирам Кабарди прибыл к нам для участия в перемирии и ему есть что нам сказать.

Бирам поблагодарил владетеля за предоставленное слово и высказал сожаления всех выходцев из Кавказа, находящихся в Каире, в связи с событиями в Абхазии. Он сказал, что Али-бей Аль-Кабир в залог успешных переговоров выкупил и передал им одиннадцать подростков-черкесов, проданных в рабство и попавших в Египет.

– Кроме того, – продолжал Кабарди, – друг нашего правителя, шейх Акки и Галилеи Омер Захир Дагер, узнав о конфликте, также передал троих своих мамлюков

во имя мира между абхазами и кабардинцами. Причем Али-бей и его друг Дагер высказали пожелания, чтоб этих вольноотпущенников прилюдно возвратил Черкесии сам владетель Абхазии.

Князья и дворяне внимательно выслушали посланника Али-бея и были воодушевлены стараниями своего прославленного земляка. Еще больше уверенности придало им сообщение Давида о том, что Али-бей передал для пострадавших паломников экземпляр древнего Корана в богатом окладе, новые списки Священной книги и ценные мусульманские реликвии, освященные в Мекке и хранившиеся в главном духовном заведении мусульманского мира – академии Аль-Азхар.

Спустя несколько дней, отправив утреннюю службу и попросив у Богородицы – Анан-Лдзааных, а затем у иконы Святого Георгия благословения, знатная депутация покинула Пицунду и отправилась в загородный путь. Переправившись вброд через бурную Бзыбь, они поднялись в Аспе на гребень величественной Мамдзыщхи. Давид поклонился развалинам древнего крепостного храма, стоящего на каменистом плато. Здесь путники присели на камни, разбросанные по поляне, обнесенной крепостными стенами.

– В далекие времена эти руины были замком моих предков, – сказал Батаква Инал-ипа, кивнув головой в сторону высокой, увитой плющом башни.

– А почему ты не восстановишь его? – спросил Давид. – Ведь душе больно смотреть на это пепелище.

– Непременно возьмусь… И прежде всего восстановлю храм. Моим предкам грозило полное истребление. И именно здесь, именно благодаря этому храму был спасен наш род… Оказывается, напали как-то на наших предков загорные враги и осадили замок. Долго обороняла

лась твердыня, в которой укрылось окрестное население. Враги решили взять ее на измор. Вскоре крепость осталась без еды и, главное, без воды. Осажденные защитники вышли из крепости и дали решительный бой. Жестоким было сражение, все мужчины полегли костьми, но не посрамили своих. Остались в крепости лишь женщины, дети и немощные старики. «Не для плена мы родили детей»! – сказали женщины и договорились сбросить детей со стены, а затем и самим броситься на вражеские копья. Отчаявшиеся женщины поднялись с обреченными детьми на башню, как вдруг среди ясного неба грянул гром, ударила молния и в ущелье Бзыби запорхало множество ангелов. Женщины бросали детей на скалы, но у самой земли их подхватывали ангелы и уносили на другую сторону Бзыби, оставляя на лужайке перед рощей. Увидев такое чудо, женщины побросали оставшихся детей, и они также были перенесены в ангельских объятьях за реку… И там, на противоположном берегу появилась осиянная женщина, озарившая своим светом и мрачное ущелье, и всю крепость. Она ласкала сирот, а они копошились в ее ногах, теребили подол спасительницы. Это была Сатаней, Анана наша, Мария Богородица, Царица Небесная…

Взволнованный рассказом князя, Давид стоял перед Батаквой, ибо не смел слушать Истину сидя. Над ущельем неожиданно загромыхало. Спутники подняли головы к небу и обомлели. На нем не было ни облака.

– Отче наш, сущий на небесах, – послушническим голосом промолвил священник. – Да святится имя Твое… да приидет Царствие Твое, и да сбудется воля Твоя, как на небе, так и на земле…

Священник долго смотрел в сторону моря. Вдали зеленым клином вдавался в синий, сливающийся с небом морской простор мыс Пицунда… Дорога круто шла

в горы, а затем по изрезанным склонам хребта уводила послов за перевал то по голым каменистым кручинам, то по выгоревшим альпийским лугам, то вдруг спускаясь и окунаясь в могучие кедровые леса.

Выйдя в верховья Большого Инджика[1], депутация вступила в пределы Малой Абхазии и вскоре оказалась в гостях у князя Лоо, которому Шат Амарщан доводился дядей по материнской линии. Князь был готов надолго задержать дорогих гостей, но, зная по какому делу они едут в Кабарду, был вынужден унять свое гостеприимство. Он предложил услуги и присоединился к посольству.

Керим-бей наблюдал за душевным волнением, которое неумело скрывал сейчас Бирам, впервые после многолетней разлуки вступая на землю отцов. Эмир, уже перенесший муки кратковременной побывки на родине, не завидовал товарищу, но сопереживал, сочувствовал и намеренно не отвлекал его досужими разговорами.

Внешне волнение Бирама не было особо заметным, но кабардинец чаще обычного проводил рукой по лицу и сильными пальцами приглаживал бороду, словно совершал намаз перед святыми предгорьями отечества.

Князь Атажуква был извещен специальным гонцом о приезде своего побратима и послал ему навстречу людей. Он был обеспокоен предстоящими переговорами и переживал, что они могут оказаться безрезультатными. Узнав среди гостей Шата Амарщана, хозяин с особым почтением приветствовал его, но был откровенно сконфужен при виде священника с крестом на груди.

– Отец будет нас крестить? – спросил он у побратима, с трудом скрывая неуместную даже для собственных чувств иронию, когда они входили в гостиную.

– Не думаю, – уклончиво ответил Батаква, уступая дорогу хозяину и стараясь не развивать этой темы.

[1] Большой Инджик – река Зеленчук (*абх.-адыг.*)

– Крещенного не крестят, – бесстрастным тоном заметил отец Давид, едва побратимы сели за стол.

– Что отец имел в виду? – спросил Атажуква с нескрываемым любопытством и оглянулся на Инал-ипу, которому отводил роль посредника в этом щепетильном разговоре.

– Я имел в виду, что ты уже однажды крещенный, – подтвердил Давид, не дожидаясь объяснений Батаквы и освобождая Инал-ипу от нежелательного посредничества.

– Будь я крещенным христианином, разве я посмел бы пойти в Мекку! – возразил Атажуква.

– Человек, в доме которого хранится древний пергаментный список Евангелия на греческом языке… Такой человек больше, чем просто крещенный христианин.

– Откуда тебе это известно? – воскликнул не столько возмущенный, сколько изумленный хозяин, поражаясь осведомленности гостя.

Словам священника были равно удивлены и черкесские, и абхазские князья. Давид ничего не ответил на вопрос Атажуквы. Он подозвал своего служителя, взял из рук завернутую в дорогое сукно огромную книгу и преподнес ее черкесскому князю. Хозяин положил подношение на стол, откинул сукно и, увидев фолиант в кожаном переплете, вопросительно посмотрел на Давида.

– Это древнейший список Корана, – пояснил священник.

Атажуква перенес недоуменный взгляд на Инал-ипу в надежде получить объяснение, почему именно православный священник должен преподносить ему Священную книгу мусульман, и, вообще, что все это значит.

– Ты что-нибудь слышал об Али-бее, правителе Египта? – спросил Инал-ипа.

– Конечно, – ответил хозяин, недоумение которого усилилось еще и этим, казалось, неуместным вопросом.

– Так вот, Коран тебе прислал Али-бей, а добросердечный Давид – отец того самого Али-бея – привез тебе из Каира эту книгу и другие дары…

– Или ты плохо объясняешь, или я ничего не понимаю, – чуть не отчаялся Атажуква, не обращая внимания на такое же недоумение других черкесских князей. – Если я правильно тебя понял, почтенный наш гость является отцом Али-бея?!

– Да, мой брат. Ты все правильно понял, – почти ласково подтвердил Инал-ипа, и Атажуква, вынужденный поверить услышанному, склонил голову в знак почтения и приложил ладонь к своей груди.

– А это вновь переписанные экземпляры Корана из университета Аль-Азхар, – продолжал объяснять Давид. Затем он передал князю лоскут священной кисвы и плетеные бутылки с водой из святого источника Мекки – Земзем.

– Этим дарам нет цены. Я не могу их так принять, – со сдержанным смущеньем признался Атажуква. – Они предназначены всем правоверным кабардинцам, и передать их следует принародно.

Князь подозвал слугу и что-то поручил ему. Затем вновь обернулся к гостям и сказал:

– Мусульманские реликвии, присланные Великим Али-беем, стали для меня и других кабардинцев, присутствующих здесь, приятной неожиданностью. Еще более неожиданным оказалось то, что их привез и передает нам православный священник. Мне казалось, что христианин не может даже прикоснуться к Корану…

– Я служу в православном храме, а сын правит далекой мусульманской страной. Как же быть?.. – риторически спросил Давид и продолжил мысль: – Читая Коран, Евангелие или Талмуд… лишь бы человек приобщался к мысли о Боге. Религий много, а Он един. Мы же его неразумная паства. И не следует забывать, что мусульмане тоже знают и почитают Иисуса Христа, и в Коране записано: «Христиане да крестятся по Евангелию».

И хозяева, и гости одинаково внимательно слушали откровение отца Давида, пребывая во власти покоряющей мудрости.

– А если кто хочет враждовать, тот всегда найдет повод, – завершил старец свою речь. – И самое преступное богохульство, когда это совершают якобы от имени Христа, Магомеда или Яхве, которые сами между собой не враждуют и других не подстрекают…

– Отец, – спросил Атажуква, как бы выходя из забытья. – А абхазов или грузин, исповедующих христианство, не преследуют в Египте?

– Мамлюки все обращены в мусульманство, но остальные жители страны исповедуют свою собственную религию. Я был немало удивлен тому, что в столице мусульманской страны без особых притеснений вместе с магометанами проживают и посещают свои храмы православные и католики, иудеи, якобиты и армяне-григориане.

Слуга передал Исмаилу Атажукве большую, завернутую в белое льняное полотенце книгу.

– Это то самое Евангелие, о котором ты говорил, – пояснил Атажуква, и священник, перекрестившись, бережно взял в руки древнюю пергаментную рукопись.

– Я не знаю, сколько лет этой книге, но она передается в нашем роду по наследству, как святыня.

– Она и есть настоящая святыня, – поправил Давид оговорившегося князя. – В четырнадцатом веке перестали писать на пергаменте. Его сменила александрийская бумага или, как ее называли наши предки, мсырская бумага. У абхазов по сей день бытует поговорка о бело-

кожих женщинах – «шея ее бела, как мсырская бумага». Этой книге по меньшей мере пять столетий.

– Сколько же поколений сменилось с тех пор в нашем роду? – озадачил себя вопросом Атажуква, проникшись любовью к знаменитым предкам…

На следующий день во дворе кабардинского князя было особо многолюдно. Собралось немало знатных людей, приглашенных посланцами хозяина дома. Во дворе почти не было видно прислуги, но время от времени появлялись деловито взволнованные распорядители и потому нетрудно было догадаться, что приготовления к пиру идут своим неминуемым чередом.

На поляне перед домом были установлены длинные скамьи, хотя мало кто прибегал к их услугам. Разве что почтенного возраста дворянин мог себе позволить сидеть при стечении такого числа людей.

Черкесы стояли во дворе вокруг наиболее интересных собеседников, образовывая маленькие временные товарищества.

В одной из комнат княжеского дома Бирам уединился с прибывшими увидеть его родственниками, которым не терпелось после переговоров увезти его в родное село, в отцовский дом. Дальним родственникам было легче говорить и задавать ему вопросы. В том было их преимущественное право. А младший брат Бирама сгорал в своей скрываемой любви и говорил с ним лишь взглядом мужского терпения.

В центр двора вынесли небольшой дубовый стол, и все внимание гостей обратилось сейчас к нему. Те, кого слушали в это время, сократили свои рассказы, ибо сами уже теряли сосредоточенность, да и слушатели становились не столь внимательными. Едва во двор спустился князь с гостями из Абхазии, группы людей распались окончательно и слились в единую массу.

Князь Атажуква объявил собравшимся о приезде абхазской депутации, подчеркнул их уважительное отношение к магометанству, стараясь уравновесить этим присутствие христианского священника. Представляя абхазских послов, он обстоятельно рассказал о Давиде, которого, в отличие от князей Инал-ипа, Амарщана и Лоо, совершенно не знали в этих местах.

Для многих оказалось неожиданным, что священник является отцом известного во всем мусульманском мире правителя Египта. Об Аль-Кабире они были немало наслышаны от паломников, возвращавшихся из хаджа, а также от торговцев и путешественников.

– Славный правитель Египта Али-бей Аль-Кабир, – продолжал Атажуква, – прислал правоверным кабардинцам старинный список Корана, по которому веками учились божественной мудрости лучшие последователи учения Магомеда, посланника единого Аллаха.

– Ля иля ха илля лла![1] – откликнулись мусульмане и поклонились услышанному. – Да благословит его Аллах и возвеличит!

Прервав свою речь на то время, пока мусульмане целовали обожаемый Коран и прикасались к реликвиям, преисполняясь неземного блаженства, Атажуква продолжил:

– В абхазском посольстве участвуют ближайшие соратники египетского правителя: Керим-бей Абаза и наш земляк Бирам Кабарди из рода Бгажноква. Аль-Кабир прислал их для участия в предстоящем разговоре и по этому случаю Бгажноква просит слова.

– Мой приезд в составе абхазской депутации говорит сам за себя, – сказал Кабарди. – Я не вправе начинать неначавшегося разговора и потому ничего не скажу по су-

[1] «Ля иля ха илля лла» – «Нет божества, кроме Аллаха». Основной догмат магометанской веры.

ществу предстоящих переговоров. Я взял слово лишь для сообщения, что Великий Аль-Кабир передал владетелю Абхазии в залог будущего мира четырнадцать мамлюков-кабардинцев, которые будут переданы их родным в момент заключения мира. Трое из них принадлежали другу правителя, шейху Дагеру, владеющему обширной областью в Палестине. Этот правитель также пожелал нашим народам мира и понимания.

Бирам поименно перечислил возвращенных невольников и назвал селения, откуда они родом. Когда он назвал дагеровского мамлюка по имени Беслан, князь Инароква, стоящий рядом с Атажуквой, вскрикнул. Это был его пропавший сын, которого три года назад отбили у него во время набега и продали в плен. Князь давно потерял надежду увидеть его живым или услышать о нем.

– Я отдаю половину своего имущества Зурабу Чачба за возвращение наследника.

Среди стоящих во дворе оказалось еще несколько человек, которым пленники доводились родственниками или свойственниками. Это обстоятельство на глазах изменяло отношение кабардинцев к гостям из Абхазии.

Знатный пир в доме черкесского князя, хотя и располагал к доверительности и имел для того немало оснований, все же не мог быть вполне откровенным, как всякое дипломатическое застолье. После трапезы черкесская знать уединилась с абхазской депутацией в обширной гостиной Атажуквы. Это был самый узкий круг наиболее влиятельных представителей, на плечи которых ложилась ответственность за дальнейшие взаимоотношения двух народов. Камнем преткновения во время переговоров стал вопрос о погибших паломниках и их родственниках, которых никакие условия перемирия не могли удовлетворить.

– Кровь смывается кровью! – скоропалительно заключил один из участников переговоров.

От этой фразы передернуло даже черкесов, столь неуместной и подстрекательской она оказалась в обстановке взаимных поисков. С особой болью она отозвалась в душе Давида, который еще не думал вступать в разговор, но вдруг, не понимая, кто понукает его уста, стал страстно проповедовать:

– Кровь утоляется кровью, и то на время, но не смывается. Месть – это деянье безумных и безбожных, – говорил он, ощущая пророческий экстаз. – Кровь вообще не смывается, а если смывается – только молоком. И мы должны обменяться не кровью, а потомством, чтоб иметь будущее.

Слова Давида о том, что кровь смывается лишь молоком, потрясли всех присутствующих. Предложение обменяться младенцами невозможно было осознать рассудком. Святая растерянность не умещалась в глазах людей, а услышанная мысль была озарена светом Того, кто сам есть Свет. И трудно было поверить, что путь к невозможному ясен, как Божий День.

Оставив Бирама на родине, абхазские послы отбыли из Черкесии, по пути остановились у князя Лоо и возвращались в Лыхны, успешно справившись со своей миссией.

Владетельный князь был, конечно, удовлетворен итогами посольства, но более всего его поразило неслыханное предложение Давида. Ничего подобного он не предполагал. Зурабу Чачба слово в слово пересказали речь священника. Эта проповедь так впечатлила владетеля, что он с первых же часов по прибытию послов приступил к приготовлениям.

Ясные осенние дни располагали к предстоящей встрече, назначенной в высокогорном урочище Псху – извест-

ной вольнице абхазских горцев. Здесь, в обширной заоблачной впадине в среднем течении Бзыби, на перекрестье важнейших троп, связывающих народы Западного Кавказа, находилось живописное гнездовье свободолюбивого племени.

Керим-бей с несколькими вассалами владетеля были направлены в Псху, чтоб подготовить на месте все необходимое для предстоящего схода. Эмир был счастлив, что уже второй раз едет в родное селенье, и гордился, что именно его родной Псху избран местом для такого события. В течение двух недель окрестное население выстроило на огромном лугу целый городок для участников будущего схода и уже с нетерпением ждало заветного дня.

Со знаменитых псхинских орехов звонко осыпались крупные плоды. Эти белоствольные исполины были главными знаками здорового климата и плодородности здешней земли. Окрестные леса стояли по колено в каштанах – основном лакомстве диких кабанов, которые сейчас торопились насытиться и нажить жиру перед суровым горным зимовьем. От подножья заснеженной Дзышры и до самых перевалов Анчхуа и Доу эта благословенная область из плодородной долины преображалась в живописное, пасторальное плоскогорье, резко переходя затем в эпическую суровость горных отрогов Большого Кавказа. Здесь, на вершине холма был захоронен родоначальник кабардинских Инароква и абхазских князей Инал-ипа – легендарный Инал Цанба, владетель гагрского приморья. Гробница героя почиталась адыгами и абхазами как святыня и в прошлом была местом паломничества.

Инал Цанба, известный под прозвищами Куабан и Дафита, в середине XVI века возглавил борьбу за политическое объединение адыгских и абхазских племен в единый союз. Необходимость такого объединения была

тем более насущна, что на землях адыгов и абхазов перекрещивались интересы целого ряда стран. С севера – русского царя, с запада – крымского хана, с юга – турецкого султана, с востока – усиливших свое влияние мингрельских феодалов, а из-за моря – колонистов итальянских республик, которые удерживали в экономической кабале важнейшие пункты абхазо-адыгского побережья, держали здесь карательные гарнизоны, а главное – истощали Кавказ неслыханным по своему размаху пленопродавством, которое разложило местный уклад и растлило нравственность горцев.

Католические и мусульманские миссионеры склоняли кавказцев каждый в свою сторону, и хотя еще мало чего добились, православие все-таки было расшатано. Местная знать оказалась охвачена страстью к наживе.

Не выдерживая конкуренции с многочисленными и изворотливыми торгашами, не имея в то время, кроме плодов земледелия, никаких других товаров, многие адыгские и абхазские князья и дворяне, забыв о Боге, стали продавать в рабство собственный народ, самых здоровых, самых красивых мальчиков и девочек, наводнив ими невольничьи рынки черноморских и средиземноморских стран.

Увезенные в неволю красавицы становились рабынями генуэзских и венецианских купцов, а затем, получив свободу, – женами состоятельных горожан и даже знатных сеньоров, матерями их детей. В кварталах Венеции на кавказских красавиц заглядывались поэты и музыканты. Мастера писали с них мадонн, мир восхищался их красотой, которой обезумевший Кавказ лишал себя добровольно.

В обстановке политического и духовного разложения и выдвинулся Инал. Быстро и умело водворяя порядок в

стране, он сокрушал зарвавшихся феодалов, примирял враждующих князей, изгонял просочившихся к побережью торговцев и колонистов, возвращая народу крепости и прибрежные замки. Это был решительный и справедливый вождь. Авторитет Инала был непререкаем. Он погиб в одном из своих походов на полпути к Кабарде и был похоронен на берегу Бзыби, куда сейчас сходились многочисленные депутации черкесов и абхазов.

К гробнице Инала в окружении приближенных удельных князей подошли владетели Чачба и Атажуква. Остальные участники схода стояли на поляне в ожидании своих покровителей.

– Благословенный народ, – начал свою речь князь Зураб. – Как говорили наши предки, зло можно легко превратить в добро, если подойти к делу с умом и захотеть этого. Хвала Всевышнему, даровавшему нам мудрость и желание пойти по пути мира. Могила Инала, у которой мы собрались, – наша общая святыня. А захороненный в ней человек одинаково дорог всем нам. Мы чуть было не ступили на путь вражды, но, слава Богу, разум привел нас забытыми тропами к этой гробнице… Вы пришли сюда через заснеженные перевалы, пришли с женщинами и детьми. Путь был нелегким, но он пройден ради тех, кто еще не рожден. Да не померкнет этот день в веках…

Абхазские князья припали на одно колено и в таком положении дослушивали присягу.

– Я и мой народ присягаем свято хранить наше извечное родство и не запятнать материнского молока кровью.

Зураб Чачба отошел от гробницы, уступая место князю Атажукве.

– Благословен путь, приведший нас к могиле того, кто отдал жизнь за наше единение. Пока мы будем помнить этот завет и следовать ему, с абхазами и адыгами ничего

не случится. Святыня оберегает, покуда ей поклоняются, пока ее чтут. Забытая же святыня – хуже проклятья. Да не будем прокляты собственной святыней! – воскликнул черкесский князь. – И да не узнаем мы радости отдельно от абхазов…

Представители знати спускались вниз по склону священной горы. Они спускались к народу с высоты данной друг другу клятвы.

Людей в Псху собралось гораздо больше предусмотренного. Джигиты со всех концов Великой Абхазии, Большой и Малой Кабарды, Шапсугии и других земель не могли не приехать и не участвовать в таком событии. И не было на Западном Кавказе наречья, которое не звучало бы сейчас в котловине высокогорного урочища.

Зураб Чачба обратился к черкесам, передавая им уже известные пожелания Али-бея и шейха Дагера. Этого момента с нетерпением ждали гости. И вот, сквозь расступившийся люд прошли Бирам Кабарди и Керим Абаза, за которыми следовали юноши и подростки, привезенные из-за моря.

– Верните их родителям! – сказал Чачба, и подростки, узнавшие отцов и матерей, кинулись к ним. Но трое юношей – мамлюков Дагера, не смели вести себя как дети и, подойдя к своим родным, не знали, как скрыть от людей свое горькое счастье. А люди сострадали, понимая муки встретившихся отцов и детей. Юный Инароква сделал несколько быстрых шагов к своему родителю.

– С возвращением, – сказал кабардинский князь. Сын услышал в родительском голосе предупрежденье и вовремя остановился, не нарушив приличий. Он посмотрел в страдальческие глаза на суровом родительском лице, опустил голову и отошел в сторону, именно такое предписание прочитав во взгляде отца.

– Когда абхазские послы были в Кабарде, – заявил Инароква, – я принародно дал зарок и подтверждаю, что в течение трех лет половину своих доходов отдаю по частям сначала благороднейшему Зурабу, на следующий год – Дагеру, затем – нашему Великому Али-бею. А на сегодня я передаю абхазскому предводителю табун коней.

Инароква даже не сказал, что с табуном отдавал тысячу голов овец, считая неприличным объявлять об этом вслух. Зато, когда молодые джигиты провели под узды три десятка чистопородных кабардинских скакунов, князь не мог скрыть своей гордости.

Каурые, огненного отлива кони, едва удерживаемые в недоуздках, были величественны, грациозны и непостижимы. Они казались случайными на земле пришельцами из неведомого мира, будто и не земля, а возможно, поднебесье – вольница их. Из земных пространств лишь высокие плоскогорья да заоблачные альпийские луга могли быть некоторым подобием их обиталища.

Пока проводили коней и весь народ был захвачен этим зрелищем, юный Инароква встретился взглядом с отцом, и родитель наконец остановил глаза на сыне. Это было единственно возможным сейчас проявлением любви. Юноша первым опустил глаза, давая отцу возможность разглядывать себя незаметно для окружающих.

– Это царский подарок! – воскликнул Зураб Чачба, с трудом отрывая взгляд от лошадей, и кивнул головой Инарокве в знак признательности. – Да сподобит и меня Господь сделать ответное!

Князь Инал-ипа, стоящий рядом с владетелем, выступил вперед и объявил народу, что его побратим Атажуква возвращает захваченных во время черкесских набегов жителей горных селений Абхазии и возмещает при этом все их убытки. Из подворья, построенного для черкесских депутаций, вышли большие группы мужчин,

женщин и детей, которые были стороной проведены в строения напротив. Туда ринулись родственники возвращенных заложников. Пока освобожденные переходили на абхазскую половину, народ безмолвно наблюдал за их продвижением.

Теперь уже все многолюдное собрание ждало главного события. В Псху приведены были по триста женщин с черкесской и абхазской сторон. Меньшую часть составляли представительницы высшего сословия. Вдвое больше – из дворянства, остальные – из вольных, наиболее состоятельных крестьян. Это были молодые матери с грудными детьми, жительницы высокогорных сел, чаще всего страдавших от взаимных набегов, ибо местности эти находились вблизи перевальных путей.

Как ни высока была их глубоко осознанная миссия, предстоящее ее выполнение переполняло сердца женщин непостижимой печалью и тревогой, непонятной мудрецам. Их привезли сюда на конях, красавиц-амазонок, по заоблачным тропам, с годовалыми детьми на руках. Они стояли, грустные и прекрасные, как мадонны, по обе стороны неглубокой, но обширной впадины. Выше, за рядами женщин, располагались многочисленные участники схода и княжеская прислуга с ворохами длинных черных лоскутов.

– Приступайте, – сказал Зураб, махнув рукой, и прислуга, подойдя к женщинам, стала завязывать им глаза черными платками. У многих из-под повязок тут же потекли слезы, но откровенно рыдать не посмела ни одна.

Они пошли навстречу друг другу. Шли медленно, не столько боясь оступиться, сколько желая оттянуть расставанье, стараясь запомнить навек тепло и запах собственного ребенка.

Чачба и Атажуква смотрели, как пространство между черкешенками и абхазками неуклонно сужалось, пока

первая из женщин не коснулась груди своей избранницы. Они передали друг другу выношенных в собственном чреве младенцев.

Дети и до этого похныкивали, а теперь многие стали плакать. Их новые мамы были растеряны. Обменявшись детьми, они продолжали стоять друг перед другом, не смея пойти назад, пока распорядители не вклинились в ряды и не развели их.

Возвратив женщин на исходные места, княжеские слуги развязали им глаза. Отвернувшись, они стали кормить грудью плачущих младенцев, то и дело в испуге оборачиваясь туда, куда отдали собственных детей. И это было начало мира, в искренности которого было грешно усомниться.

– Скажи что-нибудь, – попросил князь Зураб отца Давида, чувствуя, что здесь необходимо вдохновенное слово.

Священник посмотрел сначала себе под ноги, словно обдумывая предстоящее, поднял седовласую голову к небу и, воздев руки, взмолился:

– Радуйся, Богородица, радуйся, благодатная, Господь с Тобой. Благословенна ты между женами, как благословен плод чрева твоего. Ты отдала сына во искупление грехов наших, ты знаешь муки материнства, покровительница наша. Дай женам нашим, Царица Небесная, мудрости и терпенья твоего. Да не лишатся они потомства, да не разлучатся с чадами своими, да не увидят погибели детей своих прежде, чем сами не уйдут из жизни по Божьей воле…

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА
(к первой книге)

От пленника – до султана. Политический путь героя. Начало – в Абхазии, конец – в Египте.

Деятельность Али-бея имела столь важное значение для своего времени, что просвещенный мир XVIII века пристально следил за его действиями. Санкт-Петербургские ведомости из номера в номер давали сообщения о событиях в Египте и странах арабского мира, которые Али-бей Аль-Кабир (Великий) отторгал от Османской империи, воспользовавшись столкновением России и Турции.

Русская дипломатия, которую Али-бей привлек своим противостоянием Стамбулу, через своих эмиссаров наладила связи с независимым султаном Египта и оказывала ему поддержку. О том, какой интерес при русском императорском дворе вызывал Али-бей, красноречиво свидетельствует обширная переписка Екатерины II и Вольтера, в которой он часто упоминается. Об этом же говорят дипломатические документы.

Его восхваляли в мечетях Палестины, Сирии, Аравии, Йемена. Эти страны были включены в его владения. Генрих Гейне написал о нем стихи. Наполеон Бонапарт изучал по его сражениям стратегию мамлюкских военных действий перед своей экспедицией в Египет.

Документальную основу произведения составили четыре источника. Это книги Луизиньяна – одного из министров Али-бея, французского путешественника Вольнея, арабского хрониста аль-Джабарти и дневник офицера русского флота Сергея Плещеева.

Ценность книги Луизиньяна и дневника Плещеева в том, что оба они встречались с Али-беем и знали многое о нем из его уст. Вольней, хотя и посетил страну после смерти Али-бея,

опирался на свидетельства знавших его людей. Летописец аль-Джабарти тоже пользовался в своих сообщениях достоверными данными предшественников.

Другая литература, из которой были почерпнуты основные исторические, этнокультурные и географические сведения, дана в краткой библиографии.

ЛИТЕРАТУРА

Баумгартен Мартин. Посетитель и описатель святых мест, или Путешествие Мартына Баумгартена, Немецкой империи дворянина и кавалера в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794.

Бинос. Путешествие игумна Биноса через Италию в Египет, на гору Ливанскую, в Обетованную землю и Иерусалим. СПб., 1793.

Волне (Волней) Констанц. Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах. М., 1791–1793 гг.

Гаркур Франсуа Шарль Мари. Египет и египтяне. Казань, 1895.

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии (под. ред. А. Цагарели). Т. 1-2, СПб., 1891–1902.

Джакабарти (Аль-Джабарти) абд-ар-Рахман. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. Т. 2–4. М., 1962–1978.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

Клот-бей Антуан Бартелеми. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Т. 1–2, СПб., 1843.

Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1966.

Лэйн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М., 1982.

Люзиньян (Луизиньян) Совёр. История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппа в Бальзору. Москва, 1789.

Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.

Мачарадзе В. Г. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в., ч. III, вып. I. Тбилиси, 1988.

Новичев А. Д. История Турции. Т. I, Л., 1963.

Перминов П. Три эпизода из русско-арабских связей в XVIII веке // Журнал «Азия и Африка сегодня», № 7, 8, 9. 1987.

Плещеев Сергей. Дневные записки путешествия из Архипелагского, России принадлежащего острова Пароса, в Сирию к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся. С краткой историей Алибеевых завоеваний. Российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 года. СПб., 1773.

Радзивил Н. Х. Путешествие по Святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787.

Рушди Расим. Это моя нация (черкес рассказывает о своем народе). Каир, 1947 (на араб. яз.)

Санкт-Петербургские ведомости (за 1768–1773 гг.).

Bruce James. Travels to discover the source of the Nile in the Vears 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773. In 5 vol. Edinburgh-London 1790.

Marcel Vean Voseph. Al-Mandi Muhhamad. Contes du cheykhel Mondi. Paris 1835

Savari C.-E. Lettres sur l'Egypte. Vol. 1-3 Paris, 1785–1786.

Volney Constantin. Voyage en Sirie et en Egypte, pendant les annes 1783, 1784 et 1785. Paris, vol. 1–3, 1792; Эта же книга издания 1959 г. (Париж).

Volney C.-F. VoVage en Sirie et en Egip pendant… v. 1–2, Paris, 1787.

АЛИ-БЕЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

В четырех действиях
Одиннадцати картинах
С эпилогом

«Али-бей» – историческая драма, отображающая события, имевшие место в Египте во второй половине XVIII века во время правления Али-бея. Это мамлюкский правитель впервые за долгое время турецкого владычества сумел добиться независимости Египта от Оттоманской империи.

В своей борьбе против Турции Али-бей умело использовал обстановку первой русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и имел влияние на ее исход. Средиземноморская эскадра под командованием графа Орлова-Чесменского поддерживала с Али-беем военно-политические связи и оказывала ему помощь.

Однако независимое государство, созданное Али-беем, просуществовало недолго. Агентам Порты удалось подкупить и противопоставить Али-бею его же приемного сына, главнокомандующего его войск – Магомед-бея – и инспирировать раскол.

В пьесе показан художественно-обобщенный образ исторической личности, имя которой и дало название драме. Султан независимого Египта выведен здесь в обстановке острой политической борьбы, отмеченной жестокостью противоборствующих сторон, и одновременно – на фоне прогрессивных реформ, произведенных Али-беем за время его правления.

Али-бей – военный правитель, впоследствии – султан Египта.

Давид – отец Али-Бея, священник.

Мария – его жена.

Магомед – их приемный сын.

Гатига – их малолетняя дочь.

Шхануква – их второй приемный сын.

Рабия – сестра Али-Бея, впоследствии – жена его приемного сына Магомеда.

Росван – племянник Али-Бея.

Тантави
Зулфикар
Исмаил
Сулейман
Бек Мурат
Рахман
} полководцы.

Риск – министр Али-Бея.

Яков – торговый представитель Египта в странах Средиземноморья.

Муслим
Ибрагим
} секретари Али-Бея

Амина – служанка Марии.

Дагер – союзник Али-Бея, шейх Акры, полководец.

Ахмет – сын Дагера, также полководец.

Панагиотти – торговый представитель Венецианской республики.

Хусейн – посол Оттоманской империи.

Плещеев
Клингенау
} офицеры русской эскадры.

Гонцы, телохранители, мамлюки, танцовщицы-гавази…

Действие происходит в Египте и Сирии во второй половине XVIII столетия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Палуба египетского корабля под английским флагом на фоне удаляющегося абхазского берега. Вдалеке видна сосновая роща на Пицундском мысу. Над рощей возвышается купол древнего собора.

Рабия. Отец, я никогда не видела нашу землю с моря. Господи, до чего она красива!

Давид. Да, доченька. Она была, видимо, столь же красива и для твоего брата, когда его увозили в неволю. Тебя еще не было на свете…

Рабия. Значит, когда мама была беременна мной, ты желал, чтоб у тебя родился мальчик?

Давид. Да, доченька. Я ведь остался без наследника. Иосиф был у меня единственным. А наш род, как и многие другие дворянские фамилии, идет на убыль. Это глубоко переживал и твой дед. Я тоже был у него единственный.

Рабия (*лукаво и весело*). Но ты ведь не очень расстроен, не правда ли, отец? К тому же, если б, к слову, похитили меня – я тоже могла стать правительницей Египта, как и мой брат!..

Давид. В Египте невольницы попадают в гарем. Это тебе не Россия. Египет – мусульманская страна.

Появляется Яков – хозяин корабля, с внуком Давида Росваном.

Яков. Как самочувствие, отец Давид?

Давид. Не знаю, что и ответить. Такого ощущать мне не доводилось.

Росван. Дедушка, а я вместо капитана стоял! Руль крутил!

Яков. Он очень скоро может стать капитаном. При таком великом дяде это – сущий пустяк!

Давид. Я очень переживаю, сумеем ли мы благополучно миновать Константинополь и проливы. Султану может не понравиться, что Иосиф тайно общается с родиной и со своим отцом – христианским священником…

Яков. Росван, дай-ка и Рабии покрутить штурвал!

Рабия. Пошли, племянничек. Как погляжу, мы здесь лишние.

Рабия и Росван уходят как бы огорченные.

Яков. Так вот, отец Давид… сын ваш, Иосиф, или, как мы его называем, Али-бей, сосредоточил в своих руках большую власть. Задерживать корабли Али-Бея – не в интересах турков. Сделай они это – завтра же будет поднят на ноги не только весь Египет, но и палестинские земли, на которые Али-бей имеет весьма большое влияние. А во-вторых, чтобы все-таки ничего не случилось непредвиденного – над нами реет флаг английского королевства.

Давид. Откуда мне знать ваши хитрости? И вообще, когда человек попадает в непривычные обстоятельства, его смущает обилие незнакомых вещей, отчего он перестает что-либо понимать.

Яков. А вот у меня есть к вам свой вопрос… Вы служитель христианской церкви, не так ли?

Давид. Так…

Яков. И дети ваши – крещенные?

Давид. Все… и родственники тоже.

Яков. В таком случае позвольте спросить: почему у ваших детей мусульманские имена?

Давид. У моего сына, которого вы зовете Али-беем, не было другого имени, кроме христианского – Иосиф. Но с тех пор, как я его крестил, и тем более с тех пор, как его у меня выкрали, – времена настали совсем иные. Турки часто нападают на нашу землю, занимают то одну крепость, то другую, убивают людей, уводят в плен детей и девушек… Я думаю, что на палубе и в трюмах этого корабля была увезена не одна сотня наших подростков.

Яков. Но продают их в неволю нередко ваши соотечественники.

Давид. Позорный промысел!

Яков. Но им сейчас охвачено полмира!..

Давид (*меняя тему разговора*). Слушай, Яков, ты мне говорил, что мой Иосиф женат и что есть у него приемный сын…

Яков. О, невестка вам придется по душе, отец Давид. Она из Черной России – есть такая южная область в Малороссии на склонах Карпатских гор. Она столь красива, отец Давид, что, не будь Али-бей отважен, кто знает, в чьи руки она могла попасть!

Давид. Яков, ты меня обрадовал, что невестка у меня единоверная, но если она действительно столь красива, как ты говоришь, это прибавляет опасностей моему сыну… У него в самом деле плохи дела с султаном?

Яков. Да как вам объяснить, отец Давид?.. Ну вот, например, незадолго до того, как Али-бей вернул себе потерянную должность военного правителя Египта, султан требовал от каирского паши голову вашего сына.

Давид. Боже правый, почему он в такой немилости у своего повелителя? И как же теперь?..

Яков. А теперь Али-бей вернул свое место и по-прежнему правит Египтом. И более того, он так усилился в своем правлении, что султану пришлось утвердить его

во власти и прислать соответствующий фирман через дамасского пашу.

Давид. А те беи, что участвовали в изгнании Иосифа, не сопротивлялись его возвращению?

Яков. Они бы оказали сопротивление, если смерть не застала бы их врасплох. Четыре ярых врага Али-бея в то утро не проснулись вовсе.

Давид. Господь милостивый! Что я слышу! Я ведь дал сыну имя Иосиф, чтоб он был смиренным и привязанным к отцу, как Иосиф Прекрасный.

Яков. И совершенно не подозревали, что он может перенять всю остальную судьбу своего библейского двойника?

Давид. Что вы имеете в виду?

Яков. А то, что Иосиф Прекрасный был продан своими братьями в рабство, и не куда-нибудь, а в Египет…

Давид. Да, да! (*Растроганно*). …«И сказал Иосиф: жив ли еще отец мой?»

Яков. (*весело переиначивая*). И послал Якова-армянина за отцом своим в Абхазию…

Давид (*не в силах совладать с собой, садится. Слезы выступают на его глазах*). Как стыдно, что я плачу, не правда, сын мой?.. Старею.

Яков. На вашем месте любой бы заплакал.

Давид. Утешаешь? Спасибо…

Появляются Росван и Рабия.

Рабия. Отец, что с тобой?

Давид. Плачу.

Рабия. Почему?

Давид. Потому, что брат твой жив… нашелся наш Иосиф! (*Плачет и обнимает Рабию.*)

Росван. Так ты, дедушка, радуйся!

Давид. А я и радуюсь.

Яков. Ну как, покрутили штурвал?

Рабия. Это вот кто крутил. (*Показывает на Росвана.*) Он у нас героем растет!

Давид. А нам обязательно нужно заехать в Константинополь?

Яков. Обязательно. Мы должны взять на борт газнедара. Того, кто казной заведует, казначея то есть. И еще одного – полководца Тантави, верного сподвижника вашего сына. Они отвозили дань султану и заодно устраивали другие наши дела. А пока они были этим заняты, сын ваш велел, чтоб мы, как говорится в Библии, узнали, а жив ли отец его!

Давид. Отец-то жив, а вот мать так и не дождалась счастливого дня… Не дождалась того дня, когда ты пришел в мою обитель, где я служу Господу с поредевшим приходом моим. И ты пришел с доброй вестью на устах. Как сразу я это понял! (*К Давиду подсаживается и Росван, обнимает деда.)* Да, Яков, ты мне так и не дорассказал о моей невестке. Говоришь, она из Карпат?

Яков. Да. И зовут ее Мария.

Давид. Храни ее Господи! (*Крестится.*)

Яков. Она так понравилась вашему сыну, что он выкупил ее у купцов, но не бросил в сераль, где у него и без того немало прекрасных невольниц, а женился на ней. Но прежде Али-бей предложил ей взять мусульманское имя и принять магометанский закон. Но Мария ответила, что быть вероотступницей не может. Вы представляете, отец Давид, и это несмотря на то, что ей, пленнице, предлагает стать женой правитель страны!

Давид. Народ ее велик в христолюбии, храни ее Господи!

Яков. Али-бей позволил ей и имя оставить, и вере своей служить тайком.

Давид. Спасибо, Яков, спасибо… Господи, дай сыну раба твоего премудрость в правлении! (*Крестится.*)

Картина вторая

Каир. Палаты Али-бея во дворце Эзбекие. В тронном зале с роскошным убранством восседает военный правитель Египта. Входят, учтиво здороваются – Тантави, Исмаил-бей, Маалим Риск, Сулейман, Яков, Селим, Зулфикар, Бек Мурат. Начинается церемония прощания с Давидом. Появляется Давид. Али-бей поднимается с трона и становится в стороне от места, где остановился Давид.

Тантави. Достопочтенный отец наш, высокий посланник славной земли! Вот уже более полугода прошло как один день с тех пор, как ваша счастливая нога ступила на древнюю землю Египта и осчастливила – в лице присутствующих здесь особ – весь народ, населяющий эту страну.

Мы были рады узнать от вас о том, какие события сейчас происходят на Кавказе и какая обстановка царит ныне в тех местах. За это время много умного и поучительного вы нам открыли, чему каждый из нас будет стараться следовать. Ваше знакомство с достопамятными местами древнего Египта, как об этом уже говорилось в диване у паши каирского, общение как с лучшими представителями нашей знати, так и с простым людом, несомненно, послужит взаимопониманию и общению, как торговому, так и политическому, между нашими землями, чему немало уделяет внимания в своем мудром правлении сын ваш, славный шейк-эль-белет Египта. Разрешите от имени каирской знати просить у Всевышнего благословения вашему отбытию к родным берегам.

Подходит к Давиду, приложив руку к груди, склоняет голову. Становится рядом.

Давид. С чувством глубокой признательности я обращаю свои слова к лучшим представителям этой земли. Все, что я увидел и услышал здесь, превзошло удивительные рассказы, слышанные мной с детства о вашей восхитительной стране. Мне очень жаль расставаться со столь любезными и обходительными господами, но свет родины, подобно маяку, зовет к себе настойчиво…

Господа, прошу передать, в первую очередь паше каирскому и всему дивану, мою благодарность за радушный прием, который они мне оказали, едва я ступил на эту землю. Кланяйтесь от меня всем, кто хотел, но не смог сегодня попрощаться со мной.

Риск. Господа! Шейк-эль-белет приглашает вас вечером на прощальный ужин в честь отъезда отца Давида!

Знатные гости раскланиваются перед Али-беем и Давидом, выходят, уступая друг другу дорогу. Остаются Али-бей, Давид и Магомед.

Давид (*глядя на бравого Магомеда*). Будущий полководец!

Али-бей (*хлопая Магомеда по плечу*). Почему «будущий». Он и сегодня уже настоящий полководец. Просто решающие победы у него еще впереди. Только и всего.

Давид. У юноши хорошие способности.

Али-бей. Магомед, пойди и скажи Рабии, чтоб она пришла сюда.

Магомед вопросительно смотрит на Али-бея.

Али-бей. Да, да! Пускай идет сюда. И не забывай, что она не только обитательница женской части твоего дома, но и сестра шейк-эль-белета Египта… и жена будущего правителя страны Магомеда Абу-Дагаба!

Магомед (*смущенно*). Ну какой же я «Абу-Дагаб!»

Али-бей. Абу-Дагаб! И никак иначе! Не скромничай! Золото и роскошь – это твоя слабость. Для правителей это не порок. Богатство надо не только любить – его нужно уметь добывать и хранить. Беречь его надо уметь! Ступай!

Магомед уходит.

Али-бей *(вслед Магомеду, восторженно*). Это моя гордость!

Давид. Не балуй его. Юноша действительно хорош.

Али-бей. Возможно, я его и балую. Но иначе не могу.

Давид. Я повсюду на Земле обетованной буду молиться за тебя и детей. Иосиф, не будь опрометчив. Пожалей мою старость. Оставляю тебе внука и дочь… Я поддался твоим уговорам и выдал Рабию, сестру твою младшую, за твоего же приемного сына Магомеда. В вашей стране такое никого не удивляет, но представь себе, как это воспримут у нас в Абхазии. Что я отвечу нашим родным? Но я на все пошел, чтоб только ни в чем тебе не отказать!

Али-бей. Спасибо, отец. Я это ценю. Но почему ты не можешь меня понять, когда я так же не могу ни в чем отказать Магомеду?!

Давид. Но ведь я не видел тебя тридцать пять лет!

Али-бей. Зато я тебе – кровный сын. А Магомеда я воспитываю. И сестру выдал за него лишь для того, чтоб Магомед чувствовал себя в моем доме хозяином. Не подкидышем, а – хозяином! Он должен быть мне надежной опорой и продолжателем…

Давид. Продолжателем твоих мятежей?..

Али-бей. Возможно, и так. Здесь на чужбине со своими мятежами я могу быть Абхазии полезней… Хотя бы тем, что могу вернуть ей десяток-другой украденных и проданных в неволю подростков, которые, подобно мне в детстве, неосмотрительно играют вдали от родного дома… *(Успокаиваясь.)* Это я так, к слову сказал. Не сегодня, так завтра столкнутся Россия и Турция. Все идет к этому. И вот тут надо будет сказать свое слово. И не только тогда – я уже это начал…

Давид. В чем же заключается это начало?

Али-бей. А в том, что уже сегодня я ослабил турецкую армию, находящуюся в Египте. Я лишил ее наиболее решительных офицеров, и теперь она, с одной стороны, уже не является опорой империи, с другой стороны – не является препятствием для моих будущих действий.

Давид. А как в этой ситуации вести себя нам?

Али-бей. Держать сторону России. И только… И Турция – империя, и Россия – империя. Разница в том, что Турция – старая империя. Ее гнет надоел народам. Они начинают роптать. Они все решительней выступают против нее с оружием в руках. Россия же – империя молодая. Она умело пользуется антитурецкими мятежами, воодушевляет их, снабжает оружием и между тем проводит свою колониальную политику. И главное, режим ее не столь жесток по отношению к покоренным народам, их религиям, привычкам.

Давид. Не желаешь ли ты, чтоб у меня на этот счет состоялся разговор с Леваном Чачба? Так я тебя понял?

Али-бей. Именно. Обстановка, возможно, будет не из легких. И не всегда будет понятно, что чему предпочесть. Но опять-таки, пусть Чачба не забывает, что Россия – это империя, набирающая силу. За ней будущее. Исходя из

этого должен действовать не только Леван, но и весь Кавказ. И пусть им примером в этом послужат Балканы.

Давид. И Египет?

Али-бей. И Египет тоже. Верно, отец.

Давид. Я согласен, Иосиф. Я все передам нашему строптивому правителю. Передам обязательно, тем более что ты меня убедил.

Али-бей. Я приготовил дары для Чачба, которые поедут с тобой, а также золотой шандал для твоего собора и прочие вещи. Ты их раздашь по своему усмотрению от моего или своего имени.

Давид. Спасибо, сын. У тебя доброе сердце. Храни тебя Господь. Но знай, что превыше всех богатств для меня – твое возвращение под родительский кров. А ты и сам не возвращаешься, да еще вдобавок отнял у меня Рабию и Росвана.

Входит Мария. Припав на колено, целует руку Давиду. Он осеняет ее крестным знамением.

Давид. Мне так больно вас оставлять.

Мария. А вы, отец, будьте с нами.

Давид. Нельзя мне… Я бы всех вас забрал с собой, да Иосиф неумолим. Я его понимаю. Но и меня ждет служба. Уже более полугода нахожусь в Каире. А мне еще предстоит поездка по святым местам, в Иерусалим. Затем снова по морю – до самых берегов Абхазии.

Мария. Нам будет не хватать вас.

Давид. А мне каково, доченька, доживать свои дни вдали от детей своих?! Но я благодарен Господу – он услышал мои молитвы и послал мне единоверную и благочестивую невестку. Это мое единственное утешение из всего, что я здесь увидел. Будь ангелом-хранителем мужу своему и детям своим.

Али-бей. Мы вернемся, отец. Я ведь еще кое-что помню из твоих рассказов. Я вернусь, подобно блудному сыну, к родному порогу…

Давид. Иосиф, а ты помнишь, как вышел меня встречать с великой свитой своих людей? Полгода тому назад, когда я ехал к тебе сюда?..

Али-бей. Как же не помнить! Мы столько с тобой слез пролили. Как дети, плакали от счастья. И больно, и стыдно становится.

Давид. Слез не надо стыдиться. Слезы очищают душу. Так вот, сын мой, библейский Иосиф точно так же выходил навстречу своему отцу из Египта с многочисленной свитой, и точно так же плакали они, забыв о словах.

Али-бей. Об этом ты мне не рассказывал.

Давид. Не может быть. К тому времени, когда тебя похитили, ты уже знал немало библейских историй.

Али-бей. А как этот Иосиф попал в Египет?

Давид. Братья продали его в рабство.

Али-бей. Надо же! Да это же моя история!

Давид. Только случилась на много лет раньше – полторы тысячи лет тому назад.

Али-бей. А как было дальше? Кем был Иосиф в Египте?

Давид. Царем.

Али-бей (*нетерпеливо*). А дальше?

Давид. А дальше… дает ему отец благословение. (*Давид достает крестик с цепочкой. Али-бей становится на колени, и Давид надевает ему на шею крестик.*) «Да благословит тебя благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцов и утробы»… И еще, сын мой, – Иосиф прожил 110 лет. Так молись Богу, чтоб он и тебе даровал многие лета.

Мария всхлипывает, растроганная увиденной сценой, и вслед за Али-беем становится на колени и целует руку Давиду. Он скрепляет их руки. Входит Рабия, она вместе с Магомедом и Росваном также целует руку Давида. Тот осеняет их крестным знамением. Молчание. Его нарушает Давид. Гаснет свет. Давид, выхваченный из темноты лучом, воздев руки к небу, молится, прося у Бога благословения для тех, кого он оставляет, пускаясь в дальний путь на родину. Слышен голос муэдзина, провозглашающего, что нет божества, кроме Аллаха, – «Ля-илля-ха ил-ля-лла!» На фоне голоса муэдзина приглушенный и гулкий звон колокола.

Картина третья

Каир. Палаты дворца Эзбекие. На троне восседает Али-бей. Рядом с ним стоит Муслим. Появляется Росван.

Али-бей. Ты чем-то расстроен?

Росван. Тетя просила, чтоб ты не приходил.

Али-бей. Что это значит?

Ровсан. Не знаю.

Али-бей. И больше ничего?

Росван. Больше ничего.

Входит Мария.

Али-бей *(Росвану).* Хорошо. Ступай. Я разберусь.

Мария. Тебя хотят убить!

Али-бей. Кто?

Мария. Не знаю. Только к Магомеду тебе ходить нельзя. Там тебя ждет опасность. Рабия человека прислала. Говорит, чтоб ты остерегался и самого Магомеда. Причем его – в первую очередь! Господи, что это такое?!

Али-бей. Сумасшедшие женщины! Я сейчас все сам узнаю! (*Собирается выходить*).

Мария. Али-бей! Не ходи!

Навстречу Али-бею входят Магомед и Бек Мурат. Последний бросает незаметно для других вожделеющий взгляд на взволнованную Марию. Али-бей делает Марии знак удалиться.

Али-бей (*сохраняя спокойствие*). Что-нибудь случилось?

Магомед. Измена, отец!

Али-бей. Что это значит?

Магомед. Твои военачальники – Абдрахман-бей, Мустафа-бей, Юсуф-бей, Газиви-бей, Джемал-бей обещали сделать меня шейк-эль-белетом, если я убью тебя!

Али-бей. И ты не согласился?!

Магомет *(протягивая отцу мешочек золотых монет*). За такие деньги любой бы согласился, а для меня этого недостаточно!

Али-бей. (*держа в руках мешочек и прикидывая, сколько он весит*). А знаешь, это не так уж и мало.

Магомед. Это цена их страха перед тобой.

Али-бей *(Муслиму)*. Сулеймана сюда. *(Магомеду.)* А почему женщины узнали об этом раньше меня?

Магомед. Я им специально о том рассказал, чтоб заодно узнать, надежное ли окружение у моего отца.

Али-бей *(сдержанно*). Твои поступки умны, но небезопасны.

Входят Сулейман и Муслим.

Али-бей. Магомед раскрыл заговор, в котором ему же поручалось убить меня!

Сулейман. Это невозможно!

Али-бей (*перебивая Сулеймана*). Очень даже возможно, причем, во все времена и при всех правителях. Речь не о том. Поручаю тебе, Сулейман, тебе, Магомед, и тебе, Бек Мурат достать их хоть из-под земли… (*Пауза.*) Впрочем, этого следовало ожидать. (*Как бы себе самому.*) Мир находится на пороге больших перемен, и это чувствуют особенно те, кто жаждет воспользоваться ожидаемыми переменами. Благоприятнейшее время для предательств и переворотов! Время политических оборотней! Именно в такое время они могут показать свое истинное лицо… (*Спохватившись.*) Ступайте!

Входит взволнованный Яков. Останавливается перед Али-беем. Старается отдышаться.

Али-бей (*со спокойствием обо всем знающего наперед человека*). Что, началось?

Яков. Да, мой господин!

Али-бей. Серьезно?

Яков. Серьезней и быть не может. Запорожские казаки спалили турецкий город Балту. Турки же в ответ на это заточили в семибашенный замок русского посла в Константинополе Алексея Обрукова, причем со всем персоналом посольства. И Мустафа III объявил России войну.

Али-бей. И давно это случилось?

Яков. Тому назад две недели.

Али-бей. И ты не мог известить меня раньше?

Яков. Погода не благоприятствовала, мой господин.

Али-бей. Ну что ж, спасибо тебе за известие. Да спасет нас Аллах от неверных!

Яков. Аллах не спасает православных. У него своих хватает.

Али-бей. И то верно.

Муслим. Прибыл посланник Великой Порты Оттоманской!

Али-бей (*Якову*). Вот так тебе!

Стремительно входит гонец. Останавливается посередине залы, разворачивает свиток, читает.

Гонец. Вследствие неоднократных посягательств России на наши земли на Кавказе, в Крыму и на Балканах и открытых враждебных выступлений, каким явилось недавнее вооруженное нападение казаков Запорожья на наш мирный город Балту, который в результате был сожжен до основания, Великий Диван принял высочайшее решение, согласно которому России объявлена война.

В этой связи Султан Оттоманской империи Блистательный Мустафа III и Великая Порта повелевают своему наместнику в пашалыке Египта и его шейх-эль-белету собрать и привести в готовность 10 000 вооруженных мамлюков и янычар.

Али-бей. Хватит! Все понятно!.. Передай Мустафе и Дивану, что верный их слуга Али-бей приведет назначенное количество войска в готовности и в срок. *(Муслиму.)* Проводи его к Маалиму Риску. Пусть он им займется.

Муслим увлекает гонца, недовольного тем, что ему не дали дочитать свиток, к Риску.

Али-бей (*Якову*). Быстро они гонца прислали. Забеспокоилась Порта. (*Вернувшемуся Муслиму.)* Тантавия ко мне. (*Якову.*) Да, в этой обстановке, любезный друг, тебе будет нелегко заниматься торговлей.

Яков. А когда нам легко было?! В Трапезунде я приобрел хороший товар для вас.

Али-бей. Мамлюки?

Яков. Разумеется.

Али-бей. Откуда?

Яков. Из Абхазии, Черкесии, Мингрелии… Со всего света. Есть даже армяне и албанцы.

Али-бей. Моих много?

Яков. Тридцать четыре. Вы ведь просили…

Али-бей. И все одного возраста?

Яков. Все, как на подбор. 10–12 лет. И лишь одному шесть лет.

Али-бей. Плату за этих получишь двойную, как договаривались. А пока поручи их Сулейману. Пускай даст им приют. При первой же возможности доставить детей к берегам Кавказа моему отцу. Он найдет их родителей. Это будет частью его благотворительной деятельности… А самому маленькому сколько, говоришь?

Яков. Шесть.

Али-бей. Скоро грудных детей будут продавать! Есть же предел всему!.. Малолетнего покажи Марии. А остальных сколько?

Яков. Сорок три подростка и восемнадцать невольниц… Когда будете смотреть?

Али-бей (*несколько раздраженно*). Не знаю… Завтра.

Яков. Хорошо, господин. Мне можно идти?

Али-бей кивает головой. Яков удаляется.

Муслим. Прибыли военачальники.

Али-бей распоряжается жестом, чтоб заходили. Входят Тантави, Риск, Сулейман.

Али-бей. Надеюсь, вы слышали, что султан Оттоманской империи Мустафа III объявил России войну.

Сулейман. Мы готовы выполнить свой воинский долг.

Али-бей *(не обращая внимания на слова Сулеймана)*. В этой обстановке мы должны в срочном порядке собрать не менее 10 тысяч человек для победоносной армии повелителя всего мусульманского мира… Приказываю сейчас же разослать гонцов во все 24 области Египта. Пусть каждая из них даст соответствующее число мамлюков и пехоты. А сами чтоб в субботу, через две недели, присутствовали на чрезвычайном сборе Каирского дивана и военного совета.

Тантави. Сбор будет в Эзбекие или в цитадели?

Али-бей. Здесь, в Эзбекие, решаются дела войны и мира. И здесь следует быть в тот день всем. И паше каирскому тоже. Всем понятно?

Военачальники утвердительно кивают головами.

Али-бей. Вы свободны. (*Риску.*) Потом зайдешь ко мне. (*Военачальники удаляются.*) Муслим!

Муслим. Да, мой господин!

Али-бей. Где Мария?

Муслим. Она здесь, ждет.

Входит Мария.

Мария. Да, мой господин. (*Кланяется по-мусульмански.*)

Али-бей. Моя госпожа. (*Приложив правую руку к сердцу, склоняет голову.*)

Мария. Мусульманину, тем более правителю страны, склонять перед женщиной голову – великий грех!

Али-бей. Если б Али-бей не преступал предписаний Корана, он вовсе не имел бы такой красивой и доброй жены, такой очаровательной гяурки.

Мария. Зато он мог иметь ее наложницей в своем серале.

Али-бей. Держать тебя в серале невозможно. все наложницы умерли б, завидуя твоей красоте… Дюже гарная баба!

Мария. Эти твои казаки других слов не говорили?

Али-бей. Говорили. И я кое-что знал, но ведь столько лет прошло… Они приезжали на кочермах и вместе с абхазами ходили бить турков. Часто возвращали на родину таких вот, как ты, красивых пленниц. А как причалят к Пицунде, обязательно принесут дары в наш Успенский храм, помолятся, свечки поставят за упокой погибших да утопших товарищей. Достигнув берегов Абхазии, они считали, что уже дома, у своих находятся. Разбивали на поляне целый городок, жгли костры, пели песни…

Мария. А песни какие, не помнишь?

Али-бей (*задумчиво*). Много разных пели: и грустных, и веселых, но нам, пицундским мальчишкам, более других нравилась одна из них.

Мария. Ну вспомни, хоть слово одно… казацких песен очнь много!

Али-бей. Погоди, не мешай! Мелодию я хорошо помню, значит и слова где-то рядом должны быть. (*Задумчиво.*)

Ой на… ой на гори тай женци жнуть.

Мария прислоняет голову к плечу Али-бея и подпевает ему.

Ой на… ой на гори тай женци жнуть.
А по-пид горою, яром-долиною
Казаки идуть…

Мария (*всплакнув*). Словно в хате родной побывала!.. Что они с нами сделали!

Али-бей. Ну хватит. Где наша Гатига?

Мария. Она занята с мальчиком.

Али-бей. С каким еще мальчиком?

Мария. Ты ведь сам велел, чтоб Яков показал мне мальчика, которого купил в Трапезунде. Очень славный ребенок. Несчастная мать! Давай возьмем этого малыша. Они почти ровесники с Гатигой. Им будет весело вдвоем. И тебе сыном будет.

Али-бей. Что на это скажет Магомед?

Мария. А что он может сказать?

Али-бей. Не знаю. Он человек ревнивый… А как зовут мальчишку?

Мария. Спроси у него сам. Он ведь турецкого не знает, а я абхазского не разумею…

Али-бей. Муслим!

Муслим. Да, мой господин.

Али-бей. Приведи ребенка из гарема. Мальчика. Тебе покажут кого.

Муслим уходит.

Мария. Али-бей, я тревожусь за отчизну. Турки – жестокий народ.

Али-бей. В войне все жестоки. Но ты не тревожься, милая, от этой войны ни с Россией, ни с Турцией ничего страшного не случится. От нее куда больше пострадают те народы, на землях которых и за земли которых она идет.

Мария. Стало быть, твоя земля находится в большой опасности?

Али-бей. Стало быть, да!

Появляется Муслим. За ним – Гатига. Она тянет за собой упирающегося мальчика.

Али-бей (*привстает*). Здравствуй, мальчик!

Шхануква. Здравствуй, мужчина!

Али-бей. Вот это да! А как тебя зовут?

Шхануква. Шхануква.

Али-бей. Прекрасное имя. Оно означает «горный ходок». А ты ходил когда-нибудь по горам?

Шхануква. А тебя как зовут?

Али-бей. Али!

Шхануква. Это имя что-нибудь значит?

Али-бей. По-турецки это значит «ангел».

Шхануква. В таком случае где твои крылья?

Али-бей начинает смеяться. Смеются и Гатига с Марией, но больше от того, что видят хохочущего Али-бея.

Шхануква. Лучше обучил бы ее языку, а то она совсем меня не понимает.

Али-бей (*сквозь слезы*). Обязательно научу. И ты мне в этом поможешь.

Шхануква. Для такого дела я себя не пожалею.

Али-бей. А ты домой, в Абхазию, не хочешь?

Шхануква замешкался на мгновенье. Затем, словно спохватившись, срывается с места и вон из палаты. Видно, что не сдержал слез.

Мария. Как же ты так неосторожно?

Али-бей (*досадливо*). Действительно.

Мария и Гатига уходят.

Али-бей (*им вслед*). Скажите ему, что Али-бей перед ним извиняется.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Каир. Заседание дивана во дворце Эзбекие, перед которым Али-бей держит речь.

Али-бей. Господа! Вы представляете высший орган власти в стране, являетесь ее лицом и совестью.

Сегодня Оттоманская империя, в которую мы входим на правах пашалыка, находится в состоянии войны с Россией. И в этой обстановке четыре наших бея нашли возможным написать султану донос на меня.

Раздаются возгласы возмущения.

О чем же этот донос? О том, что шейх-эль-белет Египта Али-бей собрал многотысячное войско, но вовсе не для того, чтобы помочь блистательному султану, а напротив – пойти войной на него.

Слышны возгласы недовольства. Али-бей жестом руки успокаивает возмущение дивана.

В ответ на этот донос за подписью султана Мустафы III и Великого Визиря прибыло письмо. Его перехватили мои люди. Письмо у меня в руках (*Али-бей поднимает руку с письмом.*) В этом письме паше Каирскому, который также участвовал в составлении доноса, приказывается казнить Али-бея, а его голову в кратчайший срок доставить в Стамбул.

Снова слышны возгласы возмущения.

А также убить членов моей семьи…

В*озгласы возмущения*.

Получив такое письмо, я не мог не предпринять действий самозащиты и, как вам известно, арестовал нашего пашу, решить судьбу которого предоставляю вам.

Но есть предательство еще большее, чем это. Это предательство чести своей страны. Подумайте сами. почему отдельные беи, или диваны в целом, или военный совет Египта вообще должны обращаться за решением своих дел в Стамбул? Почему эта страна, колыбель древнейшей цивилизации, должна быть окраиной какой-то державы, провинцией чьей-то империи, платить унизительную дань?!

Слышатся несколько возгласов одобрения, которые Али-бей также останавливает жестом.

Почему Порта должна относиться к нам свысока, пренебрегать нами, не считаться ни с нашими желаниями, ни с нашей гордостью?! Как долго можно быть западной частью или западным побережьем Оттоманской империи, как называют Египет стамбульские политики?!

Возгласы одобрения усиливаются.

Поэтому, господа, я призываю наш диван удовлетворить требование народа и объявить Египет независимым!

Продолжительные возгласы одобрения.

Каирского пашу, которого за участие в заговоре надлежало бы казнить, предлагаю изгнать из пределов нашей

страны. Пускай диван вручит ему бумагу с требованием, чтоб он в течение одного дня покинул Каир и направился бы за пределы Египта. Составление этого письма пусть будет поручено Маалиму Риску, которому предлагаю ведать арабскими делами.

Возгласы одобрения.

Подписавших на меня донос султану я прощаю по их покаянию, с которым они придут ко мне в любое время. Имена их не оглашаю и упрекать их в содеянном – запрещаю.

Участники дивана скандируют: Али-бей! Аль-Кабир! Али-бей! Аль-Кабир! Али-бей! Аль-Кабир!

Диван свободен. Членам военного совета завтра вечером быть в цитадели. Отныне мы будем встречаться там.

Все расходятся. Остаются Али-бей и четыре бея, авторы доноса. Они подходят поочередно и целуют руку Али-бею со словами «Бес нас попутал».

Али-бей. Аллах вам судья!

Один из четырех. Да воздаст он тебе за твое милосердие. (*Удаляются.*)

Появляется Маалим Риск.

Риск. Мой господин, ты сегодня был неподражаем! Насколько мне известно, ни один из правителей нового Египта не удостаивался такого высокого прозвища – Аль-Кабир! Ты сегодня был воистину великим. Народ ликует! Ты вселил в него веру!

Али-бей. Благодарю, Риск. И я рад за тебя, что тебе, копту, представилась возможность составлять бумаги, согласно которым изгоняется турецкий паша и твоя страна объявляется независимой.

Риск. Я рад, мой господин. Хотя, разумеется, счастливым я был бы лишь тогда, когда б знал, что Али-бей сможет сделать Египет страной коптов.

Али-бей. Возродить Египет как страну коптов так же сложно, как пробудить в самих коптах былое величие фараоновых цивилизаций. Расцвету и упадку подвержены не только державы, но, к сожалению, и сами народы.

Риск. Благодарю, мой господин. Я все понял.

Али-бей. Приступай к своим делам. Их у тебя много. И все важные. *(Муслиму.)* Тантави ко мне. (*Собирающемуся уходить Риску.*) Как ты привыкаешь к своей должности министра по арабским делам?

Риск. Мне кажется, будто я занимался этим всю жизнь.

Али-бей. Надо же! А если я отстраню тебя от этой должности?

Риск. Мне будет казаться, словно я этим никогда не занимался!

Али-бей. Ты умница! Ну, ступай!

Входит Тантави.

Али-бей *(обращаясь к Тантави).* Срочно послать к шейху Дагеру гонцов с предложением в союзе с нашими войсками сражаться за освобождение арабского мира от турецкого владычества. Как ты это находишь?!

Тантави. Омер Дагер – твой давний и верный друг. Такого полководца не сыщешь во всей Западной Азии. Он прекрасный стратег. Отлично знает местность, во-

оруженность каждой крепости в окрестных землях. Заручиться его поддержкой – значит иметь гарантию на успех.

Али-бей. Дагер, как никто, знает крепости Палестины и Аравии. Я всегда чувствую себя спокойно и уверенно, когда он рядом.

Тантави. Дагер любит тебя. Он как-то особенно горд тобой и готов кинуться на твой первый клич.

Али-бей *(несколько смутившись, но не без гордости*). Ну, хватит. Значит – гонцов к Дагеру. И, как всегда, одного морем, другого – сушей. И чтоб друг о друге они не знали. В полночь соберемся у меня. Приведешь Зулфикара, Сулеймана, Магомеда, Исмаил-бея.

Тантави. А как военный совет, назначенный на завтрашний вечер?

Али-бей. Если б я сказал, что военный совет будет сегодня же ночью, это выдало бы чрезвычайность собрания, выдало бы наши намерения выступить завтра же на рассвете.

Тантави. А не слишком ли мы торопимся, Али-бей?

Али-бей. Армия находится в полной готовности к бою. Ее нельзя держать в бездействии. Она начнет думать! А это уже не армия!.. Военачальникам прикажешь собираться у тебя и лишь затем приведешь их ко мне. Больше ни о чем не говорить. Чтоб никто не знал, что эта встреча имеет сколь-нибудь важное значение.

Тантави. Все будет сделано, мой господин.

Али-бей. Тантави, я на тебя надеюсь, как не надеюсь на себя. А прежде тебя надеюсь только на Аллаха.

Тантави. Аллах тебя храни! (*Уходит.*)

Муслим. Панагиотти просится.

Али-бей. Очень кстати. Неси покурить.

Входит Панагиотти. Али-бей любезно встречает его.

Али-бей. Рад приветствовать Венецианскую республику в лице ее славного представителя!

Панагиотти. Наши вам наилучшие приветы! Мы рады видеть правителя Египта в столь хорошем здравии и расположении духа.

Али-бей (*иронично*). Отныне просим нас величать султаном Египта.

Панагиотти. Это серьезно?

Али-бей. Более чем серьезно. Мы ведь от Стамбула отложились не на словах – на деле!

Панагиотти. Стало быть, этот восторг на улицах Каира надолго?!

Али-бей. Стало быть, да! В худшем случае, на то время, пока страной буду править я. За то, как будет дальше, ручаться не могу.

Панагиотти. Да, господин, вы, как вижу, будете всерьез стараться в отношении независимости этой страны.

Али-бей. В отношении независимости ее торговли – тоже.

Панагиотти. Это как раз то, что нас больше всего волнует. Мы думаем укреплять наши торговые отношения с Египтом. Что вы на это можете сказать?

Али-бей. Основа нашей торговли – сарацинское, как вы его называете, пшено! Идет?

Панагиотти. Даже очень.

Али-бей (*продолжая*). Кофе, шафран, лен и прочее.

Панагиотти. Прекрасно.

Али-бей. Это не самое прекрасное. Самое прекрасное – это условия торговли. А чтоб они были именно прекрасными, я своим друзьям из Венецианской республики предоставлю самые выгодные условия в торговле. Это во-первых. И самую низкую пошлину – во-вторых.

Панагиотти. Мы на такое не рассчитывали, хотя зна-

ли о вашей к нам благосклонности. Венецианская республика постарается ответить вам взаимностью.

Али-бей. Я в этом уверен… И вообще, я намерен произвести в деле торговли весьма решительные перемены. Торговля – одна из наиболее запущенных у нас областей. И это при нашем выгоднейшем географическом положении и богатых ресурсах!

Панагиотти. А какова будет ваша политика относительно других европейских стран?

Али-бей. Торговать будем со всеми и много. Более всех – с Францией. Разумеется, не более, чем с вами.

Панагиотти. Сколько товара вы можете предложить в ближайшее время?

Али-бей. Думаю, много. Если вы того пожелаете.

Панагиотти. Разумеется, пожелаем.

Али-бей. По этой части вам придется более подробно поговорить с Яковом. Ведь вы с ним давние приятели. И с Риском – вашим ходатаем при дворе… Кстати, сколько вы ему платите?

Панагиотти (*смутившись*). Откуда вы это взяли?

Али-бей. Просто он больно рьяно просит всегда за то, что касается вашей республики. (*Заметив смущение Панагиотти.*) Ну ладно, это ваши дела. Словом, идите к Якову и прикидывайте, сколько и чего будете везти.

Панагиотти. Благодарю вас, господин. Позвольте откланяться?

Али-бей. Будьте здоровы.

Панагиотти уходит.

Али-бей. Муслим!

Муслим. Да, мой господин.

Входит Рабия.

Али-бей (*Муслиму*). Чем занята госпожа?

Муслим. Мариам гуляет на террасе с детьми.

Али-бей. Пусть зайдет. (*Встает навстречу сестре.*)

Рабия. Как ты, мой Иосиф?

Али-бей. Ничего. Как видишь. А как тебе живется, милая сестричка?

Рабия (*иронично*). Как жене преуспевающего полководца.

Али-бей. Магомед действительно восходящая звезда. У него великое будущее.

Рабия. Твоя любовь к нему безгранична, Иосиф, и он это знает. Он счастлив, когда слышит твое имя.

Али-бей. Магомед – наследник моих дел.

Рабия (*уже не слыша слов брата*). Иосиф, я скучаю по дому. Мне очень тяжело. Сны недобрые вижу. Я боюсь за отца, за тебя. Я не привыкла к разлуке с домом.

Али-бей. За меня не беспокойся, Рабия. За Магомеда тоже. А насчет дома можно придумать что-нибудь. Будущим летом отправлю вас к отцу погостить.

Рабия. У вас с Магомедом дальняя дорога. И очень важная. Что вы задумали?

Входит Мария.

Али-бей (*продолжая*). Сестра, ты поменьше слушай гадалок. У нас действительно много дел, в которых я не обойдусь без Магомеда. Наберись терпенья. Ты ведь жена полководца. К тому ж – преуспевающего, как сама говоришь. (*Марии.*) Я сейчас вернусь. (*Уходит, оставляя Марию и Рабию наедине.*)

Мария. Рабия, милая, как поживаешь?

Рабия. Ничего… только тоска меня заедает.

Мария вопросительно смотрит на Рабию.

Рабия. Домой душа просится. Сны вижу недобрые.

Мария. (*глубоко вздохнув*). О боже! И мне так хочется хоть одним глазом глянуть на родные Карпаты. Как живут там мои батько и маты? Мой усатый красавец, брат мой старший… Ты представить не можешь, как красивы Карпаты. Всегда. В любое время года!

Рабия. Не знаю, но, наверно, так же, как и наши абхазские горы. Стоишь в роще пицундской, а над тобой, как мачты на ветру, поскрипывают стволы исполинских сосен. Белки прыгают с ветки на ветку. Там каждый куст, каждый камень связаны с детством. Слышен колокол отцовского собора, как его добрый родительский зов… Не знаю, чем унять эту боль. Хоть бы ребенок у меня был, что ли?! Может, тогда забыла б все на свете?! Тогда мне и дела не было б до того, где и чем занят мой воинственный муж.

Мария. Я вижу, нелегко тебе, Рабия. Но ты постарайся, возьми себя в руки. Любое замужество тяжело поначалу. А при таких мужьях, как наши, – тяжесть особенная. Того и жди, что кто-то кого-то отравит, убьет, застрелит, казнит… Эти стены видели столько убийств и насилия… Но не будем думать о мрачном, Рабия.

Рабия. Думай, не думай, а порой страшно становится… Ты, Мария, заходи ко мне, хоть изредка. У меня легче спрятаться от мужских глаз. Поговорим. На кофе погадаем. Мне так часто не хватает тебя.

Мария. Мне тоже, Рабия.

Входит Али-бей.

Али-бей. И жена моя, и сестра чувствуют себя во всех палатах дворца, как франкийские женщины – свободно и нестесненно.

Рабия. Наших мам в гаремах не держали, и мы не приучены, брат.

Али-бей. Зато наши мамы не были приучены перечить старшим братьям.

Рабия. А я разве в чем-нибудь тебе перечила, Иосиф?

Али-бей (*прижимая к себе сестру*). Нет, милая, я шучу. Ты не унывай. Летом отправлю тебя с Марией в Абхазию. Мария тоже тоскует. Наберитесь духу.

Рабия. Спасибо, братец. Но без тебя мы не поедем.

Али-бей (*сокрушенно*). В Абхазию мне нельзя. Она для меня потерянный рай… Муслим!

Муслим (*появившись*). Да, господин.

Али-бей. Трубку!

Рабия (*робко*). Я пойду, до свиданья!

Мария. До свиданья, Рабия. Заходи почаще.

Рабия кивает головой в знак согласия и уходит. Муслим, подав Али-бею трубку и кофе, удаляется.

Мария. Али-бей, ты сегодня как-то особенно возбужден.

Али-бей (*закуривает трубку*). Да, Мария. Я начинаю дело, которое долгое время лелеял в душе.

Мария. Я это чувствую, Али-бей, и переживаю. Ты мне нравишься в такие минуты. Хотя именно в это время ты и бываешь наиболее опасен. Для всех.

Али-бей. Потому что это время моего вдохновения. Я полностью отдаюсь ему, служу ему службу, исповедую его. В это время я подобен Нилу. Мне нельзя перечить. Я выхожу из берегов и затопляю долины. Это время моего духовного вожделения. И ему помешать – боже сохра-

ни! У человека, в котором живет царь или фараон, есть такое время, когда он не может удержать напора своих внутренних сил, и они прорываются, круша и разрушая плотины. И лишь потом эта сила истомленно растекается, заполняя просторы и оплодотворяя равнины. А когда сойдет влага, – на песке и иле, оставленном им, пробиваются к небу звонкие ростки…

Мария. Что ты задумал, Али-бей?!

Али-бей (*возбужденно*). Я восстаю против империи!

Мария. Ты сошел с ума, Али-бей! Опомнись!

Али-бей. Да, Мария! Да! Я давно ждал этого дня, и он настал. Я был терпелив. Я старался его не торопить. Он пришел сам…

Что есть история человечества? Это история гибели одних империй и создания других… Когда турки хлынули с востока и взяли Константинополь – столицу блистательной Византии, трепетал весь мир. И долгое время казалось, что нет силы, которая может поколебать новую империю. Она стала чудовищным пауком, который принялся высасывать кровь из своих многочисленных провинций, в которые были превращены Кавказ, Балканские страны, страны арабского мира. Я порву эту паутину. Мне хочется потревожить паука! Пускай он забегает!

Мария. Али-бей, это очень опасно! Порта могущественна!

Али-бей. Она сильна за счет таких провинций, как Египет. И если Египет поднимется на борьбу – это будет хорошим примером для остальных. Это колосс на глиняных ногах. Только о том еще не знают запуганные народы, хотя некоторые из них уже начинают подозревать. А я докажу это на деле. Я расшатаю до основания то, что до недавнего времени казалось незыблемым!

Картина пятая

Каир. Палаты цитадели. Служанка Амина приносит письмо своей госпоже Марии.

Амина. Госпожа, вам письмо.

Мария. В такую рань? (*Про себя.*) Вот и сбылось, что мне вчера нагадала Рабия. (*Амине.*) Погоди, от кого?

Амина. Не знаю. Мне передал его один молодой и красивый мужчина. Я не могла его спросить, кто он. И хотя он сказал, будто является всего лишь посредником, судя по тому, с каким волнением он это говорил, письмо принадлежало ему.

Мария. От тебя, Амина, ничего невозможно утаить.

Амина. Мне удалиться?

Мария. Не надо. Ты ведь и так все поймешь! (*Читает письмо, волнуется, ей становится плохо.*) Боже, да что это со мной? (*Прислоняется к стене.*)

Амина. Что с вами, госпожа? (*Поддерживает ее.*)

Мария. Ничего. Все хорошо. Все в порядке.

Амина. Слова любви отнимают у женщины рассудок и силу в ногах.

Мария. Да, Амина. Ты, как всегда, права. Здесь такие слова написаны, что я боюсь их прочесть вновь. Боже мой, кто этот безумец? Амина, забери это письмо и больше мне его не показывай. Что хочешь с ним сделай! (*Отдает письмо Амине.*) Ступай.

Амина уходит.

(*Про себя.*) Кому понадобилось нарушать мой покой?! Кто этот искуситель? Он говорит, что непременно увидит меня сегодня. Боже, за что мне такое?!

Входит Али-бей.

Али-бей. Мария, сегодня нашему сыну Магомеду Абу-Дагабу и его полководцам будут оказаны почести.

Мария (*скрывая волнение*). Он будет счастлив. Магомед любит почести. Хотя и заслуги его действительно велики. Между тем как он жесток! Но на войне, видимо, нельзя иначе.

Али-бей. Как раз-таки можно. И именно в этом самый большой изъян его натуры. Полководец должен быть жестоким, но во время сражения. После победы полководец должен уметь проявить великодушие к покоренным, если он собирается держать их в повиновении. Магомед этого делать не умеет. Потому из него никогда не выйдет правитель. Но завоеватель он непревзойденный.

Мария. Думаю, вы не только Магомеда будете чествовать.

Али-бей. Нет конечно. В первую очередь – моего друга и союзника шейха Акры Омера Дагера!

Мария. Прекрасный старик. Ему ведь уже под восемьдесят, а он все не угомонится, все воюет.

Али-бей. В этом старике живет тысяча чертей. И еще четыре чертенка находятся вне его – это его сыновья. Удивительно воинственное семейство!

Мария. Кто еще, кроме Дагера?

Али-бей. Тантави, Исмаил-бей, Зулфикар, Сулейман, Бек Мурат.

Мария. Имя последнего мне менее известно. Чем он отличился?

Али-бей. Бек Мурат – ближайший друг и сподвижник Магомеда. Он участник всех его побед, лихой мамлюк и красавец. Ты их всех сегодня увидишь. А потому можешь пойти и переодеться.

Мария. В чем ты хотел бы меня видеть?

Али-бей. Одень свое самое любимое. В твоих дневных нарядах я плохо разбираюсь.

Мария (*шутливо*). Аль-Кабир, вы допускаете грубости! И вам это не к лицу.

Али-бей. Султану двух морей и двух земель все к лицу.

Мария. Шутишь?

Али-бей. Нет, всерьез говорю!

Мария (*смеется*). Я повинуюсь вам, мой господин, султан Египта и Сирии, двух земель и двух морей, священных городов Мекки и Иерусалима, султан жены своей Марии.

Али-бей. Это мой самый высокий титул.

Мария уходит.

Али-бей. Муслим!

Муслим. Слушаю, Аль-Кабир!

Али-бей. Позови Риска, пусть придет с сообщениями, полученными за последнее время.

Муслим едва выходит, как возвращается вместе с Риском.

Али-бей. Есть что-нибудь интересное?

Риск. Разумеется, мой господин.

Али-бей. Нами интересуются?

Риск. По-моему, даже слишком.

Али-бей. Приступай!

Риск (*зачитывает бумаги*). Из Венеции. Известие, что Али-бей овладел Меккой, где родился Магомед, а также Мединой, где тот погребен, и лежащими при Красном море гаванями, не только подтверждается, но и арабские князья совершенно отпали от Турции и упомянутого Али-бея признали султаном Египта и всей Аравии.

Али-бей. Толковое сообщение. Особенно относительно того, что арабские князья отпали от Турции. Это полезно знать Европе.

Риск (*продолжает*). Из Ливорны. Из одного только города Каира ожидают в здешнюю гавань до 20 судов, груженных разными товарами – льном, шафраном, сарацинским пшеном, пряными кореньями, кофием, которым надлежало идти в Константинополь, но по восшествии упомянутого Али-бея на престол египетский назначены они сюда.

Али-бей. Устаревшее, и все-таки важное, поскольку в нем говорится, что мы отказали Стамбулу в наших товарах.

Риск. Опять из Италии. Али-бей – египетский султан – дозволил всем европейцам ездить в его государстве на лошадях, на коих уже 18 лет недозволено было ездить, а только ездить на ослах.

Али-бей (*смеется*). Али-бей – великий преобразователь. Если б не он, Европа еще 100 лет ездила бы по Египту на ослах! Надо же! Есть еще что-нибудь?

Риск. Есть. Намерения Али-бея клонятся к великим делам, к чему он склонен от природы. Знатность и власть его в Египте и других местах беспрестанно увеличивается. Он, отложившись вовсе от Порты Оттоманской, принял решение не только отнять у нее Египет, но также Сирию, Аравию, Йемен, священные города Иерусалим, Мекку, Медину и прочее. И ежели приведет он свои намерения в действо, то высокомыслие, пышность и сила Оттоманская весьма умаляются, чего ради в Константинополе стараются всячески усмирить сего неприятеля и возвратить от него завоеванные земли. Сказывают, что Али-бей, который уже называется наследником фараоновым, решил отнять у Порты весь арабский мир, и войско его увеличилось до 100 тысяч.

Али-бей. Любопытно, каково бывает самочувствие Мустафы III, когда ему читают подобные сообщения?

Риск. Кстати, здоровье султана часто бывает худым.

Али-бей. Я думаю. Против него сейчас поднялись Россия, народы Кавказа и Балкан, Египет, наконец. И благодаря нам – все страны арабского мира. Сейчас никто более, чем мы, не причиняет вреда султану на суше и не представляет для него опасности. Был бы у меня флот посильней и пушки, я б не искал союзников – сам пошел бына Стамбул. Кстати, как дела у русской эскадры в Архипелаге?

Риск. Пока ничего не слышно. Ждем из тех краев Якова. Он что-то задерживается.

Али-бей. Меня беспокоит эскадра Орлова. Она слишком малочисленна, чтоб вести военные действия против турков.

Муслим. Корабль Якова причалил к каирской пристани.

Риск и Али-бей направляются к веранде.

Али-бей. Он самый. Легок на помине. Посмотрим, чем он нас порадует. (*Муслиму.*) Неси трубки. (*Риску.*) Нам нужно научиться самим отливать пушки. Венецианцы неплохие мастера. Надо перенять у них это ремесло. Ведь наша артиллерия собрана со всего света и уже устарела. Между тем, как ты видишь, никто не хочет продавать нам пушек в том количестве, в котором они нам необходимы. Пушки – это сила.

Риск. Раньше у нас и вовсе не было артиллерии.

Али-бей. Потому и были захудалой провинцией.

Входит Яков и он взволнован.

Яков. Мой государь, как ваше самочувствие?

Али-бей. К черту самочувствие! Что там случилось?

Яков. Русские сожгли турецкий флот!.. Урон неслыханный! Потери турков в живой силе колоссальны!

Али-бей. Погоди. Успокойся. Повтори, что сказал.

Яков. Русская эскадра адмирала Орлова при Чесме, что напротив острова Хиос…

Али-бей. Ну, ну!

Яков. …окружила турецкий флот в гавани и начала сражение. Один из русских сумел проникнуть на турецкий корабль и устроить поджог. Поднялся пожар. Корабли турок стояли скученно. Ветер дул со стороны загоревшегося корабля, на котором взорвались пороховые бочки. Огонь перекинулся на другие корабли…

Али-бей. Так-так!

Яков. Началась паника. А тут и русские не перестают палить из пушек. Таким образом, весь флот, что стоял при Чесме, сгорел. Залив кишел тонувшими в панике людьми.

Али-бей. О Аллах! Кто мог подумать, что у турецкого флота будет столь печальный конец? Что ж ты, блистательная Порта, так подвела?! Вот это понимаю – победа!

Риск. Это невообразимо. Империя имеет флот, в четыре раза превосходящий русский.

Али-бей. Не имеет, а – имела! Зато русские обладают тактикой, превосходящей в пять раз! Я ж вам говорил, что это восходящая звезда.

Яков. Я боялся, что не доплыву до Каира. такая радость переполняла мою грудь, мне не терпелось донести ее до вас.

Али-бей. Кто мог такого ждать? Ну русские!.. Теперь и мы добавим этому Мустафе на суше. Слушай, Риск. Дай распоряжение произвести пять залпов из пушек в честь победы наших союзников в чесменском сражении. То же самое пусть сделают и в Александрии. Прикажите народу

гулять на улицах и площадях, петь, плясать, веселиться. На завтра пускай назначат состязание джигитов в долине. Я сам приму в них участие.

Риск удаляется.

Яков. Мой господин, вы слышали о волнениях в Армении?

Али-бей. Не слышал и даже не предполагал.

Яков. Вот что пишут Санкт-Петербургские ведомости. (*Достает газету, читает.*) В Лондоне носится слух о полученной из Смирны важной новости, что в Армении и в окрестностях горы Арарат последовало всеобщее возмущение против турков. Сверх того объявляют еще, что в Токкате, Ангоре и Эфесе произошли смятения и что Палестина находится в таких же обстоятельствах.

Али-бей. Любопытно и похвально.

Яков. А о том, что абхазы восстали, слышали?

Али-бей. Разумеется, хотя против турков не восставать, а воевать нужно. Воевать по-настоящему. Некоторое удовлетворение могут вызвать на Кавказе действия русского генерала Тотлебена и его союзников – грузинских правителей Ираклия и Соломона. Но опять-таки, это не та война, которую надлежало бы развернуть против турков. И Левану Чачба, и Ираклию, и Соломону я посылал людей с призывом действовать сообща, но они даже между собой не очень ладят.

Входит Риск.

Риск. Мой господин, сейчас будут палить.

Слышны залпы орудий.

Али-бей. Вот как надо воевать! Здорово!

Риск. Мой господин, генералы прибыли для церемонии.

Али-бей. Пускай входят.

Появляется Мария.

Мария. Я поздравляю вас с победой русского флота!

Яков. Благодарю, госпожа. Эта победа очень важна для нас.

Входят генералы, занимают места. Среди них мы видим Дагера, Тантави, Сулеймана, Магомед-бея, Исмаил-бея, Зулфикара, Бек Мурата. Али-бей подходит к Дагеру, обнимает его, ведет к тому месту, где он восседает, сажает Дагера рядом с собой. По другую сторону от него, несколько позади, стоит Мария. Она глазами встречается с Бек Муратом, вожделенные взгляды которого на Марию незаметны присутствующим. Марию смущают его взгляды, она старается не реагировать на них, но краска заливает ее лицо. Она, не выдержав, уходит. На ее уход обращает внимание Али-бей, но не останавливает жену. Все это происходит на фоне разговора Али-бея с Дагером.

Али-бей. Дагер, я давно не скакал рядом с тобой в бою.

Дагер. А разве этому что-нибудь мешает?

Али-бей. Ничто, кроме государсвенных дел. Приходится устранять унаследованные неполадки.

Дагер. Я всегда гордился тем, Али-бей, что ты сочетаешь в себе талант полководца с умом государственным. Это редкий дар. И все твои завоевания ничего не будут стоить, если ты не приведешь в порядок свои управленческие и торговые дела.

Али-бей. Спасибо, Дагер. Твоя похвала для меня всего ценней. (*Али-бей встает и обращается к генералам.*) Господа!.. Хотя мы с Россией не скреплены договором, но действия наши против Оттоманской Порты делают нас по-существу союзниками. И боремся мы против единого врага. Все вы уже знаете о блестящей победе русского флота под командованием графа Орлова при Чесме. Эта победа воодушевляет нас. Она также послужит новому подъему освободительных движений в странах, угнетаемых турками.

Замечательные победы наших генералов в Азии имеют также важное значение в деле ослабления Османской империи. За продвижением наших войск пристально следят все европейские и западно-азиатские страны, не говоря уже о странах Северной Африки.

В этот радостный день, украшенный победой русского флота, мне приятно говорить о выдающихся успехах наших полководцев, в столь короткое время отторгнувших от империи и присоединивших к Египту большую часть Сирии, Палестину, Йемен, Аравию, святые города Иерусалим, Мекку, Медину, города Газу, Триполи, Алеппо и другие арабские земли, в свое время захваченные Султанской Турцией.

Мне особенно хочется отметить выдающийся вклад в наши победы шейха Омера Таира Дагера и в память о нашей совместной борьбе преподнести ему золотой ятаган! (*Обнимает Дагера, вручает ему ятаган*)…

За великие военные заслуги, за вклад в славу нашего победоносного оружия золотыми ятаганнами награждаются генералы Тантави, Зулфикар, Исмаил-бей, Бек Мурат. (*Происходит церемония вручения названным генералам памятных ятаганов.*)

За решающий вклад в отторжение арабских стран от Порты, за укрепление боевой мощи нашей страны глав-

нокомандующий нашими войсками, не знающий поражения, генерал Магомед-бей Абу-Дагаб награждается также золотым ятаганом и ему присваивается имя Победоносный с присовокуплением к его титулу названий всех отвоеванных в этих войнах земель!

Раздаются одобрительные возгласы присутствующих. Магомеду вручают золотой ятаган.

Дагер. Да пошлет Аллах тебе премудрость в правлении, Али-бей Аль-Кабир! Я, как и все твои сподвижники, сегодня глубоко взволнован победой русского флота при Чесме и торжеством, которое совпало с этим радостным известием. Нам вдвойне приятно было услышать высокую оценку наших предприятий от человека, который сам лично немало принимал участие в сраженьях, а кроме того, хорошо знает и чувствует военное искусство, ибо имеет к нему прирожденную одаренность. Мы убедились в этом и во время подготовки к осадам крепостей, и во время самих сражений, и нам приятно быть сподвижником такого великого полководца и правителя.

Кроме того, я считаю верным и своевременным признание выдающихся заслуг Магомед-бея Абу-Дагаба и нахожусь в числе тех, кто от души поздравляет его с этим признанием! (*Дагер подходит к Магомеду, обнимает его. Его примеру следуют другие полководцы.*)

Али-бей. Господа генералы! Прошу вас пройти на галереи, где нас ждет праздничный обед. Там мы и продолжим наши разговоры.

Картина шестая

Та же обстановка дворцовых палат в Каирской цитадели. К Али-бею входит торговый представитель Венецианской республики Панагиотти.

Али-бей (*вставая и идя навстречу*). Приветствую славную Венецианскую республику и нашего друга сеньора Панагиотти!

Панагиотти. А мы рады видеть в полнейшем здравии освещенного славой боевых побед султана Египта и всего Ближнего Востока Али-бея Аль-Кабира Булут-Капана!

Али-бей. Я очень рад вашему приходу, мой друг.

Панагиотти. Премного благодарен. И рад за ваши успешные продвиженья. Я слышал, что на днях пал Дамаск. Поздравляю!

Али-бей. Благодарю. Это действительно большая победа. Она завершает целый этап наших предприятий. Дамаск сопротивлялся долго и упорно. Но Магомед-бей и шейх Омер Дагер принудили их сдаться.

Панагиотти. Я сейчас еду из Марселя. Там уже известно о падении Дамаска.

Али-бей. Удивительно!.. Недавно мы овладели частью острова Кипр и уже предоставили русской эскадре гавани на этом острове.

Панагиотти. Об этом также мне стало известно в Марселе.

Али-бей. В таком случае я ничего нового вам не рассказал… Скажите лучше, каковы ваши впечатления о марсельском купечестве?

Панагиотти. Богатство и роскошь!

Появляется Риск. Останавливается в дверях.

Али-бей. Входи.

Риск. Образцы новой монеты готовы, Аль-Кабир.

Али-бей. Ну-ка, покажи! (*Берет монеты, всматривается, передает Панагиотти.*)

Панагиотти. Красивый шрифт.

Али-бей. Интересно, что скажет султан Мустафа, увидев это.

Панагиотти. Да, можно представить себе его негодованье.

Али-бей. Прочитай-ка надпись сеньору Панагиотти.

Риск. Султан Египта и Сирии, двух земель, двух морей, двух священных городов Али-бей Аль-Кабир, Булут-Капан.

Али-бей (*подписывая бумагу*). Первую же партию новых денег вручите Панагиотти. Пусть покажет и употребит первым у себя в Венеции.

Панагиотти. Премного благодарен, Аль-Кабир, оказанной честью. (*Кланяется.*)

Али-бей. Муслим!

Входит Муслим. Риск удаляется.

Али-бей. Трубки и гавази! (*Обращаясь к Панагиотти.*) Да, друг мой, султан лишился всех своих владений в Западной Азии, лишился здесь морских и караванных путей. Между тем я восстановил торговлю через Суэцкий залив в Индию. И предоставлю вам, Венецианской республике, а затем и всей Европе возможность плыть на Восток не через мыс Доброй Надежды, а через земли и Красное море. Кратчайшим путем!

Панагиотти. Это будет превосходно!

Слуга приносит трубки и кофе. Али-бей и Панагиотти располагаются поудобней на подушках. Пьют кофе и курят

табак. Входят гавази и начинают свои обольстительные танцы под едва слышную музыку.

Али-бей. В народе нашем много талантливых певцов, актеров, танцоров. Но все их искусство сводится лишь к уличным вымогательствам. Мне хочется приучить лучших из них выступать в помещении и привлекать к этим зрелищам знатную публику.

Панагиотти. А как к этому относится ваш духовный отец – муфтий?

Али-бей. Думаю, положительно, я и его буду приглашать на эти представления.

Панагиотти. Это было б весьма похвально и поучительно. Меня удивляет другое, Аль-Кабир. Как вам вообще удалось в столь короткое время очистить все города и караванные пути от разбойников и грабителей, а таможни – от живодеров?!

Али-бей. Жестокостью. Иного выхода не было. Ведь из-за такого положения ни Европа, ни Азия не хотели с нами торговать. Теперь наши дороги и караванные пути не представляют опасности для купцов и путешественников, которые буквально хлынули в наши пределы. В таможнях наведен порядок, установлены единые тарифы. Размеры пошлин немного снижены и приведены в строгое соответствие с нашей торговой политикой.

Панагиотти. Я слышал, что для наведения порядка вы даже казнили наиболее невыносимых таможенных бандитов и сборщиков налогов.

Али-бей. Да, и такое имело место. (*Ласково глядит на приблизившуюся к нему танцовщицу, удивительно сладострастно двигающую бедром.*) Кстати, Панагиотти, я рассчитываю, что вы вскоре привезете мне новую партию пушек. Тем более что Венецианская республика, по моим сведениям, не собирается в ближайшее время воевать.

Панагиотти. Думаю, что привезу их в таком количестве, которое вас удовлетворит.

Гавази удаляются.

Али-бей. Такого количества вам, скорей всего, не дадут, но все-таки мы на ваши старания надеемся. (*Встает, провожая Панагиотти.*)

Панагиотти. К этому нас обязывает наша с вами дружба. Желаю вам славных предприятий.

Али-бей. Благодарю. Надеюсь, что вы будете радовать нас своими визитами. (*Панагиотти уходит.*)

Входит Риск с бумагами.

Риск. Аль-Кабир, вы желали выслушать последние сообщения.

Али-бей. Да-да!

Риск (*читает*). Германия. С нижней реки Эльбы. Из находящегося в Сирии города Сент-Жан-Дакр сообщают, что Алеппо, Антиохия и Триполи покорились армии победоносного Али-бея. Сирия, слыша имя Али-бея, трепещет. Большая его армия состоит из 120 тысяч человек.

Али-бей. Преувеличивают, но ненамного. Продолжай.

Риск. Из Венеции. Али-бей объявил жителям Каира пушечной пальбой одержанную его войском победу и взятие Дамаска. Европейские консулы, находящиеся в Александрии и Каире, поздравляют его с победой. В городах Египта повсюду проведены народные гулянья.

Али-бей. Дальше.

Риск. Из Константинополя. Правительство с последней почтой разослало вторичные повеления для набора великого числа рекрутов, ибо не только армия Великого

Визиря требует многочисленного пополнения, но надлежит также выставить немалое число войск и против Али-бея. Шести пашам дано повеление набрать войска до 40 тысяч, которое, соединившись с упомянутым, должно пойти в Сирию и Египет.

Али-бей. Вот к этому делу надо отнестись со всей серьезностью. Необходимо завтра же снарядить людей. Наши агенты должны поднять народные восстания против турков именно в тех местах, где Порта намеревается набирать наемников.

Риск. Будем действовать методом императрицы?

Али-бей. Этот метод использовался во все времена. Хотя Екатерина действительно пользуется им особенно умело. Есть еще что-нибудь?

Риск. Из Константинополя. Здесь уведомляют, что Али-бей Аль-Кабир послал корпус своего войска с сирийскими и египетскими кораблями к великому острову Кипру и что победоносному его войску удалось овладеть большей частью острова. Если это известие подтвердится, то такой урон можно будет сравнить с потерями знатнейшей баталии.

Али-бей. Говорят о нас в мире действительно много. Теперь нужно навести порядок во всех освобожденных землях. Еще более укрепить торговлю, наладить централизацию власти… Да, Риск, я все никак тебя не спрошу. что у вас произошло с Магомедом? Как я посмотрю, у вас великая вражда. Откуда она взялась?

Риск. В тот день, когда вы награждали генералов, я не заметил, как он вошел в кабинет и, естественно, не поднялся, приветствуя его.

Али-бей. А если б заметил, то сразу поднялся бы, не так ли? Ты тоже хорош. Ты ласков только со мной и весел не со всеми.

Риск. И служу только вам, а не двум султанам сразу!

Али-бей. Ты что этим хочешь сказать?

Риск (*спохватившись*). То, что всегда был вам предан и остаюсь таким.

Али-бей. Магомед-бей – человек властолюбивый и не терпящий от своих подчиненных никаких пререканий. Не будь ты в моем подчинении, он давно бы нашел способ наказать тебя.

Риск. Он бы просто меня умертвил. Догадаться нетрудно.

Али-бей. Единственный человек, которого он не может открыто ослушаться, – это я! Более того, он много старается, чтобы осуществить мои планы по части военных предприятий. И тут я не могу не гордиться им... Многие старались поссорить меня с сыном путем доносов на него. Причем делали это через моих ближайших людей, чтоб донесение выглядело более весомо и правдиво. Однако Магомед-бей всегда доказывал мне сыновнюю верность.

Риск. Значит, если я скажу вам что-нибудь относительно неблагодарного или неверного отношения к вам Магомеда, то вы...

Али-бей (*перебивая Риска*). То я не обижусь на тебя, будучи уверен, что ты это сделал, действительно беспокоясь обо мне... Магомед-бей – личность сильная и популярная. Было б удивительно, если вокруг него не было бы множества сплетен и кривотолков.

Риск. Почему он не сдает богатства, полученные с завоеванных земель, в казну, а сосредоточил их в своих руках?

Али-бей. Это верно, и я об этом знаю. А между тем нам скоро нужны будут средства – особенно для строительства флота и создания собственной артиллерии. Потому я весьма беспокоюсь о сохранении этих сокровищ. Я направил к сыну людей с распоряжением создать

войско особого назначения для сопровождения этих богатств в Каир и приобщения их к казне.

Риск. Об этом я узнал только сейчас... А сами посланники знают, с какой они миссией едут?

Али-бей. Разумеется, нет. О своей миссии они узнают лишь после того, как Магомед-бей вскроет конверт, посланный мной с ними.

Риск (*спохватившись*). А где Муслим?

Али-бей. Отец у него при смерти. Отправился... Что-нибудь случилось? Почему ты так волнуешься?

Риск. Странно.

Али-бей. Муслим очень исполнительный парень.

Риск. И тебя не насторожило, что этот человек отпрашивается, будучи посвященным в одну из самых важных государственных тайн?!

Появляется Мария.

Али-бей (*Риску*). Зайдешь попозже. Продолжим разговор.

Риск уходит.

Мария. Я, может, не вовремя?

Али-бей. Нет, нет, в самое время.

Мария. Как твое самочувствие, Али-бей? Чем озабочен?

Али-бей. И сам не знаю... Многим полководцам удавалось захватывать более или менее значительные территории. Но весьма не многим удавалось превратить все это в единый организм. Эти завоеватели не знали, что им делать с пространством, с этой звенящей пустотой, в которой едва стих грохот боев.

Входит Тантави.

Али-бей. Ты как здесь оказался, что случилось?

Тантави. Я горевестник! Убей меня!

Али-бей. С Магомедом что-нибудь случилось?

Тантави. Он казнил твоих посланников, сдал Дамаск, вывел все гарнизоны из крепостей и, соединив со своим войском, идет на Каир…

Али-бей. О чем ты говоришь?! Ты даешь отчет своим словам?!

Тантави. Да! Да!

Мария. Мне тоже… пришло письмо от Рабии. Она пишет, что Магомед заточил ее в крепости и она опасается, что это, может быть, связано с его возможным предательством. Она просит, чтоб ты был осторожен.

Али-бей. Да нет, нет! Вы с ума сошли! Магомед! Да нет! Этого не может быть! (*Кричит в безумстве.*) Не может быть!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина седьмая

Шатер Магомед-бея. Он уже находится недалеко от египетских границ. Бек Мурат входит в шатер и докладывает Магомеду.

Бек Мурат. Господин главнокомандующий, лазутчики сообщают, что к нашему лагерю приближаются войска Дагера и его сыновей.

Магомед. Против нас это не войска, а всего лишь отряды… Дай распоряжение привести полки в готовность. Дагер – хитрая бестия. От него все можно ожидать. Это верный пес моего отца.

Бек Мурат. Больше никаких распоряжений не давать?

Магомед. Пошлите навстречу Дагеру парламентеров с предложением оставить войска на том берегу ручья. Переход войск на эту сторону вызовет с нашей стороны ответные действия. А сам Дагер с сыновьями может пожаловать в наш шатер на чашечку кофе.

Бек Мурат уходит.

Исмаил. Много я воевал с тобой, Магомед, много одерживал побед, порой очень трудных и всегда – с великой охотой быть с тобой рядом, но сейчас…

Магомед. Если мой верный друг Исмаил-бей признаётся в таком настроении, я могу представить, что скажут остальные, если дать им раскрыть душу.

Исмаил. Нет, Магомед. Не торопись… Пройдя с тобой столько голодных пустынь, разделив с тобой тяжесть стольких сражений, радость стольких побед, я не сумею тебя предать. Но идти против Али-бея, имя которого для меня подобно родительскому кличу… Не знаю, Магомед…

Магомед. Все вы заворожены его именем. Вы из него сделали фараона! Но ведь трон его стоит на наших спинах. Стоит нам разогнуть свои спины – и фараон будет низвержен. Он собирает с нас дань в виде богатств и славы. Ему легко быть мудрым и великодушным. А мы – рабы его величия. Он принимает послов, а мы воюем в голодных песках, на островах, в море! Нашими неимоверными трудами он стяжал себе мировую славу!

Исмаил. Тебе почти не приходилось видеть Али-бея в бою. Между тем редко какой правитель имеет за своей спиной столько сражений, в которых он лично участвовал. Ты не видел молодого стремительного мамлюка Али у стен каирской цитадели, когда он вел сражение, чтоб изгнать тогдашнего правителя Египта Ридван-бея. Ты не видел, какие чудеса джигитовки показывал твой отец во время игр «Джедир» в долине Нила. Ты не видел, не пережил его молниеносного и блистательного возвращения в Каир из ссылки, когда Али-бей силой вернул себе место военного правителя Египта. Его враги не успевали очнуться. Он разил их повсюду. Али-бей был неуловим, неумолим, недосягаем. Вот почему с таким благоговением относятся к нему опытные мамлюкские военачальники. А не потому, что нами с тобой расширены его владенья…

Магомед. Исмаил, я уже не знаю, рассчитывать на тебя или нет?! В минуту, когда я негодую на Али-бея, когда я преисполнен ненависти к нему, ты находишь возможным восхищаться его гением!

Исмаил. Нет, Магомед. Я уже сказал, что считаю себя твоим соратником и не брошу тебя при любых обстоятельствах. Мы требуем от своих мамлюков и янычар быть орудиями, быть саблей, которая рубит там, куда ее направляют. Но ведь полководцу, причем имеющему за плечами не одно сражение, можно поразмыслить кое над чем. Словом, ты, Магомед-бей, не обижайся, что я впадаю в рассуждения. То, что я обязан тебе жизнью, никогда не забуду… Нет, я не из тех, что будет служить до гроба любому, кто случайно спасает его. Ты спасал меня, сознавая опасность, которой подвергал свою жизнь…

Магомед. Я не к тому, Исмаил. Просто ты не так активен сегодня, как мне того хотелось бы.

Исмаил. Не обращай на меня внимания. Я по крайней мере не помешаю тебе. У тебя громадная армия. Перед тобой ничего не устоит.

Магомед. Возможно, оно и так…

Входит Муслим.

Муслим. Дагер один, без сопровождения приближается к шатру.

Магомед. Я так и знал. Эта хитрая бестия побоялась ко мне с сыновьями пожаловать. Боится ловушки. Пускай заходит.

Муслим уходит.

Исмаил (*имея в виду Муслима*). Этот давно работает на тебя?

Магомед. С тех пор как я стал беем. Он пока еще должен был находиться у Али-бея, но нервы не выдержали, прибежал. Это он мне раскрыл замыслы отца. Ничего, без агента я не останусь. Были б деньги – предатели найдутся…

Исмаил. Собаку, что привыкла таскать яйца, отучить невозможно.

Магомед. Я это знаю. Но он мне пока нужен.

Муслим. Омер Дагер!

Входит Дагер. Он и Магомед молча жестами приветствуют друг друга. Пауза.

Дагер. Что означает это «бегство в Египет»?

Магомед. Дагер, я уважаю твой возраст, но попрошу деликатности в обращении. Тем более что это не «бегство

в Египет», а поход на Египет. В этом есть существенная разница.

Дагер. Как бы то ни было, я сомневаюсь, что ты сумеешь уважить меня, если не сумел уважить отца!

Магомед. С отцом мы разберемся без посредников!

Дагер. Посредником я быть не собираюсь, ибо всецело нахожусь на стороне Али-бея.

Магомед. Это уж я знаю.

Дагер. И все-таки что все это значит, Магомед?!

Магомед. Не Магомед, а Магомед-бей Абу-Дагаб! И не кричи на меня. Тем более, что здесь – я кричу!

Дагер. Ты предатель! Али-бей из тебя, бесправного пленника, сделал бея, затем – полководца и наконец – главнокомандующего. Ты стал самым богатым человеком в арабских странах!

Магомед. Богатства эти добыты мной в сражениях!

Дагер. Но ты их должен был сдать в казну, а не присваивать, пользуясь опять-таки тем, что ты алибеев сын!

Магомед. Али-бей мне не отец, а воспитатель!

Дагер. Ты бы сказал об этом, когда он выдвигал тебя. Тогда ты дышал воздухом, в котором звучало только имя Али-бей! Ты клялся его именем! Ты гордился им, как отцом!

Магомед. А теперь я не желаю подставлять свою шею под его саблю! Он использовал меня в своих военных предприятиях. Для них он меня воспитывал и выдвигал. Для них он женил меня на своей сестре, вопреки нашим обычаям и приличиям. То, что он задумал, всегда должно быть превыше любых устоев! А если у меня сегодня есть слава и богатство, то их я добыл сам!

Дагер. Как ты можешь так говорить?!

Магомед. Али-бей желал покорить весь арабский мир и почти добился этого благодаря мне и моим генералам.

Теперь же он решил избавиться от меня. Тем более, что у него растет другой наследник. Пока еще несмышленый, но более любимый, чем я, ибо не требует от него ничего. Он ему не соперник! Он не владеет несметными богатствами, как я!

Дагер. Да ты помешался на этом богатстве!

Магомед. Нет, Дагер! Просто я не люблю, когда меня обманывают! Я эти богатства отнял у народов ценой крови, а Али-бей хочет их отнять у меня просто так, задаром! Нет уж! Эти сокровища можно заполучить лишь той ценой, какой они добыты!

Дагер. Кто тебе сказал, что Али-бей собирается лишить тебя этих сокровищ?

Магомед. Мной казнены его посланники, через которых он предлагал мне отправить сокровища особым караваном в Каир. По благополучном прибытии каравана ко дворцу он собирался убить меня!

Дагер. Этого не может быть.

Магомед. А не он ли убил Салех-бея, единственного человека, который спрятал его у себя, когда изгнанный из Каира Али-бей скрывался от преследования в Верхнем Египте?! Этот человек пригрел его, помог собрать армию и выиграть осаду Каира. Став снова военным правителем Египта, как поступил Али-бей? Мамлюки зарубили своего благодетеля, а Али-бей лицемерно воздал почести им же погубленному Салех-бею!

Дагер. Да ты представляешь, чем для тебя может обернуться недавняя любовь Али-бея! Его ненависть столь же сильна!

Магомед. Это я знаю. Но со мной – великая армия.

Дагер. Победа не всегда бывает на стороне числа. Это тебя может не выручить!

Магомед. На худой конец у меня есть более сильная поддержка.

Дагер. Не Порта ли стоит за твоей спиной? Ведь когда предают сильного хозяина, обычно переходят под покровительство его сильного противника!

Магомед. Это вы предатели! Это вы держите сторону гяурской России, воюете против единоверного Стамбула, которому вы до недавнего времени прислуживали! Не это ли есть предательство?!

Дагер. Я крепко знаю две вещи. Одно – что ты предал своего отца! И другое – что я Али-бея предать не могу. И не удивляйся, когда увидишь меня среди полководцев своего отца.

Магомед. Я удивлюсь, если тебя не будет среди них!

Дагер уходит.

Исмаил. Этот будет тебе сильно вредить. Он и его сыновья. Мне не приходилось встречать полководцев, действующих так слаженно, как дагерово семейство. (*Встает, собирается уходить.*)

Магомед. Завтра утром выступаем в поход. Ночной лагерь будет разбит уже на территории Египта.

Входит Рахман.

Рахман. Мой господин, мамлюки настойчиво спрашивают. «Почему мы отступаем? Почему идем на Каир?» Что им сказать?

Магомед. А разве ты им не сказал, что Али-бей умер, что мы возвращаемся в Каир отдать ему последние почести?

Рахман. Они спрашивают: почему мы вывели гарнизоны и сдали завоеванные крепости?

Магомед. О Аллах! Скажи, что таково было завещание Али-бея!

Рахман. В смерть Али-бея они не верят. Они спрашивают: если умер Али-бей, то почему Абу-Дагаб не торопится занять престол и идет в Каир с такой великой армадой?!

Магомед. Не знаю, придумай сам, скажи, что Али-бей сдал Каир гяурам и надо освободить Египет от неверных!

Исмаил. Мне можно идти?

Магомед. Иди и будь готов выступить на рассвете.

Исмаил уходит.

Магомед (*вынимая кинжал и наступая на Рахмана*). Я из тебя выпущу кишки, если ты еще раз зайдешь в шатер в панике! Причем, когда у меня находятся полководцы.

Рахман (*в ужасе отступая*). Больше не буду, господин! Не убивай! Больше не буду!

Магомед. Пойди и успокой войска! Будь мужчиной, а не женщиной в тюрбане! Скажи им, что Али-бей продал египетские гавани русским, что выгнал из мечетей Египта мусульман, а мечети превратил в конюшни! Что он сын гяурского священника! И что жена его – тоже гяурка!

Рахман. Слушаюсь, мой господин. Сейчас все сделаю.

Магомед (*поправляя его*). Сделаю и доложу!

Рахман. … и доложу!

Появляется Бек Мурат. Магомед отпускает Рахмана и кладет кинжал в ножны.

Магомед. Жду от тебя вестей. (*Бек Мурату.*) Ну, что там у тебя?

Бек Мурат. Все хорошо. Настроение у янычар боевое.

Магомед. Еще бы! Так платить, как мы им платим, да еще чтоб настроения не было?! Как охрана казны?

Бек Мурат. Полный порядок.

Магомед. Смотри, чтоб караулы сменялись в разное время и расписание их смены знал только ты. Чтоб никто из начальников охраны не ведал, когда он заступает и когда снимается.

Бек Мурат. Мы действуем в строгом соответствии с предписаниями, мой господин.

Магомед. Как ты думаешь, через кого Порта пришлет мне обещанные дары?

Бек Мурат. Наверняка через дамасского пашу… Но это только после взятия Каира.

Магомед. Это я знаю… Вот что: посиди-ка здесь и дождись моего возвращения. А я пойду и посмотрю, так ли там все ужасно, как говорит Рахман, и так ли все прекрасно, как говоришь ты! (*Уходит.*)

Входит Муслим, озирается. Бек Мурат передает ему что-то. Муслим прячет это за пазуху.

Бек Мурат. Это твой самый большой заработок.

Муслим. А разве я его не заслужил?

Бек Мурат. Еще как!

Муслим. Магомед хорошо знает почерк отца, так что, если бы я написал все письмо за Али-бея, он бы это легко разоблачил. Я лишь одно слово вписал, которое поменяло весь характер письма. Тон его из доброжелательного превратился в требовательный.

Бек Мурат. А я думал, что ты все письмо сам подделал.

Муслим. Почерку правителя тяжело подражать. Он уверен, размашист. Подражать почерку Али-бея тяжело, как подражать ему самому.

Бек Мурат. Хватит философствовать. Ты лучше ответь. не боишься ли ты встречи с Али-беем?!

Муслим. Боюсь даже подумать.

Бек Мурат. Но теперь тебе стоит опасаться и Магомеда. Ты ему был нужен, покуда находился у Али-бея в цитадели.

Муслим. Я об этом подумал прежде, чем покинуть Каир. Я завербовал там другого агента. Тот работает за более скромную плату, чем работал я. Но связи с ним не было до вчерашнего дня.

Бек Мурат. За такие услуги ты хочешь отдельную плату?

Муслим. Я и сам за них плачу.

Бек Мурат. Докладывай в долг.

Муслим. С Аль-Кабиром случилась неслыханная лихорадка. Он бредит и кричит. «Магомед! Магомед!»

Бек Мурат. И это все?!

Муслим. А разве этого мало?

Бек Мурат. Пожалуй, нет. Это очень хорошо. Значит, кроме всего, правитель Египта чувствует себя не по-боевому. Что ж, с таким Али-беем нам еще легче будет справиться.

Муслим. Он мог бы победить нас умом, но раз уже и ум ему не подчиняется, то это все! Это значит, что у нас нет препятствий, и Египет, эта жемчужина в короне Стамбула, будет возвращена на место.

Бек Мурат. Слушай, Муслим, а как жена Али-бея, Мариам?

Муслим. Я знаю, что ты посылал ей письма. После них она несколько дней пребывала в недомогании.

Бек Мурат. Значит, они тронули ее сердце?

Муслим. Думаю, что да… А как она не выдержала твоего взгляда и ушла? Это было в тот день, когда вас награждали.

Бек Мурат. Ты и это заметил?

Муслим. У нас работа такая – все замечать. Я знаю не только что вы делаете, но и то, о чем каждый из вас думает или видит во сне.

Бек Мурат. В таком случае, может, ты скажешь, что видит во сне Мариам-ханум?

Муслим. Я занимаюсь мужскими снами.

Бек Мурат. Не дождусь того дня, когда смогу завладеть этой красотой.

Муслим. Мечтать об этом могут только безумцы.

Бек Мурат. А я и есть тот безумец, который ни перед чем не остановится ради нее. И разве мало я уже сделал для этого? *(Самому себе, отстранясь от Муслима.)* Ведь я не только лишил Али-бея всех его обширных завоеваний – я направил против него его же войска, которые ведет его обезумевший сын! Порта ломала голову, не зная как покорить Али-бея, а я сына поднял на отца!

Картина восьмая

Палаты Али-бея в Каирской цитадели.

Тантави. А где Аль-Кабир?

Риск. Отдыхает. Скоро придет.

Тантави. Как у него со здоровьем?

Риск. Восстанавливается. Уже может даже сесть в седло и вести сражение.

Тантави. Хвала Аллаху!.. А чем занят Магомед в Верхнем Египте, что о нем слышно?

Риск. Отбывает ссылку с небольшой армией.

Тантави. Меня интересует, что он думает делать дальше?

Риск. Этого никто не может знать.

Тантави. Но можно предугадать!

Риск. Ну, во-первых, он поддерживает связь со Стамбулом. Думаю, что ему будет оказана помощь. Время подходящее для его вылазки. Мы ведь лишились поддержки

русских после того, как они заключили перемирие с турками.

Тантави. В самое неподходящее для нас время.

Риск. Теперь Мустафа III может вплотную заняться Египтом.

Тантави. Да, мы остались лицом к лицу с опасным врагом. К тому ж за спиной нашей притаился его союзник – Магомед-бей.

Риск. Надо было Абу-Дагаба добить до конца, а не оставлять его за спиной.

Тантави. Я тоже так думаю. Но Али-бей думает иначе.

Риск. Он все понимает, хотя никогда не решится на это. Между тем мы знаем, что Мустафа послал войска на нас. Но им пришлось поменять направление и пойти усмирять сначала Черногорию, затем – Сербию. После они должны направиться сюда.

Тантави. Уже сколько недель мы держим войска наготове! На всех возвышенностях выставлены дозорные.

Появляется Али-бей.

Али-бей. Есть какие-нибудь новости?

Тантави. Пока никаких.

Али-бей. Подозрительно. Пошли снова людей на дозорные пункты. Может, их давно уже обошли.

Тантави. Будет сделано.

Тантави уходит.

Али-бей. Что в Архипелаге?

Риск. Граф Орлов, заключив с турками перемирие, отбыл в Петербург по зову императрицы Екатерины.

Али-бей. Одно к одному! Как нарочно! Надо же!

Риск. Яков сообщает, что граф Орлов, уведомленный

о нашем сожалении по поводу перемирия, обещал просить императрицу о продолжении военных действий. Он считает, что перемирия можно было достичь на более выгодных для России условиях.

Али-бей. Я тоже считаю так. Но я, прежде чем заключать перемирие, постарался бы еще более измотать противника. Иначе такое перемирие будет носить фиктивный и недолговечный характер… Словом, Орлов будет просить разрешения на продолжение военных действий и прибудет не раньше, чем через полгода. Да, России торопиться незачем.

Входит Ибрагим.

Ибрагим. Мой господин, прибыл Зулфикар с пленником. Кажется, мой предшественник.

Али-бей. Как, Муслим?!

Ибрагим. Да.

Али-бей. Сюда его!

Входит Зулфикар.

Зулфикар. Аль-Кабир, я привел вашего предателя. Его выкрали мои люди.

Али-бей. О, Аллах, что ж мне с ним сделать?!

Вталкивают Муслима. Все замирают. Муслим лежит, распластавшись, ничком у ног Али-бея.

Али-бей (*громовым голосом*). Подними голову, ублюдок!

Муслим поднимает голову, но глаза его в ужасе зажмурены. Али-бей хватает его за грудки, поднимает усилием одной руки и приближает к своему лицу.

Али-бей. Открой глаза!!!

Муслим открывает глаза и встречается с уничтожающим взглядом Аль-Кабира, в ужасе икает и закатывает глаза. По телу несчастного пробегают жуткие судороги. Али-бей разжимает пальцы и голова бездыханного Муслима падает к его ногам. Тело Муслима уносят.

Али-бей (*сквозь зубы*). Собака!

П а у з а.

Али-бей (*Ибрагиму*). Распорядись, чтоб все суда стояли у берега! Неспокойно мне что-то сегодня!

Ибрагим удаляется.

Али-бей. Мне бы русские корабли и пушки, что бездействуют сейчас в Архипелаге… (*Кричит.*) Риск!

Риск. Слушаю, мой господин!

Али-бей. Срочно передать Якову на остров Парос. Пускай не дожидается приезда Орлова и просит у русских помощи. Огнем они нас не прикроют, наемников не дадут, но пушек и пороху могут дать. Для нас и это сейчас немаловажно.

Риск. Да, Аль-Кабир!

Зульфикар. Аль-Кабир… Этот мерзавец, тело которого только что унесли, уверял, что имеет вам сказать нечто важное.

Али-бей. Сожалею, но оживить его не могу. Самое важное, что он мне мог сказать, – это то, что я должен остерегаться своего опального сына. Так я это и без него знаю… Правителю так ошибаться нельзя… Дьявол послал мне тебя, Магомед!

Пауза. Входит Риск.

Риск. Магомед со своим войском продвигается к Каиру с юга!

Али-бей. Они убрали или подкупили наших дозорных! (*Риску.*) Где Исмаил-бей?

Риск. Он переправляет войска на другой берег, чтоб занять позиции и установить на возвышенностях артиллерию.

Али-бей. Это хорошо. Главное не дать им соединиться.

Риск. Кому «им»?

Али-бей (*Зулфикару*). Ахмет-пашу сюда! (*Риску.*) Если Магомед идет с юга, то будьте уверены, что войска султана уже подошли к нам с северо-востока. Магомед не будет воевать без союзника.

Входят Тантави и Ахмет-паша.

Тантави. Аль-Кабир, войска Осман-паши идут на нас с востока.

Али-бей. Понятно. Выступишь со своим войском им навстречу. Исмаил должен вклиниться между двумя идущими на соединение армиями противника. Сосредоточьтесь на турках, пускай и артиллерия бьет больше по ним. Если Осман-паша дрогнет, войска Магомеда либо побегут, либо вовсе перейдут на нашу сторону, побоявшись расправы. Ступайте!.. Зулфикар, минутку… (*Тантави и Ахмет-паша уходят.*) Если удастся окружить Магомеда, имей в виду, что жизнь у него отнять имею право только я!

Зулфикар. Я понимаю, Аль-Кабир!

Али-бей (*вслед уходящему Зулфикару*). Магомед не должен погибнуть.

Риск. Мой господин, как быть с казной?

Али-бей. Тебе это должно быть понятно и без меня. (*Ибрагиму.*) Ибрагим! Мария!

Ибрагим удаляется.

Али-бей (*Риску*). Займись казной. Приставь к ней гвардию. (*Появляется Мария.*)

Риск. Непременно. (*Уходит.*)

Али-бей (*Марии*). Исход любого сражения невозможно предугадать. Собери детей. Если потребуют обстоятельства – покинете Каир!

Мария. А ты?

Али-бей. Во-первых, я рассчитываю на лучший исход, во-вторых, говорить заранее, как я поступлю…

Мария. Хорошо.

Али-бей. От Рабии никаких вестей?

Мария. Никаких.

Али-бей. Жива ли она вообще? Изверг!..

Вбегает Ахмет-паша.

Ахмет. Исмаил-бей предал! Предал Исмаил-бей!

Али-бей. Что это значит?!

Ахмет. Со всем 20-тысячным войском перешел к Магомед-бею!

Али-бей (*неистово*). Страна предателей!.. Как это случилось?

Ахмет. Он склонил его угрозами! Устрашил расправой!

Али-бей. Это крах!

Ахмет. Надо бежать!

Али-бей. Как это?!

Ахмет. Цитадель они рано или поздно возьмут. Здесь нельзя оставаться!

Али-бей. И на что это будет похоже?

Входит Ибрагим.

Ахмет. Надо срочно покидать Каир. Мы должны бежать к моему отцу в Акр. Государство можно вернуть позже. Сейчас главное – сохранить себя. У нас нет никаких сил для сопротивления. На подступах к городу будет устроен артиллерийский заслон. Они задержат врага. Надо воспользоваться. Это желание ваших генералов.

Али-бей (*согласившись*). Готовьте обозы! Марию и детей вперед! Затем казну!.. Найдите Риска! Куда делся Риск?

Картина девятая

Каир. Палаты цитадели. На троне восседает Магомед-бей Абу-Дагаб. Гавази исполняют свои танцы. Воскуриваются благовония. Абу-Дагаб принимает посла Оттоманской Порты Хусейна-пашу. Они возлежат на подушках, курят кальян и неторопливо беседуют.

Хусейн. Султан остался доволен знатной данью, которую твой газнедар доставил ко двору.

Магомед. Надеюсь, по прибытии ты доложишь блистательному Мустафе, что Магомед-Бей Абу-Дагаб принял его дары с великой радостью и благодарит султана за щедрость души.

Хусейн. Султан гордится тобой и часто в разговоре находит возможным твою решительность и полезность для империи ставить другим в пример. Он доволен так-

же, что ты ужесточил свою торговую политику по отношению к европейским странам.

Магомед. Гяуры чувствовали себя в Египте, как у себя на родине.

Хусейн. Во времена твоего отца, не так ли?..

Магомед. Это была характерная черта его правления.

Хусейн. Как его дела теперь? Я слышал, что он совершает набеги в Сирии.

Магомед. Это далеко не набеги. Это настоящие войны, в которых завоевываются города, разрушаются крепости. А армия его усиливается, пополняется казна.

Хусейн. Я слышал, что Али-бей лишился своей казны, когда убегал из Каира?

Магомед. Один из министров незадолго до того, как его правитель покинул Каир, воспользовался суматохой и исчез с казной. Мои люди искали этого мерзавца, к которому я питаю личную ненависть. Во всех областях Египта, во всех ближневосточных странах мои агенты разыскивали этого поганого копта, но не нашли. Думаю, что его уже нет в живых, а сокровища, очевидно, разграбили… Впрочем, если б это было так, я должен был бы услышать. Словом, к Али-бею казна не вернулась, иначе он мог бы развернуть свои дела куда стремительней.

Гавази заканчивают свои танцы и удаляются.

Хусейн. У султана есть сведения, что Али-бей по-прежнему встречается с офицерами Орлова, через которых получает военную помощь.

Магомед. Решающей помощи они ему не окажут, но, разумеется, кое в чем поддержат. Опасность может представлять сам Али-бей. Он стремительно сколачивает войско, причем за численностью особенно не гонится. Армию усиленно обучает. И те сражения, которые я

выигрывал 50-тысячной армией, он выигрывает всего с 8–10 тысячами.

Хусейн. Не думал, что ты можешь быть столь требовательным к себе, Абу-Дагаб.

Магомед. У Али-бея хороший расчет и живой ум. Каждое его новое сражение не похоже на предыдущее. Я вспоминаю, как однажды мы с Дагером по плану Али-бея выиграли одно крупное сражение, причем в пух и прах разбили противника, не понеся практически никакого урона. Мы разыграли сцену отступления. В панике бросили весь свой провиант, словно противник застал нас во время пиршества. Нами было брошено недопитое якобы вино, жареное мясо и прочие продукты. Победители великодушно не стали преследовать нас, тем более что наткнулись на такую добычу. Принялись праздновать победу, к чему весьма располагала трофейная хлеб-соль. Словом, между тем как сытая и пьяная армия противника отдыхала, наша кавалерия вернулась, напала на их второпях разбитый лагерь, разбила врага наголову и пленила большое число людей.

Хусейн. Я знаю много историй о разных сражениях, но ничего подобного не слышал. Да, это свидетельство тактической находчивости.

Магомед. Поэтому я б не советовал Порте смотреть сквозь пальцы на действия Али-бея в Сирии. Падают крепости одна за другой, города на побережье Средиземного моря… Это вам не набеги.

Хусейн. Вы, вижу, боитесь, что он пойдет на Каир?

Магомед. Запомните, Хусейн: моя благосклонность к Стамбулу и посланникам султана может быть только взаимной.

Хусейн. Я допустил бестактность, прошу прощения.

Магомед. Раз уж у нас зашел такой разговор, то скажу еще одно, чтоб больше не возвращаться к щепетильным

вещам. Если у меня с отцом великая вражда и я в противоборстве с ним прибегаю к помощи Порты, это вовсе не значит, что я самый лучший собеседник людям, говорящим о нем худое. Кто хочет позлословить об Али-Бее, пусть ищет собеседника лучшего, чем я. И, кроме того, я сомневаюсь, что авторитет сына повышался бы в зависимости от того, как дурно он отзывается об отце. Вообще, мое желание – не возвращаться к подобным разговорам.

Хусейн. Я думаю, что мы договорились.

Магомед. Прекрасно. (*Встает.*) Кроме того, я сожалею, что не смогу сопровождать тебя в Александрию, когда будут осматриваться наши корабли. Но офицеры, которые поедут с тобой, – опытные военачальники и прекрасные собеседники.

Хусейн (*прощаясь*). Благодарю за радушный прием!

Магомед. Аллах тебя храни!

Хусейн уходит. Магомед хлопком вызывает слугу и телохранителя Бирама.

Магомед. Как себя чувствует Рабия?

Бирам. Много лучше, мой господин!

Магомед. Ест что-нибудь?

Бирам. Пока очень мало… Да после такого голода и нельзя есть много.

Магомед (*полушепотом, про себя*). Сумасбродная женщина… Это порода такая!.. Бек Мурата ко мне!

Бирам вызывает Бек Мурата.

Магомед. Надо составить письмо.

Бек Мурат. Какое?

Магомед. От имени большинства наших беев. Я по-

том скажу тебе их имена. Суть письма такова. Магомед-бей нам надоел, его правление нас не устраивает. Он груб и жесток. Просим тебя, Аль-Кабир, быстрей пойти на Каир, и мы поможем вернуть тебе твой престол.

Бек Мурат. И что это нам даст?

Магомед. Во-первых, он пойдет на нас с меньшими силами, надеясь на поддержку изнутри. Во-вторых, он действительно может предпринять поход без поддержки русских, не дожидаясь их.

Бек Мурат. А не заподозрит он подделку?

Магомед. Вряд ли. Все это очень близко к правде… Если хочешь, чтоб противник был обманут, ты должен говорить ложь, предельно близкую к истине. А истина такова, что среди наших беев действительно есть немало людей, питающих симпатии к Али-бею. И он об этом знает. Поэтому и не должен проверять подлинность этого письма. А обстановка складывается нешуточная… (*Бираму.*) Вызови Исмаил-бея.

Бек Мурат. Относительно чего? Вы думаете, что Али-бей может пойти на Каир?

Магомед. Вот именно. По логике вещей, Али-бей должен пойти на нас лишь после того, как захватит всю Малую Азию. Но к этому времени Порта, предугадав дальнейшее продвижение к Каиру, должна будет нам оказать решительную помощь. И именно это должно не устраивать Али-бея.

Бек Мурат. Стало быть, чтобы предупредить ответные действия Порты, Али-бей действительно может выступить много раньше?

Магомед. Несомненно. Он сейчас ночами не спит. Он уже осаждает Яффу. Но не о ней думает Али-бей. Ночами он обдумывает планы своего возвращения в Каир. (*Входит Исмаил-бей.*) А тут письмо от беев подхлестнет его. С таким Али-беем, не подготовленным тщательно и выступающим без поддержки русских, мы можем воевать. В противном случае он захватит Каир, повесит нас целыми связками на минаретах столицы и вдохновит всех арабов пойти войной на Стамбул!

Бек Мурат. Что б делал султан, если бы у Али-бея был более послушный сын!

Магомед. Я запрещаю тебе рассуждать вслух на такие темы!

Бек Мурат. Прошу прощенья, Абу-Дагаб.

Исмаил. Что мы можем предпринять?

Магомед. Вот что: с одной стороны, мы должны просить у султана вспомогательные войска. Причем в ближайшее время, а не тогда, когда Али-бей будет стоять у стен Каира. С другой стороны, мы должны обеспечить себя рекрутами. Необходимо срочно послать людей для набора наемников в Ливии и Эфиопии.

Исмаил. А почему ты думаешь, что Али-бей выступит в союзе с русскими, ведь русские заключили с турками перемирие?

Магомед. Мне стало известно, что Екатерина разрешила Орлову возобновить военные действия против Турции. Потому на скорую помощь Порты я не очень надеюсь – она сейчас будет защищать себя.

Исмаил. Да… это меняет расстановку сил в пользу Али-бея.

Бек Мурат. Он уже прибрал к своим рукам прилегающие к Египту области Средиземноморья.

Магомед (*раздраженно*). Вот именно! Но султана это почему-то мало тревожит! Он, видимо, решил. пускай сын-раскольник воюет со своим отцом, а мы займемся более важными делами.

Бек Мурат. Ваше имя в почете при дворе султана.

Магомед (*раздражаясь*). Мурат! Я все прекрасно понимаю без твоих подсказок!

Появляется Рабия. Она изможднена до неузнаваемости. Похудевшая и растрепанная. Идет шаткой походкой.

Магомед. Бирам! Что это значит? Как она здесь оказалась? (*Бирам пожимает плечами.*) Ты разве не знаешь, что женщинам здесь нельзя находиться?!

Рабия (*надтреснутым голосом*). Меня впускал сюда твой отец и мой брат – Али-бей Аль-Кабир!

Исмаил-бей и Бек Мурат в замешательстве. Начинают уходить, видя, что Магомед не против их ухода.

Рабия. Небось опять что-нибудь против брата моего задумываете?!

Магомед. Нам сейчас не до твоего брата.

Рабия. От чистого сердца?

Магомед. От чистого.

Рабия. От чистого?

Магомед. Да.

Рабия. Ты обманываешь меня… но Бог с тобой.

Магомед. Возьми себя в руки.

Рабия (*смотрит на свои безжизненные руки*). Они у меня такие слабые. Я не удержу себя… Боже мой, что вы со мной делаете? Вы принесли меня в жертву своей вражде: ты – свою жену, он – свою сестру. За что?!

Магомед. Рабия, успокойся!

Рабия. С чего мне успокаиваться?! Я засыпаю в страхе, что муж убьет моего брата или брат убьет моего мужа или своего сына! Но прежде… вы убили меня! Почему не до конца?! Почему ты не убьешь меня, Магомед?! Или, может, я нужна тебе как заложница на случай, если до тебя доберется гневная рука Али-бея? Чтоб ты мог ему диктовать свои условия и поставить на кон мою жизнь?! Опять-таки – мою!

Магомед. Ты с ума сошла!

Рабия. Конечно! Иначе в этом мире правды не скажешь. Надо сначала потерять рассудок. Действительно, как можно говорить правду и оставаться при этом нормальным человеком?! Нормальные – это те, что все видят и молчат. А те, что говорят вслух об истине, – су-ма-сшедшие!.. Но ведь рассудок потерял и ты. Но ты потерял его, чтоб этой правды не видеть, чтоб спрятаться от нее!

Магомед. Рабия, прекрати!

Рабия. Ты изверг! Ты убийца!.. Какой ты был красивый, боже! Ты ослепил меня при первой нашей встрече. И это сразу заметил мой брат. Но не о моем счастье он заботился, когда соединял наши судьбы. Он больше был занят устройством твоего счастья. Он в этом видел лучшую возможность приблизить тебя к себе… А теперь вы стали зверями! Сила вашей любви стала силой ненависти вашей. И вы не успокоитесь, пока не загрызете друг друга. А я? Несчастная я! Я, глупая, хочу, чтоб вы меня заметили, чтоб обратили на меня внимание!.. (*Начинает рыдать.*)

Магомед. Рабия, тебе нельзя так. Ну погоди. Ну выслушай меня… *(Громко.)* Пускай он не идет на Каир!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина десятая

Шатер Али-бея. Идет осада Яффы. Вдалеке видны крепостные стены. Слышны залпы орудий.

Ибрагим. (*объявляет*). Руские офицеры – барон Клингенау и лейтенант Сергей Плещеев.

Али-бей. Пускай заходят.

Входят русские офицеры, одетые по-турецки.

Мы рады приветствовать героев Чесменского сражения!

Клингенау и Плещеев вразнобой произносят «Салам алейкум!» Али-бей приглашает их садиться.

Одеты вы, как султановы послы!

Плещеев. Пришлось маскироваться. Мы проходили под самыми крепостными стенами.

Али-бей. Как самочувствие графа Орлова?

Плещеев. Хорошее. И настроение боевое.

Али-бей. Приятно слышать.

Ибрагим приносит трубки. Клингенау и Плещеев неловко берут их в руки, не зная, как обращаться с трубками. Затем, наблюдая за Али-беем, следуют его примеру. Пьют кофе.

Ибрагим. Алексиано Панагиотти!

Али-бей. Очень кстати, как всегда!

Входит Панагиотти, здоровается, усаживается. Ибрагим и ему дает трубку и кофе.

Али-бей. Что приятного привез нам славный сын Венеции?

Панагиотти. Письмо от графа Орлова. (*Достает пакет и протягивает его Али-бею.*)

Али-бей (*принимает пакет*). А это – офицеры Орлова. Вот какое совпадение!

Плещеев. Удивительно!

Панагиотти. Очень приятно.

Клингенау. Я думаю, что в письме будет содержаться примерно то же, что граф поручил нам.

Али-бей (*протягивает пакет Ибрагиму*). Читай!

Ибрагим (*распечатывает конверт, читает письмо про себя и тут же пересказывает его содержание*). Граф Алексей Орлов передает вам дружеские приветы, выражает удовлетворение вашими продвижениями и теми обстоятельствами, что он получил высочайшее позволение продолжать военные действия и содействовать вашим предприятиям. На такое распоряжение благотворно повлияло ваше личное письмо императрице, на которое Екатерина II ответила доброжелательством и расположением. Далее граф говорит о том, что послал к вам двух своих офицеров, которые весьма опытны в военном искусстве, как на воде, так и на суше, с ними отправлены пушки, бочки с порохом и прочее, предназначенное вам в дар.

Али-бей (*повернувшись к русским офицерам*). Весьма признателен. (*Ибрагиму.*) Дальше.

Ибрагим. Далее граф просит, чтобы вы сообщили через его офицеров, где и когда вам будет необходима наиболее решительная помощь со стороны русской эскадры.

Али-бей (*к русским офицерам*). Премного благодарен, господа. И ваша славная императрица Екатерина II, и ее победоносный адмирал граф Орлов-Чесменский оказали мне содействие в моей борьбе. Буду рад возможности ответить взаимностью.

Клингенау. Моряки сейчас сгружают на берег пушки и боеприпасы. Кроме того, с нами прибыли дары лично от графа Орлова.

Али-бей. У меня нет слов, господа. (*К Панагиотти.*) Моя благодарность и тебе, Алексиано. Ты всегда привозишь

мне приятные известия. (*Панагиотти покорно склоняет голову.*)

Плещеев. Аль-Кабир, нам хотелось, покуда мы находимся в этих турецких платьях, пойти и осмотреть осаждаемую крепость, чтобы распределить силы и произвести артиллерийские расчеты.

Али-бей (*Ибрагиму*). Зулфикара ко мне! (*К Плещееву.*) Наше искусство состоит в сабельном кавалерийском налете в открытой степи. Наука осаждать крепости пока нам дается хуже.

Клингенау. Между тем артиллерию вы используете, пожалуй, лучше турков… Вот еще что – мне нужно осмотреть берега вокруг бухты.

Али-бей. Это для чего?

Клингенау. Чтобы устроить нечто подобное Чесменскому пожару.

Али-бей. Каким образом?

Клингенау. Пусть это будет нашей заботой. Я вам обещаю: не этой, так будущей ночью подпалю вражеские корабли, что стоят в гавани. Вы сомневаетесь в этом?

Али-бей. После Чесменского сражения, когда турецкий флот сгорел, как стог сена, я просто не имею права не верить…

Плещеев. Он может даже тюрбан на голове султана подпалить.

Все смеются. Входит Зулфикар. Здоровается.

Али-бей. Зулфикар, у нас сегодня высокие гости – посланцы Орлова, русские офицеры, господа Клингенау и Плещеев. Они прибыли оказать нам военную помощь. Твоя задача – провести их как можно безопасней вдоль стен крепости, ознакомить с окрестностями и дать интересующие их сведения.

Входит Дагер. Подавляет в себе смех.

Дагер. Добрый день, господа…

Али-бей. Дагер, заслон готов?

Дагер. Да, Аль-Кабир! Ни одно турецкое судно не сумеет провезти продовольствие к голодающей крепости. Думаю, они скоро образумятся. (*Едва сдерживая смех.*)

Али-бей. Друг мой, что-то очень ты весел.

Дагер. Да, Аль-Кабир, у меня есть сюрприз для тебя. Можно показать?

Али-бей. У нас гости, Дагер. Русские офицеры, посланники Орлова.

Дагер. Мой поклон вам, господа. Адмирал мне друг… это еще лучше…

Открываются двери. Ибрагим вводит упирающегося… Маалима Риска. Пауза. Все смотрят на Риска как завороженные. Тишину нарушает Али-бей, который произносит удивленно и нараспев. «Риск?» Затем Али-бей, уже уверенный, что стоящий перед ним пустынник и оборванец – не кто иной, как бывший его министр, исторгает гомерический смех. Его поддерживают Дагер, Зулфикар. Русские офицеры ничего не понимают, но тоже смеются, ибо Маалим Риск действительно представляет из себя убогое зрелище. Волосы его подвернуты, как у эфиопа, на голове венчик из роз, короткие штаны из лохмотьев.

Али-бей (*прижимая к себе оборванца*). Где ты пропадал! (*Риск опускает голову и ничего не отвечает.*) Мы по тебе так соскучились… Я думал, что тебя из-за казны прибил где-нибудь Магомед. А ты, смотри, жив! (*Смех потихоньку стихает.)* Ибрагим, сейчас же выкупать Риска, одеть. Затем снова ко мне. (*Риску.*) У нас есть о чем поговорить, но это после бани.

Риск кивает головой и следует за Ибрагимом, вновь вызывая всеобщий смех.

Али-бей (*русским офицерам*). Это мой бывший министр. Он исчез незадолго до того, как я покинул Каир, в который стремился предавший меня Магомед. Риск отвечал за казну, но в панике бросил ее на произвол судьбы, и она пропала. А он более всего боялся расправы Магомеда… В общем, это не так важно. Я вижу, вы хотите приступить к делу.

Плещеев. Да, мы уже достаточно отдохнули.

Али-бей. Зулфикар, как мы договорились.

Панагиотти. Он ждет ваших распоряжений, о которых справиться поручил мне.

Али-бей. В таком случае тебе придется немного подождать, пока у нас не прояснятся дела с русскими офицерами.

Панагиотти. Мне можно откланяться?

Али-бей. Да, мой друг.

Панагиотти уходит.

Ибрагим. Маалим Риск готов!

Али-бей жестом велит входить. Появляется богато одетый Риск. Али-бей выходит навстречу, усаживает его с картинным почтением.

Али-бей. Ну, докладывай, как тебе удалось остаться в живых?

Риск. Я сохранил казну.

Али-бей (*не веря тому, что услышал*). Что ты говоришь?!

Риск. Казна цела…

Али-бей. Каким образом?

Риск. Я знал, что Магомед будет ее искать, и заранее, до вашего распоряжения, вывез ее. Иначе казну постигла бы та же участь, что и драгоценности, которые вы везли из Каира. Ведь на ваш караван тогда напали бандиты перед Газой?!

Али-бей. Ну, говори живей! Где казна?

Риск. Магомед…

Али-бей (*испуганно.*) Что «Магомед»?

Риск. Магомед, узнав, что казны нет, сразу понял, чьих это рук дело и во все концы послал своих сыщиков. Были перекрыты караванные пути, все гавани, во всех таможнях рыскали его люди.

Али-бей (*трясет Риска*). Ты можешь покороче?

Риск (*в азарте*). А я зарыл эти богатства в пустыне. Отсюда три дня ходьбы. Голодал в пустыне, погибал от жажды, но от сокровищ не смел отойти. Затем, когда я изнемог, ко мне пришло великое очищение…

Али-бей. Ну, говори же, где казна?

Риск (*отрешенно продолжает*). Я освободился от этого дьявольского груза, который послан людям, чтоб они пожирали друг друга. И я пошел по пустыне, и стопы мои не касались земли.

Али-бей. Где же казна, Маалим?

Риск. Я закопал ее под развалинами старой крепости.

Али-бей. Ибрагим! (*Появляется Ибрагим.*) Позови Росвана! (*Ибрагим удаляется.*) Еще кто-нибудь знает о местонахождении казны?

Риск. Да.

Али-бей (*испуганно*). Кто?

Риск (*показывая пальцем в небо*). Тот, кто не знает смерти.

Али-бей (*облегченно*). Ты плохо шутишь, Риск… Сей-

час прибудет Росван. Поедете с ним за казной. Возьмете необходимое число людей. Казна – это все! Это корабли и пушки, это новые армии наемников! (*Али-бей хлопает Риска по плечу.*)

Входят Ибрагим с Росваном.

Али-бей. Росван, возьми необходимое число людей и поезжай с Риском. Нашлась казна!

Росван. Как это?

Али-бей. А вот так! Риск ее спрятал в пустыне! Возьмите с собой гвардию для прикрытия. Оцепите эту местность. Но никто не должен знать о цели выезда.

Входят Тантави и Дагер.

Дагер. Аль-Кабир! Поздравляю тебя с еще одной важной победой! (*Обнимает Али-бея.*)

Тантави. Гасан-паша просит пойти с ним на переговоры.

Али-бей. Какие у него условия?

Дагер. Отпустить его живым и не убивать защитников.

Али-бей. Приемлемо. Пускай сдают крепость, гарнизон сложит оружие и выйдет из крепости отдельно. Затем ополчение… Это великолепно!

Тантави. Я очень рад! (*Также обнимает Али-бея.*) Пусть вам всегда сопутствует удача!

Али-бей. Теперь можно готовить поход на Каир!.. Тантави, будьте предельно великодушны к пленным. Пускай и защитники других крепостей знают, что лучше сдаться Али-бею, чем воевать с ним!

Тантави. Мы так и поступим, Аль-Кабир!

Али-бей. Вы молодцы! Я горжусь вами! Дагер, это все твоя продовольственная блокада и расчеты русских артиллеристов.

Дагер (*лукаво улыбаясь*). Натощак хорошо думается. Вот они и пораскинули мозгами.

Али-бей. Ни одну крепость я так долго не осаждал. Защитники Яффы достойны всяческой похвалы! А? А вы как думаете?

Росван. Это большой успех!

Риск. Поздравляю вас, Аль-Кабир!

Али-бей. Наконец моему взору открылся путь на Каир! (*Росвану.*) Ступайте и не теряйте времени.

Росван. Все будет сделано! (*Росван и Риск уходят.*)

Дагер (*им вслед*). О, Аллах, Риск ли это?! (*Смеется*).

Али-бей (*улыбаясь*). Он самый. Только купаный и одетый. Я не зря его любил.

Дагер. А не он ли потерял твою казну? Что он об этом говорит?

Али-бей. Разве казна – это главное?! Казна – это верные друзья и сподвижники, такие как Омер Таир Дагер!

Дагер. Я думаю, ты прав, Аль-Кабир!

Али-бей (*Ибрагиму*). Найди мне срочно венецианца.

Ибрагим. Сейчас же, мой господин. (*Удаляется.*)

Али-бей. Господа! Вы самые близкие и самые верные мои друзья, и я хочу сообщить вам взамен вашего известия о сдавшейся Яффе другое, не менее радостное известие… Найдена казна.

Тантави. Не может быть!

Дагер. Как это?

Али-бей. Риск меня не подвел. Я не зря доверял ему.

Дагер. Это поразительно!

Али-бей. Он схоронил сокровища в пустыне.

Тантави. Такой смелости я от Риска не ожидал.

Али-бей. Но эти сокровища породили в душе Риска нехорошие странности. Страх одиночества в пустыне, боязнь попасть в руки Магомеда, голод и лишенья нанесли ущерб его душе.

Дагер. Это настоящий подвиг.

Али-бей. Я тоже думаю так.

Тантави. И главное – никто уже не ожидал, что казна найдется.

Али-бей. Честно говоря, и я тоже.

Входит Панагиотти.

Панагиотти. Аль-Кабир! Я разделяю с вами радость победы!

Али-бей. Благодарю, друг мой.

Входит Ибрагим. Взволнован.

Ибрагим. Аль-Кабир! Клингенау погиб!..

Али-бей. Как это могло случиться?!

Ибрагим. Не знаю. Пришли Зулфикар и Плещеев.

Али-бей жестом показывает, чтоб они вошли. Входят Зулфикар и Плещеев.

Али-бей (*встает со скорбным видом и подходит к Плещееву*). Как могло произойти такое несчастье? (*Зулфикару.*) Я ведь просил принять меры предосторожности.

Плещеев. Зулфикар тут не при чем. Он его предупреждал, но Клингенау не послушался. И между тем как он осматривал бухту, в пробоину крепости кто-то выстрелил из флинты.

Али-бей. И насмерть?

Плещеев. Клингенау очень близко подошел к крепостной стене. Он просто думал, что защитники крепости уже не осмелятся стрелять, тем более в человека, одетого по-турецки.

Али-бей. Примите мои сожаления и соболезнования. Мы потеряли в его лице верного союзника и храброго офицера.

Зулфикар. Мы не распорядились относительно захоронения.

Али-бей. Я думаю, везти покойника в Архипелаг нет смысла.

Плещеев. Да, это не так близко.

Али-бей. В таком случае следует захоронить его у стен крепости. И со всеми почестями. Но только после полной сдачи крепости, ибо сейчас это может вызвать нездоровую реакцию среди защитников города.

Плещеев. Понятно… Теперь… мне придется одному отъезжать в Архипелаг.

Али-бей. Вы повезете с собой подарки графу. Среди них конь арабской породы, мой любимый скакун, верблюды, съестные припасы для эскадры и ценные вещи. Панагиотти поедет с вами. Он повезет письмо Орлову и дождется ответного письма.

Плещеев. Я думаю, что мы с вами встретимся еще…

Али-бей. У стен Каира!..

Плещеев. Где угодно. (*Уходит с Зулфикаром.*)

Али-бей (*Панагиотти*). Завтра утром Ибрагим передаст вам два пакета. В одном из них не будет содержаться ничего секретного. Можете держать его на виду. А второй – подальше от глаз.

Панагиотти. Я все понял.

Али-бей. Значит, до завтрашнего утра. Отплываете вместе с Плещеевым.

Панагиотти. Под английским флагом?

Али-бей. Как угодно. Хотя, мне кажется, что после Чесменского сраженья в Средиземном море престижней под русским.

Панагиотти. Согласен. Всего доброго.

Али-бей. В добрый час!

Панагиотти уходит.

Али-бей (*сам с собой*). Яффа пала! Сколько я пережил под этими вот стенами. Они закрывали мне Каир…

Появляется Мария.

Али-бей. (*не замечает ее и продолжает*). Теперь Каир открылся взору моему.

Мария. Зато и Каир много заслоняет от твоего взора.

Али-бей. Что это значит, Мария?

Мария. Тебе во что бы то ни стало нужно взять Каир и наказать Магомеда. Но боже, какой ценой ты этого добьешься?!

Али-бей. Верно. Для меня нет ничего важней, чем возвращение Каира!

Мария. А как Магомед? Он ведь тоже не может уже без Каира?!

Али-бей. Что, мне убить Магомеда?!

Мария. Боже упаси! Ты раньше себя убьешь… Хорошо, не будем об этом.

Али-бей. Нет будем!.. Магомед – это часть меня. Я его не родил, но создал его, как человека, как полководца. Вот только полководец убил в нем человека. Он потерял сердце. Но разве ты бросила б свое дитя, если б с ним случилось увечье? (*У Али-бея начинается горячка.*) У

Магомеда не может быть униженного отца. Я верну себе трон, и сын придет целовать мне руку. Отец полководца должен быть силен. А быть отцом Магомеда не так просто! Магомед может любить меня только за силу, и меня должно хватить, чтобы внушить это ему. Магомед мне сын! Лишь завоевав Каир, я могу вернуть себе отцовство!

Мария (*в панике*). Что ты говоришь, Али-бей? Боже мой, успокойся!

Али-бей (*представляя перед собой Магомеда*). Негодяй! Иди и целуй руку отца своего! Моли пощады, великодушья, родительского прощенья проси, раскольник!!!

З а н а в е с

Картина одиннадцатая

Шатер Али-бея. Ночь перед сражением с войсками Магомеда Абу-Дагаба. Мария молится.

Мария. Господь милостивый, верни разум отцу и сыну, пошедшим друг на друга с мечом. Заронi луч любви своей в их ожесточившиеся души. Смилуйся, Господи, и сотвори чудо! Дай им крупицу от мудрости своей! Дай им самую малость от доброты своей, ибо ненависть застит им глаза! Убереги сына перед отцом, отца перед сыном и меня между ними. Пощади, не отдавай нас дьяволу на глумленье!..

Амина (*шепотом*). Мария!

Мария (*испуганно*). Кто это?

Амина. Это я, Амина.

Мария. Тебе что-нибудь нужно?

Амина. Я боюсь.

Мария. Утром начнется сраженье.

Амина. Тебе нужно быть осторожней.

Мария. Почему именно мне?

Амина. Прошлое сраженье – по пути нашему сюда – Бек Мурат дал для того, чтоб убить Али-бея и выкрасть тебя. Ты ведь это сама понимаешь.

Мария. Понимаю. Если б тот налет удался, Магомед осуществил бы свои планы без сраженья и заодно расплатился бы мной с Бек Муратом. Но ты не беспокойся, Амина, я знаю, что такое плен. Второго плена у Марии не будет.

Слышны мужские голоса.

Амина. Мария, Али-бей идет!

Мария и Амина исчезают. Входят Али-бей, Тантави, Росван, Дагер, Ахмет, Сулейман.

Али-бей. Пушки нужно поднять на холмы и с двух боков поставить кавалерию резерва. А на твоих янычар, Сулейман, завтра вся надежда.

Сулейман. Обучены бою неплохо, бойцы опытные. У Магомеда, правда, ополчения много, но это сброд, а не войско. Даже при таком соотношении янычары всегда обращают ополченцев в бегство.

Тантави. Кроме того, мы имеем преимущество в мамлюках и артиллерии.

Али-бей. Согласен. Их численное преимущество ничего не значит. Но ведь главное их преимущество не в этом, а в том, что Магомед сумел их убедить, что я предатель, что я продался русским, и вообще жена у меня русская, поэтому я только и делаю, что оскверняю мусульманские святыни и покровительствую гяурам! Он, собрав знатных и влиятельных людей Каира, навел на них

страх, что в случае, если Али-бей вернется в Египет, он приведет с собой русских, которым предоставит дворцы и поместья, а мечети отдаст им под конюшни. Они убеждены, что спасают Египет от неверных. Эта убежденность и есть их преимущество.

Тантави. Нам бы сейчас албанских рекрутов с русских кораблей!

Али-бей. Ты жалеешь, что мы не дождались русских?

Тантави. Прибытие русских сделало бы нашу победу неизбежной. А письму каирских баев, в котором они выражают готовность содействовать нашему наступлению на Каир, я не верю. Это приманка Магомеда!

Али-бей. Допустим. А что ты скажешь насчет того, что многие знатные мамлюки отказали Магомеду пойти с ним против меня?

Тантави. Справедливо. Но ведь этот пробел он с лихвой заполнил ополчением. И это ополчение убеждено, что идет оно чуть ли не на священную войну за спасение Египта от гяуров!

Али-бей. Не хочешь ли ты сказать, что мы уступаем врагу?

Тантави. Нет, Аль-Кабир. В общем, перевес на нашей стороне. Просто я говорю о том, что соотношение сил не такое, чтоб быть спокойными.

Али-бей. Это другое дело. Потому я и полагаюсь на ваши знания и опыт… Словом, до рассвета уже не так много. Идите к своим войскам. Я хочу побыть один…

Сулейман. Вам нездоровится?

Али-бей (*не обращая внимания на вопрос Сулеймана*). Сотникам не говорите заранее о том, как утром расположатся войска. Ступайте!

Полководцы уходят. Видно по всему, что Али-бею плохо. Появляется Мария.

Мария. Что с тобой, Али-бей?

Али-бей. Почему ты перестала называть меня Иосифом? Когда ты зовешь меня этим именем – я слышу звон отцовского колокола.

Мария. Тебе плохо, Иосиф?

Али-бей. Да… Какой сильный озноб!.. (*обнимает Марию.*)

Мария. Чем тебе помочь, Иосиф?

Али-бей. Обними меня покрепче…

Гаснет свет. Пауза. Затем медленно высвечивается фигура сидящего Али-бея. Он встает.

Али-бей. Светает. Какое чистое небо! И странно подумать, что в такое утро может не проснуться какое-нибудь живое существо. А месяц! Как на минарете главной мечети! (*Падает комета и гаснет где-то у горизонта.*) Какая красивая была звезда! Чья она?.. У воюющих отца и сына не может быть отдельных звезд… Одна на двоих. Иначе зачем им воевать?..

Али-бей выходит на порог шатра. Раздаются звуки горна.

Али-бей. Начинается…

Прибегает Риск.

Риск. Аль-Кабир, полководцы поднимают войска!

Али-бей (*отрешенно*). Кто это? А, Риск? (*Улыбается.*) Ты еще не убежал? Штаны у тебя чистые?!

Риск (*сконфуженно*). Нашел время шутить… Ты себя плохо чувствуешь, Аль-Кабир?

Али-бей. Не хуже тебя по крайней мере.

Али-бея шатает. Прибегает Ибрагим, хватает его за пояс и удерживает. Появляется Тантави.

Тантави. Аль-Кабир, ты нездоров. Нужно прилечь. Мы сделаем все, что в наших силах. Войска уже выстраиваются и занимают позиции. Все будет сделано четко и быстро.

Али-бей. Не сомневаюсь. (*Его лихорадит.*)

Появляется Мария.

Тантави. Нужно прилечь.

Али-бей. Я не в гареме, а на поле сражения. Стул мне дайте! А ты, Мария, уйди!

Мария уходит. Али-бею дают стул и сажают перед шатром так, чтоб он видел, как проходит сраженье.

Тантави. Личную охрану Аль-Кабира из гвардии!

Появляются десять мамлюков-телохранителей Али-бея.

Али-бей (*отрешенно, делая попытку улыбнуться*). Ангелы-хранители, где ваши крылья?

Тантави. Аль-Кабир, я ухожу!

Али-бей. В добрый час… святой Георгий!..

Тантави уходит. Риск крестится. Ибрагим и телохранители молятся Аллаху. Раздается барабанный бой. Слышно, как воины скандируют. «Али-бей! Аль-Кабир! Али-бей! Булут Капан!» Затем раздаются пушечные выстрелы, крики первых раненых, вопли скачущей на врага кавалерии.

Али-бей. Началось. (*Старается привстать.*) Что этот дым никак не рассеется?! (*Глядит в подзорную трубу.*)

Риск. Сейчас его отнесет в сторону.

Али-бей. Ибрагим! Трубку!

Ибрагим приносит трубку. Али-бей начинает нервно курить.

Али-бей. Правый фланг скоро будет наш!

Риск. Это ведь Дагер!

Али-бей. Бог войны!

Появляется Росван.

Росван. Аль-Кабир! Правый фланг неприятеля отступает под натиском Дагера. Левый фланг сильно атакует Тантави. Судя по всему, и там скоро будет сломлено сопротивление! Самый напряженный участок – у Сулеймана.

Али-бей. Нужно подбодрить их. Скажи им, что фланги уже сломлены, пускай поднатужатся. Артиллерия пусть не перестает бить в тыл!

Росван. Сейчас же! (*Убегает.*)

Али-бей. Никакого продвижения в середине. Что случилось с Сулейманом?!

Риск. Я и сам не пойму.

Прибегает ошеломленный Росван.

Росван. Предательство! Предательство!

Али-бей (*вскакивая*). В чем дело?

Росван. Наемники предали. Они оказались подкуплены!

Али-бей. Как это? (*Теряет самообладание.*) Ублюдки!.. Сейчас же скачи к Дагеру! Пошли кого-нибудь к Тантави!

Пускай сдвигаются к центру, пускай не дадут прорвать его, иначе – конец!

Росван убегает.

Али-бей. Магомед! Дьявол родил тебя мне на горе! Магомед! (*Плачет в ярости.*) Магомед!

Пауза. Али-бей вглядывается в даль. Появляется Мария.

Али-бей. Ничего не вижу… Риск, что там?!

Риск. Плохи дела. Сюда скачут наши полководцы!

В шатер вбегают Росван, Ахмет-паша, Тантави, Сулейман…

Росван. Скоро неприятель будет здесь! Надо бежать!

Али-бей. Почему Ахмет-паша плачет? Разве он не Дагера сын?!

Росван. На его глазах убили всех трех его братьев!

Али-бей. Они на моей совести.

Ахмет (*его душат слезы*). Аль-Кабир!.. Отец пока удерживает их!..

Али-бей. Да. Задерживаться здесь нет смысла! Росван! Отвечаешь за Марию и детей. Не теряйте времени! Скажи Дагеру, чтоб спасал себя! Я… остаюсь здесь. Мне нужно разобраться.

Тантави. Это безумие!

Али-бей. Безумие было все, что было прежде.

Мария. Я никуда не уйду! Я буду с тобой, Иосиф! (*Падает перед ним.*) Разреши мне!

Али-бей (*поднимая ее*). Нельзя!

Мария. Мне, может, никогда так не хотелось быть рядом с тобой, как сейчас! Не оттолкивай меня! (*Закрывает*

лицо руками, плачет и отворачивается.) Я не прощу тебе этого! Не дай мне умереть с обидой!

Главный телохранитель. Я остаюсь верным своей клятве!

Тантави. Что ж, и мы остаемся здесь!

Али-бей (*в ярости*). Сейчас же уходите! Я вырвусь с мамлюками за вами. Сейчас же убирайтесь! Росван! Я что тебе сказал?!

Росван подходит к Али-бею и, став на одно колено, целует ему руку. Его примеру следуют Тантави, Сулейман, Риск, Ахмет, Ибрагим. В конце нерешительно подходит и Мария. Она вновь бросается к ногам мужа, обнимает их, рыдая: «Никуда не уйду!» По жесту Али-бея все уходят из шатра. Остаются Али-бей, Мария, телохранители.

Али-бей (*телохранителям*). Дети мои, ступайте и вы, пока не поздно. Вы так молоды! (*Вздыхает.*) Мария, ты чего дрожишь?

Мария. Я боюсь, Али-бей! Иосиф!

Мария тянется к нему. Али-бей отворачивается. В этот момент в шатер врывается Бек Мурат со своими мамлюками.

Али-бей. Явился! А почему сам? Где твой господин? Я с ним хотел встретиться.

Мурат. Прежде – со мной!

Али-бей. А твой господин трус, однако. Посмотрим, может ты посмелей.

Мурат. На смелость не жалуемся.

Али-бей. Что ж!.. (*Обнажает саблю.*)

Мария в ужасе отходит в угол шатра. Начинается сабельный бой, в котором многие неприятели гибнут от сабли Али-бея. От его же ударов мамлюки Бек Мурата защищают своего господина. Кто-то кричит: «Так его не взять, стреляй в него!» Раздается выстрел. Али-бей, раненный в плечо, падает. Мария кидается к нему. В сабельном бою гибнут последние телохранители Али-бея.

Али-бей (*поддерживаемый Марией*). Негодяй!

Мария (*умоляюще*). Иосиф, убей меня! Помоги мне! (*Протягивает ему свой женский кортик.*)

Али-бей выхватывает свой кинжал и убивает им Марию. Она сползает к его ногам и в блаженном безумии шепчет. «Спасибо! Мне так хорошо, Иосиф!» Али-бей с саблей в левой руке, окровавленный, идет навстречу противнику. Бек Мурат, заметив, что Али-бей убил Марию, в ярости кидается на него.

З а н а в е с

ЭПИЛОГ

Палаты Каирской цитадели. Магомед склонился над смертельно раненным, лежащим на одре, Али-беем. Магомед тихо рыдает.

Али-бей. Подними голову, полководец! От того, что ты плачешь, тебе становится легче, а мне – еще тяжелей.

Магомед (*сквозь слезы*). Придумай мне казнь, отец!

Али-бей. Ты сам ее себе уже назначил.

Магомед плачет еще сильней.

Али-бей (*со слезами в голосе*). Да прекрати же ты плакать! Абу-Дагаб!

Магомед, услышав грозный голос отца, оживляется, встает перед ним навытяжку. Утирает слезы.

Али-бей. Мое последнее желание… Сейчас же сам приведи сюда Рабию.

Магомед. Тебя нельзя оставлять…

Али-бей. Можно! Можно! Я себя чувствую лучше! Без нее нельзя мне умирать! Ступай!..

Магомед уходит. Али-бей с трудом встает. Его шатает из стороны в сторону. Раздается все усиливающийся звон колокола. На его фоне слышен приглушенный речитатив муэдзина.

Али-бей. Что это? Боже?.. Мне пора! Меня зовут!.. (*С трудом добирается до своего ложа. Ложится. Начинаются предсмертные судороги*).

Колокол слышен все сильней. Сквозь набатный звон его доносится плач Рабии. «Иосиф! Несчастная сестра твоя, Иосиф!»

З а н а в е с

К о н е ц

Ал-Джабарти абд-ар-Рахман. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. М., 1978.

Анчабадзе Г. З. Абхазы во главе борьбы за независимость Египта и Ирака (вторая половина XVIII в. и начало XIX в.) // Алашара. 1982. № 1 (на абх. яз.).

Баумгартен М. Посетитель и описатель святых мест, или Путешествие Мартына Баумгартена, Немецкой империи дворянина, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию (пер. с нем. В. Рубана). СПб., 1794.

Бей-Мамиконян Г. Судьба мамлюка. В кн. Уираго «Мамлюк». Тбилиси, 1959.

Бинос. Путешествие игумна Биноса через Италию во Египет, на гору Ливанскую, в Обетованную землю и в Иерусалим (пер. с нем.). СПб., 1793.

Бумаги Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства иностранных дел. (Письмо Вольтеру). Т. 2. СПб., 1872.

Волне (Вольней) Констанц. Путешествия Вольнея в Сирию и Египет, бывшие в 1783, 1784 и 1785 годах. М., 1791.

Джанелидзе Д. Клод Савари о мамлюках грузинского происхождения // Лит. Грузия. № 7. Тбилиси, 1981.

Клот-Бей А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Сочинение А. Б. Клотбея: в 2-х частях. Пер. А. А. Краевского. СПб., 1843.

Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1966.

Лэйн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. Москва, 1982.

Люзиньян Совер. История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине и Турецком государстве, также о путеше-

ствии из Алеппа в Бальзору. Пер. с нем. А. Алексеева. М., 1789.

Петровский Н., Матвеев В. Египет – сын тысячелетий. Л., 1959.

Плещеев С. Дневные записки путешествия из Архипелагского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся. С краткою историей Алибеевых завоеваний Российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 года. СПб., 1773.

Радзивил Н. Х. Путешествие по Святым местам и Египет князя Николая Христофора Радзивила. СПб., 1787.

Ресми-Эфенди. Рассказ Ресми-Эфендия, Оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769–1776) // Библиотека для чтения. Т. 124. Кн. 3.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1768 – № 40; 1771 – №№ 36, 40, 42, 43, 63, 64, 71, 72, 74, 78, 79, 84, 86, 87, 89, 90, 91, 94, 97, 99, 103, 104; 1772 – №№ 27, 28, 31, 32, 40, 43, 50, 60, 63, 67, 68, 71, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 93, 95, 96, 102; 1773 – №№ 56, 64.

СОЛНЦЕПЕК

Эпизодическая трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арда – барменша. Ее муж был убит в этом же баре при неизвестных обстоятельствах. После его смерти она работает здесь.

Леста – бывший спортсмен, завсегдатай бара. Без определенного рода занятий. Импозантный мужчина, незаурядный, но спивающийся.

Зина – подруга и соседка Арды, крестная мать ее детей

Беслан – старший сын Арды

Гудиса – ее младший сын

Раста – свекор Арды

Магда – иностранная журналистка, отдыхающая

В ЭПИЗОДАХ

Эдуард – преуспевающий комсомольский работник.

Адгур – освободившийся из заключения молодой человек.

Кроме них – неудавшийся ухажер иностранки Магды, милиционеры, охранники санаториев и пансионатов, посетители бара, жители курорта, участники демонстрации, случайные свидетели событий и происшествий.

Действие происходит на приморском курорте, застроенном и застраивающемся санаториями, пансионатами, дачами различных ведомств.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эпизод первый

Арда одной ногой стоит на подоконнике, другой – на столе, придвинутом к окну. Вешает занавески. За стеклом серванта – увеличенная фотография улыбающегося мужчины. Входит Зина.

Зина. Добрый день, Арда!

Арда. Как хорошо, что ты пришла, а то у меня настроение такое…

Зина. Нашла у кого настроение занимать.

Арда *(продолжая свою работу).* Все равно с тобой легче. Ты умеешь не унывать.

Зина *(переобуваясь).* Давай помогу.

Арда. Ты лучше кофе свари. Я сейчас закончу.

Зина выходит в кухню.

Зина *(громко).* А где кофе?

Арда. Открой хлебницу, Зина, там в банке стоит. Неси сюда. Кофемолка здесь, в серванте.

Появляется Зина. Достает из серванта кофемолку, засыпает в нее зерна.

Зина. А занавески у тебя красивые. Где брала?

Арда *(вздохнув).* Их еще Батал привозил, из Прикарпатья. В командировку ездил. Это его единственная покупка для дома. Первая и последняя… Приехал он тогда, улыбается… как на этой вот фотографии. И говорит. «Ну, жена, ты своего мужа не узнаешь. Я такую покупку сделал! Только ребятам не говори – засмеют, обхохочут». А я глянула и действительно чуть не ахнула. А он мне: «Это мы в новой квартире повесим». Уже полтора года, как его нет. А занавескам больше трех лет…

Зина *(участливо).* А что с квартирой? Так ничего и не прояснилось?

Арда *(повесила занавески, спускается с подоконника).* На днях распределили этот злополучный дом…

Зина. И что же?

Арда. Пролетела. Как фанера над Парижем. *(Растрогавшись.)* А я переживала, как я без него в новую квартиру вселюсь… *(Утирает набежавшие слезы.)* Боже, до чего я наивная! Столько всего перевидела, а ума не набралась. Друзья мужа хлопотали. И я решила, что этого достаточно.

Зина. Да и я была уверена, что в этот раз ты обязательно получишь.

Арда *(иронично).* Обеспечили вне очереди приезжих специалистов.

Зина *(время от времени перестает крутить кофемолку. Возмущенно).* Знаем этих специалистов! Десантники! И действуют, как группа захвата. Очнуться не успеешь, а они уже в квартирах, в машинах, в кабинетах!

Арда *(улыбается сквозь слезы).* Ну, ты такое скажешь! Язык у тебя, Зина!

Зина. А что, неправда?! Только в нашем пансионате «Аргонавт» их человек двадцать пристроилось. И как они друг дружку тащат! И тут же прикидываются местными,

перенимают местные привычки, стараются держаться независимо. Им кажется, что они нас обманывают. Да мы просто немеем перед их нахальством! Потому и молчим.

Арда *(вытирая подоконник).* Ты не распаляйся. Я не очень переживаю, что не получила квартиру. Мы здесь жили с Баталом, и оставить этот барак мне нелегко. Хотя ребята подросли и нам, конечно, тесновато.

Зина. А где сейчас мои крестники?

Арда. Табак сажают.

Зина. Это еще что такое?

Арда. Сами захотели. Взяли здесь недалеко участок у колхоза, распахали, сейчас рассаду пикируют.

Зина. Что это с ними? Солнце ведь такое!

Арда. Да, действительно сильно печет, хотя настоящая жара еще впереди. В тени пока еще прохладно.

Зина. И все же кто их надоумил?

Арда. Ей-богу, сами. Заработать решили на мотоцикл с коляской. Беслан ведь, как вернулся из армии, так нигде и не пристроится. Нет, говорит, приличной работы на курорте. Прошлым летом пытался поступить в сельхоз. Ты знаешь, чем закончилось.

Зина. Тебе нужно было не в Акву, а в Краснодар его отправить. Там и расовой дискриминации нет, и взятки божеские.

Арда. Ничего. Для меня главное, чтоб дети перед глазами были и дурным не занимались.

Зина *(вздохнув).* Это верно. А я, Арда, уже последние надежды теряю. На прошлой неделе была в лагере у моего Сережи, навьючилась, как всегда, а дружки его дают мне целый блок сигарет «Космос» и объясняют, как передать, чтоб все пачки до одной попали сыну. Смотрю – а они распечатанные и все дурью заряжены.

Арда. И ты их повезла сыну?

Зина. А что мне оставалось! Повезу обычные пачки, он ведь сразу поймет, что я их заменила. Накричит. А потом, все равно ведь через кого-нибудь достанут. Ведь эту дрянь не он один ждет на зоне.

Арда. Да, да… Понимаю… А ведь голова у него какая сообразительная. Ему на профессора выучиться – раз плюнуть.

Зина. Потому его и не проведешь. Все наперед знает. Разве мне с ним управиться.

Арда. Конечно, тем более, когда он в зоне. Там его талант совсем в ином направлении развивается.

Зина *(перестает крутить кофемолку).* Все, кажется. *(Открывает кофемолку.)* Где кофеварка?

Арда. Пошли на кухню.

Уходят на кухню, Арда ставит электрокофеварку.

Зина. Как твоя работа?

Арда. Да как сказать… паршиво, в общем. Но другой жизни у меня нет. Любимая работа стала каторгой. Но и без нее не могу. Все мне кажется, что душа его там осталась бесприютная и никуда уходить не хочет.

Зина. Да, Батал был прекрасный бармен. Настоящий мастер. Все его знали. Сейчас такой популярностью пользуется только Алябрик. А у тебя сохранилась фотография Батала с Хрущевым?

Арда. Нет ее у меня.

Зина. Как это?

Арда. Зла не хватает. Приехал из Аквы этот краевед. Да знаешь ты его, этот зануда из нашего музея… длинный и горбатый, как вопросительный знак.

Зина. И ты отдала ему эту фотографию?!

Арда. Не отвязался. Вымолил, божился, что перефотографирует и тут же привезет.

Зина. Он и у моего деверя взял одну редкую книгу и не возвращает.

Арда. Погоди, выберусь в Акву, покажу ему.

Зина. А фотография ведь историческая.

Арда. Хрущев тогда новоселье здесь свое справлял. Дачу открывали. Батал обслуживал банкет. Только из Парижа приехал с конкурса барменов. Первый приз взял. Никита любовался, как у Батала все красиво, изящно получается. Я была тогда совсем юная. Бегала к нему в бар с девчонками, посмотреть как он за стойкой чудеса выделывает. *(Арда разливает кофе в чашечки.)* Рассядемся за стойкой, как курочки на насесте. Батал такие коктейли делал, такие в бокалах краски переливались – душа обмирала! Он красиво запускал их по стойке и они останавливались перед каждой из нас. Батал понимал, что меня приводило к нему. И мой бокал был всегда последним. Я это воспринимала как признание, что я ему своя. Да что же я! Не могу, Зина, не могу говорить о нем… Он все у меня отнял, все унес с собой. У меня ничего не осталось!

Зина. Я помню это время, и как тебе доставалось дома за эти побеги на курорт. Родители так старались уберечь нас от этих баров! Ну, а ты потом сама стала хорошей мастерицей. Ты была первая женщина-бармен.

Арда. Полюбилась мне эта работа. Другой жизни я не желала. Но Батал меня не взял к себе, устроил в другой, только что открывшийся бар.

Зина *(пьет кофе)*. И к тебе бегали молодые ребята. На тебя было приятно посмотреть.

Арда. Да, мне это нравилось. Я любила свой бар. Но после гибели Батала оставила его. Решила почему-то, что бар Батала нельзя отдавать в чужие руки.

Зина. Ну и работай себе спокойно. Кто тебе мешает?

Арда. Легко сказать. Я ведь даже спиной чувствую, что там душа Батала. Вижу его глаза, в них такая грусть, что в дрожь меня бросает. А я улыбаюсь посетителям и подаю им коктейли. Они пришли отдохнуть. Какое им дело до моей печали? Вот подходит клиент. Я смотрю на него и гадаю, обсуживал его Батал или нет. И сразу узнаю. Мне кажется, безошибочно. *(Достает сигарету, закуривает.)*

Зина. Ты постоянно куришь?

Арда. Нет. Но чаще, чем прежде. Дети знают, хотя при них я не курю… Ночью, после работы, в голове шум такой. Сразу не уснуть. Покурю сигаретку, погрущу…

Зина. Ну так мы и раньше с тобой покуривали. *(Тоже берет сигарету.)*

Арда. Но раньше для меня это было озорство. Теперь горечь. Как институт у Лики?

Зина *(запаливая сигарету и тут же отмахиваясь от дыма)*. Паршиво. Отец ее и так с нами не живет, а как Сережу посадили, она и вовсе стала отбиваться от рук.

Арда. В моем баре она не появляется. Но в других, слышу, бывает нередко.

Зина. И до меня это доходит. А что я могу? Отец дает ей деньги. Машину свою обещал ей дать. Сам новую покупает.

Арда. Он все у этой ставропольской бандерши живет?

Зина. Мало сказать «живет». На рынок ездит, сам ей шмотки покупает.

Арда. Не могу понять, что они нашим мужикам показывают. Ведь когда жил с тобой – считал это не мужским делом, как и все наши ребята. А сейчас живет примаком и не стыдится.

Зина. Отец его ко мне приезжал. Сокрушается. «Опозорил меня сын, хоть уходи из села. Мужчине жить в доме жены не к лицу. Но кому говорить? Он ничего не видит, ничего не слышит».

Арда. Действительно, его словно подменили. Сглазили будто.

Зина. А мне гадалка так и сказала: околдовали твоего.

Арда *(тычет сигаретой в пепельницу)*. Гаси. Мальчики идут. *(Убирает пепельницу, открывает окна настежь.)* Пошли в комнату.

Зина *(входя в комнату)*. Пока мальчики не пришли, хочу попросить…

Арда. О чем?

Зина. Деньги мне нужны. Сережа через товарища письмо прислал. Срочно требует 500 рублей. Иначе, говорит, дела мои плохи.

Арда. Здесь у меня таких денег нет. Но завтра будут. Приходи в бар.

Зина. Ну, слава богу. А то я и не знала, как мне быть.

Арда. Лишь бы в карты не заигрался. Иначе все бармены курорта и вскладчину его не выкупят.

Зина. Господи, избавь меня хоть от этого!

Появляются Беслан и Гудиса. Беслан с магнитофоном. Играет оркестр Поля Мориа.

Беслан. Привет, тетя Зина!

Гудиса застенчиво, подходит к Зине и целует ее в щеку. Беслан ставит магнитофон на сервант.

Зина. А ты чего не целуешь маму свою духовную?

Беслан. Вот умоюсь, тогда держись.

Зина *(нарочито небрежно)*. Валяй!

Беслан выходит во двор. Умывается под краном. Зина выглядывает из окна. Гудиса обнимает ее одной рукой. Арда с полотенцем стоит в стороне от Беслана.

Зина. Ну, и как дела у наших табаководов?

Беслан. Отлично. Рассаду высадили. Теперь отдыхаем. Затем первая подкормка удобрениями. Ограждение кое-где укрепили. Такая будет плантация, тетя Зина – закачаешься.

Зина *(ехидничает)*. И кто вам землю доверил?

Беслан. Председатель, мировой дядька. Сидели бы везде такие, жить было б легче. Я готов у него работать, и никакого института мне не надо.

Зина. А далеко это? Как-нибудь приду посмотреть.

Беслан. Пока смотреть нечего, но через месяц уже можно будет похвастать.

Зина *(Гудисе)*. Правду он говорит?

Гудиса улыбается, опустив голову, кивает и сильней прижимается к Зине.

Зина *(опять Гудисе)*. А ты чего слова не скажешь?

Беслан *(берет у матери полотенце, вытирается)*. А он у нас, как Герасим – добрый и молчаливый.

Зина. Какой Герасим?

Беслан. Ты что, в школе не училась?

Зина. Училась.

Беслан. И чему вас учили?

Зина. Я училась в бериевской школе. Грузинские стихи заставляли зубрить. А за каждое абхазское слово – линейкой били.

Беслан. Ну и что ты помнишь?

Зина. «Бакаки цкалши кикинебс!»

Беслан. Это я и без школы знаю. *(Отдает полотенце матери.)* Ну, тетя Зина, держись! Давай, наклоняйся.

Зина, свесившись с подоконника, подставляет крестнику щеку, Беслан целует ее. Одновременно хватает за пояс, снимает вопящую Зину с окна и ставит на землю во дворе.

Зина *(дает Беслану подзатыльник)*. У тебя и повадки стали, как у тракториста!

Арда. Беслан, ну разве можно так?

Беслан. Все, тетя Зина, – мир и взаимопонимание.

Зина *(примирительно)*. Ну, смотри!

Арда уходит в дом. Теперь уже она выглядывает из окна вместе с Гудисой. Зина садится на лавочку под окном.

Беслан. Что от Сергея слышно?

Зина. Ничего особенного. Скоро полсрока будет, как сидит, на вольное поселение хочет.

Беслан. Там он может начудить и новый срок заработать, пусть лучше досидит на зоне.

Зина. Откуда мне, Беслан, знать, что хуже, что лучше? Что я в этом понимаю? Вот ты мне объясни.

Беслан *(поднимая Зину со скамьи)*. А ты составь компанию нам с Гудисой. Мы проголодались. Там и потолкуем…

Уводит Зину в дом.

Эпизод второй

Бар. Светомузыка. Несколько посетителей смотрят видеозаписи зарубежной эстрады. Время от времени за стойкой появляется Арда. Она одета неброско, но со вкусом. Улыбка то и дело преображает ее печальное лицо, когда она обслуживает клиентов. Две молодые пары сидят в полутемном углу. В бар заходит завсегдатай Леста, закуривает сигарету и кладет ее в пепельницу, стоящую на звуковой колонке. Здесь же зажигает свечу. Все это в память о друге – бывшем хозяине бара. Один из молодых людей встает и выходит навстречу Лесте. Это комсомольский вожак Эдуард. Он подводит Лесту (интересной наружности, но несколько небрежно одетого мужчину) к своим товарищам и знакомит их.

Эдуард *(громко, нарочито торжественно)*. Прошу любить и жаловать. Жемчужина черноморского побережья Абхазии, гордость древнего княжеского рода, владетелей этих прекрасных мест, – Леста Цанба по кличке Гигант. Мой дядя. В прошлом бомбардир футбольных команд Ростова, Сталина, Луганска. В настоящее время – тренер местной сборной по застольному поло.

Леста стоит с опущенной головой и ждет, когда закончится тирада. В баре танцуют под негромкую музыку.

Одна из спутниц *(иронично)*. Надеюсь, мы не нанесли большого ущерба вашему родовому имению. *(Компания сдержанно смеется.)*

Леста *(громким пропитым голосом)*. Что вы! Что вы! Святыни наши давно осквернены и вам трудиться не придется. *(Громко барменше Арде.)* Арда, милая, если ты принесешь сюда грамм сто пятьдесят, мое напутствие племяннику может стать ласковым… И чем быстрей ты это сделаешь, тем меньше я успею наговорить грубостей.

Арда. Леста, кофе будешь?

Леста. Кофе потом. *(К Эдуарду.)* Так вот, дорогой племянник. *(Предупреждающе.)* Я тебя вижу в этом баре в последний раз. Потому не удивляйся прощальной интонации моего наставления.

Эдуард *(стараясь отшутиться)*. Ты отпевать меня собрался?

Леста. Не перебивай. Ты лидер. Комсомольский вожак.

В это время подходит Арда. Ставит на стол перед Лестой три рюмки коньяка и большой бокал с соком. Леста задерживает Арду, целует ее в лоб.

Леста *(уходящей барменше).* Спасибо, Арда. Очень вовремя.

Эдуард. Может, сядешь?

Леста *(в состоянии публичного откровения)*. И сам не сяду, и тебе не советую. Короче, я несколько раз встречал тебя в этом баре. Понимаю, что тебе и твоим товарищам может здесь нравиться. Будьте здоровы. За наше знакомство! *(Пьет, запивает соком.)* Так вот, вожак, занимайся своим делом. Это мой тебе совет. Блатовать не надо. Не примазывайся, с тебя могут спросить как с блатного. Это больно бывает. Завтра же заново прочитай устав. Если не можешь жить по нему – уходи. Или живи по тем принципам, которые проповедуешь с трибуны. *(Пьет вторую рюмку. Запивает соком.)* Я слышал твои крикливые выступления. Готов был сквозь землю провалиться. А со мной перед телевизором весь цвет Гудауты сидел: Гамаляй, Химич, Механик, Сизый, Джгамс тогда с зоны вернулся.

Вторая спутница. Какие интересные имена!

Леста *(показывает ей пальцем, чтоб молчала, и продолжает)*. Вот покажи свои руки. *(Эдуард нехотя показывает руки.)* Кроме ложки, что они держали? Ни лопаты, ни пистолета! Зато хотят держать вожжи. Не получится.

Эдуард *(стараясь поправить свое положение.)* Лопаты, допустим, и ты не держал…

Леста. Зато у меня на ногах мозоли. И на свет я еще не родился, когда мой отец был брошен в известковую яму… А семечки лузгать ты где научился? В роду у нас таких не было! Говорят, в кабинете лузгаешь и даже на

улице. Хочешь я тебе с Кубани целый вагон пригоню? *(Закуривает.)*

Подходит Арда.

Арда. Леста, вам что-нибудь надо?

Леста. Нет, Арда**.** За этих молодых людей я плачу. Это мои гости.

Арда *(улыбаясь)*. Хорошо, Леста. Как скажешь… *(Уходит.)*

Леста *(снова к Эдуарду)*. И вот еще. Не привыкай сидеть на шее. Если приходишь в бар, будь добр, плати. За себя и за гостей. Нет денег – одолжи, попроси. Не делай вид, будто за тебя все наперед уплачено. Я, к примеру, не плачу. Но я у своих друзей. Я не пришел к ним из другой среды. Я вместе с ними не только коньяк пью, но и горюю.

Эдуард *(преодолевая стыд).* Леста, ты с меня три шкуры спустил.

Леста. Ходи под шкурой, кто тебе виноват? И не кипятись, потерпи. Если не я, кто тебе еще такое скажет? И последнее. Ты знаешь, как в лагерях называют людей, которые как-будто и зеки, ходят в таких же ватниках, но пользуются вольным хождением за счет доносов? Их называют – суки. Так вот, смотри – не ссучься. *(Пьет третью рюмку. Запивает соком.)* Если задержишься допоздна, пойдем вместе к бабушке.

Эдуард *(почти обиженно)*. Мне домой надо.

Леста. В таком случае – привет домашним. *(К компании.)* Прошу прощения. Желаю приятно провести вечер.

Леста направляется к стойке бара. Затем переходит в подсобную комнату. Отсюда зал бара виден в дверной проем. Заметив Лесту, Арда гасит сигарету.

Леста. Чего ты сигарету бросила?

Арда. Не могу. Только так, наедине с собой… Слушай, зачем ты парня при девушках позорил?

Леста. Если б не девушки, вообще отлупил бы, это его ждет, судя по всему. И себе настроение испортил… Откуда они берут эту козлинную натуру – забираться повыше, когда им ни сказать нечего, ни показать?

Арда. Посиди здесь, успокойся. Не ходи пока в зал. Включи телевизор, отвлекись.

Леста. Согласен. Только налей мне коньяку.

Арда *(ставит перед Лестой бутылку коньяка)*. До конца пить необязательно.

Леста. Разумеется.

Арда уходит, Леста открывает бутылку, наливает себе полстакана, пьет. Берет из вазы горсть конфет, разворачивает, закусывает. Располагается поудобней, ноги кладет на соседний стул. Отсюда порой видно Арду со спины. Она вежливо обслуживает посетителей. То и дело слышно: «Пожалуйста, возьмите. Будьте любезны…»

Эпизод третий

Снова зал бара. Идет бойкое обслуживание клиентов. Подаются мороженое, коктейли, кофе. Светомузыка. Танцует женщина. Одинокое соло. Видно, подвыпившая. Танец ее несколько вульгарен, и все-таки пластичен, красив. Часть посетителей оценивающе смотрят на одинокую танцовщицу.

Арда останавливается и, облокотившись на стойку, тоже смотрит на танец. Видно, и ей он понравился. В это время к стойке выходит пьяный клиент с бокалом коктейля и протягивает бокал прямо к лицу барменши.

Арда *(доброжелательно)*. Слушаю вас.

Клиент *(почти кричит)*. Там муха!

Арда *(миролюбиво)*. Давайте я вам заменю.

Клиент *(резко убирает руку с бокалом, затем снова сует его в лицо Арды)*. Выпей!

Арда *(теряя самообладание)*. Вы не оговорились?

Клиент. Нет! *(Выплескивает коктейль в лицо Арде.)*

В зале вскакивают несколько ребят. Гаснет свет. Лишь один красный фонарь тускло освещает место перед стойкой. Слышно, как бьют клиента. Распахивается стеклянная дверь на веранду. Звон разбитого стекла. Истошный рев падающего за веранду мужчины. Свет в баре снова включается. Продолжает играть музыка. Арда по-прежнему готовит коктейли. Клиента нет ни за стойкой, где он только что стоял, ни за столом, где сидел до этого. На лицах некоторых отдыхающих недоумение. Из-за стола, где сидел исчезнувший клиент, встает интересная женщина, направляется к стойке. Она взволнована. К этому времени к стойке подходит и Леста.

Клиентка *(не обращая внимания на Лесту, который почти загораживает ей путь. Она говорит с английским акцентом, хотя и неплохо)*. Где этот молодой мужчина?

Арда не отвечает. Она еще не может отойти от случившегося, занимается коктейлями.

Леста. Плавает в бассейне.

Клиентка. Почему вы так шутите?

Леста. Я не шучу. Он действительно плавает в бассейне.

Клиентка. Я видела. Он совершил плохой поступок. Что вы с ним сделали? Это мой гид!

Леста. Мы вам хорошего гида найдем. Это был плохой гид.

Клиентка. Почему вы так думаете?

Леста. Он сам плохо знает эти места. Он парашютист.

Клиентка. Нет, он портной, модельер.

Леста. Это папа его портной и шьет парашюты.

Клиентка. Разве парашюты шьют дома?

Леста. А вы не знали?

Клиентка. Вы шутите… Почему вы думаете, что он парашютист?

Леста *(примирительно)*. У нас так называют тех, кто недавно приехал и плохо себя ведет.

Клиентка. Десантник, да?

Леста. Совершенно верно.

Клиентка *(оживляясь)*. И в моем городе так называют тех, кто приезжает на заработки.

Леста. Но они потом не говорят, что это их родина?

Клиентка. Нет, они ведь знают, откуда приехали!

Леста. Какая память. А здесь все склерозом заболевают.

Клиентка. Склероз – это плохо.

Леста. Еще бы.

Клиентка. А с ним ничего не случилось?

Леста. Не беспокойтесь. Мы даже можем его увидеть. *(Барменше.)* Арда, я на веранде. *(Клиентке.)* Разрешите пригласить вас на веранду.

Клиентка. Это даже интересно.

Выходят на открытую площадку. Отсюда видны прекрасные окрестности вечернего приморского курорта.

Клиентка. Какая красивая луна поднимается! Какой замечательный пейзаж!

Леста *(подходит к перилам и смотрит вниз)*. Его уже нет.

Клиентка. Вы про кого?

Леста. Про вашего гида. Вы уже забыли о нем?

Клиентка. С ним ничего не случилось?

Леста. Видите, тремя этажами ниже находится бассейн? *(Показывая ей бассейн, Леста как бы полуобнимает ее. Она его не отстраняет, хотя и готова возмутиться. Леста это чувствует, убирает руку и теперь указывает этой рукой вниз)*. Кто плохо ведет себя в баре – попадает в этот бассейн. После ванны его встречают санитары и спускают до первого этажа.

Клиентка. Опять выбрасывают?

Леста. Только в крайних случаях. Обычно везут на лифте.

Появляется Арда.

Арда *(радушно)*. Добрый вечер! *(Переставляет на стол с подноса мороженое, коктейли, кофе.)*

Клиентка. Здравствуйте. *(К Лесте.)* Я плохо говорю по-русски и не всегда понимаю, когда вы шутите, а когда говорите серьезно.

Арда. Этого и мы не всегда понимаем.

Леста. Ваш гид говорил по-русски намного хуже вас. Как вы его понимали?

Клиентка. Я понимала, что он говорит на диалекте. *(К Арде.)* Он нехорошо поступил, конечно.

Арда. Не обращайте внимания, в нашем баре не такое бывает.

Леста делает приглашающий жест к столу.

Клиентка. О, это для нас?

Леста. А как же!

Клиентка. Спасибо. *(Арде.)* А вы не будете с нами?

Арда. Посижу немного.

Клиентка. Меня зовут Магда. А вас?

Арда. Арда.

Леста. Лестамбер!

Магда. Какое интересное имя, это типично абхазское, я понимаю.

Леста. Для того времени, когда мне его давали, такие имена были типичными для всей страны.

Магда. Оно что-нибудь означает?

Леста. Лестамбер – это сокращенное «Ленин-Сталин-Берия», получилось – Лестамбер.

Магда. Какой ужас! Я никак не могла догадаться.

Леста. Здесь особая фантазия нужна. Моя мама родила меня после того, как отца репрессировали. Наверно, надеялись, что с таким именем не расстреляют хотя бы. Но вот когда убрали Берию – мое имя пришлось сократить. Вместо Лестамбер стало Леста.

Магда *(смеется)*. Но сейчас разоблачили Сталина. Почему вы не сократили свое имя?

Леста. Кажется, остаюсь с китайским именем Ле. Кстати, если сократить и мою фамилию Цанба и сделать – Цан, то меня можно называть Ле Цан и хоть сегодня отправлять в Пекин. *(Все смеются.)*

Магда. Кое-кто уже и Ленина критикует. Как вы на это смотрите?

Леста. Не надо! Не оставляйте меня без имени! *(К Арде.)* А выпить нам не дашь?

Арда. В коктейле много коньяка.

Леста. Умница, Арда. *(Поднимает бокал.)* Давайте выпьем за наше знакомство.

Магда. С удовольствием.

Леста. Хочется, чтоб вы увезли отсюда хорошие впечатления, хотя это нелегко.

Магда. Почему же? Напротив. У меня очень интересные впечатления. Вы не будете обижаться, если я наш разговор о вашем имени включу в свой будущий очерк?

Леста. Нисколько. Даже буду благодарен за популяризацию.

Магда *(иронично)*. А вас не могут за это посадить?

Леста. До Горбачева – возможно. А теперь, к сожалению, нет.

Магда *(что-то записывая в блокнот)*. Почему вы сказали «к сожалению»?

Леста. Я был бы первым на нашем курорте, которого судили бы за политику.

Магда. А обычно за что?

Арда. У моего дяди – четверо сыновей. Все сидят, родители состарились, плохо со здоровьем и лекарство подать некому.

Магда. Все же какие преступления наиболее характерные?

Леста. Изнасилования, нередко – групповые.

Магда. А почему?

Леста. С одной стороны – курортная индустрия. С другой – целомудрие народного уклада, с третьей – естественная потребность, темперамент неопытных, не умеющих флиртовать молодых людей. Причем среди насильников часто оказываются наиболее застенчивые ребята. Ну представьте себя юношей. Вы в поте лица мотыжите кукурузное поле, а рядом, на пляже, загорают прелестные сверстницы, а тебе двадцать лет. Кровь и без того кипит, а ты еще стоишь на солнцепеке!

Магда. Вы так здорово объясняете. Я все поняла… А солнце у вас действительно горячее, и люди темпераментные.

Леста. В прибрежных селах уже некому работать. Почти в каждой семье, кто-нибудь сидит в тюрьме. Если

не сидит сегодня – завтра сядет. Или в драке убьют. Посадят за анашу, за морфий, за грабеж, за изнасилование, а сколько среди них талантливых ребят! Сколько среди них поэтов, художников, спортсменов!

Магда. Вы сказали об алкоголизме. Разве у вас существует такая проблема?

Леста *(показывая на себя).* Живой экспонат. Хоть сейчас можно сдавать в Музей этнографии народов СССР. Текст таблички – «Тип деградированного горца второй половины XX столетия. Бальзамировать не надо – столько коньяка выпил за свою жизнь».

Магда. Вы очень складно говорите. Почему бы вам не писать книги?

Леста *(иронично).* Будет страдать моя основная работа.

Магда. Какая?

Леста *(торжественно поднимая бокал и показывая на него глазами).* Вот эта. Как сказал сегодня мой молодой родственник – «застольное поло». А что касается писателей, вы поезжайте в мой город Гудауту и послушайте наших ребят. Что там Габрово!

Магда. А Искандер – тоже гудаутский?

Леста. Конечно гудаутский. Потому мы и не пишем книг. Он за всех наших ребят пишет. Одного Искандера на наше время вполне достаточно. А если нужно будет, мы еще одного можем выпустить. Но пока Фазиль сам справляется, и слава Богу!

Арда *(поднимаясь).* Если что-нибудь захотите – скажете.

Леста. Хорошо, Арда.

Магда. Спасибо вам большое.

Магда и Леста некоторое время молчат, смотрят на огни вечернего курорта. Кроме музыки из бара, из разных ресторанов и кафе слышны различные песни. Особенно

сильно – «О море в Гаграх! О пальмы в Гаграх!» С катера доносится. «Там сидела Мурка в кожаной тужурке, а из-под полы торчал наган».

Магда. Вам нравятся эти песни?

С катера доносится объявление. «На теплоходе «Келешбей Чачба» проводится морская прогулка. Желающие, поторопитесь на посадку».

Леста. Они у меня в печенках сидят. Особенно «Пальмы в Гаграх»… Сколько можно кормить этой дохлятиной! Но, знаете, местные ребята на них уже не реагируют. Кажется, они отупели от ухажерства. А курортницам эти песни нравятся. Они ощущают в них особый колорит и при этих песнях легко воспламеняются. Начинают неровно дышать, волнуются, а затем и вовсе теряют голову…

Магда. Может, это просто повод?

Леста. Может быть. О, на катере есть чешское пиво.

Магда. А как вы узнали?

Леста. Вон видите? *(Пользуясь случаем слегка обнимает Магду одной рукой, словно это помогает ей разглядеть то, что он показывает.)* С катера мигает прожектор. Это он приглашает своих ребят на свежее пиво. Ну как, решаетесь?

Магда. А почему бы нет?

Леста. Прекрасно, Сейчас и мы им помигаем, чтоб они без нас не уезжали. *(Поднимается на вышку и дает мигающие световые сигналы установленным здесь прожектором.)* Теперь пошли!

Магда. Пошли.

Уходят.

Эпизод четвертый

Хвостовая часть катера, накрытая навесом. В окружностях больших спасательных кругов сидят Магда и Леста. В руках у Магды – бутылка пива. Леста играет на гитаре и поет романс.

Твои руки отвыкли ласкать.
Твои губы смиренными стали.
Табуны наших чувств ускакали.
Твои руки отвыкли ласкать.
Прежде я и не думал о том,
Что возможно такое когда-то,
Что трепещет услады лампада,
Чтоб вовеки угаснуть потом.
Твои руки отвыкли ласкать.
По привычке ты тянешь ладони,
Но любви оголтелые кони
Далеко ускакали, видать.
Твои руки отвыкли ласкать…

Леста отстраняет гитару.

Магда. Это чей романс?
Леста. Собственного производства.
Магда. А вы поэт!
Леста. Еще бы! Когда рядом такая женщина!

Катер качает. Леста обнимает Магду.

Леста *(притворно).* Смотрите, не упадите! Это так опасно! *(Целует ее в шею.)*

Катер качает, хотя море спокойное.

Магда. О, это безумие! Что вы со мной делаете?
Леста. Не знаю, как это по-английски… По-русски грубовато звучит.
Магда. Какой вы нахал!

Удовлетворившись, Леста растягивается на кругах каната.

Леста *(потягиваясь).* Оф, гуща!
Магда *(сквозь блаженное забытье, бесстрастно).* Что ты сказал?
Леста. Я сказал: оф, гуща!
Магда. Это тоже грубовато звучит по-русски?
Леста. О, нет, дорогая, это звучит прекрасно и означает: очень хорошо!
Магда. Это действительно хорошо. *(Переворачивается к Лесте и нежно целует его в губы.)*
Леста. От твоего интервью можно концы отдать.
Магда. Так отдавай! *(Целует его в шею.)*
Леста *(смеется, ему щекотно. Катер сильно качает. Он вырывается из объятий Магды, подходит к слуховой трубе и кричит в трубу).* Эй вы, ублюдки! Прекратите качать! Нам уже это не нужно!
Магда *(почти возмущенно).* Как? Они нарочно это делали?! Жулики!
Голос в динамике. Это вы раскачали катер… Совесть надо иметь. Любовью следует заниматься в центре судна, а не на хвосте! Леста, как тебе не ай-я-яй!
Леста. Идиот! На берегу ведь все слышно!
Магда *(иронично).* У тебя что, жена стоит на берегу?
Леста *(почесывая затылок).* Нет, родственники есть.
Магда *(в этой же интонации).* Родственники, наверно, и без того знают, как ты проводишь время!

Леста *(все еще сердясь на шутку катеристов)*. Но не надо все-таки наглеть.

Магда. *(ласкает, успокаивает, обвораживает Лесту)*. Не нервничай, Гигант!

Леста. Откуда ты знаешь мою кличку?

Магда. Иностранная разведка. *(Продолжает обнимать и целовать Лесту.)*

Леста. Пойдем на нижнюю палубу, раз в тебе еще столько сил.

Магда *(бесстрастно)*. Пойдем.

Они спускаются в полную темноту. Мужские голоса, звуки откупориваемых бутылок. Кто-то говорит «Добрый вечер!» Пьют пиво. Вздохи любви.

Магда *(полушепотом, капризно)*. Леста, я так не люблю… мне так не нравится… *(Томное оханье)*. Мне так неудобно… Ну, подожди же… Ой, да это ведь не ты…

Мужской голос. А что, я тебе не нравлюсь?

Магда. Я ничего не пойму. *(Дышит тяжело и часто, затем дыханье ее прерывается.)* Оф, гуща!

Какой-то мужчина смеется.

Мужской голос. Это кто тебя научил, не Леста?

Звуки откупориваемых бутылок, бульканье выпиваемого пива. Дует теплый ночной ветер. Доносятся песни из баров и ресторанов. «О-па, о-па, та бузуки…» (греческая), «Дыргагущейт, дыргагущейт…» (абхазская), «Фаэтонщик» (грузинская), «Цэпумес Севана…» (армянская), «Яблоки на снегу…» (русская), какая-то итальянская песня, кажется, Челентано…

Магда. Подожди. Дай отдохнуть… Я не могу больше. Не надо. *(Охает.)* Не могу больше! Хватит! *(Обессиленно.)* Кто это? *(бьет кого-то по телу.)* Осел, отпусти! Мама!

Леста *(непонятно кому)*. Хорош, не наглей!

Магда. Не поворачивай меня… Леста, ну скажи ему что-нибудь! Ой, как хорошо! *(Снова дышит тяжело и все чаще, чаще, протяжно стонет.)*

Тишина. Слышно, как волна несильно бьет в бок катера.

Эпизод пятый

Рассветает. По причалу идут двое. Это Магда и Леста. Он поддерживает ее.

Магда. Ноги меня не слушаются.

Леста. Это плохо.

Магда *(капризно бьет его кулаком по плечу)*. Конечно, тебе смешно…

Леста *(усаживая Магду на скамью на набережной)*. А тебе разве грустно?

Магда. Нет… мне жить хочется… но сил нет. *(Ей плохо.)*

Леста шлепает Магду по лицу, берет рядом из фонтанчика воду, льет на Магду, расстегивает ей рубашку на груди. Напуган. Снова шлепает ее по лицу.

Леста. Магда! Магда! Только не умирай! *(Смотрит ей в глаза.)*

Магда медленно поднимает руку и проводит пальцами по лицу перепуганного Лесты.

Магда *(еле слышно)*. Нехороший ты… Поцелуй меня. *(Леста целует Магду.)* Что же так слабо? Испугался? *(Хлопает глазами, отстраняет его.)* Дай сообразить… Ага, все понятно. Абхазия, Советуньен. Катер. Пикник… Я устала. Ты ведешь меня в пансионат.

Леста *(рад, что Магда пришла в себя)*. Только не умирай…

Магда. Не надейся.

Леста *(более оживленно)*. Если ты умрешь, здесь полкурорта пересажают.

Магда. Ни в коем случае. Оставлю завещание: в моей смерти прошу никого не винить. Я умерла такой смертью, какой мечтала…

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эпизод шестой

Двор крестьянской усадьбы. В стороне от дома под сенью большого дерева, Беслан и Гудиса стоят на коленях. На заборе висит шкура забитого козла. Старик Раста держит в руке отваренные печень и сердце жертвенного животного, нанизанные на ореховую трость. На стволе дерева горит свеча. Две другие свечи – каждая в человеческий рост – горят перед коленопреклоненными внуками. Ветерок разносит дух благовоний, исходящий от раскаленных углей на черепке, что стоит между Растой и мальчиками. Старик произносит молитву, время от времени поливая мясо вином.

Раста. Боже всесильный, обнимаю твои златые стопы. Прости нам наши неразумные прегрешенья и дай нам мудрости твоей самую малость. Спаси поколения наши

от грядущей скверны и распутства. Убереги их души от бесовских искушений. Не дай пропасть семени нашему…

Раздается грохот реактивного двигателя, Раста, подняв лицо к небу, продолжает молитву. Но его не слышно сквозь нарастающий грохот. Все кругом содрогается. Осыпаются и трепещут листья. Внуки по-прежнему стоят на коленях и не поднимают голов. Самолет, видно, уже набрал высоту. Шум убывает. Снова голос молящегося Расты, но слов еще не разобрать. Отчетливо слышен лишь конец молитвы.

Раста. Не дай пропасть нашему Апсуара! Аминь! *(К внукам)*. Скажите «Аминь»!

Беслан и **Гудиса** *(вразнобой)*. Аминь!

Раста. Можете встать.

Беслан и Гудиса встают, Раста срезает несколько ломтиков мяса и дает их съесть внукам.

Раста. Отнесите угли в очаг и шкуру на кухню.

Беслан снимает с забора шкуру козла. Уходит. За ним идет и Гудиса с чадящими углями. Раста трижды крестится, пьет вино и тоже направляется в дом.

Эпизод седьмой

Склон холма рядом с усадьбой старика Расты. Гудиса раскачивается на качелях. Это огромный деревянный крюк с длинным цевьем, зацепленный за мощную ветвь дерева, с прибитой к концу поперечной перекладиной.

Гудиса *(Беслану)*. А здорово ты придумал! Я сроду на таких не катался.

Беслан. Катайся, пока катается.

Гудиса. Ты где-нибудь видел такие или сам придумал?

Беслан. Видел. Хотя и придумать несложно. Кто хочет кататься, найдет, как это сделать.

Гудиса. Но ведь сам ты не катаешься. Не хочешь?

Беслан. Зато я хотел сделать тебе приятное и вижу, что это получилось.

Гудиса. Это тоже помогает сообразительности?

Беслан. Еще бы! Когда очень хочешь сделать кому-нибудь приятное, любое дело получается лучше, чем если для себя.

Гудиса. Мне тоже хочется так.

Беслан *(стругая топориком палочку)*. Это неплохо.

Появляется Раста. Беслан поднимается с земли, стряхивает с брюк стружку.

Раста *(втыкает посох в землю)*. Это ты соорудил?

Беслан. Да.

Раста. Хорошо. Пускай там и остается. Чтоб люди видели, что внуки ко мне заезжают. Правда?

Гудиса. Правда, дедушка. И у меня будет повод снова сюда приехать.

Раста. Конечно, если тебя чем-нибудь не заманить, ты не догадаешься приехать к дедушке.

Гудиса. Нет, дедушка, я пошутил. Мне очень у тебя нравится и без качелей… А ты знаешь, у нас с Бесланом своя плантация?

Раста (*к Беслану*). Это о какой плантации он говорит?

Беслан *(нехотя)*. Табак выращиваем. У колхоза землю взяли, недалеко от дома. Скоро низать начнем.

Раста. А чего молчал?

Беслан. Да, так…

Гудиса *(останавливая качели)*. А ты ведь, дедушка, сказал бы. «Что вы у колхоза землю просите, вот ее сколько здесь. Пашите, выращивайте!..»

Раста *(оживленно)*. А ты все наперед знаешь!.. И что, неправ был бы?!

Гудиса. Прав, конечно… потому мы и помалкивали.

Раста. И все-таки плохо вы думаете о своем деде. Я ж понимаю, что вы должны быть рядом с мамой. Всякий раз сюда не приедешь. А тут вернулся из школы, есть часок-другой свободный – поработал на своем поле. Не так ли?

Гудиса. Точно!

Раста. А вы боялись, что я вас не пойму. Понимать там нечего.

Беслан. Дедушка, а вот на этом холме, где мы сидим, всегда было пусто? Никто здесь не жил?

Раста. «Не жили»? Здесь жил брат моего деда, как обзавелся семьей и отделился. Затем решил не стеснять брата и переселился вон в ту низину – где тополя стоят над рекой.

Беслан. Но ведь и там пусто. Никто не живет.

Раста. Разве только там? Все это левобережье заселяли наши однофамильцы, сородичи наши.

Гудиса. А куда они подевались – в город уехали?

Раста. В город уехало не так много. Здесь недалеко сталинская дача была. Во время репрессий почему-то решили, что окрестные села нужно переполоть с особой тщательностью. Так и поступили. А мы-то радовались, гордились, что живем по-соседству с вождем.

Беслан. И многих забрали?

Раста. Все поляны, что видите отсюда, одичалые сады – это вымершие дворы репрессированных. Оставшиеся подались в город, обслуживают курортни-

ков. Кто жил ближе к заповеднику – выселили с берега. С нашей стороны построили военный аэродром, а по другую сторону – военные санатории.

Беслан. А что за ограждения появились в устье Псы́ны? Столбики вбиты повсюду с буквами и цифрами?

Раста. Не знаю. Что-нибудь затевают. Пансионат очередной.

Беслан. Словом, женщинам – в кастелянши и поварихи, мужчинам – в сантехники и вахтеры. И вопрос занятости нашего народа решен… В старину, говорят, наших предков брали в охрану императоров и султанов. А теперь всем народом подадимся в лакеи вселенского санатория.

Раста. Ты мне это брось! Мудрец нашелся.

Беслан. Хорошо, дедушка…

Раста. Вы лучше меня послушайте. Вы не торопитесь продавать этот дом… после моей смерти. Здесь похоронены ваши предки. И я в эту землю лягу. Это корни ваши… А теперь пошли за мной.

Беслан и Гудиса уходят вслед за Растой.

Эпизод восьмой

Фамильное кладбище. Кое-где видны покосившиеся замшелые надгробья, на иных могилах лежат простые валуны.

Раста. Вот здесь наша родня покоится. *(Снимает рукой мох с надгробья и обнажает надпись.)* Здесь похоронен брат моего отца – Бадра… Запоминайте. Вам потом об этом никто не расскажет… Здесь, рядом, где камень лежит, его жена – Минуца. Добрейшая была женщина. Я в детстве сильно болел, она меня выходила. Здесь лежит

отец мой, ваш прадед – Кунцал. А здесь – мама моя Маяна, прабабушка ваша. Она умерла на второй год… *(К Беслану.)* После твоего рождения…

Гул реактивного самолета заглушает Расту и нам не слышно, что он говорит. Раста указывает рукой в землю, очевидно, показывает, где следует его похоронить. Это рядом со свежей могилой их отца. Гудиса, видно, плачет. Плечи его вздрагивают. Старик прижимает его к себе, успокаивает, Беслан старается сдержать себя. Грохот убывает, и мы слышим обрывок фразы.

Раста. Я не хотел отпускать вашего отца в город. Но ведь молодых удержать трудно. Их так и несет на эти курорты… как мотыльки на пламя. Только и слышишь: кто-то утопился, тот разбился, того посадили. *(Уходят с кладбища, Гудиса все не может успокоиться.)* Если б я знал, что ты такой малодушный… Ну-ка, возьми себя в руки, мужчина… Мы все туда придем, и старые и молодые. Только хорошо, если каждый в свой черед, а не так вот.

Эпизод девятый

Зина и Арда во дворе Расты. Арда переводит дух под деревом, Зина спускается с веранды.

Зина. Пекло какое. *(Обдувает себя газетой.)* Двери открыты, а никого нет. Наверно, к соседям пошли.

Арда. Исключено. Как умер Батал, свекор никуда не ходит – если это не похороны. Мне здесь кричать не полагается, знаешь ведь. Крикни ты, может, ребята отзовутся.

Зина *(кричит)*. Гудиса! Беслан! Где вы?

Голос Гудисы. Мы здесь! Идем!

Появляется Гудиса. Зина обнимает его, Гудиса подходит к Арде, целует ее.

Арда. Где вы были?
Гудиса. На кладбище.
Арда. Я так и поняла. Глаза у тебя красные. *(Обнимает сына.)* Ты скучал по маме?

Гудиса смущается, опускает голову.

Зина. А где остальные?
Гудиса. Идут. Там свиньи плетень прорвали… Мы его чинили.

Появляются Раста и Беслан.

Раста. О, какие у нас гости! Добро пожаловать… Зина, как это ты отважилась к нам?!

Зина выходит навстречу Расте. Раста прижимает ее к груди и целует в лоб.

Зина. Да вот, вырвалась, как видите.
Раста. Это ты хорошо сделала. *(К Арде.)* А ты как поживаешь?

Арда отмалчивается, опускает глаза.

Зина *(за Арду)*. Ничего, работает. За детьми соскучилась.
Раста. Бог ты мой! Да приехали они ведь пять дней назад!
Зина. Материнские дни особые, наверно.
Раста. А дедовские дни?

Зина. Ой, не знаю, дядя Раста.
Раста. Ну-ка, ребята, выносите сюда стулья, стол. *(К Арде.)* Там у нас свежая козлятина, загляни в шкаф, вынеси, что есть. *(К Зине.)* А мы с тобой потолкуем, пока они своими делами занимаются.
Зина *(Арде)*. Ты и наши сумки возьми туда.

Арда берет сумки, идет в дом. Гудиса и Беслан выносят стулья. Раста предлагает Зине сесть. Она дожидается, когда это сделает старик, и лишь затем садится сама.

Раста. Как вы в городе переносите такую жару? Кругом асфальт и каменные дома. Здесь хоть в тени деревьев можно укрыться.
Зина. Очень тяжело, особенно после обеда. И море не спасает, никакой прохлады не несет.
Раста. И людей много.
Зина. Да, именно у нас много. Но все равно повсюду пляжи закрыты. В море купаться запрещено. Только в нашей бухте еще, говорят, не опасно.
Раста. Где человек столько грязи берет, чтоб огромное море загрязнить?!
Зина. Кто его знает!

Беслан и Гудиса ставят в тени дерева стол и помогают Арде накрывать его.

Зина. Дядя Раста, мы не можем задерживаться, нас работа ждет.
Раста *(полуобиженно)*. Только в городе работа бывает…
Зина. Вы не обижайтесь, пожалуйста, мы торопимся очень.
Раста *(переходя на иронию)*. Да кому вы нужны?

Зина. Ну вот, обижаетесь ведь!

Раста. Когда человеку обидно, это не значит, что он обижается на кого-то. Ему просто обидно. Вы на катер хотите успеть?

Зина. Да, Арде на работу вечером. И меня ждут дома.

Раста. Это хорошо, если ты уходишь из дома, а там кто-то остается. И он ждет тебя. А у вас в городе выходных дней не бывает?

Зина. К концу недели столько дел накопится, что за выходные дни едва успеваешь с ними справиться.

Раста. Плохо. Это на бесконечные скачки похоже.

Зина *(смеется)*. Так оно и есть.

Раста. Пока не перекусите чего-нибудь, никуда не отпущу. И все же хорошо, что ты приехала. Иначе и поговорить мне не с кем. Невестка молчит. Соблюдает обычай. Говорю ей: брось ты это, этого уже никто не понимает и не соблюдает.

Зина. Да, в этих вопросах Арда непоколебима.

Раста. И правильно поступает. Все наше на глазах рушится. И мы бессильны этому противиться. Вы и детей заберете.

Зина *(виновато)*. Да.

Раста отворачивается, махнув рукой. Расстроен.

Зина. Пока дети были здесь она ни одной ночи не спала.

Беслан наливает вино в стаканы, Раста, сердито вбивает посох в землю, берет стакан, но тост произносит спокойным молитвенным голосом.

Раста. Господи, благослови нас. Будьте благословенны, вошедшие в дом наш. Зина, ты обрадовала меня своим приходом, а если я чему и огорчился, это ничего. Пусть

тебе сопутствует удача и ничто не омрачит твоей жизни! *(Пьет.)* Давайте, все садитесь за стол.

Зина *(Арде)*. Арда, иди к нам.

Беслан что-то шепчет Зине на ухо. Та понимающе кивает головой и говорит. «Ну хорошо…»

Раста *(к Зине)*. Стакан вина выпить не грех даже женщине.

Зина *(встает со стаканом в руке. Поднимаются также Беслан и Гудиса)*. Дядя Раста, будьте здоровы. Живите долго. Пускай ваши внуки радуют вас, не огорчают. *(Отпивает стакан и хочет поставить на стол.)*

Раста. Вот этот стакан допей до конца. Больше принуждать не буду.

Зина. Хорошо. *(Допивает.)*

Раста. Вот и прекрасно. Пускай оно пойдет тебе на пользу. *(Беслану.)* Налей-ка мне еще… Вас все равно не удержать. Выпью за вашу дорогу. *(Раста берет стакан. Все встают.)* Да будет благословенна ваша дорога и ждет вас радость там, куда вы прибудете. *(Пьет.)*

Зина. Будьте здоровы!

Раста. Теперь поступайте как знаете. Я вас не тороплю, но и не задерживаю.

Зина *(неловко)*. Спасибо, дядя Раста, дай вам Бог здоровья.

Ребята встают и идут к Арде.

Раста *(Зине, указывая навершием посоха в сторону внуков)*. Вот мое здоровье.

Зина понимающе кивает головой. Арда с сыновьями готовы проститься с Растой. Он всех попеременно целует

в лоб. Они говорят ему. «До свиданья». Последним уходит Гудиса, все оглядывается и машет деду. Раста остается во дворе один.

Эпизод десятый

Легкий навес, устроенный с внешней стороны дома. Здесь под окнами Гудиса нижет табачные листья. Появляется Зина.

Зина. Ты один дома?

Гудиса *(встает)*. Да.

Зина. А Беслан где?

Гудиса *(грустно)*. Он с утра ушел в колхоз. У нас плантацию отнимают.

Зина. Кто отнимает?

Гудиса. Одно важное ведомство… Начали строить пансионат. Теперь им понадобилась территория для теннисных кортов и гаража. Беслан думает, что председатель колхоза победит начальника стройки и московское ведомство.

Зина. Знаю эту стройку. Такую громадину сооружают! Но они ведь и без того немало берега отхватили. Девки их целыми днями нагишом загорают на диком пляже. Представляю, что будет, когда они отстроятся. Значит, Беслан не скоро вернется?

Гудиса. Не знаю, ушел-то он давно. Обещал, что по пути домой наломает на плантации листьев и привезет, чтобы ночью низать.

Зина. Для чего вам это? Тяжело ведь. Деньги и без такого труда можно заработать.

Гудиса. Беслан признаёт только такой труд. Честный и неунизительный, и мне тоже это нравится.

Зина. В общем, скажи Беслану, пускай заглянет ко мне. Мне к Сереже надо снова. Хочу спросить его кое о чем. *(Уходит.)*

Гудиса *(уже ушедшей Зине)*. До свиданья.

Гудиса продолжает свою работу. Приглушается свет. Слышно стрекотание ночных цикад. Гудиса засыпает за работой. Плеск моря. Вдруг свет резко включается, появляется Беслан –потный, возбужденный.

Беслан. Мама еще не приходила?

Гудиса *(проснувшись и плохо еще соображая)*. Ты что-то спрашивал?

Беслан *(пьет воду из-под крана во дворе. Взвинченно)*. Мама, говорю, еще не вернулась?

Гудиса. Нет. А что случилось?

Беслан. Ничего. *(Вбегает в дом.)*

Гудиса *(в окно со двора)*. А почему ты о маме спросил?

Беслан *(раздраженно)*. Так, к слову…

Гудиса. А почему ты такой?.. Где табак?

Беслан. Отстань!..

Гудиса. Ты куда?

Беслан *(приходя в ярость)*. На свиданье! Ночевать не буду. Пускай мама не беспокоится. *(Выходит из дома.)*

Гудиса *(преграждая Беслану путь на крыльце)*. Я тебя не отпущу! *(Получает затрещину от Беслана, падает. Сквозь слезы вслед убегающему брату.)* Что с тобой случилось? *(Плачет, лежа ничком на табачных листьях.)*

Эпизод одиннадцатый

Знакомая обстановка бара. Услужливая и предупредительная барменша Арда обслуживает посетителей. Видна и часть внутреннего помещения бара. К стойке подходит молодой человек.

Арда *(радостно).* О, Адгур! Ты уже все?

Адгур. Да, тетя Арда.

Арда. Заходи-ка сюда. *(Уходит в подсобку. Туда идет и молодой посетитель. Арда подставляет ему щеку. Он целует ее.)* Давно вернулся?

Адгур. Дней десять.

Арда. Ну и как, доволен свободой?

Молодой человек пожимает плечами. Вообще, в нем, как ни странно, сочетаются манеры зека и детской застенчивости.

Адгур. О дяде Батале я услышал в лагере, но поздно и уже неудобно было присылать телеграмму. Я сочувствую…

Арда. Спасибо, Адгур.

Адгур. А что с Бесланом?

Арда *(вздохнув).* В тюрьме. Изнасилование. Боже, как я ненавидела само это слово.

Адгур *(с сожалением).* На Беслана это так непохоже.

Арда. И твоя статья не была похожа на тебя, но кто знает? Ну, хорошо, я на работе. Ты один или как?

Адгур. Я так, посочувствовать зашел…

Арда. Может, деньги нужны?

Адгур. Нет, тетя Арда**,** деньги не нужны.

Арда. Спасибо, что зашел. Если что захочешь, не стесняйся.

Адгур. Хорошо. Я пошел. *(Уходит.)*

Арда выходит в бар, обслуживает клиентов. Музыка. Много танцующих. Группа клиентов смотрит видео – зарубежный детектив. В бар заходит Леста. Закуривает сигарету, кладет ее в пепельницу, стоящую на звуковой колонке. Зажигает свечу и ставит в пепельницу. Уходит в подсобку к Арде. Там на магнитофоне играет народная песня «Озбакь». Леста садится и слушает песню, погружается в нее. Тем временем из бара доносится громкая современная музыка. Входит Арда.

Арда. Здравствуй, Леста! *(Вдруг, спохватившись, выключает магнитофон.)*

Леста. Зачем, выключила? Пускай играет.

Арда. Дальше запись стерта… *(замешкавшись.)* испорчена.

Леста *(понимающе).* А-а… Эту песню любил Батал и часто ее слушал именно здесь, в подсобке. Особенно в последние дни.

Арда *(неискренне).* Серьезно?

Леста. Ага. Не выходит он у меня из сердца. Во сне его вижу.

Арда. Не терзай меня, Леста.

Леста. Ну ладно… А с Бесланом как быть? Надо срочно для него искать адвоката, решительного и авторитетного.

Арда. Это бесполезно. Если бы я искала правду в прокуратуре, я и после гибели Батала туда обратилась бы. Ты ведь знаешь, – даже если в баре что случается, я в милицию не обращаюсь…

Леста. Это совсем другое дело.

Арда. Ну, и что этот адвокат может сделать?.. *(отчаянием.)* Да и вообще как с тобой можно говорить о серьезном, ты всегда пьян. Приди трезвым хоть когда-нибудь, чтоб с тобой поговорить можно было. А ты здесь жилы из меня тянешь.

Леста *(не обращая внимания на брань).* Когда я пьян, голова у меня лучше работает… Ты послушай меня. Помнишь, на суде эта девка обронила, что она второй раз в наших краях. Я вспомнил недавно об этом. И думаю, не может быть, чтоб она ни с кем до этого не встречалась. А если встречалась – значит, этот человек может сказать, могла ли она оказаться девственницей в свой второй приезд, при Беслане.

Арда. Какая разница, встречалась она с кем-нибудь или нет?

Леста. Махач ее первым подцепил. Но она и тогда уже была опытная и гуляла в полный рост. Потом пол-Гудауты развлекалось с ней на Серой Бабе. У Гамаляя даже видеозапись сохранилась с ее исполнениями.

Арда. Какие же вы негодяи! Вот чем все вы занимаетесь! Неужели и Батал был такой?

Леста. Если б у него не было тебя, может, и он таким стал бы…

Арда. А что, *у* Махача жена плохая? Ты мне это брось.

Леста *(несколько беспомощно).* Ну как тебе объяснить… Да и не об этом ведь мы сейчас.

Арда. И этот мой сын, наверно, скоро во всем будет похож на вас. Начало, по крайней мере, обещающее.

Леста. Ты мальчика с нами не мешай. Ему помочь надо. Срок ведь ему припаяли, как за девственницу.

Арда. Ясно, что не потерпевшая придумала справку о своей девственности. Там замешан какой-то человек, заинтересованный в том, чтобы Беслану дали большой срок. Значит, он заплатил. Заплатил и эксперту, и следователю, и Бог еще знает кому. Теперь, чтобы все это повернуть вспять, надо дать взятки в столько же мест, только более значительные суммы. Я в своем уме. Я знаю, что мне это не под силу!

Леста. Хорошо. Ты занимайся Гудисой, а делом Беслана займусь я.

Арда. Только пить сегодня больше не проси!

Леста. Батал никогда мне такого не говорил.

Арда. При Батале ты так не пил… *(Смягчившись.)* А вообще, извини.

Леста *(грустно).* Прощаю.

Арда. Кстати, помнишь ту иностранку, которую на катере катал?

Леста *(встрепенувшись).* Еще бы!

Арда. Вы тогда неплохо погуляли, не так ли?..

Леста. Это детали. *(Мечтательно.)* Хотя и значительные сами по себе. *(Как бы опомнившись.)* А почему ты о ней спросила?

Арда *(иронично).* Кажется ей снова захотелось на морскою прогулку!

Леста. Она звонила?

Арда. Нет, обещала зайти сегодня.

Леста. Ура-а!

Арда. Постеснялся бы!

Леста. Это ты лучше ей посоветуй. Нам не надо быть застенчивыми. Мы – мужчины. Если мы будем застенчивыми, плевать хотели эти женщины на наше море…

Арда. Оно и без того заплевано. Дальше уж некуда.

Леста. Ты брось это! Благодаря нам страна получает валютную прибыль через «Интурист», даже не подозревая, насколько гудаутские ребята способствуют притоку в наши края очаровательных и платежеспособных иностранок.

Арда. Я б не сказала, что эти ребята разбогатели от встреч с иностранками или отечественными шлюхами.

Леста. Да я не о ребятах говорю. Страна получает прибыль. Надо масштабней мыслить! А нам лучше помалкивать. Нас мало, нас могут плавками забросать.

Арда. Ну, понесло тебя. Я пошла в бар. Насчет Беслана не забывай все же. Вот приходи завтра пораньше, поговорим. Только со свежей головой. *(Уходит.)*

Леста. О'кей! Свежая голова у кутилы, это когда она опохмеленная! *(Берет бутылку, наливает, пьет.)*

Во время музыкальной паузы в баре. С улицы доносятся вопли сирен ГАИ. Голос инспектора в мегафон: «Примите вправо, 67-97 АЕХ! Примите вправо, вам говорят! Всем принять вправо и остановить движение!» Часть посетителей выбегает из бара на веранду и смотрит, свесившись вниз. Другие равнодушно продолжают свое времяпрепровождение. Везде слышны звуки сирен, но посетители возвращаются в бар, который снова наполняется людьми и музыкой. Появляется Магда. Она приближается к стойке. К ней подходит Арда.

Магда. Арда, добрый вечер!

Арда. Здравствуйте.

Магда. Леста сегодня не придет?

Арда улыбается и молчит, потому что сзади к Магде уже подходит сам Леста и склоняется над ней.

Арда *(лукаво)*. Он, кажется, уехал в длительную командировку. По работе.

В это время Леста кладет руку на плечо Магде, иогорчившаяся было Магда оборачивается и видит восторженного Лесту.

Магда *(радостно и полукапризно)*. Ну, я не могу! Вы меня разыграли! Так нечестно!

Арда. Здесь очень шумно, идите на веранду. Я все туда принесу.

Магда. Спасибо, Арда. Ты самая лучшая барменша, какую я встречала в жизни.

Арда пожимает плечами. Смущена. Не знает, что ответить.

Магда. Правда-правда! И это вроде не профессиональный навык, а природное радушие. Что идет от земли, все прекрасно. *(Показывает оттопыренным большим пальцем, дескать «здорово». Она выходит на веранду вслед за Лестой.)*

Леста. Как я рад тебе!

Магда. Не сомневаюсь. Хотя наверняка не настолько, насколько рада я.

Леста. Это еще почему?

Магда. Вы, мужчины, не умеете так тосковать. А я околдована. И природой, и людьми… *(Едва ли не смущенно.)* И тобой немножко.

Леста. Природа – это не достоинство людей. И ты нам их не приписывай.

Магда. Хорошо. Но если ты начнешь кокетничать, то испортишь мое впечатление о твоей стране.

Леста. Я постараюсь не нарушить целомудрия твоего впечатления.

Магда *(любя)*. Какой ты вредный! *(Толкает Лесту плечом.)*

Леста *(обнимая Магду одной рукой и прижимая ее к себе)*. Я даже не ожидал, что так обрадуюсь тебе.

Магда. Ты смотрел на приезд правительства с веранды?

Леста *(несколько пренебрежительно к теме разговора).* Я пил коньяк в подсобке у Арды.

Леста и Магда занимают знакомый столик у самого края веранды, с которой видна вся бухта приморского курорта.

Магда *(иронично).* Подозреваю, что многие ваши национальные проблемы так оперативно решаются именно в силу того, что здесь любит отдыхать ваше правительство и у вас есть с ним прямые контакты, не так ли?

Леста. Ехидство в лучших традициях зарубежной прессы.

Магда. Леста, не надо. Советская пресса тоже любит острить на иностранные темы

Леста *(иронично, но любя).* Магда, ты не сотрудничаешь с Би-Би-Си?

Магда. Разве я настолько ограничена, чтоб сотрудничать лишь с одной компанией? Чтобы быть в цене, надо вроде принадлежать всем и одновременно никому конкретно.

Леста. Браво! Прекрасная схема для интимной жизни и для государственной политики.

Магда *(кокетливо).* Я не сомневалась, что ты оценишь это по достоинству.

Арда приносит мороженое, коктейли на подносе.

Арда. Извините, пожалуйста, Магда, но клиентов много.

Магда. Ну, что ты, Арда! А вообще, действительно очень много здесь народу в барах.

Арда *(подсаживаясь).* На всем побережье пляжи за-

крыты в связи с загрязнением. У нас относительно благополучная ситуация, потому все отдыхающие и хлынули сюда.

Магда. Чтоб и здесь стало, как везде.

Леста. Конечно, чтоб не было чистых пятен на холерном теле нашего побережья.

Арда. Магда, простите, но меня ждут клиенты.

Магда. Арда, спасибо тебе большое. *(Арда уходит.)* Леста, ты просто находка для западного журналиста.

Леста *(поправляя Магду и делая акцент на женских окончаниях слов).* Западной журналистки.

Магда. Твои мужские достоинства неотразимы. Но я имела в виду умение придавать разговору штатный политический оттенок… Боже, духота какая! *(Обмахивает себя рукой.)* У вас всегда так?

Леста. Кажется, самое время покататься на ночном катере. Это единственная душеспасительная прогулка, которую можно предпринять в такую пору.

Магда. Не надо. В прошлую прогулку ты столько ненависти к капитализму вложил, что я не скоро пришла в себя… Это было похоже на дьявольский танец. Криминальное танго…

Леста *(дополняя).* С учетом местных особенностей.

Магда. Леста, ты действительно Гигант. Я люблю тебя и увезу с собой!

Леста *(целует Магду).* Вывоз художественных ценностей из нашей страны запрещен.

Магда. Я выкуплю тебя на аукционе!

Леста. Как? Всего сразу или по частям?

Магда. Нахал! *(Бьет его кулаком по плечу.)* Все равно увезу.

Леста. Вы так всю страну растащите! *(Пьет, затем обнимает Магду, целует ее в шею.)*

С катера доносится песенка «О море в Гаграх!».

Магда. Потанцуй со мной. Эта музыка напоминает танго.

Леста. С удовольствием, но только не под эту пошлую песенку. Минутку.

Леста уходит. Магда смотрит на окрестности и слушает музыку, доносящуюся с катера. Появляется Леста. Выносит на веранду и устанавливает звуковые колонки. Раздается страстная музыка аргентинского танго.

Леста *(картинно-красивым жестом приглашающего кабальеро).* Прошу!

Магда принимает отчаянную позу приготовившейся к танцу гитаны. Начинается танец, похожий на любовное безумство. И Магда, и Леста оказываются замечательными исполнителями. Из бара высыпают любопытствующие. Изможденная танцем и счастливая Магда падает на руки Лесты, они снова одни на веранде, еще не отдышавшись, пьют.

Магда. И здесь ты достойный партнер, Леста!

Леста *(целует Магду).* А тебе не кажется, что твое имя как-то повлияло на твою судьбу и характер?

Магда. Наверно, да. *(Опомнившись.)* В такой же степени, как и твое имя на твой характер. Какой прекрасный танец! Кажется, я никогда так не танцевала.

Леста повалил Магду на соседний свободный стол и целует ее.

Магда. Что это такое? Нас опять кто-то раскачивает?

Леста. Действительно! Мы ведь не на катере!

Раздаются вопли, истошные крики женщин. Пансионат содрогается. Небольшое затишье, и снова толчки. Уже ни у кого нет сомнений – это землетрясение. Слышен крик Арды. «Леста, быстрей вниз!» Топот спускающихся людей. В пустом баре вовсю играет невыключенная музыка. Со двора также доносятся вопли. Что-то падает, бьется посуда. Магда и Леста катаются по полу бара, в порыве страсти и не думая спасаться от землетрясения.

Утешенные любовью Леста и Магда лежат под столом в баре, с набережной слышен мегафон, через который даются указания туристам на английском, немецком, французском языках. «Срочно освободите все помещения, выключите электричество, закрутите краны и уходите подальше от зданий в сторону сосновой рощи!»

Леста *(пьяным голосом. Магда старается закрыть ему рот своей ладонью, но Лесте все-таки удается выкрикнуть).* Не забудьте взять противозачаточные средства!

Магда. Кажется, уже не трясет. Пошли на веранду!

Леста. Арда!

Берут с собой на веранду бутылку коньяка и стаканы.

Магда *(усаживаясь).* А море помрачнело.

Леста. И волны поднялись. Катера отошли от пристани. Ребята отчалили уже с девочками. Вот куда нам надо было.

Магда. Ради Бога. Нас и здесь неплохо качает.

Пронзительные звуки сирен ГАИ, голос в мегафон. «Освободите трассу! Примите вправо и прекратите движение!» Шум идущих на снижение вертолетов.

Леста *(многозначительно)*. Эвакуация начальства!

Магда. Качает опять.

Слышен шум прибоя.

Леста. Кажется, это уже море…

Магда. Ну да. Волны размывают набережную! Какой ужас!

Леста. Магда, а ты знаешь, наш город 2500 лет тому назад погиб и покоится на дне моря.

Магда. И назывался он Диоскуриа. Это каждый школьник знает.

Леста. Он тоже был построен и населен людьми, говорившими на разных языках. Страбон писал, что в Диоскурии торговые дела велись на 70 языках!

Магда *(иронично)*. Удачное время для прослушивания экскурсии.

Леста. Называй как хочешь – экскурсия, экскурс, ретро… А история повторяется. Мы сидим на Вавилонской башне!

Магда. Это тоже зловещая метафора?

Леста *(голосом пьяного прорицателя)*. Бог наказал людей. Строители исполинской башни перестали понимать друг друга, и громада, построенная разноязыкими гигантами, рухнула!..

Магда. Леста, уже свет отключили. Первый этаж заливает… Ты говоришь что-то интересное и философское, но я уже не в состоянии этого воспринимать… Я боюсь!

Пансионат вновь начинает трясти. Поднимается сильный ураганный ветер.

Леста *(схватившись за перила веранды, кричит в пьяном угаре навстречу ветру)*. Давай! Круши! Топи эти притоны! И нас вместе с ними!

Магда *(уводит Лесту)*. А куда я буду приезжать?

Леста. Ко мне домой. Думаешь, когда не было этих пансионатов, к нам никто не приезжал? Приезжали. И, уезжая, помнили, где они были. *(Обнимает Магду одной рукой.)* Приезжали в дом к человеку, а сейчас прилетел, заехал в номер, пожарился на пляже, выпил рюмку в баре, улетел. И для него весь мир – Гваделупа!

Грохот штормящего моря.

Магда. Настоящая буря!

Леста. Очистительный цунами. Бог не зря ведь устроил всемирный потоп.

Магда. Мы бы с тобой в ковчег не попали.

Леста. Разумеется. *(Здание содрогается, Леста снова кричит в приступе.)* Давай, круши эти бардаки к … матери! Ломай их, бей!

Магда и Леста стоят в воде. На них льет дождь. Слышен рев бушующей стихии. Дует ураганный ветер. Леста одной рукой обнимает Магду, в другой держит бутылку и истошно кричит. «Давай еще! Давай!..»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эпизод двенадцатый

Контуры недостроенного высотного здания, перед которым идет демонстрация протеста. Участвует в основном молодежь. Есть среди них и школьники старших классов. Выкрикивают лозунги. «Школы вместо пансионатов!», «Прекратить оккупацию побережья!», «Компенсируйте

экологический и культурный ущерб!». На плакатах и транспарантах. «Культуру вместо турбаз!», «Кто в тереме живет? И какая нам от него польза?», «Куда делись дельфины?», «Предотвратить экологическую катастрофу!». Появляется Зина, она выхватывает из демонстрантов выкрикивающего лозунги Гудису и оттаскивает в сторону.

Зина *(уводя Гудису)*. Некогда разбираться, пошли-пошли!

Гудиса. Я не могу бросить товарищей, тетя Зина! Это нечестно!

Зина. Пошли быстро, я объясню, в чем дело.

Гудиса. Что-нибудь случилось?

Зина. Конечно.

Гудиса. А что?

Зина. Если тебя хоть на одну ночь задержат – мать твоя помрет ведь. Вы ее в гроб загнать решили?! Ты соображаешь? Мужа убили. Один сын сидит. Другой советскую власть устанавливает. И где? Рядом с госдачей!

Гудиса. Мы перед пансионатом, перед стройкой.

Зина. Этого потом никому не докажешь. Дурачок ты! Вы ведь сначала прошли вдоль забора госдачи и затем только подошли к стройке. И что это ты на себя нацепил? *(На груди Гудисы транспарант «Верните нам море!»)*

Гудиса. Надо остановить строительство курортов! Надо спасать природу и море!

Зина. А нам с твоей мамой надо спасать своих неразумных детей. *(Шлепает Гудису ниже спины.)*

Гудиса. Я ненавижу эти многоэтажные чудовища! Из-за них мы остаемся без отцов и матерей, теряем братьев и сестер!

Зина. Ты мне повыступай! *(Тащит его.)* Мама твоя поехала к Беслану, а тебя поручила мне, я за тебя головой отвечаю.

Эпизод тринадцатый

Тюрьма. Комната свиданий. Леста ждет встречи с Бесланом. В смежной комнате, часть которой также видна нам, сидит поникшая Арда. Выпускают Беслана. Они с Лестой садятся за стол. Леста передает ему сверток.

Леста. Это сигареты. Деньги тебе можно давать?

Беслан. Можно.

Леста дает Беслану деньги, и он прячет их в ботинок.

Леста. *(оглядывая стены)*. Родная конура. Я тоже здесь бывал. Раньше это была камера… Не переживай, Беслан. И сколько раз затем я приезжал сюда к друзьям, товарищам! Какие были ребята! Дети репрессированных… троцкистов и прочих. Такие ярлыки нашим родителям лепили, что выговорить было трудно… и страшно. Один Батал не был безотцовщиной, и мы считали его счастливчиком. Всех ребят в расход пустили. Я один, получается, остался из одноклассников.

Беслан. Мама приехала?

Леста. Да. Боится тебя увидеть. Сидит в той комнате. Так, теперь о деле. Я нашел человека, который может твое дело раскрутить. Короче, ментов на тебя наслал и потерпевшую сделал целкой этот негодяй, начальник строительства пансионата. Он через тебя зацепил и твоего председателя, который насильнику и хулигану, то есть тебе, незаконно выделил участок для строительства дома. И прочая ахинея. Ведь и девка эта у него была пристроена. Может, он и сам с ней погуливал, не знаю. А ты со своим председателем Мыстабеем поперек его миллионов решили встать.

Беслан. А как дела у председателя?

Леста. С должности председателя его сняли *(иронично),* в связи с переходом на должность начальника каменного карьера.

Беслан. Короче, расправились.

Леста. А ты как думал! Теперь его организация поставляет щебенку на стройку пансионата, которую вы хотели остановить.

Беслан. И что, пансионат продолжают строить?

Леста. Конечно… Местные неформалы на сегодня намечали там демонстрацию протеста. Но кто их послушает! Будь неладен этот пансионат! И вот еще нашлась видеозапись, где твоя девственная потерпевшая прошлым летом содержательно проводила время с гудаутскими ребятами на Серой Бабе…

Беслан *(обрывая Лесту)*. Не смейте!

Леста. Дурак ты! Тебе шьют изнасилование девственницы, а ты оправдываться заподло считаешь!

Беслан. Смотря чем.

Леста. Тебя ведь сажает не она, а этот маньяк строительный. Он ее напугал, пригрозил ей. Подкупил эксперта, мерзавца Бухута, который за хорошие деньги даже моей покойной бабушке Маквале хоть сегодня даст справку. *(Издевательски протокольной интонацией.)* О недавнем нарушении девственности с признаками насилия.

Беслан. Деньги они взяли. И теперь будут стоять на своем. Будут защищать свою справку.

Леста. Но ведь он не единственный эксперт? Есть специалисты, которые могут доказать обратное

Беслан. Это очень сложно. Но в любом случае без всяких видеоразоблачений и унизительных для нее экспертиз!

Леста *(почти гневно)*. Не тебя ведь будут проверять!

Беслан. Неважно. Это унижает меня. Только она может

меня оправдать… если даст обратные показания и объяснит ситуацию. Ни видеозапись, ни даже суд, какое он ни вынес бы решение, – для меня ничего не значат. Единственное мое оправдание – ее признание.

Леста. Откуда ты взялся!!! *(Молчит некоторое время.)* Хорошо я поговорю… я вызову ее. *(Приходя в себя.)* Кажется, она неплохой человек.

Беслан. Мне тоже так кажется. Только не уговаривай ее, – говори, но не уговаривай… А как Гудиса?

Леста. Правды домогается. Наша порода!

Беслан. Как это?

Леста. С пацанами транспаранты пишут, митингуют против необдуманного строительства, за восстановление экологии! Боже, мы и слов таких не знали! Я ж говорил, что и сегодня перед стройкой пансионата должна проходить демонстрация.

Беслан. Там, за забором, говорят, идет строительство еще одной госдачи. Этим демонстрантам могут политику пришить.

Леста. И все законы сейчас так запутаны… Это как в карты – обанкротишься, пока усвоишь новую игру. Пока приноровишься к этим законам – жизнь пройдет. *(Поднимается.)* Ну, давай. Будь мужчиной.

Беслан. До свиданья. Спасибо, что приехал.

Долгое время никто не заходит. Беслан нервничает.

Беслан. Мама, ну заходи же!

У самых дверей комнаты свиданий раздается горький, сдавленный плач Арды. Она сидит на скамье, уронив лицо в подол. Беслан врывается в смежную комнату, старается успокоить мать, Арда ласкает его, кладет что-то в руки сыну.

Беслан. Что это?

Арда. Носи его на груди. Когда будет трудно, молись и думай обо мне.

Беслан. Я и так думаю о тебе… А ты ведь говорила, что нет Бога?

Арда. Есть, Беслан, есть! Если и его нет, то как же тогда! *(Плачет.)*

Беслан. Не отчаивайся, мама. Я вернусь и все поправлю.

Арда. Мою судьбу никто не поправит.

Беслан. Не может быть, мама!

Эпизод четырнадцатый

Ночь. Комната Арды.

Зина. Арда, ты не спишь?

Арда. Не получается.

Зина. И у меня.

Арда. Все равно ведь не спим. Давай кофе сварим.

Зина. Кофе среди ночи?

Арда. Хуже не будет.

Зина. Ну давай.

Арда вскакивает с постели. Включает электрокофеварку.

Арда. Одна минута – и кофе будет готов.

Зина. Слушай, вот думаю, год какой сумасшедший выдался. Было пекло, а затем каким землетрясением и штормом обернулось!

Арда. Кажется, прав Леста, когда проклинает эти наши притоны, в которых мы работаем. *(Разливает кофе в чашечки.)*

Зина и Арда садятся за стол в ночных рубашках. Пьют кофе.

Зина. А сигареты чего не достаешь?

Арда. Сейчас. *(Достает из ящика сигареты.)*

Зина. Мне говорила одна пожилая отдыхающая, что все это от солнцепека. Пятна какие-то на солнце. Активность большая. И все на людей действует.

Арда *(закуривая).* И землетрясение, и шторм. Курорт весь чуть не разнесло, чуть не затопило. Спаслись. А для чего? Чтоб эту гадкую жизнь продолжать!

Зина. И свекор твой, Раста, говорил, что солнце нехорошее. Старики все знают.

Арда. А ко мне недавно во сне Батал приходит и носовой платок свой протягивает, а платок весь в крови. Я его стираю и не могу выстирать. Он красный и все… Неспокойно что-то его душе.

Зина. Ты постарайся не думать об этом. Так ведь жить невозможно…

Арда. И другой жизни никто не даст.

Зина вдруг откладывает сигарету и вслушивается в ночь.

Зина *(тревожно).* Слышишь? Кричат где-то!

Арда. Действительно! *(Гасит сигарету).* Умер кто-то! *(Крестится.)* Царство ему небесное.

Зина. Это в стороне колхоза. Но там ведь только вагончики строителей стоят?!

Арда. А голосят по-нашему!

Зина. Вот именно! Беда какая-то! Давай, бежим!

Арда. Ни сна, ни покоя в этом Шанхае! *(Одеваются наспех и выбегают.)*

Эпизод пятнадцатый

Кое-как одетая ночная толпа стоит перед зданием строящегося пансионата. Несколько машин ГАИ с включенными «мигалками». Рядом стоит подъемный кран. На стене стройки плакат. «Сдадим пансионат досрочно!». Под плакатом висит труп мужчины с транспарантом на груди: «Верните нам море!». Милиция оттесняет толпу.

Голос в мегафон. Отойдите от стройки!

Женский вопль. Несчастный Леста! Несчастный!

Подъезжают легковые автомобили. Хлопают дверцы. Голосят подбежавшие Арда и Зина.

Некто *(спрашивает милиционера)*. Что случилось?

Милиционер. Пьяница какой-то повесился.

Некто. Повесился или повесили?

Милиционер. Сам.

Появляется Магда. В руках у нее диктофон, на шее фотоаппарат.

Магда *(агрессивно)*. Это не самоубийство. Его убили!

Милиционер *(иронично другому милиционеру)*. Она, кажется, перегрелась на пляже.

Магда. Конечно, удобно все списывать на солнце. И митинги, и убийства. Вы виноваты! Солнце тут ни при чем!

Милиционер. Вы откуда?

Магда *(озлобленно)*. Из Рязани!

Милиционер. Здесь фотографировать нельзя.

Магда. Это что, военный объект?!

Второй милиционер. Пройдемте, гражданка!

Магда. У вас есть ордер на арест?

Милиционер. Пока нет.

Магда. В таком случае стойте и выполняйте свои обязанности. А я никуда не уйду, пока Леста висит.

Милиционер. Вы знаете покойника?

Магда. Его здесь все знают. А если вы не знаете Лесту, значит, у вас надо спросить, откуда вы.

Второй милиционер. Может, вы будете свидетельницей?

Магда. Буду! Обязательно буду! Причем буду свидетельствовать не только о смерти Лесты, а обо всем, что здесь творится!

Милиционер. Отважная какая!

К Магде подходят Арда и Зина. Женщины плачут.

Голос в мегафон. Отойдите от стройки! Дайте пройти работникам из прокуратуры.

Милиционеры теснят толпу.

Зина *(тревожно)*. А эти откуда здесь взялись?

Арда. Ты о ком?

Зина. Вон там, видишь? Этот кровосос Фараон со своими дружками. Давно его не было в наших краях.

Арда. Мне что-то нехорошо. *(Прислоняется и дереву.)*

Магда. Что с тобой, Арда!

Арда. Ничего, бывает.

Зина *(дает ей таблетку)*. Положи под язык. Мне очень помогает.

Арда. Не надо. Обойдусь.

Магда *(глядит в сторону повешенного Лесты)*. Какой ужас! Как это он так?

Зина. Этот транспарант Гудисы.

Арда *(приходя в себя).* Леста отобрал его у Гудисы и сказал, чтоб он не ходил больше на демонстрации. А сам вот что сделал.

Магда. Что нам делать?

Арда. Его не отдадут родным, пока не произведут экспертизу. Вы дождитесь, когда его снимут, а мне срочно к свекру нужно. Дело есть неотложное.

Зина. Что случилось? Может поехать с тобой?

Арда. Не надо. Меня кто-нибудь подбросит. Машин здесь много. Доеду до Челюскинца, а там напрямик.

Зина. Там ведь по берегу сплошные дачи и санатории. Тебя не пропустят.

Арда. Постараюсь. Ты, пожалуйста, присмотри за Гудисой. Возьми его после школы на работу.

Эпизод шестнадцатый

Арда подбегает к массивным железным воротам. Стучит в будку. Выходит охранник.

Охранник. В чем дело?

Арда *(запыхавшись).* Пропусти, милый…

Охранник. Это зона Главного управления.

Арда. Знаю. Мне в село… здесь дорога есть напрямик.

Охранник. Здесь давно нет никаких дорог.

Арда. Ну пожалуйста! *(Кладет ему в карман деньги.)*

Охранник. Но там ведь санаторий ПВО.

Арда. Ничего, я их тоже попрошу.

Охранник. Только на меня не ссылайся.

Арда. Хорошо, миленький. *(Бежит.)*

Арда стучится в будку другого санатория. Выходит охранник.

Охранник. Что случилось?

Арда. Мне в село надо, к своим. Это вот здесь недалеко.

Охранник *(по акценту чувствуется, казак).* Вы соображаете, что говорите! Это территория ПВО МО!

Арда. Здесь село наше. Мне нужно срочно к свекру. Плохо ему, понимаешь! *(Кладет деньги в карман охраннику.)*

Охранник *(повеселев).* Беги, невестушка, авось живым застанешь. Только за нами ведь зона «Арсенала». Там крутой мужик на проходной. Черкес настоящий!

Арда подбегает к следующей проходной. Стучит в стекло.

Охранник *(выходит).* Стой! Кто идет?

Арда. Пропусти, миленький!

Охранник *(бдительно поправляя кобуру).* Пропуск!

Арда. Мне в село надо! Это здесь, рядом!

Часовой. Покажи пропуск! *(Говорит с местным акцентом.)*

Арда. Я своя, здешняя, отец! У меня свекр больной!

Охранник. Давай отсюда! Здесь не скорая помощь. Я на посту стою.

Арда *(умоляюще).* Ну будь ты человеком, пропусти!

Охранник. Домой приходи, если ты местная. Здесь я часовой.

Арда старается положить ему в карман деньги.

Охранник. Убери руки! Стрелять буду! Я деньги не беру.

Арда *(выходя из себя).* Какой герой! Землю из под тебя давно продали, а ты, видишь ли, денег не берешь! *(Старается пройти.)*

Охранник *(достает пистолет).* Стой, говорю!

Стрелять буду! *(Арда останавливается.)* Погоди, погоди! Ты Расты невестка, не так ли?

Арда. Да.

Охранник *(вновь суровo).* Иди назад!

Арда. Кто тебя только сюда поставил!

Охранник *(четко).* Начальник.

Арда. И ты счастлив?

Охранник. Доволен. И жена моя здесь работает.

Арда. Тоже на посту?

Охранник. Нет, у нее женская работа.

Арда *(ехидно).* Администратором?

Охранник. Нет. Посуду моет.

Арда. Замечательно. Мы все этим занимаемся. Ну что, пропустишь?

Охранник *(непоколебимо).* Нет! Вон там, если вдоль забора вниз спустишься, потом в овраг… Там есть перелаз через проволочное ограждение. И оттуда тропинка к вашему дому.

Арда. Бог с тобой! *(Уходит).*

Охранник *(примирительно).* Хорошо, проходи.

Арда. Не сто́ит. А то еще должности лишишься! *(Уходит.)*

Охранник *(покачав головой).* Гордая. В наше время так нельзя. *(Потягивается.)* Что ее в такую рань пригнало?

Эпизод семнадцатый

Старик Раста пробирается по утреннему лесу, прорубая себе дорогу сквозь колючки и кустарник. В руках у него топорик-цалда с длинным топорищем. За ним идет Арда.

Раста. Сад этой святыни считается огромным. Но сюда уже почти никто не ходит.

Арда *(следуя за ним).* Я его видела во сне, и он просил, чтоб я помолилась Богу на этой святыне.

Раста. И в такую рань прибежала. Я и сейчас не могу успокоиться. Не нравится мне это…

Арда. Мне не будет покоя, пока я не выполню его поручения.

Раста. А вот и он, знаменитый храм Ах-ных!

Раста и Арда останавливаются перед руинами храма. В нескольких местах видны полустертые лики святых. Раста вбивает цалду в ствол дерева, крестится и входит в руины. За ним следует и Арда. Они зажигают свечи.

Арда. Отец, я прошу твоего благословения! *(Падает на колени.)*

Раста *(испуганно).* Я не священник! Тебе надо в церковь.

Арда *(умоляюще).* Тех, кого я видела, не веруют в Бога, хотя и носят кресты. А вы веруете. И я вам верю! Вы не можете мне отказать.

Раста *(осеняет невестку крестным знамением и, подняв голову к небу, произносит молитву).* Господи, благослови невестку раба твоего. Дай ей терпения и благоразумия. Дай ей силы воспитать детей своих, наставить их на путь истинный. Не гаси света в глазах ее, дай испытать до конца радость материнства, видеть счастье потомства своего до окончания дней своих земных. И да будет на то всевышняя воля твоя! Аминь! *(Снова осеняет ее крестным знамением.)*

Арда. Бесконечна, Господи, власть твоя над миром. Не дай разорить гнездо наше, не дай погаснуть очагу нашему, заглохнуть роднику. Прегрешения родителей да не омрачат земной жизни их потомства. На тех, кто глумится над немощными, разоряет их святыни, обрати на них

гнев свой и воинство свое. Спаси и защити слабых. В этом сила и суть твоя – ныне, присно и вовеки веков. Аминь!

Эпизод восемнадцатый

В бар заходят четверо мужчин с манерами мафиози или гангстеров. Прикидывают, где им лучше сесть. За стойкой появляется Арда. Делает вид, что не узнает посетителей.

Арда *(строго).* Бар сегодня закрыт. Санитарный день.

Посетитель. Нас это устраивает. Можно посидеть спокойно, музыку послушать.

Арда *(узнавая).* Простите. Я думала, это отдыхающие… Своим можно все.

Посетитель *(тоном распорядителя).* Вот и договорились. Вруби-ка музыку… ну, и прочие атрибуты.

Арда. Пить что будете? Шампанское?

Посетитель. Шампанское пусть пьют блатные и пижоны. А нам, пожалуйста, коньяк.

Арда. Очень хорошо.

Посетитель. И закрой двери.

Арда. Разумеется.

Посетитель *(тоном удачливого совратителя).* Можно расчитывать и на дополнительное удовольствие?

Арда. Думаю…

Посетитель *(одобрительно).* Это по-нашему.

Арда включает видео с записями зарубежной эстрады. Одета она сегодня неожиданно нарядно и выглядит пикантно. Компания преступников заглядывается на нее. Они значительно переглядываются, словно Арда несомненно уже принадлежит каждому из них.

Посетитель *(подходит к стойке).* Можно мне взять эти бокалы?

Арда. Как угодно.

Посетитель. А ты к санитарному дню так приоделась?

Арда. Нет. У меня сегодня были свои планы.

Посетитель. Жаль, что тебе пришлось их изменить.

Арда. А мне – нисколько.

Посетитель. А ты мне нравишься… Хороша! *(Уносит бокалы.)*

Арда закуривает и кладет сигарету в пепельницу на звуковой колонке. Зажигает свечу. Крестится. Компания чувствует себя вольготно, пьет, курит, но ведет себя благообразно. Тот же посетитель заходит в подсобную комнату и делает попытку овладеть Ардой. Он достаточно настойчив.

Арда *(оттолкнув посетителя).* Потерпи немного, мужчина! Мне освежиться надо.

Посетитель. Только пошустрей. Я ждать не приучен.

Арда. Чем быстрей выйдешь, тем скорей я тебя сюда позову.

Посетитель *(уверенно).* О'кей!

Посетитель возвращается к дружкам. Говорит им что-то. Раздается смех. Вдруг свет в баре гаснет. Видеомагнитофон почему-то показывает какую-то любительскую ленту. Это многолюдное прощание с покойником. Плач женщин. Крупным планом двое плачущих подростков – Беслан и Гудиса. Компания понимает, что это запись похорон Батала.

Посетитель *(тревожно и громко).* Хозяйка, в чем дело?

Включаются мощные юпитеры, направленные на компанию Фараона. Свет слепит их в темном баре.

Голос Арды *(в звуковых колонках, с эффектом эхо)*. Вы окружены друзьями Батала. Не смейте шелохнуться. За каждое движение – четыре выстрела! Смотрите на свой стол!

Раздается выстрел. Со стола слетает со звоном сбитый бокал.

Голос Арды. Фараон! Ты убил Батала. Ты не дал ему дослушать песню. Пусть эта запись напомнит тебе, как все происходило. Батал знал, что его ждет. И когда вы его добивали, он включил магнитофон на запись, и звуки вашего погрома сохранились.

Раздается выстрел. Это один из посетителей выстрелил наугад в ту сторону, где могла стоять барменша. Между тем Арда уже давно стоит за тяжелой занавесью сзади ослепленной светом компании и держит в каждой руке по пистолету. Слышится песня «Озбакь», затем щелчок переключения. Раздается запись голоса Фараона: «Хватит шуметь! Кончай его!» В это время двумя одновременными выстрелами Арда попадает в двоих посетителей. Раздаются и ответные выстрелы. Арда падает под стол и стреляет оттуда. Магнитофон уже играет танцевальную музыку. Трое убиты. Раненый Фараон бежит к дверям и старается их открыть, Арда подходит к нему с неосвещенной стороны. Она истекает кровью, ранена. Поднимает двумя руками пистолет и расстреливает Фараона, сползающего по двери.

Арда достает платок, макает его в кровь убитого, пятясь, идет и кладет окровавленный платок на звуковую колонку рядом со свечой. Другим платком вытирает кровь со своего лица и также кладет рядом. Ее тошнит и шатает. Она падает. Достает зажигалку, подпаливает края занавесей. Начинается пожар. Арда с трудом поднимается. Ее душит дым. Ей слышится песня «Озбакь», рев

реактивного самолета, грохот морского шторма, выкрики демонстрантов, голос сына «Мама, это поправимо!», песенка «О море в Гаграх!», вопли сирен ГАИ и голос в рупор «Остановите движение!» – все это смешивается в ее сознании и громко звучит, превратившись в какафонию. На мгновение к Арде возвращается сознание, и она слышит снизу сигналы сирены. Подъехали пожарные машины. Голоса множества скопившихся людей.

Мегафон *(это голос Магды)*. Арда, дорогая, прыгай в бассейн.

Мегафон *(официальный голос)*. Приказываю прыгать в бассейн!

Весь бар охвачен пламенем. Арда стоит на маленьком пятачке.

Арда: Боже, как горячо!

Мегафон *(снова Магда)*. За мальчиков будь спокойна, Арда! Я их возьму!

Мегафон *(голос запыхавшейся Зины)*. Арда! Арда! Не смей! Тебе квартиру дали, Арда! *(Плачет.)*

Арда в предсмертной ярости, преодолевая муки, бросает с веранды высотного бара на набережную столы, стулья. И плачет.

Мегафон *(официально)*. Отойдите от здания!

Слышно, где-то взламывают двери, стучат. Шипят брандспойты.

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Баллада о смоковнице 3
Керосинщик Святого Георгия 21
Холм Тесмапра 25
Маэстро 36
Дарья 52
Кумир 67
Гудаутские постулаты 76

Султан чужбины (историческая повесть) 93

Пьесы

Али-бей 342
Солнцепек 439

ДЕНИС КИРШАЛОВИЧ ЧАЧХАЛИА

КНИГА ПРОЗЫ

"Абгосиздат", Сухум, 2021

Сдано в набор..... Подписано в печать.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная
Тираж 500